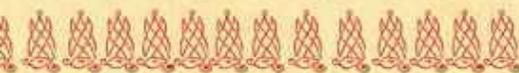
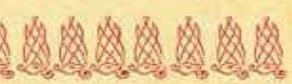

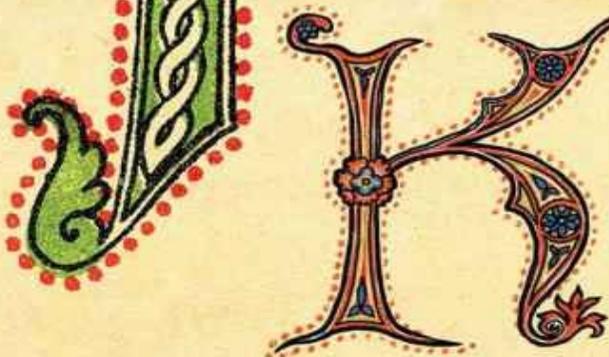
Бакли всегда был одним из лучших наших юмористов. Теперь же он решил расширить палитру и временной охват — и превзошел сам себя.

The Washington Times

СОБИРАТЕЛЬ **РЕЛИКВИЙ**

 ВЕЛИКВИЙ

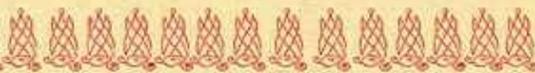
 РОМАН

 РИСТОФЕР

 БАКЛИ

Если по-голливудски, то «Собиратель реликвий» — это как смесь «Принцессы-невесты» и «Тринадцати друзей Оушена», только совершенно органичная.

Kirkus Reviews

Кристофер Бакли
Собиратель реликвий

Christopher Buckley
The Relic Master

© 2015 by Christopher Taylor Buckley

© В. А. Шумов, перевод, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Анне Спрингс Клоуз, с любовью

*Даже зуб собаки излучает свет для тех, кто
ему искренне поклоняется. Предмет поклонения
наделен силой...*

*Айрис Мердок. Море, море. Перевод
М. Лорие*

*При нынешней испорченности нравов тот
папа может считаться благонравным, который
не превосходит своей порочностью других...*

*Франческо Гвиччардини. История Италии.
Том 2. Перевод М. Юсима*

Рим, 2017 год

В папской гробнице XVI века обнаружен саван, «идентичный» туринской плащанице

Ватикан, 28 августа

При реставрации гробницы папы Льва X в римской базилике Санта-Мария-сопра-Минерва найдено полотно, поразительно напоминающее Туринскую плащаницу, которую многие считают погребальным саваном Иисуса Христа.

Находка обнаружена две недели назад, однако до сих пор от Ватикана не поступило никаких заявлений или комментариев, благодаря чему множатся разнообразные домыслы. Слух о находке разнесся незамедлительно, и теперь толпы паломников и любопытствующих осаждают обычно тихую базилику.

Источник в Ватикане, пожелавший остаться неизвестным, сообщает, что находка представляет «существенную проблему». Он также добавил, что остается неясным, как обнаруженный холст, обладающий удивительным сходством с Туринской плащаницей, попал в гробницу Льва.

Папа Лев X, представитель династии Медичи, скончался в 1521 году. Этот понтифик периода протестантской Реформации, согласно характеристике, данной ему в XX веке одним из исследователей, был «вальжен и ленив, как персидский кот». Из-за своей безудержной распущенности и порочности он не пользуется уважением представителей официальной церкви, а его ошибочная тактика в отношении протеста Мартина Лютера против продажи индульгенций послужила толчком движению Реформации, в результате которого Европа на полтора столетия погрузилась в пучину межконфессиональных конфликтов.

По сообщениям наших корреспондентов, папа Франциск выразил «крайнюю озабоченность» фактом обнаружения еще одной плащаницы в усыпальнице своего предшественника. Исторически позиция Католической церкви в отношении самой знаменитой христианской святыни всегда была двусмысленно-осторожной: подлинность плащаницы формально не признавали, но и не отрицали.

После того как в 1988 году результаты радиоуглеродного анализа

подтвердили, что Туринская плащаница изготовлена примерно в 1260–1390 годах, Ватикан официально объявил полотно подделкой, однако вместе с тем заявил, что плащаница тем не менее достойна почитания на правах «символа», и официально утвердил несколько приписываемых ей чудесных исцелений.

Несмотря на это, многие христиане продолжают считать Туринскую плащаницу подлинной, а результаты радиоуглеродного анализа ошибочными, и появление еще одной плащаницы, практически идентичной Туринской, представляет для них не меньшую проблему, чем для официальной Церкви.

Ватиканская Конгрегация по канонизации святых – подразделение Папской курии, занимающееся верификацией и охранением священных реликвий, – объявила сегодня, что поручает монсеньору Сильвестру Прангу (О. И.) «доскональное и тщательное исследование» так называемой плащаницы Льва X.

Член ордена иезуитов Сильвестр Пранг защитил докторскую диссертацию по клеточной и молекулярной физиологии в Йельском университете. По заявлению Ватикана, взять интервью у доктора Пранга можно будет после публикации отчета, ожидаемой в следующем году.

Часть первая

1. Базель, 1517 год

Дисмас, может, и прикупил бы фалангу святого Фомы, однако справедливо усомнился в продавце.

Начать с того, что запрашиваемая цена была непомерно низкой. Фаланга пальца, вложенного в рану свежевоскресшего Христа, запросто ушла бы за сорок, а то и за пятьдесят гульденов. Продавец же просил всего пятнадцать. Подозрения Дисмаса усилились, когда, обнюхав кость, он не учуял благоуханного аромата. Настоящие мощи непременно ласкают обоняние. И наконец, вопросы вызывал предлагаемый ассортимент: язык (цельный) Антония Падуанского, мирница с молоком Богородицы, камень из *scala santa* – лестницы Пилатова дворца, пучки соломы из *sacra incunabulum* – святых яслей в Вифлееме, а вдобавок – стружка с вериг святого Петра. Подозрительно широкий выбор.

Исходя из опыта, Дисмас был склонен больше доверять поставщикам, специализирующимся в определенной сфере. Например, на реликвиях времен Великого гонения. Или на *brandea* – предметах, находившихся в непосредственном контакте с членами Святого семейства. Реликвии, имевшие отношение к святой Анне – матери Непорочной Девы, нынче были особенно в ходу.

Самым же красноречивым свидетельством стало то, что, когда Дисмас, поблагодарив продавца, собрался уходить, тот немедленно сбросил цену до пяти гульденов. С каждым годом на Базельской ярмарке святынь подобное бесстыдство встречалось все чаще и чаще.

На Рыночной площади, у подножия новой Ратуши с ее прекрасными разноцветными аркадами, Дисмас огляделся. Вокруг бурлила торговля. Палаток и навесов тут было, наверное, триста с лишком.

Два соседствующих ларька рекламировали шипы Тернового венца. Дисмас улыбнулся про себя: не самое удачное расположение. В последние годы экспонентов значительно прибавилось, и торговцы размещались как могли. Предзакатный ветерок трепал флажки и зазывные холстины. На одной предлагался Спас Нерукотворный, на другой – убрус, еще на одной – стопа Магдалины (цельная). Цельные конечности всегда продавали с особой наценкой.

На северной стороне площади, у рыбных рядов, очень удачно расположилась жемчужина сезона – рыбацкая шаланда, принадлежавшая,

как уверяли, святому Петру в его доапостольские, галилейские рыболовные дни.

Положение Дисмаса в сообществе перекупщиков реликвий обеспечило ему доступ на закрытый показ. Начальная цена в три тысячи гульденов была экстравагантной, даже если бы артефакт был аутентичным, в чем Дисмас сильно сомневался. С лупой в руках он, к ужасу продавца, полез под днище, где и обнаружил поражения, типичные для личинок солонowodного древооточца. Отряхиваясь, он с укором посмотрел на продавца:

– Странно, не правда ли? Следы заражения морским древооточцем на пресноводном рыболовном судне.

Маклер прокашлялся и отвечал, что, видите ли, лодка немного постояла в Средиземном море, в Иоппии, перед тем как... эмм... быть погруженной на корабль до Марселя.

– Хм. Ну что ж, спасибо, что позволили взглянуть.

Досадно, думал Дисмас, лодка могла бы украсить двор Замковой церкви Виттенберга. Или клуатр Майнцкого собора. Покупатель-то для нее найдется. Какой-нибудь новоиспеченный богемский дворянин богато раскрасит ее и запустит в ров. Со временем она ему надоест, и его чада начнут разыгрывать на ней знаменитые морские баталии. В конце концов она прогниет и затонет, а хозяин станет говорить, что с самого начала сомневался в ее подлинности.

Размеру артефактов нынче уделялось все больше внимания. В прошлом году англичанин по имени Арнульф Тьюксберийский доставил в Базель аж три верблюжьих мумии, уверяя, что это те самые верблюды, на которых волхвы привезли в Вифлеем свои дары – смирну, золото и ладан. Дисмас тогда еще шутливо полубопытствовал, почему Арнульф не привез заодно и Путеводную звезду. Ситуация и вправду выходила за всякие рамки.

Который год подряд приезжает он на ярмарку святынь? Первый раз – в 1508 году. То есть почти десять лет назад. От этой мысли он почувствовал себя стариком, ибо, что ни говори, неумолимая арифметика подсчетов означала, что ему уже, увы, за тридцать.

Он вспомнил, как в первый раз стоял на этой площади, практически на этом самом месте. Палаток и балаганов тогда было вчетверо меньше. Кто бы мог представить такой бурный рост! Беспрецедентный взрыв популярности пришелся на 1513 год, настоящий *annus mirabilis*^[1], а последние четыре года оказались для Дисмаса почти до неприличия прибыльными. И все благодаря горячему желанию (а вернее – сладострастному вожделению) двух его главных заказчиков, стремящихся

во что бы то ни стало приобрести как можно больше реликвий.

Дисмас купил у разносчика жареную колбасу и кружку пива, отыскал тенистое местечко и сверился с перечнями заказов.

Перечень от Фридриха включал четыре дюжины позиций. Альбрехтов, как обычно, был намного обширней – почти три сотни. Альбрехт, хотя он ни за что бы в этом не признался даже Дисмасу, своему главному поставщику, всеми силами пытался обойти Фридриха, чья коллекция насчитывала свыше пятнадцати тысяч святынь. Дисмас вздохнул. Велико было искушение управиться с делом одним махом, ухнув весь бюджет Альбрехта в байдак святого Петра. В отличие от Альбрехта, перечень Фридриха, как и следовало ожидать, выдавал куда более разборчивого покупателя. Фридрих искал качество, Альбрехт – количество.

«Св. Варфоломей – челюстные фрагменты, зубы, фрагменты черепа (лицевая сторона)».

Фридрих был одержим святым Варфоломеем. Ненасытно. В его коллекции уже имелось более сорока мощей апостола, включая кожу лица целиком. Варфоломей проповедовал христианство, и за это его заживо освежевали по приказу армянского царя. Теперь апостольский эпидермис красовался в Виттенберге, в усыпанном драгоценностями ковчеге.

Касательно маниакальной страсти Фридриха к Варфоломею существовали разные теории. Одна объясняла это тем, что Варфоломей покровительствует переплетчикам, а Фридрих был известным библиофилом. Более дерзкая теория объясняла это снобизмом, ибо из всех апостолов Варфоломей был единственным благородных кровей, хотя никаких подтверждений этого в Писании Дисмас найти не смог. Порой, когда Фридрих был в подходящем расположении духа, Дисмас подтрунивал над ним по этому поводу.

В списке Фридриха присутствовала и святая Афра. С ней всегда было непросто, с этой Афрой. Фридриха она интересовала в рамках его текущего увлечения германскими святыми. Начинала она проституткой в римском храме Венеры – там, где ныне стоит Аугсбург. Потом приняла христианство. Когда она отказалась отречься от своего нового бога, ее увезли на остров посреди реки Лех, привязали к столбу и уморили дымом. Фридрих хотел заполучить ее мощи, потому что Афра была мученицей времен Великого гонения, устроенного Диоклетианом, а диоклетиана издавна была его страстью.

Дисмас редко предлагал Фридриху какую-то конкретную реликвию, если только речь не шла о чем-то крайне необычном или эффектном. Познания Фридриха в данной сфере были широки и академичны. Он начал

собирать святыни в 1493 году, во время паломничества в Святую землю, и всегда четко знал, чего хочет. К счастью для Дисмаса, хотел он немало. На сегодня его коллекция уступала лишь ватиканской, насчитывавшей порядка двадцати шести тысяч предметов. Но в том, что касается святынь, конкурировать с Ватиканом просто не имело смысла.

Тем не менее Дисмас подозревал, что Фридрих все-таки пытается конкурировать с Римом. Ну а в том, что Альбрехт конкурировал с Фридрихом, сомнений не было вовсе. В отличие от Фридриха, Альбрехт легко поддавался внушению, особенно если товар был, что называется, у всех на слуху. Когда в моду вошли славянские мученики IV века, Альбрехт срочно откомандировал Дисмаса прочесывать побережье Адриатики, с тем чтобы полностью захватить новый рынок. Фридрих же был выше этих суетливых метаний. Фридрих сам задавал тон.

Дисмас вернулся к перечню.

Святая Агата, покровительница кормилиц. Молодая и красивая сицилийка, девственница, которую возжелал римский консул. (Невзрачным христианкам, которых никто и никогда не домогался, невероятно повезло.) Агата дала консулу от ворот поворот и была предана в руки палачей. Ей отрезали груди, которые чудесным образом выросли снова. В ярости консул приказал зажарить ее на углях. Фридриху хотелось заполучить сосок, но за недоступностью сгодилась бы и любая другая часть Агаты.

Потратив месяцы на поиски, Дисмас доложил Фридриху, что предложение сосков Агаты нулевое. Однако ему удалось обнаружить оплавленное золотое колечко, которое, как утверждалось, было у нее на пальце, когда она приняла свой ужасный, но святоносный конец на мангале в Катании, в лето двухсот пятидесятое от Рождества Христова.

Что же до святой Афры, с ней тоже пришлось порядком повозиться. В конце концов удалось обнаружить фрагмент ее пателлы. Учитывая, сколько сил и времени потратил Дисмас на исполнение этих двух заказов, можно было запросить комиссионные больше обычных. Но Дисмас не стал этого делать, хотя запросто выставил бы тройную цену на заказ, поступивший от Альбрехта.

Дисмас сверился с перечнем Альбрехта. Оружие. Альбрехт был падок до ножей, кинжалов, топоров – словом, до всего, что использовалось для причинения святых мук. Одним из его главных сокровищ был молоток, которым приколотили к кресту стопы и кисти Иисуса.

Артикул: «Маврикий – меч». Тот самый меч, которым усекли голову святого Маврикия – Фивейского легионера. Во время карательной операции против взбунтовавшихся гельветов полководец приказал своим

солдатам принести жертвы римским богам. Маврикий и другие новокрещенцы из числа легионеров воздержались. Командир приказал устроить децимацию – казнь каждого десятого легионера. Не самый эффективный способ поднять боевой дух в разгар кампании. Когда новокрещенцы снова отказались, децимацию провели повторно. После третьего отказа полководец приказал перебить весь легион.

Найти меч было непросто, но Дисмас был в добрых отношениях с одним торговцем из Санкт-Галлена, который сообщал ему, что, возможно, удастся раздобыть, по крайней мере, обломок крыжа.

Дисмас двинулся дальше по перечню Альбрехта. Как – опять? Да, так и есть, еще одна стрела святого Себастьяна. Альбрехт питал особую слабость к вероотступникам из числа римской солдатни. В этой категории святой Себастьян был образцом совершенства и правил безраздельно. Вдобавок он состоял в Преторианской гвардии – личной охране императора Диоклетиана. С Себастьяном получилось забавно, ибо расстрельную роту лучников он как раз и пережил. Возможно, они сжалились над ним и целились мимо жизненно важных органов. А когда император узнал, что его бывший телохранитель по-прежнему жив (хоть и основательно перебинтован, надо полагать) и продолжает христианские богослужения, он в бешенстве приказал рубить того на куски, пока не помрет окончательно и бесповоротно, а потом бросить в Большую Клоаку – римский сток для нечистот. Себастьяновы стрелы всегда пользовались спросом, и не только у Альбрехта. За годы своей карьеры охотника за святынями Дисмас видел их столько, что хватило бы на всю римскую армию.

Дальше в перечне стоял предмет, которым некогда бряцал еще один римский вояка. Копье Судьбы. Дисмас вздохнул.

Раз за разом он терпеливо втолковывал архиепископу, что «единственное и истинное» Копье Судьбы достать попросту невозможно. Да, лавки торговцев реликвиями ломились от «единственных и истинных» копий судьбы – их были десятки, сотни. Однако, как Дисмас уже отмечал, наконечник того самого копья, которым с наибольшей долей вероятности был проколот бок Христа, находится в подземелье собора Святого Петра. В Риме. С 1492 года, когда константинопольский султан Баязид подарил реликвию папе Иннокентию VIII, дабы несколько умалить склонность понтифика к Крестовым походам. Дисмас сказал Альбрехту, что нет ни малейшей надежды, что Лев X – нынешний папа – согласится расстаться с таким сокровищем. С другой стороны, зная Льва, есть шанс, что он может согласиться на продажу копья. Но заломит астрономическую цену. Все это

Дисмас объяснил Альбрехту, но тот в ответ лишь выразил сомнение в том, что ватиканское копьё – это действительно настоящее Копьё Судьбы. Иначе говоря, добудь мне копьё, любое копьё.

В Базеле Дисмасу за неделю предложили по меньшей мере десять «единственных и истинных» копий судьбы. За одно из них просили всего двадцать пять гульденов. Какой вздор. Дисмас слишком уважал себя, чтобы пойти на такое, даже ради соблазнительной возможности раз и навсегда вымарать Копьё Судьбы из перечня Альбрехта.

За годы торговли реликвиями Дисмас ни разу не купил и не продал ни одной заведомой подделки. Разумеется, имея дело с реликвиями, невозможно быть абсолютно уверенным в провенансе. Никогда доподлинно не знаешь, действительно ли перед тобой большой палец святого Контумация Сурского или железный прут от жаровни, на которой заживо запекли святого Лаврентия. Остается лишь блюсти профессиональную честь и отвечать самому себе на определенные вопросы. Источает ли реликвия благовоние? Прошла ли она ордалию? Приносила ли чудесные исцеления? И наконец, позволил ли сам святой ухищение своих мощей из предыдущей обители, в профессиональной среде называемое «перенесением»? В этом была своя логика. Святые живы духом и после смерти. Ни один из них не допустит, чтобы его мощи были перенесены из одних рук в другие, если сам не пожелает такого перенесения.

Весьма полезным было знать, насылал ли святой наказание за неуважительное обращение с его мощами. Именно так поступил, к примеру, святой Амфиан: он наслал паралич на молодую женщину, которая присела помочиться у его гробницы. Ей пришлось сидеть в унижительной позе до тех пор, покауда весь город во главе с епископом не вымолил у святого прощение.

Таким образом, любому уважающему себя охотнику за святынями оставалось полагаться лишь на собственные здравомыслие и добропорядочность. И как это ни прискорбно, в последнее время расплодилось жулики, шарлатаны, искатели и торговцы с самыми сомнительными репутациями. Прибыло их сверх всякой меры и здесь, в Базеле.

Дисмас поделился своей печалью с мастером Шенком – главным распорядителем ярмарки святынь. Шенк согласился: да-да, разумеется, все это весьма прискорбно. И предложил Дисмасу, благо тот пользовался уважением среди коллег, выступить на эту тему перед участниками ярмарки. Шенк пообещал все организовать. Дисмас сможет поделиться

своими тревогами с другими маклерами и торговцами в заключительный день ярмарки, во время прощального приема, между стаканчиком вина и сырной закуской.

Хитрец Шенк хлопнул Дисмаса по спине и улыбнулся. Блестящая идея.

Дисмас остался один, мысленно сокрушаясь, что позволил загнать себя в ловушку. Выступать на тему профессиональной этики? Перед этим сборищем? С тем же успехом можно проповедовать целомудрие в борделе. Но делать было нечего.

Дисмас уныло поплелся в сторону Ратуши.

– Дисмас?

– Маркус! Ты ли это?

Они обнялись так крепко, как обнимаются только мужчины, которым довелось сражаться плечом к плечу. Их последней совместной битвой стал разгром под Чериньолой, где они дрались на стороне французов. Испанцы уступали им в численности, но принесли на поле брани нечто новое, ужасное и шумное под названием «порох».

Когда все было кончено, из отряда в девяносто бойцов уцелело лишь шестнадцать человек, включая Дисмаса и Маркуса. Трупы их товарищей остались лежать посреди поля, провонявшего гарью и пропитанного кровью. Доспехи погибших были странным образом изрешечены, из дыр сочилось. Дисмас счел это знамением близящегося конца света, оставил карьеру наемника и принял постриг в первом же монастыре.

– Как тебя сюда занесло? – воскликнул Дисмас. – Надеюсь, не мощами промышляешь?

– Боже упаси! – скривился Маркус. – Помогаю одному толстозадому банкиру охранять его золотишко. А после этого с меня хватит. Поеду домой. В кантоны. Деньжат-то поднакопил. Найду там себе краснощекую девку с большими титьками и ляжками белее сливок.

– Для этого дела ты уже староват, – рассмеялся Дисмас.

– Староват? Да у меня болт крепче арбалетного! А ты-то что тут делаешь? – Маркус оглядел старого друга с головы до ног и сказал с подозрением: – Выглядишь не бедно. Признавайся-ка, кого пустил по ветру? Боже милостивый, только не говори, что заделался одним из этого отребья! – Он показал себе за спину, на толпу торговцев мощами.

– Именно. И буду тебе признателен, если ты не станешь называть меня отребьем. Я порядочный человек.

– Порядочный! Коробейничаешь щепой Креста Господня? Молоком Богородицы? Отвечай, сколько ты выручил за свою бессмертную душу?

– Посмотрите на этого сторожа золотой кубышки! Я человек

уважаемый.

– погоди, ты ведь подался в монахи...

– Было дело. График работы не устроил.

– Ну ладно, – сказал Маркус. – Я готов слушать твои рассказы, но выпивка за твой счет.

– Слушай, мне тут в одном месте надо речугу толкнуть. Давай встретимся позже. Выпивку я обеспечу. Как обычно. Потому что уж твои-то рассказы можно слушать, только основательно надравшись.

– Речугу толкнуть? Перед этим сбродом? О чем ты собираешься им вещать? О методах разграбления могил?

– Представь себе, о реформе. В нашем деле. Про которую они слушать не захотят. Может, тебе есть смысл пойти со мной, сегодня мне охрана не помешает.

– У меня есть чем заняться, кроме как слушать твою нагорную проповедь. Давай до вечера. «Красный боров». Рядом с башней Святого Альбания.

Настроение Дисмаса заметно улучшилось, однако радость быстро испарилась, когда он вошел в шумный и душный зал, где галдели сотни торговцев реликвиями. Мероприятие было закрытое, вино и пиво лились рекой.

Шенк завидел его и подошел. От частых и неумеренных возлияний лицо распорядителя ветвилось красными прожилками, словно спелое яблоко. Он был в прекрасном расположении духа: объем сделок в этом году снова вырос, побив прошлогодний рекорд. Шенк постучал молотком, чтобы утихомирить собрание, похвалил присутствующих и объявил, что ярмарка прошла успешно и что ему приятно находиться среди стольких старых и новых друзей. «От этих новых друзей одни неприятности», – подумал Дисмас.

Затем Шенк заговорил о большой ответственности, которая лежит на представителях сообщества.

– И вот именно на эту тему перед нами выступит одна небезызвестная персона, и даже не персона – персонаж! – фыркнув, произнес он и довольно захрюкал над собственным остроумием. – Персонаж, которого все хорошо знают, уважают и ценят повсеместно, а особенно там... – Скрючив большой палец, он потыкал за спину, на север.

Дисмас шагнул вперед, надеясь положить конец этим разглагольствованию, но благодущие Шенка, подогретое вином, было неукротимо. Он продолжал заливаться про «Дисмаса-персонажа, Дисмаса-

легенду, поставщика святынь ко двору его преосвященства архиепископа Бранденбургского и Майнцского Альбрехта, поставщика святынь ко двору курфюрста Саксонии Фридриха Мудрого, а до этого – Дисмаса-бойца из числа швейцарских наемников-райзляуферов».

– Поэтому сердить его не советую, иначе он отрежет вам яйца! – предупредил Шенк.

– Я сейчас тебе яйца отрежу, если не заткешься и не сядешь на место, – сказал Дисмас под раскаты смеха.

Однако же Шенк не унимался, продолжая потчевать собрание рассказами о том, как Дисмас начинал свой путь в ремесле, о его пребывании в Святой земле, о том, как он стал первым, кому удалось раздобыть скелет одного из младенцев, умерщвленных солдатами Ирода, причем с полным набором косточек. Слушатели негромко переговаривались и уважительно кивали.

– Этот скелет находится теперь в коллекции Фридриха в Виттенберге, – добавил Шенк и перешел к годам, проведенным Дисмасом в катакомбах под Римом. – Этот кашель! Вы слышали, как он кашляет? – Шенк воспроизвел кашель Дисмаса. – Это кашель римских катакомб!

Одобрительный гул, аплодисменты.

Не выдержав, Дисмас положил руку Шенку на плечо:

– Я считаю, наш старина Шенк – самая истинная реликвия на ярмарке.

Смех в зале.

– Внимание, – сказал Шенк, – сейчас нам прочтут назидание, поэтому наполните-ка поскорей стаканы и прикройте руками уши!

Дисмас понимал, что нет никакого смысла рассказывать про этические аспекты ремесла пьяной ораве с кошельками, полными гульденов. Лучше всего просто сказать...

– Итак, коллеги, год у нас с вами выдался хороший, поэтому предлагаю за это и выпить. Но в будущем давайте хотя бы попытаемся, хоть самую малость, помнить о том, что призвание у нас особое, по сути – сакральное призвание, так что...

Перед ним простиралось море стекленеющих взоров.

Дисмас с трудом выдавливал из себя слова:

– Как братство профессионалов, мы... мы... – (На него таращились пьяными глазами.) – Словом, мы должны блюсти определенные стандарты, вот и все.

Тишина. Недоумевающие взгляды. Господи, о чем он вообще?

Дисмас втянул в себя воздух:

– На этой неделе я видел несколько артефактов, которые, если говорить

откровенно, не отвечают самым высоким стандартам.

– Если ты так трясешься над своими стандартами, то что можно сказать про твоего Тецеля? – крикнул кто-то из толпы.

Одобрительный рокот голосов.

– Это не мой Тецель, – ответил Дисмас. Тецеля он ненавидел всей душой, но тут надо было аккуратно подбирать слова. – Можете взять его себе.

Кое-где в зале раздались смешки. Торговля индульгенциями волновала всех.

– Он работает на твоего архиепископа Альбрехта!

Дисмас примирительно воздел руку:

– Мой Тецель? Мой Альбрехт? Дружище, что прикажешь делать мне, если архиепископ Майнцский нанимает брата Тецеля, чтобы тот продавал для него индульгенции? Я всего лишь торговец мощами, как и вы. Мощи привлекают паломников. Паломники приносят деньги. Это наш бизнес, мы сами его выбрали.

– Вот и славно! – выкрикнули откуда-то. – Но если угодно читать мораль на тему стандартов – читай ее Тецелю.

– Читать мораль? Монаху-доминиканцу?

Смех.

– Не он ли заявлял, что его индульгенции вызволят из чистилища любого, даже того, кто посягнет на Непорочную Деву?

Все притихли. Мысль о плотских утехах с Богородицей возымела отрезвляющее действие.

– Если Тецель говорил что-то подобное, то ему самому нужна индульгенция, – ответил Дисмас. – А мне срочно нужна выпивка, пока вы, засранцы, не вылакали все до капли.

Человек, приставший к Дисмасу с расспросами, проводил его до дверей. Выяснилось, что его зовут Витранелли, он родом из Милана и специализируется на минеральных реликвиях: кусочки Крестного пути, по которому Иисус шел на смерть, камень, на который Он наступил перед тем, как вознестись на небо, булыжники, которыми побивали святых... В почтительной манере Витранелли объяснил, что допытывался не из дерзости, а лишь потому, что мастер Дисмас наверняка не станет отрицать, что торговля индульгенциями по всей Европе и особенно в Бранденбурге – возмутительна.

Миланец казался добрым малым. Дисмас ответил ему, как один профессионал – другому.

– Поверьте, меня тошнит от Тецеля. Но что я могу сделать? Он работает

на Альбрехта. Альбрехт – мой заказчик. Важный заказчик. Вы читаете своим заказчикам нотации касательно их работников?

Витранелли пожал плечами, как типичный миланец:

– Меня беспокоит, что Тецель погубит всю нашу торговлю. Рано или поздно кто-нибудь скажет: «Довольно! Настало время выгнать меня из храма, почистить конюшни...» И что тогда с нами со всеми будет?

Дисмас кивнул. Сам он все это понимал. Другой его важнейший заказчик, Фридрих Саксонский, считал омерзительным бесстыдным сбыт индульгенций Альбрехтом и Тецелем. Фридрих не позволил Тецелю заниматься торговлей на саксонской земле, но Тецель открыл лавочку в двух шагах от границы. Фридрих пришел в бешенство, но поделаться ничего не смог: Тецель, действуя на территории Бранденбурга, находился под протекцией Альбрехта.

Витранелли выразился в том смысле, что Фридрихово «омерзение» есть не что иное, как зависть под маской напускного благочестия. Папа Лев издал буллу, дающую Альбрехту право торговать индульгенциями (разумеется, половиной выручки следовало делиться с Римом). Помимо того, булла аннулировала продажу индульгенций на всей остальной территории Священной Римской империи, включая и земли Фридриха. Теперь, чтобы выкупить себя или близких из чистилища, необходимо было приобрести индульгенцию именно у Альбрехта. Тем не менее все остальные, и Фридрих в их числе, продолжали продавать индульгенции, однако их индульгенции, не имея официальной санкции Рима, считались совершенно бесполезными. Это тот еще бизнес!

Дисмас признал справедливость замечания синьора Витранелли касательно продажи индульгенцией Фридрихом, как ни больно было соглашаться с уроженцем Милана в дискуссии об этике. Он обратился к нему доверительным тоном:

– Вам наверняка известна сложившаяся ситуация. Бранденбурги, семейство Альбрехта, жаждут власти. Как можно больше власти. Они пытались вытребовать архиепископский чин для крошки Альбрехта, но Альбрехту тогда было всего двадцать три, слишком нежный возраст согласно каноническому праву. И что же? Они все-таки получили папское произволение в обход церковного устава! Но такое произволение, – продолжал Дисмас, – стоит кучу денег. Поэтому они отправились к аугсбургскому банкиру Якобу Фуггеру. Фуггер ссудил деньги. Произволение было приобретено. Потом появилась возможность прикупить Майнцское курфюрство. Это уже серьезная власть – место одного из семи князей-выборщиков Священной Римской империи,

решающих, кто будет императором. Желая заполучить и этот титул для крошки Альбрехта, Бранденбурги снова отправились к Фуггеру за золотишком. На этот раз им понадобилась двадцать одна тысяча золотых дукатов. И теперь Альбрехту нужно продавать индульгенции, причем продавать помногу и ударными темпами, чтобы расплатиться с Фуггером по ссудам. В результате появился брат Тецель со своим балаганом. Предполагалось, что папа римский употребит свою половину выручки от продаж индульгенций Альбрехтом на перестройку собора Святого Петра, в мраморе и с огромным куполом. – Дисмас улыбнулся. – Но как у вас в Милане, так и у нас здесь всем прекрасно известно, что у папы есть и другие статьи расходов: любимый слон-альбинос Ганно, охотничьи виллы, банкеты, увеселения и сопутствующие им улады плоти, рядом с которыми Петрониев «Сатирикон» покажется великопостным затворничеством. В итоге – все работают на Фуггера.

– Который германец, – заметил Витранелли с ноткой триумфа в голосе.

– Да, германец, – согласился Дисмас. – Я и не утверждаю, что корыстолюбие – исключительно итальянская черта. Но имел ли это в виду Господь, говоря «ступайте и множитесь»? – Он пожал плечами. – Это уже вопрос для богословов, а не для зачуханного торговца костью вроде меня.

Синьор Витранелли с улыбкой признал, что, несомненно, пути Божественной благодати не доступны людскому пониманию. Придя к этому выводу, собеседники снова наполнили стаканы и выпили.

– А что касается германского стяжательства, – сказал Дисмас, – то, разумеется, у них есть Фуггер. Да, Фридрих являет свои реликвии публике. Да, люди платят деньги за честь поклониться им. И покупают индульгенции. И убеждают себя в том, что это сократит их пребывание в чистилище. Но деньги, которые Фридрих зарабатывает на индульгенциях, он тратит на строительство университета и замковой церкви, а не на слонов и банкеты. Университет же стоит того, чтобы на него взглянуть. И вот что я вам скажу, синьор: и Фридрих, и остальные правители германских земель с каждым днем все с большей неохотой отправляют свои гульдены и дукаты на другую сторону Альп, папе Льву Десятому, чтобы помочь тому рассчитаться за весь его мрамор.

– А много у Фридриха реликвий?

– Тысяч пятнадцать. Возможно, больше.

Витранелли состроил уважительную мину:

– Солидный заказчик. А у вас ведь еще и второй есть!

– Я не жалуясь. Они оба очень разные. Для Альбрехта реликвии лишь способ извлечения выгоды. Фридрих же любит святыни ради святынь. И

когда я разыскиваю для него что-то, я... – Он расплылся в улыбке. – Я не люблю слово «миссия»; поверьте, три года в Святой земле кого хочешь от него отучат. Просто, когда я ищу что-то для Фридриха, у меня возникает какое-то благостное чувство... А с Альбрехтом все иначе... Я не знаю, как это объяснить. Я пьян, коллега.

Витранелли поднял кружку:

– За святые косточки.

– За святые косточки, – повторил Дисмас под стук олова.

А потом отправился в «Красный боров», разыскивать Маркуса.

2. Рейн

Из Базеля Дисмас двинулся в Майнц. Он предпочел бы поехать сперва в Виттенберг, через Нюрнберг, и таким образом навестить своего друга Дюрера, провести приятный вечерок-другой в любимом борделе «Сады Эдема», выспаться в собственной постели, а потом продолжить путь в Виттенберг, ко двору Фридриха, но Альбрехту не терпелось как можно скорее пополучить свои приобретения, о чем он известил Дисмаса. Так что сначала пришлось отправляться в Майнц.

Путешествие вниз по Рейну было не особенно утомительным, если бы не бесконечная череда самозванных сборщиков дорожных податей, требовавших плату. Дисмас зафрахтовал ялик с просторным грузовым отделением и нанял четырех коренастых гребцов-швабов: в это время года воды в реке мало и течение не такое шустрое. Маркус согласился составить Дисмасу компанию. Что ж, человек с его навыками в дороге никогда не помешает. Если попутный ветер продержится, а швабы не станут отлынивать, то не пройдет и недели, как они будут в Майнце.

Под конец первого дня пути Дисмас и Маркус сидели на юте и смотрели на восточный берег. Солнце все еще заливало бронзовым светом прибрежную листву, за которой темнела хвойная чащоба Шварцвальда.

– Нужно было все же купить Петрову плоскодонку для твоего архиепископа, – говорил Маркус, протирая арбалет промасленной ветошью. – Тогда не пришлось бы нанимать это корыто.

Дисмас хмыкнул:

– Вряд ли архиепископу понравились бы морские черви.

Маркус с помощью краникена натягивал тетиву арбалета.

– Было время, – сказал Дисмас, – когда ты взводил его не кряхтя, будто старый дед с недельным запором.

– Заткнись и правь своей шлюпкой, умник.

Маркус продолжал крутить ручку краникена. Тетива натягивалась, пока не вошла в зацеп ореха. Дисмас хорошо помнил этот арбалет. Маркус не желал расставаться с любимым оружием. Под Чериньолой, перед тем как испанские аркебузиры открыли огонь и все понеслось в тартарары, именно из этого арбалета он сделал воистину чудесный выстрел через все поле, засадив болт прямехонько в прорезь забрала капитану испанских кавалеристов. Между прочим, капитан на всем скаку несся в атаку!

Помимо того, Маркус был чрезвычайно ловок и проворен с

перезарядкой. Не успеешь и сосчитать до пятидесяти, как он уже посылал в цель три болта. С пикой и алебардой у него тоже получалось неплохо. И с палицей, и с топором, и с мечом. Да и вообще с любым оружием – Дисмас видел его в деле.

– Надеюсь, в отличие от дряблых жил, с глазами у тебя пока все хорошо? – спросил Дисмас, привычно подтрунивая над приятелем.

Маркус вскинул арбалет на плечо и направил его в сторону восточного берега, в половине фурлонга от лодки. Дисмас не мог разглядеть, куда именно он целился.

Маркус надавил на спусковой рычаг. Тетива со щелчком высвободилась. Болт, свистнув, понесся вперед. Спустя миг металл ударил по древесине, послышались голоса. Маркус опустил арбалет и самодовольно ухмыльнулся. Дисмас повернул руль к берегу, в направлении выстрела.

Показался маленький рыбацкий поселок с церквушкой. Голоса становились все громче. Кучка селян стояла на берегу, потрясая кулаками и инструментом. Немного погодя Дисмас повернул лодку бортом к берегу. Причаливать к толпе разгневанных пейзан не было смысла. Он приказал швабам сушить весла, но не расслабляться.

Теперь можно было разобрать, что кричали с берега. Их обзывали чертями, исчадьями ада, богохульниками, жидами.

– Маркус! Что ты натворил?

Маркус указал на часовню. Сперва Дисмас ничего не понял. А потом разглядел:

– О господи!

Арбалетный болт торчал в центре деревянного креста на крыше часовни. Точно посередине, на пересечении вертикали и поперечины.

– За работу, – приказал Дисмас швабам. – Живо.

Селяне бежали вдоль берега и швырялись камнями. К ним присоединился и священник.

Дисмас выправил на середину реки. Крики постепенно затихли. Опускались сумерки.

– Кто там насмехался над моим зрением?

– Ты греховодник. Как можно выбрать церковь в качестве мишени?!

– Заметь, с движущегося судна.

– За святотатство отправляют на костер. Чего ради ты такое удумал?!

– Ну а тебе-то что? Ты в этих краях важная птица.

– Я официальный поставщик святынь ко двору архиепископа Майнцского и Бранденбургского. Как ты думаешь, что он скажет, когда

услышит, что по пути к нему я стрелял по церквям из арбалета?

Дисмас продержал швабов на веслах затемно. Швабы ворчали и требовали приплаты.

На ночь они встали на якорь у западного берега. Съели холодный ужин из колбасы, сыра и хлеба. Потом Дисмас и Маркус лежали на палубе, накрывшись медвежьими шкурами, передавали друг другу бутылку бренди и смотрели в ночное небо.

– Я не особо религиозен, – сказал Маркус.

– Я заметил.

– А ты превратился в набожную старуху. Не хватает только черной шали и четок на шее.

– Раньше ты был богобоязненной. Всегда, бывало, перекрестишься перед сражением. И во фляжке у тебя была святая вода. Однажды ты ее даже выпил.

– Так ведь жажда мучила!

– Все равно это кощунство. Ничего удивительного, что ты докатился до стрельбы по церквям.

– Теперь в моей фляжке бренди.

Они молча смотрели на звезды.

– Моя богобоязнь осталась под Чериньолой, – вздохнул Маркус.

– Отринуть Бога из-за пороха?! Да Господь с самого Сотворения мира, в мудрости своей, поставляет нам средства для взаимного истребления: ослиные челюсти, пращи, мечи, арбалеты... Так почему вдруг не порох? Может, Господу просто не терпится, чтобы мы как можно скорее перебили друг друга. И тогда настанет конец света. Да и Всевышнему меньше забот – не надо нас убивать.

– Ты когда-нибудь читал Библию?

– Да, конечно. На латыни. Ну, кое-какие места.

– А что делать тем, кто не знает по-латински?

– Так ведь священники рассказывают, о чем написано в Библии.

– А почему у нас не может быть Библии на немецком?

– Ну, потому что ни Моисей, ни Иисус, ни остальные по-немецки не говорили.

– Ну и хрень же ты несешь, Дисмас.

– Да не знаю я, черт возьми, почему нам не разрешают Библию на родном языке. Должна же быть какая-то причина. А, пусть в этом богословы разбираются. И вообще, Маркус, стрелок-то ты хороший, но дремучий ужасно.

– Ладно, доктор богословия, тогда объясни-ка мне про эти

индульгенции.

– Ну, тут все просто. Индульгенции позволяют сократить срок, назначенный нам в чистилище после смерти. Купить их можно у Церкви. За один дукат, в зависимости от текущего рыночного курса, тебе скидывают, скажем, пятьдесят лет в чистилище. Покупать индульгенции можно как для себя лично, так и для своих близких. Что тут непонятного?

Маркус покачал головой, а Дисмас продолжал:

– И с реликвиями так же. Если поклониться определенной святыне или совершить паломничество, то тоже получаешь индульгенцию. Когда нет денег на покупку индульгенции, можно совершить паломничество. Или отстоять, например, пятьдесят месс. Да что угодно. Неужели не понятно? По-моему, Церковь придумала очень толковую и полезную схему.

– Что ж, читатель Библии по-латински, ответь мне на такой вопрос, – сказал Маркус. – Где в Библии описана эта твоя схема получения денег от запуганных верующих? Что, сидели как-то Иисус с апостолом Петром, а Иисус вдруг и говорит: мол, запоминай, как добывать финансы на содержание моей Церкви. Если к тебе придет человек и скажет: «Я согрешил», отвечай: «Ничего страшного! Дай мне дукат, и я скошу тебе пятьдесят лет в чистилище». Так, что ли?

Это заявление Дисмас счел весьма неблагочестивым. С другой стороны, он никак не мог вспомнить, где именно в Новом Завете Иисус излагает принципы продажи индульгенций. Но где-то об этом непременно должно говориться.

Маркус продолжал изливать свои претензии:

– Почему тех, кто хочет перевести Библию на наречие, понятное людям вроде нас с тобой, сразу же отправляют на костер?

– Да потому, что люди вроде вас непременно истолкуют Библию неверно! Слушай, ну не знаю я. Зачем ты задаешь мне эти вопросы? Тебе не придется почитать Библию? Это, разумеется, пойдет тебе на пользу. В Майнце я найду учителя латыни, а заодно и исповедника. Такого, у кого в достатке времени, чтобы выслушать обо всех твоих прегрешениях, багряных и пурпурных.

– Я тебе скажу, почему переводчиков отправляют на костер. Потому что боятся.

– Чего?

– Того. Если мы сможем читать сами, то посредники станут не нужны. Это же как любая коммерция, где наживается посредник. А зачем нужен посредник между нами и всей этой чертовой небесной братией?! – Маркус

показал на звезды.

– Чертова братия в аду, Маркус, а не на небесах, – простонал Дисмас. – И не говори о Господе в таком тоне. Это неприлично. И не умно. Вдруг Он услышит?

– Как ты не понимаешь? Все упирается в контроль над нами. Попы, твой архиепископ Альбрехт, не говоря уже про этого жирного флорентийского содомита в Риме...

– Ты имеешь в виду его святейшество папу римского? Как бы нашу лодку не шибануло сейчас небесным огнем.

– Именно его. Он хуже всех остальных. Если Господь – это Солнце, а вся эта компания стоит между ним и нами, что тогда получается? Получается, что мы в тени, во мраке.

– Какой изящный аргумент! Господь – Солнце, да. Однако напомни мне, где ты получал диплом доктора богословия? Не в Гейдельберге, часом?

– Ты что-нибудь слышал о человеке по имени Коперник?

– Слышал, – ответил Дисмас. – Альбрехт говорит, что он еретик.

– Это потому, что Коперник утверждает, будто Земля кружится вокруг Солнца? Да, этот краковский бедолага точно кончит на костре.

– Ну а откуда твоему ляху известно, что Земля кружится вокруг Солнца, а?

– Оттуда, что дремучий тут ты, а он – ученый.

– Да что ты говоришь! Полагаю, что и чертов порох, который чуть не прикончил нас под Чериньолой, придумал какой-нибудь ученый. Тоже, скажешь, прекрасное изобретение, да?

– Ладно, ответь мне вот на такой вопрос: а откуда папе римскому известно, что Солнце кружится вокруг Земли?

– Да мне-то как знать такое? – застонал Дисмас. – Может, Господь сам ему рассказал. А что до кружения, то у меня уже голова идет кругом и от бренди, и от твоих бредней. Спать пора.

Остаток пути до Майнца они сторонились церковью.

Маркус не собирался задерживаться в Майнце. На дворе стояла осень, и ему непременно хотелось двинуться в путь, в кантоны, до первого снега.

– Давай со мной? – предложил он.

Предложение было заманчивым, но...

– Не могу. Надо доставить все это добро Альбрехту. А оттуда – дальше, в Виттенберг.

– Эх, вся эта торговля костью, Дисмас... Не знаю, как-то это не очень правильно.

– А раньше мы зарабатывали на жизнь убийством. Это было правильно?

Маркус ощерился:

– А вот это решай со своей богословской братией. Но если ты уверен, что конец света близок, подумай, хотел бы ты, чтобы Господь застал тебя за торговлей святыми мошонками?

Дисмас рассмеялся:

– А где бы ты хотел, чтобы Господь застал тебя?

– В койке. На девке.

3. Альбрехт

– А! Мастер Дисмас, – приветствовал своего поставщика святынь двадцативосьмилетний Альбрехт, архиепископ Майнцкий и Бранденбургский, в окружении свиты выплывая в лоджиию.

На его длинноносом лице застыло серьезное выражение, из-под тяжелых век глядели угрюмые глаза, губы были уккоризненно поджаты. Несмотря на молодость Альбрехта, его щеки уже обвисли первой, но явно не последней парой бульдожьих брылей.

К Дисмасу он обращался с преувеличенной вежливостью, в манере, свойственной аристократам при общении со своими поставщиками, следуя максиме «noblesse oblige»^[2]. К этому Дисмас привык. Вот уже шесть лет Альбрехт был его заказчиком, из числа тех, кто никогда не устанет напоминать, как вам несказанно повезло иметь его заказчиком. Дисмас подыгрывал, хотя все это кривляние начинало его утомлять. Еще больше раздражали беспрестанные попытки Альбрехта разнюхать о приобретениях Фридриха. Дисмас отвечал туманно.

– Ваше преосвященство. – Дисмас с поклоном облобызал сапфир (размером с перепелиное яйцо) на указательном пальце Альбрехта.

Раскланиваясь со свитой, Дисмас заметил Пфэфферкорна – агента Фуггера. Говорили, что Бранденбурги задумали укрепить благосостояние Альбрехта, на этот раз добыв ему кардинальскую шапку. Страшно представить, как дорого им это обойдется. Дважды архиепископ, курфюрст, а теперь еще и кардинал. Это сделает двадцативосьмилетнего Альбрехта примасом Германии, одним из самых могущественных людей в империи. Дисмас заметил про себя, что только аристократы знают свой точный возраст. О собственном он мог лишь догадываться.

Появился брат Тецель – с одутловатым лицом, совершенно лысый, за исключением седых волосинок на макушке, одиноким облачком зависших над отполированным куполом черепа. Тецель вел себя деловито, ему не терпелось исследовать базельские покупки Дисмаса, чтобы установить, сколько дней, месяцев или лет избавления от чистилища обеспечит каждая реликвия. Дисмас вспомнил Маркуса с его вопросами. Тот еще бизнес!

Свита состояла из стайки монсеньоров, клириков разбором помельче и разного чиновного люда. Над ними высилась голова Дрогобарда – верховного маршала Майнца. Альбрехту он служил в самых различных качествах: командующим кардинальской гвардии, главой шпионской

резидентуры, помощником инквизитора, тюремным суперинтендантом, старшим палачом... Дивный набор должностей и еще более дивное жалованье.

Посреди соборной пощади темнело свежесожженное пятно. Приготовления к следующему костру уже шли полным ходом. У Дисмаса не было оснований опасаться Дрогобарда, однако и пересечься с ним в его профессиональной ипостаси тоже не хотелось бы. На приветствие Дрогобард ответил сдержанным кивком.

А это еще что?

Среди сопровождавших Альбрехта Дисмас увидел двоих, чья павлинья экипировка была ему настолько же хорошо знакома, насколько неприятна: пестрые колеты, вышитые дублеты, широкополые шляпы с вычурным плюмажем. В руках щеголи держали алебарды, наточенные до бритвенной остроты.

Дисмас подавил вздох. Черт возьми. Германские наемники-ландскнехты. Что эта шваль делает в свите архиепископа?

Хоть одеваются они по-шутовски, шутки с ними плохи. В бытность наемником-райзляуфером Дисмасу не раз приходилось с ними сталкиваться. Отдавая должное их боевым качествам, он считал себя вправе презирать самих ландскнехтов. Варвары, неспособные покаяться в жестокости. Верные только собственному кошельку. За сходный гонорар они перерезали бы горло Иисусу, спящему в колыбели. Ирод нанял бы их для избияния младенцев.

На ледяной взгляд Дисмаса ландскнехты отвечали ухмылочками. «Знают ли они, кто я, – гадал Дисмас, – или же это типичная ландскнехтская наглость?»

Реликвии разложили на столах, расставленных вдоль парапета лоджии. Тецель поднес к глазам мирницу с багряным порошком и скривился:

– Это что?

– Кровь. Святого Киприана.

– И какую же сумму его преосвященству предлагается за это выложить?

Высокомерие Тецеля не оскорбляло, а вызывало насмешку.

– Мне она обошлась в пятнадцать гульденов. Его преосвященству известно, что у него нет никаких обязательств касательно выкупа не только данной реликвии, но и всего, что здесь представлено, если их преосвященство посчитают, что это не отвечает стандартам качества.

– Ну, будет, будет, брат Иоганн, – осадил Тецеля Альбрехт. – Это все совершенно лишнее, совершенно. Мы с радостью принимаем

карфагенского епископа-мученика на наше попечение. Дисмас, а что насчет святой Агаты и этой, как ее?.. святой...

– Афры. Вон на том столе, ваше преосвященство.

– Вот видите, Тецель? Очень хорошо, Дисмас, очень хорошо.

Альбрехт с Тецелем прошествовали к соседнему столу – осмотреть и обсудить. Тецель рассматривал обе реликвии на свет.

– Целомудренные. Мученицы. К тому же – от руки Диоклетиана...

Альбрехт, дожидаясь заключения Тецеля, нетерпеливо кивал. Тот вернул реликвии на стол и потер подбородок.

– За кольцо можно будет предлагать индульгенцию на десять лет или на двадцать, смотря по обстоятельствам. За мощи Афры... – Тецель раздраженно повернулся к Дисмасу, недовольный тем, что приходится самому выпытывать сведения, которые поставщику следовало предоставлять загодя. – Что это за кость?

– Пателла.

– Я не анатом, – фыркнул Тецель.

Дисмас указал на свою коленную чашечку.

– Ага! Та самая кость, на которую она опиралась, вознося молитву в миг принятия мученичества.

– Возможно, – отвечал Дисмас, – но нельзя сказать наверняка. Не так ли, брат Тецель? Известно лишь, что ее привязали к столбу и уморили дымом.

– Да, да, да... – досадливо отмахнулся Тецель и объявил Альбрехту: – Пятьдесят лет.

Архиепископ и продавец индульгенций переходили от стола к столу, определяя ценность каждой реликвии: платишь такую-то сумму за право поклониться такой-то реликвии – и с твоего срока в чистилище списывается определенное количество лет.

Они задержались у обломленной рукояти меча, усекшего голову святого Маврикия. Альбрехт жестом пригласил поучаствовать в оценке Пфэфферкорна – Фуггерова агента.

Фуггер держал монополию на управление папскими финансами. Он посредничал в переговорах между Альбрехтом и Римом о том, какую долю от продажи индульгенций Альбрехт должен высылать в Рим. Помимо этого, он занимался и другими контрактами, связанными с индульгенциями.

К примеру, папа Лев запросил с Альбрехта двенадцать тысяч дукатов за право выдавать индульгенции по факту оплаченного поклонения мощам двенадцати апостолов. Просто грабеж! По тысяче дукатов за апостола?!

Альбрехт сделал встречное предложение – семь тысяч. По числу смертных грехов. Сошлись на десяти. Злые языки болтали, что сумму контракта, скорее всего, привязали к числу заповедей.

Надо сказать, ценообразование при продаже индульгенций – сложный и специализированный процесс. Однако же в своем роде довольно объективный. Платить за отпущение грехов полагалось всем, даже королям и королевам. И архиепископам. Для них цена устанавливалась в двадцать пять золотых флоринов за каждую индульгенцию. Для аббатов, настоятелей соборов, графов, баронов и прочих аристократов – двадцать. Дворяне помельче платили по шесть флоринов. Бюргеры и купечество – по три. Люди скромного достатка платили флорин. А так как наш Отец Небесный постановил, что Царство Божье открыто и для бедноты, то неимущим предоставлялась возможность заработать индульгенцию постом и молитвой. Ведь молитва не стоит ничего! Крестьяне легко могли молиться во время работы, а поститься им и вовсе не составляло труда, ибо они и так всю жизнь постились в той или иной форме.

Альбрехт, Тецель и Пфэфферкорн закончили обсуждать рукоять меча святого Маврикия. Тецель сказал, что представит реликвию в своем ближайшем шествии.

Не питая никаких симпатий к Тецелю, Дисмас понимал, что тот является внушительным «персонажем», как сказал бы Шенк. Разносторонняя личность: Великий инквизитор Польский, верховный уполномоченный по выдаче индульгенций в германских землях империи и, как и подобало монаху-доминиканцу, талантливый проповедник.

Технология Тецеля была такова: он входил в город во главе торжественной процессии, неся на вышитой подушке папскую буллу, санкционирующую выдачу индульгенций. Посреди городской площади устанавливали большой кованый сундук – бух! – и брат Тецель начинал проповедовать под звон монет. Он даже сочинил подходящую присказку, которая была широко известна:

Лишь денежка – дзынь! – в сей сундук упадет,
Душа из чистилища тут же взойдет.

Все это Дисмас не раз имел возможность наблюдать. То еще представление. Он даже мог вспомнить эту, прости господи, проповедь почти дословно:

Внемлите ныне! Господь и святой Петр зывают к вам! Задумайтесь о спасении душ своих и близких ваших, здравствующих и усопших. Ты,

священник! ты, благородный муж! ты, торговец! ты, дева! ты, почтенная матрона! ты, юнец! ты, старик! – придите ныне к церкви вашей, к церкви Святого Апостола Петра. Покаянием, исповедью и лептой малой всяк обрящет полное отпущение всех прегрешений его. Внемлите голосам усопших ваших, голосам родных и друзей ваших, молящих вас, плачущих: «Сжался, сжался над нами! За лепту малую ты нас от страшных мук избавишь!»

Разве не хотите вы этого? Внемлите, внемлите голосу усопшего отца, взывающего к сыну, голосу усопшей матери, молящей дочь: «Мы выносили тебя, выходили, вскормили и взрастили, оставили тебе земные богатства наши. Как же можешь ты так жестоко и бессердечно оставить нас, когда лишь малая толика тех богатств дарует нам освобождение? Покинешь ли ты нас во пламени? Презришь ли случай всего за четверть флорина получить индульгенции, через которые наши бессмертные души обретут дорогу в райскую обитель свою?»

Помимо прочих талантов, Тецель весьма гибко управлялся с теологическим аппаратом, что позволило плуту ввести новый вид индульгенций. Их приобретение загодя давало покупателю полное отпущение еще не совершенных грехов. Сам Иисус подивился бы такой оборотистости! Подобная практика, правда, имела своих оппонентов, равно как и сенсационное заявление Тецеля, что папская индульгенция может вызволить человека из чистилища, даже если он – Господи, помилуй! – надругался над целомудрием Пресвятой Девы Марии.

Дисмас долго ломал голову, пытаясь разобраться в чисто технических аспектах. Ведь даже если допустить, что нашелся бы лиходей, способный помыслить о таком чудовищном злодеянии, то каким образом человек, живущий пятнадцать столетий после Христа, может вступить в плотские отношения с Непорочной Девой, учитывая к тому же, что после смерти Она во плоти вознеслась на Небеса? Дисмас решил больше не думать об этом: пусть богословы разбираются.

Альбрехт, Тецель и Пфэфферкорн завершили аттестацию. Совокупная ценность 296 реликвий, привезенных Дисмасом из Базеля, составила 52 206 лет отпуска из чистилища и обещала его преосвященству неплохую прибыль на вложенный капитал.

Монсеньор Генк, смотритель соборной коллекции, объявил, что теперь собрание его преосвященства содержит более шести тысяч реликвий общей стоимостью 9 520 478 лет досрочного освобождения из чистилища.

– Мы довольны вами, мастер Дисмас, – объявил Альбрехт, – и

приглашаем вас разделить с нами скромную трапезу. Нам с вами надо многое обсудить.

Они сидели вдвоем в кабинете Альбрехта, под люстрой из оленьих рогов.

– Путешествие из Базеля прошло хорошо?

– Да, ваше преосвященство. По реке путешествовать легче. Прекрасное время года. Красиво. Листва и все такое.

– Да. Останавливались по дороге?

– Только на ночевку.

– Никаких... инцидентов?

– Обошлось без приключений. Слава Богу.

– Именно, – покивал Альбрехт. – Слава Богу. Тем более с таким грузом, как ваш. Мы поинтересовались, так как получили депешу. Из верховий.

– Вот как?

– Нападение. На храм.

– Хм. Как нехорошо.

– Очень. И представьте, это произошло, когда вы плыли по реке. А что, если бы напали на вас?

– Да... Но вот же я, жив-здоров, – улыбнулся Дисмас. – А позвольте осведомиться, какого рода нападение?

– Богомерзкое. Святотатственное осквернение.

Дисмас покачал головой:

– Ужасно.

– Поистине возмутительно. Из арбалета.

– Восхитительное вино, ваше преосвященство. С вашего виноградника?

– Мы рады, что вам нравится. Возьмете несколько бутылок с собой.

– Ваше преосвященство слишком добры.

– Дальше – в Виттенберг? К дядюшке Фридриху?

– Как ваше преосвященство видят, к вам я явился в первую голову.

– Мы этим польщены, Дисмас.

– Я почел это за честь, ваше преосвященство.

– Почему бы вам и нас не называть дядюшкой?

Ну вот, снова-здорово. Когда речь зашла об осквернении церкви, сердце Дисмаса забило чаще. С легкой улыбкой он сказал:

– Как можно? Ваше преосвященство – князь церкви!

– Пока нет. Скоро. Бог даст.

– Курфюрст Фридрих значительно старше вашего преосвященства. Да коли на то пошло, я и сам старше вашего преосвященства. Мне было бы неловко называть вас дядюшкой.

– Тогда зовите нас кузеном, – сказал Альбрехт в нетерпении. – Заметьте, Дисмас, как мы изъясняем вам наше расположение.

– Милость ваша повергает меня в смятение, ваше преосвя... кузен.

– Только не зовите меня кузеном на людях.

– Разумеется.

– А что вы везете дядюшке Фридриху?

– Об этом вам лучше его спросить, кузен.

– Но я-то спрашиваю вас.

– В таком случае, и на правах кузена, я должен искренне признаться, что мне неловко отвечать. В той же мере, в какой мне было бы неловко отвечать курфюрсту Фридриху, спроси он меня, что я привез вам. Это вопрос профессиональной этики.

– Ах, Дисмас. Вы сегодня чересчур швейцарец.

Дисмас улыбнулся уголками рта:

– Я заметил, мой кузен держит ландскнехтов?

– А? Ах, ну конечно! Вы же из райзляуферов! Мы и позабыли про эту кровную вражду между наемниками. Неужели ландскнехты действительно такие ужасные? Согласитесь, на вид они довольно милы. И просто обожают прихорашиваться! Дрогобард рассказывал мне, что все свое жалованье они спускают на наряды и безделушки. Прямо как швейцарские гвардейцы в Риме.

Дисмас невольно стиснул зубы, а потом сказал:

– При всем уважении, папские гвардейцы берут начало от райзляуферов, которые не имеют ничего общего с ландскнехтами, хвала Небесам.

– Ну же, ну же... И ландскнехты, и райзляуферы пользуются репутацией лучших наемных убийц во всей Европе. У вас много общего.

– Как будет угодно вашему преосвященству.

– Да не дуйтесь вы так, Дисмас. Гнев – смертный грех.

– Возможно, брат Тецель продаст мне индульгенцию.

– Ох, да что с вами такое сегодня? Выпейте еще вина, оно остудит вашу горячую гельветскую кровь. – Альбрехт наполнил кубок Дисмаса. – Между прочим, говорят, что в Базеле предлагали лодку – лодку Рыбаря. Это правда?

– Лодку предлагали. Но я очень сомневаюсь, что она когда-либо принадлежала святому Петру. Бессовестная подделка. Причем халтурная.

Альбрехт вздохнул:

– Она бы прекрасно смотрелась в клуатре, в центре двора. Поистине восхитительно.

– Неужели кузену хочется, чтобы я приобретал для него подделки?

– Нет, конечно. Но согласитесь, выглядело бы великолепно.

– Если когда-нибудь мне встретится истинная лодка святого Петра, я обязательно куплю ее для вашего преосвященства. Какую бы цену за нее ни просили.

Альбрехт смотрел в окно, разделенное пилястрами-средниками.

– Оставим лодки, Дисмас. Чего нам действительно не хватает – это плащаницы.

Дисмас подавил стон. Еще одна старая песня.

– Но не какой-то там плащаницы, – уточнил Альбрехт. – Мы, разумеется, имеем в виду ту самую плащаницу – истинный погребальный саван Господа нашего Иисуса. – Он перекрестился.

– Как я уже говорил кузену, я видел много «истинных» плащаниц. Нынче в Базеле я насчитал четырнадцать.

– И ни одна не... – грустно вздохнул Альбрехт.

Дисмас покачал головой. Ему стало почти жалко Альбрехта.

– Не подумайте, что я неотесанный мужлан, но в любую из них я бы, не задумываясь, высморкался. Нынешнее бесстыдство продавцов переходит всяческие границы. И как ни прискорбно, должен сказать, что это представляет серьезную угрозу вашему, равно как и курфюрста Фридриха, похвальному энтузиазму в отношении святынь. Совместно вы вдохнули новую жизнь в древнее ремесло. Но спрос опережает предложение. Цены растут. Появляются жулики. Фальсификаторы и надувалы. Это печально. Нет, возмутительно. В Базеле я говорил об этом с мастером Шенком. Вот увидите, Шенк, сказал я ему, если так будет продолжаться, люди потеряют всякое доверие к рынку. Мошенники выживут порядочных. И тогда что?

Дисмас говорил с таким чувством, что забылся и чуть было не ляпнул: «Если только сначала ваш Тецель не доконает нас своим позорищем».

Альбрехт не слушал. Мысли его витали где-то по ту сторону оконных пилястр.

– А вот у герцога Савойского плащаница есть.

– Есть. В Шамбери. Я ее видел. Давно.

– И?

– Из всех так называемых истинных погребальных плащаниц Господа нашего у этой – самое, так сказать, безупречное происхождение. Сперва она явилась в Лире, во Франции. В тысяча триста тридцать пятом году, если не ошибаюсь. Принадлежала она тогда кавалеру Жоффруа де Шарни – рыцарю с прекрасной репутацией. Но он был тамплиером, а когда речь идет о реликвиях, добытых тамплиерами в Святой земле, всегда следует

быть настороже. Насколько я помню, эту плащаницу вскоре заклеямили как фальшивку. Местный епископ, некто Пьер д'Арси. Да вы и сами знаете, как это делается.

– Не знаю. Расскажите, как же это делается?

– За возможность увидеть плащаницу платили хорошие деньги. Поэтому, несмотря на обличения епископа, де Шарни продолжал ее выставлять. Столетие спустя его внучка Маргарита подарила плащаницу правителям Савойи, герцогам Савойским. Те выстроили для реликвии святилище – церковь Сен-Шапель в шамберийском замке. Там плащаница и пребывает по сей день.

– А что вы о ней думаете? – отрешенно спросил Альбрехт.

– Я бы сказал, что она более искусной работы, чем прочие виденные мной «истинные» плащаницы. На многих даже краска толком не высохла. Возможно, святыня и в самом деле настоящая, но у меня все же есть сомнения.

– Какие?

– Во времена Господа нашего Иисуса иудеи хоронили мертвых, оборачивая их в две холстины: одна – для тела, а другая – для головы. В Евангелии от Иоанна головная холстина упоминается как «плат». А Шамберийская плащаница состоит из цельного холста, на котором видно изображение тела с головы до ног.

– Не следует опираться только на Евангелие от Иоанна, – хмыкнул Альбрехт. – Нам кажется, Дисмас, тут вы ошибаетесь.

– Познания вашего преосвященства намного обширнее моих. Мне же приходится полагаться лишь на свой профессиональный опыт, да еще вот на... – Дисмас коснулся пальцем кончика носа.

– Согласится ли герцог ее продать?

– Маловероятно. Это же золотая жила... то есть стабильный источник дохода, – с заминкой объяснил он. – Савойя – герцогство небогатое, а деньги герцогу нужны. Он регулярно выставляет плащаницу напоказ. Паломники приходят. Монархи приезжают.

Альбрехт снова уставился в окно:

– Его прозвали Карлом Добрым. За что?

– Говорят, он хороший человек. Заботится о бедноте, не притесняет подданных. Ему и самому непросто, из-за постоянных вторжений французского короля.

– В таком случае его надо называть Карлом Многовтораемым, – сказал Альбрехт. – А вашего дядюшку Фридриха прозвали Мудрым. Неужели он настолько мудр?

– Учености ему не занимать, это верно. Владеет пятью языками, помимо греческого и латыни, строит университет. По слухам, его главный богослов – большой ученый. Монах-августинец. Лютер. Якобы очень благочестивый человек.

– Я тоже владею пятью языками. Помимо греческого и латыни. Деда Фридриха звали Фридрихом Кротким, брат – Иоганн Постоянный, племянник – Иоганн Великодушный. Кто придумывает все эти прозвища? Там еще у него был взбалмошный кузен, как его? Георг Бородатый! – Альбрехт улыбнулся. – А как, Дисмас, станут называть нас?

– Альбрехт, кардинал Бранденбургский. А со временем, глядишь, и Его Святейшество папа Альбрехт.

– Папа из германцев? Да скорее Судный день настанет! Но вернемся к плащанице. Если евангелист Иоанн прав, говоря об иудеях и их погребальных платках (хотя чтобы жид да раскошелится на вторую холстинку – это уже чудо), значит Шамберийская плащаница – подделка.

– Именно так я и рассуждал.

– А из этого в свою очередь следует, что где-то есть и подлинная плащаница.

Дисмас наморщил лоб:

– Ну, может быть, но... Один вопрос: какова все-таки вероятность того, что Господь Бог вообще оставлял нам такой сувенир на память о себе?

– Большая. В доказательство того, что он восстал из мертвых. Разыщите нам ее, Дисмас. Разыщите, и мы озолотим вас. Вы же знаете, мы – ваш лучший заказчик.

– О таком заказчике, как ваше преосвященство, можно только мечтать.

– И вы слишком распыляетесь, Дисмас. Перебирайтесь-ка в Майнц и работайте эксклюзивно для нас. Видит Бог, у Фридриха уже довольно мощей – не замок, а костница. Перебирайтесь, Дисмас. Не пожалееете.

Эту увертюру Дисмас слышал не раз.

– Щедрость вашего преосвященства не уместается в границы разумения ничтожного грешника вроде меня.

– Вы испытываете наше терпение, Дисмас. Отправляйтесь в Виттенберг. Отправляйтесь к своему так называемому дядюшке Фридриху.

Альбрехт поднялся и протянул руку для лобызания.

В дверях Дисмас спросил:

– Кого сжигают?

Альбрехт уже что-то писал за столом.

– Хм? – сказал он, не поднимая головы.

– К столбу фашины сносят. На площади. Говорят, у вас в последнее

время много сожжений.

Альбрехт продолжал писать.

– У нас снова была вспышка чумы. Дрогобард утверждает, что публичные казни способствуют поддержанию духовности. Жида у нас почти закончились, поэтому в последнее время все больше ведьмы. Эти-то, Бог даст, не закончатся. Счастливого пути, Дисмас. Осторожнее в Тюрингенском лесу – там пошаливают разбойники. И кланяйтесь от нас дядюшке Фридриху. Мудрому.

4. Фридрих

Дисмас предпочел бы отправиться в Виттенберг через Нюрнберг, чтобы оставить заработанные деньги у своего банкира, мастера Бернгардта, переодеться и навестить Дюрера, но времени на это не было. До Дня Всех Святых оставалось совсем ничего. Этот праздник был самым важным в календаре Фридриха: его галерея святынь открывалась для посещения публикой. Вдобавок базельские приобретения Дисмаса требовалось поместить в оправы.

В Виттенберг Дисмас прибыл двадцать седьмого октября, спустя семь дней после отъезда из Майнца. Будучи при золоте, Дисмас всегда путешествовал под видом монаха. Сама по себе монашья ряса, разумеется, грабителя не остановит, а вот припрятанная в повозке и всегда остающаяся под рукой алебарда – другое дело.

Клемп, дворецкий Фридриха, встретил Дисмаса тепло и с радостью. Здешняя прислуга неизменно окружала его заботой и гостеприимством, в отличие от Майнца, где он в лучшем случае удостаивался небрежного кивка, подчеркивающего его невысокий статус, а теперь еще и был вынужден сносить ухмылочки ландскнехтов.

– Курфюрст что ни час спрашивает: ну где же мой племянник Дисмас? Он ведь даже выслал вам навстречу верховых. Вы с ними разминулись?

– Я ехал севером. Чтобы обогнуть Тюрингию.

– Пойдемте же, он в галерее. Небось привезли нам всяких чудес?

– Пару-тройку. Святая Варвара. Палец ноги.

– Не может быть! – Клемп всплеснул руками. – Последняя из Четырнадцати святых помощников? Ах, как он обрадуется!

– Между нами говоря, Клемп, он так долго донимал меня этим пальцем, что я уже готов был оттяпать свой и выдать за Варварин.

Клемп захихикал. Милый старикан. Они направились в галерею.

– Господин, посмотрите, кто к нам приехал!

Фридрих стоял к ним спиной. Согнувшись, опираясь на две трости, он рассматривал что-то в витрине. Подагра и камни положили конец его охотничьим дням: он здорово растолстел.

Курфюрст медленно повернулся. Задолго до встречи с Фридрихом Дисмас видел его портрет работы Дюрера. Фридрих был запечатлен в молодые годы: бородач с выпученными глазами и перебитым носом. Не зная, что это портрет Фридриха по прозвищу Мудрый, вполне можно предположить, что изображен некто по прозвищу Безумный.

Фридрих призывно раскинул руки. Дисмас едва смог его охватить. Словно с медведем тискаешься.

Фридрих разомкнул объятия и оглядел Дисмаса с ног до головы:

– Это что же теперь – брат Дисмас? Распрощались с греховным прошлым?

Дисмас все еще был в монашеском наряде.

– Клемп, найдите этому горе-иноку приличную одежду. И пришлите нам вина.

Клемп метнулся прочь.

– Ну, блудный наш, – загремел Фридрих, – вы в курсе, что до Всех Святых осталось четыре дня?

Дисмас рассказал про свой окольный путь. Принесли вино. Фридрих втиснул тушу в кресло. Кресло закрипело.

– Вы прибыли из Майнца.

– Его преосвященство архиепископ приказали кланяться.

– Хм. Альбрехт собирается прикупить кардинальскую шапку. Такими темпами у Бранденбургов скоро не останется ни гроша.

Дисмас угостил Фридриха рассказом про Тецеля и его сеанс оценки мощей.

Фридрих покачал головой:

– Брат Мартин вне себя от ярости. Просто жаром пышет. Вот-вот взорвется по поводу Тецеля и его индульгенций. А этот Тецель тот еще шельмец. Уселся едва ли не у меня на границе и глумится надо мной. Я ведь не могу запретить своим подданным свободное передвижение. Если им хочется набивать сундук Альбрехта своими гульденами – это их дело. – Он отмахнулся от невеселых мыслей и продолжал уже с улыбкой: – Ну, племянничек Дисмас, что привезли своему старому дядюшке Фридриху?

Дисмас вручил ему палец святой Варвары. Глаза Фридриха набухли влагой. Он не спросил, сколько Дисмас заплатил за палец. Ему было не важно. Вместе они поместили палец в галерею, рядом с мощами других

Святых помощников. В галерее Фридриха было сто семнадцать золотых и серебряных дарохранилищ, а Святые помощники имели для него особое значение, так как жили в Рейнской земле во время Черного мора. Ураки с их мощами молились об избавлении от лихорадки и внезапной смерти, о прекращении головных болей, о горловых хворях, опухолях, туберкулезе, семейных раздорах, предсмертных искушениях и прочих невзгодах. С прибытием Варвариного пальца коллекция мощей Помощников наконец-то стала полной. Теперь молитвы, сказанные здесь, будут иметь еще бóльшую силу, нежели раньше. И разумеется, цену на здешние индульгенции Фридрих сможет повысить. Деньги пойдут на кирпич для строящегося университета.

Следующие дни Фридрих и его поставщик реликвий провели в галерее, расставляя остальные базельские приобретения.

В галерее Фридриха было восемь залов. В первом хранились мощи святых девственниц, во втором – великомучениц, в третьем – святых исповедников (почетное место тут занимало ребро святого Себастьяна), четвертый и пятый, где размещались мощи мучеников, были забиты едва ли не под потолок и, признаться, и впрямь походили на костницы.

– Это напоминает оптовый склад, дядюшка.

Здесь главным экспонатом была мумия невинноубиенного младенца, привезенная Дисмасом из Святой земли.

В шестом зале хранились мощи святых апостолов и евангелистов, в седьмом – реликвии ветхозаветных патриархов, пророков, Святого семейства, Рождества и служения Христова. Тут была и солома из святых яслей, и полоска холста, в который пеленали новорожденного, и прядь из бороды Иисуса, и большой палец святой Анны, матери Марии, – самая первая реликвия, приобретенная Фридрихом на Родосе в 1493 году, когда он возвращался из паломничества в Святую землю.

Восьмой зал – святая святых галерея – служил хранилищем для реликвий страстей Христовых: кусок веревки, связывавшей Его руки, когда Он стоял перед синедрионом и Пилатом; обломки палки, которую Ему дали как шутовской посох; жила из плети, бичевавшей Его; пропитанная уксусом губка, что подали Ему на Кресте; обломки гвоздей, пронзивших Его стопы и запястья; и самая священная из святынь – щепка от Креста. Для Фридриха самым большим сокровищем был шип из тернового венца. Не просто шип, а именно тот, что впивался в лоб Иисуса. Трудно было, находясь в восьмом зале, не поддаться смятению чувств; редко кто из паломников оставался здесь на ногах, и почти никто не сдерживал слез.

Трапезничали в Виттенберге дважды – утром и с наступлением вечерних сумерек. В канун Дня Всех Святых, когда все приготовления были закончены, Фридрих пригласил за свой стол Дисмаса, а также личного секретаря и конфидента Спалатина и придворного живописца Лукаса Кранаха.

Оба были знакомы Дисмасу. Ему нравился добродушный и остроумный Спалатин, который в беседе проявлял ученость без всякого намека на высокомерие. Спалатин обожал сплетни. С Кранахом все складывалось непросто: художник был неприветлив, обидчив, сух и весьма тщеславен, но при этом, бесспорно, обладал большим талантом и поразительным трудолюбием. Ему принадлежала чуть ли не половина Виттенберга, так что, возможно, самомнение его и было извинительно.

Их отношения не заладились несколько лет назад, когда Фридрих поручил Кранаху составить каталог коллекции святынь. В то время коллекция насчитывала (всего-то) пять тысяч предметов, но Кранах был не в восторге от такого задания. Он предпочитал писать портреты и расписывать алтари. Однако же поручения покровителя должно исполнять. Свою досаду Кранах вымещал на Дисмаса и, донимая его бесконечными расспросами об аутентичности той или иной реликвии, презрительно фыркал и хмыкал. Однажды они едва не подрались из-за листочка Неопалимой купины. Еще одним предметом препирательств стал зуб святого Иеронима. С тех пор Кранах поостыл и относился к Дисмасу с угрюмым незлобием. Дюрер, друг Дисмаса, тоже получал заказы от Фридриха. Изредка. Насчет Кранаха-живописца у Дюрера было собственное мнение – не слишком высокое. Дисмас не чувствовал себя достаточно компетентным, чтобы высказывать свое, но работы Кранаха казались ему качественными.

Вполне возможно, Дюреру просто не давали покоя деньги. Кранаху, придворному живописцу, доставался не только почет, но и жалованье, составлявшее, как поговаривали, пятьдесят гульденов, не считая собственно гонораров за работы. Дюрер уверял, что Кранах таких деньжищ не стоит. Дисмаса забавляли обличения Дюрера. Одно слово – художники.

Стол ломился от яств. Неудивительно, что дядюшка Фридрих так раздался вширь. Кушанья на огромных подносах шли бесконечной чередой: оленина, кабанина, фазаны, бекасы, карпы, крабы, щуки, сельди, треска. Сыры, яблоки, сливы. Дисмас, неделю питавшийся по-походному, теперь объедался. Вино лилось рекой. Спустя некоторое время он почувствовал, что вот-вот лопнет.

Когда подали сласти, один из помощников Спалатина с великой

озабоченностью вошел в трапезную и что-то зашептал ему на ухо.

– Во всеуслышание, – приказал Фридрих.

– Ваше сиятельство, брат Мартин...

– Ну?

– Он...

– Да говорите же!

– Он вывесил манифест, ваша милость. На дверях замковой церкви.

5. Дюрер

– Что за манифест?

– Довольно длинный, ваша милость. У меня не было времени дочитать до конца. Это... В общем, тезисы обличения – так, кажется, их называют... Против брата Тецеля. Девяносто пять тезисов.

– Я как знал, что он замышляет что-то вроде этого, – простонал Спалатин.

– Девяносто пять? – улыбнулся Фридрих. – Неужели двери нашей церкви настолько поместительны?

– Мог бы и предупредить, – вздохнул Спалатин. – С позволения вашего сиятельства...

Спалатин с помощником вышли, оставив Фридриха, Дисмаса и Кранаха молчать втроем.

Когда Дисмас закончил свой рассказ, Дюрер вздохнул:

– И это как пить дать вызвало солидное несварение у Фридриха. – Он коснулся кистью холста на мольберте. – Ему поставили клистир?

Дисмас сидел у большого окна в мастерской Дюрера.

– По-моему, вся эта история его лишь позабавила. Только Спалатин всполошился.

– Значит, Лютер их просто вывесил? Или все-таки приколотил гвоздями?

– Про гвозди рассказывают любители дешевых сенсаций. На самом деле он оклеил двери страницами памфлета.

– Забава будет недолгой. За такое отправляют на костер.

Дисмас покачал головой:

– Не в Виттенберге. Фридрих не любит костров. У него даже собственного палача нет, приглашают со стороны.

– А я согласен с Лютером. От индульгенций за версту разит жульничеством. Да и с какой стати германские народы должны платить за римские соборы?

Дисмас встал и потянулся. Из-за спины Дюрера взглянул на мольберт с портретом. С холста смотрел банкир Якоб Фуггер, заимодавец Альбрехта.

– Он и вправду такой статный или ты набиваешь себе гонорар?

– Сходство один в один. Он и впрямь хорош собой. Я не приукрашиваю своих заказчиков. Не то что некоторые в Виттенберге.

Дисмас хохотнул:

– Ненадолго же тебя хватило. Вот уже и подпустил шпильку бедному Кранаху.

– Бедному Кранаху? Ха-ха. Он так беден, что аж позвякивает на ходу. Над каким шедевром он нынче корпит? По слухам, он теперь не удосуживается писать собственноручно, только ходит по мастерской и командует подмастерьями: побольше синего там, немного желтого сям...

– По крайней мере, он не сует автопортреты в каждую картину, как ты. Неделю назад я был с Фридрихом в его галерее, у него там висит твое «Мученичество десяти тысяч».

– Бесспорный шедевр.

– Да, очень мило. Но даже при свечах я с десяти шагов могу узнать твое лицо. Картину надо было назвать «Мученичество десяти тысяч с Альбрехтом Дюрером точнехонько посередке».

Это было знаменитое полотно Дюрера, на котором изображались изуверские и разнообразные казни десяти тысяч солдат-христиан на горе Арарат от рук персидского царя Шапура по приказу императора Адриана. Или Диоклетиана. Никто точно не знал. Дюрер поместил себя в центре полотна, рядом со своим другом Конрадом Цельтисом, который умер незадолго до начала работы над картиной. Дюрер утверждал, что ввел себя в число персонажей исключительно в качестве дани уважения покойному товарищу. Дисмас же подозревал иные мотивы.

– Так прямо и висит среди святынь?

– Да, Нарс, так и висит.

Дисмас прозвал приятеля Нарсом в честь Нарцисса, образца самовлюбленности, за склонность Дюрера к автопортретам и помещению своего изображения в другие картины.

– Только не подпускай к ней Кранаха, он обязательно захочет ее улучшить.

Меховой палантин Фуггера Дюрер писал жженой умброй. Тема осквернения дюреровских работ Кранахом всплывала постоянно. А началось все много лет назад. Император Священной Римской империи Максимилиан – в то время главный покровитель Дюрера – заказал иллюстрации для своего печатного молитвенника. По причинам, которые так и остались неясными, Дюрер бросил работу. Ее завершил Кранах. Стонов и причитаний было столько, будто Кранах выплеснул в лицо Дюреру ведро краски. Но даже это надругательство не шло ни в какое сравнение с той вопиющей наглостью, которую Кранах позволил себе следом. Он осмелился завершить портрет Максимилиана, начатый

Дюрером. Этого простить было невозможно. Никогда. Одно слово – художники.

На издевки Дисмаса Дюрер, фыркая, отвечал: «Я пишу прекрасное, где бы я его ни нашел. И если я нахожу его в зеркале – так тому и быть».

Нарс был симпатичный малый: высокий и стройный, с копной рыжих кудрей; борода и усы были аккуратно подстрижены на итальянский (ну еще бы!) манер; рыцарские скулы, чувственный рот и глаза с поволокой, как у влюбленного юнца. Взгляд его – и в жизни, и на портретах – неизменно ускользал от смотрящего. Дисмас относил это на счет меланхолии. Дюрер истово верил, что находится под влиянием Сатурна. Мрачного Сатурна.

– Да там едва можно разглядеть, что это мы с Цельтисом, – сказал Дюрер.

Он наверняка бросил эту реплику, чтобы поддержать разговор о себе самом. Дисмас улыбнулся и подумал: «Ладно, Нарс. Давай еще немного поговорим про тебя».

– Ну а в «Поклонении волхвов»? Ты же вывел себя в образе волхва! А в «Празднике четок» над заалтарной полкой в венецианской церкви Святого Варфоломея? Стоишь, голубчик, у всех на виду с бумажкой в руках, на которой по-латински изложена похвальба, что, мол, написал картину всего за пять месяцев. Хотя сам прекрасно знаешь, что за семь. Всякий стыд потерял. Каждый твой Христос все больше и больше походит на тебя самого! – Дисмас накинул плащ. – Хватит. Фуггер твой и так уже красавец, любо-дорого посмотреть. Заплатит двойную цену, не сомневайся. Пойдем выпьем. А потом заглянем в «Сады Эдема». У меня женщины не было с тех пор, как Карл Великий сидел на троне.

– Я бы на твоём месте поостерегся. Я недавно рисовал одного человека с французской язвой... – Дюрер передернулся. – Мерзкая штука. Да и вообще... То чума, то французка... Ох, несдобровать нам!

Чума приходила в Нюрнберг регулярно. У Дисмаса она отняла жену и детей, у Дюрера – мать, с которой они души друг в друге не чаяли. Чумы Нарс боялся до судорог и при слухах об очередной вспышке бежал через Альпы в Италию. Впрочем, не только поэтому. В Италии он еще и учился. Дисмас советовал ему не корить себя за смерть матери. Ведь не потащил бы он старушку через Альпы? И все-таки...

– В приличных борделях за этим следят, – заметил Дисмас.

– На-ка, посмотри. – Дюрер подошел к комоду, вытащил стопку толстых листов и передал Дисмасу.

– Черт, – поморщился тот.

– Все еще собираешься в «Сады Эдема»? Я рисовал с натуры. Но близко не подходил.

Дисмас не без доли злорадства увидел, что на гравюре «Сифилитик» изображен ландскнехт, расфуфыренный, как обычно. Болезнь была в поздней стадии. Сочащиеся гноем мерзкие язвы покрывали лицо, руки и икры. Один зажиточный женевец, пораженный той же заразой, на коленях умолял Дисмаса добыть мощи праведного Иова, которого христианство определило покровителем сифилитиков. Также считалось, что помогает риза Богородицы.

– Я бы его пожалел, не будь он ландскнехтом, – сказал Дисмас, возвращая гравюру.

Дюрер поглядел на свою работу:

– Даже в этом плачевном состоянии он оставался спесивым говнюком. – Он спрятал листок и спросил тоном заговорщика: – А знаешь, у кого еще французка?

– У папы?

– Нет. У папы – поганый свищ. Нет нужды рассказывать, как он его заработал.

Дисмас скорчил рожу:

– И знать не хочу. А тебе-то откуда известно?

– Мне Рафаэль рассказал.

– Кто?

– Дис, твое невежество поистине не имеет равных. Рафаэль, живописец.

– Один из твоих итальянских дружков, что ли?

– А французка – у императора. И он от нее помирает.

– Это всем известно, – сказал Дисмас. – А последнюю новость слышал? Он поехал в монастырь в Фюссене. Говорят, в ужасном виде, весь рот в язвах. Но черпал своей кружкой из общей чаши со всеми монахами, а им приходилось тоже черпать оттуда. Вот повезло-то, да? Ну, Максимилиан свое заслужил. Он развратник хуже Тиберия.

– Нельзя ли чуть попочтительнее? Он все-таки мой покровитель.

– Тогда найди себе другого покровителя. У меня вот, например, нет покровителей в гнойных язвах. – Дисмас вздохнул. – Мне что-то расхотелось в «Сады Эдема». А после нашего разговора, наверное, больше никогда не захочется. Но выпить надо по-всякому. Пошли.

Дюрер жил в Тиргартнертере, у подножия замка. Как обычно, приятели пошли в «Жирного герцога» и сели в углу, где потише.

Дюрер хандрил. Дисмас пил пиво, Дюрер – бренди, одну кружку за

другой.

Вдруг он сказал:

– Если император действительно помирает, то мне нужен новый покровитель.

– Вечно ты переживаешь из-за денег. Ох, ради всего святого, ведь ты – Альбрехт Дюрер. С голоду не помрешь.

– А ты знаешь, сколько ртов я кормлю? Детей нет, но есть братец Ганс с семейством. И все как один прожорливы. И родственники Агнессы. И прислуга. И подмастерья. И покупка материалов. Поверь, я очень завишу от Максимилиановой пенсии. И от этих рук. – Он вытянул перед собой руки, словно для осмотра. – Все время немеют. А глаза? Что будет, когда я ослепну, а?

– В таком случае, может, тебе все же следует приукрасить портрет Фуггера? Я готов попозировать.

– А какое жалованье платят придворному живописцу? Ну, этому халтурщику Кранаху?

– Фридрих со мной это не обсуждает. Да и что тебе Кранах, Нарс?

– Говорят, он получает двести гульденов в год. Двести! Я за Агнессой столько приданого взял.

– Вряд ли ему столько платят. Но живет он недурственно, это да. Вдобавок, столуясь у Фридриха, голодным не останешься.

– Мне бы так. И это какой-то Кранах! Нет в этой жизни справедливости. Вот и приходится уповать на следующую.

– Слушай, сходил бы ты к мастеру Бернгардту.

– Этот банкир твой, что ли?

– Он гений. Дай ему гульден, он превратит его в дукат, а дукат – в алмаз. Благодаря ему мое состояние выросло в четыре раза.

Дюрер пожал плечами:

– Я поговорю с Агнессой. Деньгами занимается она. Теми, что остались.

– М-да, разговоры у нас – лучше некуда, – вздохнул Дисмас. – Сифилис, папские свищи, полудохлый развратник-император, а теперь вот нищета и голодная смерть. О чем бы нам еще поговорить? О казнях? Поехали со мной в Майнц, а? Там у них каждый день кого-то жгут.

В конце концов Дисмас сумел заставить Дюрера улыбнуться, рассказав, как огорчился Альбрехт, когда выяснилось, что Дисмас не купил ему поддельный байдак святого Петра.

– Но больше всего он хочет плащаницу.

– Плащаницу? Я сварганю ему плащаницу! – От выпитого язык Дюрера

начинал понемногу заплетаться. – Такую плащаницу... такую прекрасную плащаницу, что Иисус захочет вернуться с небес и снова в нее замотаться.

– Не говори так, Нарс.

Дюрер грохнул кружкой о стол:

– Эй, Магнус! Шевели своими жирными булками и неси мне еще бренди. И этих твоих конских ссак для моего друга Дисмаса.

– Альбрехту не нужна твоя плащаница, – объяснил Дисмас. – Он хочет ту, что в Шамбери.

Кабатчик Магнус, огромный малый, по счастью терпеливо сносивший шутки в адрес своих тылов, подошел и плеснул бренди в кружку Дюрера.

Тот перегнулся через стол к Дисмасу:

– Знаешь, мы с тобой могли бы недурно подзаработать.

– Мне уже не нравится твоя задумка.

– Все равно слушай. Я делаю плащаницу, а ты продаешь ее своему горе-архиепископу. Двадцать пять процентов – твои.

– Неслыханная щедрость. Как поживает Агнесса?

– В манду Агнессу.

– Я не прочь, но она твоя жена. Нарс, я пытаюсь переменить тему.

– А что такого? Ты же презираешь Альбрехта...

– Я ни разу тебе не говорил, что презираю Альбрехта.

– Да ладно, ты сто раз выражался в этом духе. Он свинья. Не такая свинья, как папа, но тем не менее – свинья. А Тецель? Вот кто настоящий подонок! Эх, на костер бы его...

Дюрер осушил кружку и начал колотить ей по столу. В таверне притихли. Дюрер вскарабкался на стол и распрямился на нетвердых ногах.

– Нарс, сядь! – велел Дисмас.

Дюрер воздел кружку:

– За брата Мартина Л-лултера. Лу-лур...

Все уставились на него.

– Ну же! Вы! Все! Пейте! За Мартина Лу-те-ра. Во! Смерть папесодомиту!

– Эй! – крикнул кто-то. – Думай, что несешь!

К ним подковылял Магнус:

– Мастер Дюрер. Прошу вас. Не надо скандалов.

Дисмас дергал Дюрера за штанину:

– Нарс, слезай оттуда.

– Магнус, еще бренди! Всем бренди! – Дюрер поднял кружку. – Пейте! Пейте за Альбрехта Дюрера!

– За кого? – переспросил кто-то.

– За Альбрехта Дюрера! Который подтирает задницу картинами Лукаса Кранаха!

Дисмас и Магнус стянули Дюрера со стола и дотащили до дверей.

– Ты великий человек, – бормотал Дюрер, наваливаясь на кабатчика. – Самый великий. Величайший! Величайший во всей... империи.

– Я доведу его до дома, – сказал Дисмас Магнусу.

Ночная прохлада приятно освежала.

– Лишь бы никто не кликнул стражу, – обеспокоенно заметил Дисмас.

– Насрать на стражу. Что они нам сделают?

– Нарс, нельзя залезать на стол в таверне и орать, что папа – содомит.

– Можно. Он же содомит. Л-лулт... Ой, я никак не могу его выговорить! Л-у-у...

– Ты пьян, Нарс.

– Тсс! погоди, слушай, сейчас скажу. Лу-у-тер. Лутер теперь у нас папа. Дисмас?

– Что, Нарс?

– Я Лутера лублу.

– Ладно. Хорошо. Пойдем.

– Отведи меня к нему, я перед ним исповедуюсь.

– Нарс, брат Лутер – в Виттенберге, а мы – в Нюрнберге.

– Я хочу его написать. Сделаю его бессмертным.

– Полагаю, о своем бессмертии он уже позаботился. К тому же Кранах тебя опередил.

– Кранах? Кранах. Кранах – залупень!

– Тише, Нарс. О господи.

– Он и выглядит-то как залупень.

– Если не утихомиришься, я сдам тебя страже.

– А я буду сопротивляться, – сказал Дюрер, заваливаясь на забор.

Дисмас подхватил друга под локоть:

– Когда Агнесса увидит тебя в таком состоянии, ты пожалеешь, что тебя не сцапала стража.

6. Лодка Рыбаря

Весной Дисмас снова был в Майнце.

Зиму он провел в теплых краях, охотясь за реликвиями для Альбрехта, – последней модой были итальянские мученики VI века, но, помимо них, удалось отыскать и пару других редкостей: ребро святого Хрисогона и отличный фрагмент копчика святой Специозы, принесший, как уверялось, несколько первосортных исцелений. По обыкновению, Дисмас предоставил бы Фридриху преимущественное право покупки, но у Фридриха и без того было столько костей Специозы, что хватило бы на полный скелет.

К собору Дисмас привычно направился по переулку, ведущему в клуатр. Среди покаянцев и молельщиков за углом толпились паломники.

День был не праздничный. Что они тут делают? Разодранные рубища покаянцев пятнала кровь. Дисмас всегда полагал самобичевание вульгарным обычаем. Безрукие и безногие калеки ползли и перекатывались по бульжникам мостовой. Лица многих были обезображены язвами и голодом. Толпа осаждала вход в клуатр, где стояли на страже два ландскнехта – те самые, которых Дисмас видел прошлой осенью.

– Что происходит? – спросил он паломника.

– Лодка апостола Петра. Индульгенция на двести лет!

О господи, подумал Дисмас. Он пробрался через толпу ко входу. Ландскнехт алебардой преградил ему путь:

– А ты куда, паломник?

– Я не паломник. С дороги.

– Вход – десять крейцеров. – Окинув взглядом плащ и сапоги Дисмаса, ландскнехт признал его за состоятельного человека. – А с тебя – пятьдесят.

– Я прибыл по поручению архиепископа, и если ты не уберешься с дороги, то я засуну эту алебарду так глубоко тебе в зад, что она вылезет у тебя из башки и собьет шлем.

Второй ландскнехт шагнул к Дисмасу. Тот выхватил из-под плаща кинжал и приставил лезвие к горлу стражника:

– Не двигайся.

Ландскнехты замерли. Будучи не дураками, они смекнули, что человек, способный так вести себя с ландскнехтами, наверняка имеет какие-то полномочия, если только он не идиот или самоубийца. Из внутреннего двора их заметил какой-то клирик и заторопился навстречу, по-учительски

распекая провинившихся:

– Что все это значит? Мастер Дисмас! Эй вы, оба, по местам! – рявкнул он на ландскнехтов. – Живо! Прошу вас, мастер Дисмас.

Дисмас вложил кинжал в ножны и вошел во двор клуатра. Ландскнехты недоуменно и гневно смотрели ему вслед.

– И зачем только его преосвященство держит этих подонков? – спросил Дисмас.

Клирик пожал плечами:

– Мне они тоже не по душе.

Посреди клуатра стояла лодка. Не та, что он видел в Базеле. Эта была одномачтовой, с высоко задранными кормой и носом. Поднятый парус обвис в безветрии замкнутого двора. Коленопреклоненные паломники, окружив лодку, касались остова и бормотали молитвы. Чуть поодаль стоял сундук для продажи индульгенций. Тецель вел бойкую торговлю.

– Помилуйте, что это? – спросил Дисмас.

– Ваша лодка, – удивленно ответил клирик.

– В каком смысле? – Дисмас недоуменно уставился на него.

– Лодка апостола Петра. Та, что вы купили для его преосвященства в Базеле прошлой осенью. Весьма популярна у паломников. Видели толпу снаружи? И так с первого дня. Его преосвященство очень довольны.

Альбрехт принял Дисмаса в кабинете, без посторонних.

– Кузен, мы по вам соскучились. Успешно перезимовали?

– Да, – отвечал Дисмас, с трудом сдерживаясь. – Привез несколько вещей, которые наверняка заслужат одобрение вашего преосвященства.

– Вы нас ни разу еще не разочаровали, Дисмас.

Альбрехт был в приятном расположении духа, чему, несомненно, способствовал непрерывный звон монет, доносившийся со двора, – звук слаще китайских колокольчиков.

Кашлянув, Дисмас осведомился:

– Позвольте узнать, ваше преосвященство, что за мореходное средство стоит у вас во дворе?

– Невероятный успех, – улыбнулся Альбрехт. – Видели, какие толпы? Идут днем и ночью. Никакого покоя.

– Да, я видел. Однако, с вашего позволения, я спрошу еще раз: что это?

Альберт вздохнул:

– Ну же, Дисмас. Мы ведь не станем устраивать сцену, правда? Это так скучно. Вот, выпейте лучше вина. – Из серебряного кувшина он плеснул в кубок. – Лодка скопирована с мозаики Джотто. Не видели?

– Нет.

– Не смотрите букой, Дисмас. Отлично выполненная копия.

– Прошу прощения, но было крайне неожиданно услышать от отца Неблера, что я приобрел ее для вашего преосвященства. В Базеле.

– А, и поэтому мы кукуемся? Но ведь вы наш официальный поставщик святынь, так что вполне могли приобрести ее для нас. Гордитесь, Дисмас, это приобретение делает вам честь.

Дисмас ошалело уставился на Альбрехта.

– Если вы беспокоитесь по поводу вознаграждения, – продолжал тот, – то напрасно. Вы будете щедро вознаграждены. Как всегда.

– С позволения вашего преосвященства, это не имеет никакого значения. Я ни при каких обстоятельствах не соглашусь принять вознаграждение за это... эту...

– Дисмас, если она пробуждает в людях духовность, так ли уж важно, что это...

– Фальшивка?

– Импровизация.

– Ваше преосвященство, как ваш официальный поставщик святынь, я прилагаю массу усилий, чтобы...

– Да, да, да... Мы прекрасно осведомлены о вашем профессиональном самоуважении. И знаете почему? Да потому, что вы при каждой встрече нам о нем рассказываете. Нам что, предстоит сейчас еще раз прослушать ваше программное заявление?

В немой ярости Дисмас стиснул под столом кулаки. Какой чудовищный произвол. И его же теперь отчитывают! Альбрехт тем временем завел иеремиаду на другую тему:

– Зима у нас была непростая, Дисмас. Далеко не простая. И мы должны сказать, ваш дядюшка Фридрих не предпринял ничего, чтобы нам помочь. Нет, не так. Скажем прямо, мы удручены, Дисмас. Глубоко удручены.

Разумеется, имелось в виду дело Лютера. Даже за пределами империи, в Неаполе и в Венеции, до Дисмаса доходили новости о событиях на севере. Дюрер не ошибся, сказав, что протест Лютера очень быстро перестанет забавлять Фридриха. О богослове из Виттенберга заговорила вся Европа.

Альбрехт тем временем распалился:

– Этот сумасбродный августинец имел дерзость прислать мне свои мерзкие тезисы. Тезисы! Недурное название для бредней пьяного монаха. А к ним приложил подхалимское письмецо, именуя меня «Ваше блистательное величие», а себя – «fex hominum», дерьмо среди людей. Вот

уж что правда, то правда! А затем имел наглость наставлять нас – нас! трижды архиепископа! – касаясь церковной доктрины в отношении индульгенций. Невероятная дерзость! Доминиканцы распространили памфлеты в защиту своего брата Тецеля и его совершенно законных методов, а что сделали виттенбергские студенты? Студенты вашего дядюшки Фридриха? Сожгли памфлеты! Все восемьсот экземпляров! И как же ваш дядюшка наказал такое вопиющее хамство? Очень просто – никак. – Альбрехт взъярился не на шутку. – Далее. Его святейшество потребовал у вашего дядюшки выдать Лютера доминиканцам для проведения дознания. Что делает ваш дядюшка? Снова ничего. Отказывает. Отказывает святейшему папе римскому! – Альбрехт осенил себя крестным знаменем. – Когда его святейшество потребовал от Фридриха изгнать Лютера из Саксонии, тот снова отказался. А теперь? Теперь Фридрих говорит, что изгонит Лютера или передаст в руки уполномоченных органов в Риме только на том условии, если Лютеру будет вынесен обвинительный приговор как еретику. Но для дознания и суда он его выдавать отказывается! Это нечто вопиющее! – Альбрехт мученически заломил руки.

– Мне не по чину рассуждать об этих материях, – сказал Дисмас.

– Вы слишком скромны, кузен.

– Я обычный торговец мощами, ваше преосвященство, а не богослов, как вы.

– Так. А скажите-ка мне, любезный торговец мощами, понимаете ли вы, что произойдет с вашей торговлей, если не искоренить ересь, которую распространяет драгоценный монах вашего дядюшки? Как вы считаете, если исчезнут индульгенции, люди по-прежнему станут гоняться за ребром святого Себальда или за локоном святой Аполлонии? Думаете, у вас останется хоть один заказчик, а?

Об этом Дисмас уже задумывался. И Фридрих, несомненно, тоже. Защищая Лютера, Фридрих ставил под угрозу само основание, на котором покоится поклонение реликвиям, и рисковал обесценить свою гигантскую коллекцию. Поклонение святыням играло большую роль в торговле индульгенциями. Если индульгенции отменят, кто захочет ходить на поклон к святым костям?

Негодование и нападки Лютера росли и ширились соразмерно с обличениями, которые неслись в его адрес из Рима. Теперь он направлял свой гнев не только на индульгенции, но и на папский престол. Да еще в каких выражениях! В последнем памфлете он назвал собор Святого Петра «ненасытной базиликой» и заявил, что папа должен строить ее за свой счет,

поскольку он богаче Креза.

Свои памфлеты он писал с бешеной скоростью. За ним едва поспевал печатный станок. Лютер отверг таинство епитимьи. Отверг существование чистилища. Отверг верховенство Рима. Земля содрогалась под его сандалиями.

Это было что-то невероятное. Папа римский, император Максимилиан и Альбрехт – три самых могущественных человека не только в Европе, но и во всем в мире – мечтали отправить его на костер. Но всякий раз, когда к вязанкам подносили факел, Лютер выхватывал его и поджигал царственные мантии. Как это удавалось простому монаху? Впрочем, его оберегал Фридрих, отказываясь выдавать своего саксонского подданного в руки сторонних властей. И что это сулило Фридриху? Ничего, кроме враждебности могучей тройки. Как ни парадоксально, Фридрих продолжал оставаться искренним католиком. Насколько известно, он не принимал ни один постулат еретической доктрины Лютера.

Выплеснув гнев, Альбрехт заговорил помягче:

– Вы собираетесь в Виттенберг?

– Сначала заеду в Нюрнберг. Я несколько месяцев не был дома.

– Заверьте нашего брата во Христе Фридриха в нашей непреходящей любви, – вздохнул Альбрехт. – Как поживает его коллекция? По-прежнему обширнее нашей?

– Числом обширнее, – ровным голосом ответил Дисмас, – но в ней ни единая святыня не превосходит блеском лодку вашего преосвященства.

– Он будет нам завидовать.

– Несомненно.

Альбрехт протянул руку для лобызания:

– Счастливого пути, Дисмас. Возвращайтесь к нам поскорее. Привозите чудесные находки. И вот еще что, Дисмас...

– Да, ваше преосвященство?

– Если отступничество Лютера укоренится, то вся коллекция вашего дядюшки, будучи обширнее нашей, и пострадает больше нашей. Напомните ему, что все его залы в одночасье утратят всякий смысл. – Подавшись вперед, он задул большую свечу на столе. – Так и передайте.

7. Катастрофа

Дорога до Нюрнберга тянулась бесконечно. Дисмас, угнетенный возмутительной показушностью Альбрехта, преисполнился самых скверных предчувствий. Кто знает, что ждет впереди? Скорее всего, Лютеру несдобровать даже под протекцией Фридриха.

Спору нет, Фридрих – влиятельная персона: правитель Саксонии, курфюрст, князь-выборщик Священной Римской империи. Но лишь один из семи. Еще одним был Альбрехт. Если император Максимилиан и вправду умирал от французской болезни – а сомневаться в этом не приходилось, – то неизвестно, станет ли его преемник так же сквозь пальцы смотреть, как Фридрих покрывает Лютера. Поговаривали, что трон Максимилиана унаследует его внук Карл, король Испании, более решительный, а вернее – непоколебимый поборник католической доктрины. Он вполне может сказать «довольно» и арестовать Лютера, не обращая внимания на Фридриха. И что тогда? Междоусобная война внутри империи? Выдержит ли ее Фридрих? Разумеется, нет. Эти раздумья тяготили Дисмаса без меры. Он чувствовал себя дряхлым старцем.

Наконец путешествие завершилось: ранним утром из тумана торжественно выступили зубчатые стены и величественные башни свободного имперского города Нюрнберга. Дисмас неожиданно понял, что истосковался по иным видам.

Пришла пора возвращаться в родные края, как сделал Маркус. В горы, в отчий Мюррен – крохотную деревушку на самой вершине огромных скал. Эта мысль, внезапная и пронзительная, наполнила его радостью. Дисмас невольно улыбнулся. Да, время настало. Он пришпорил коня в рысь.

Сначала он заглянет к своему другу Дюреру. Нет, сначала зайдет в баню, отмокнет в горячей ванне, переоденется в чистое, а потом – к Дюреру. Они славно поужинают, немного захмелеют – на этот раз не до такой степени, что Дюрер полезет на стол выкрикивать оскорбления в адрес папы, – после чего Дисмас наконец-то выпитися на чистом белье в собственной кровати. А утром отправится к мастеру Бернгардту за своими сбережениями.

Он прикинул, много ли накопил. Согласно последнему отчету мастера Бернгардта – больше двух тысяч золотых флоринов. Приличная сумма. С лихвой хватит на всю оставшуюся жизнь. Для такого богатства нужна повозка. Дисмас чуть было не расхохотался. Да, он отправится домой,

найдет себе добронравную милую девушку и напихает ей полное пузо ребятни. Построит дом и каждое утро будет глядеть на горы, на Эйгер и Юнгфрау, – вид, от которого всякий раз захватывает дух. Не надо гоняться за мощами и лебезить перед продажными архиепископами. Дисмасу давно не было так покойно и хорошо – с тех самых пор, когда Хильдегарда и дети были еще живы.

Дюрера он застал в добром здравии. Тот провел зиму в Венеции и с жаром рассказывал Дисмасу о какой-то новой технике, называемой *chiaroscuro*. Из его объяснений Дисмас лишь смутно понял что-то про контраст света и тени. Дюрер с гордостью показывал свои новые гравюры, и впрямь замечательные, а потом объявил, что пишет труд по математике – науке, в которой обладал глубокими познаниями.

Италия неизменно действовала на Дюрера освежающе, хоть он и осуждал моральный облик итальянцев. Его распирало от новостей. Наслушавшись омерзительных сплетен, в основном про причуды и странные наклонности папы Льва, художник лишь больше укрепился в своем уважении к Лютеру. Дюрер рассказал, как папа, удумав заполучить Урбинское герцогство для своего племянника Лоренцо, затеял войну, обошедшуюся в астрономическую сумму – восемьсот тысяч дукатов золотом. Это возмутило некоторых кардиналов, и они вознамерились отравить папу.

– Жаль, у них ничего не вышло, – вздохнул Дюрер.

Расправа над кардиналами была ужасной.

От папы беседа перешла к последней филиппике Лютера в адрес Рима; в ней он называл папу антихристом и, прости господи, «великой бесноватой вавилонской блудницей». Дисмас взял с Дюрера слово, что сегодня в «Жирном герцоге» обойдется без пьяных поношений.

Дюрер с содроганием вспомнил последствия прошлой гулянки: гомерическое похмелье и Агнессу, в неистовом гневе равную Медее. Друзья решили приятно провести время, на этот раз придерживаясь Сократовой умеренности.

За ужином Дисмас рассказал Дюреру про Альбрехта и его шарлатанскую лодку святого Петра. Упомянул он и об озарении, снизошедшем на него по пути в Нюрнберг, и о планах оставить торговлю реликвиями и вернуться в родные края. Он добавил, что эти счастливые мечты припорошены грустью, поскольку теперь приятели станут видеться реже, и пообещал устроить в доме комнату с большим окном, чтобы Дюрер, приезжая в гости, мог там рисовать.

Дюрер заявил, что в кантонах рисовать нечего.

– Кто мне будет позировать? Коровы?

Дисмас отвечал, что обязательно купит громадное зеркало, чтобы Дюрер мог писать свою любимую натуру.

Дюрер расхохотался. Ужин шел славно.

Потом Дюрер сказал:

– Слава богу, Агнесса не послушалась твоего совета и не отнесла деньги этому пройдохе Бернгардту.

– Ты о чем? – удивился Дисмас.

– Ты забрал у него свои сбережения?

– Покамест нет, а что?

Дюрер с ужасом поглядел на друга:

– Я думал... Ты так благодушен... Вот я и решил, что ты успел забрать деньги.

– Я же был в отъезде, Нарс. Только-только вернулся.

– Боже милосердный... – ошеломленно протянул Дюрер.

– Что случилось?

Дюрер подозвал кабатчика:

– Бренди. Две порции, и побольше.

Магнус ушел к стойке.

– Бернгардт в тюрьме, – сказал Дюрер.

– В тюрьме? За что?

– Вроде как за кражу.

– За кражу? Кого он... обокрал?

– Да всех, – пожал плечами Дюрер. – Всех, кто доверил ему деньги, чтоб он их выгодно вложил. Там список о-го-го какой. По крайней мере, ты в неплохой компании. Эрнст, герцог Брауншвейгский. Герлах фон Изенбург-Ноймаген. Бруно фон Изенбург-Бюдингген и прочие Изенбурги. Многие Шварценберги. Георг, герцог Гогенфельский. Ну и всякие Гогенцоллерны – Фрейнар, Генрих, Франц... – Заметив, как побледнел приятель, он решил хоть как-то его подбодрить: – Может, и Альбрехт фон Майнц держал у него деньги? Самое паршивое, что Бернгардт облапошил не только аристократов – на них-то насрать, они просто выжмут еще денег из крестьян и продолжат пить дорогое вино и развешивать гобелены. Говорят, что ему доверили свои деньги несколько монастырей. И Нойштадтский дом призрения. Ну не скотина ли? А еще – Фюртское общество слепых! Одно дело – воровать у толстосумов, – но у слепых?! Какая наглость! В аду его точно ждет теплое местечко... – Дюрер умолк и тронул Дисмаса за плечо. – Ты что, все деньги у него держал?

На казни мастера Бернгардта, состоявшейся две недели спустя, не было недостатка в зрителях. Все сходились в том, что отсечение головы – слишком великодушный способ доставки презренного мошенника Сатане. Поступали ходатайства о более продолжительных способах умерщвления. Для исполнения приговора намеревались пригласить заплечных дел мастера из Майнца. Среди изобретений, прославивших город, был не только печатный станок. Майнцкий палач недавно предложил новый метод экзекуции под названием «большая марионетка». Уши, ладони и стопы приговоренного протыкали громадными рыболовными крючьями, к которым привязывали веревки, и подвешивали несчастного, заставляя его плясать в воздухе вплоть до наступления смерти. («Малую марионетку», позволявшую ногам жертвы касаться земли, использовали для пыток.) К сожалению, городской совет Нюрнберга посчитал, что применение этого способа станет нежелательной рекламой инноваций города-конкурента.

Герцог Гогенфельский, потерявший внушительную сумму, предлагал воспользоваться своей медвежьей ямой и услугами своего паладина Зигфрида. Другие настаивали на тлеющем костре, памятуя о недавнем сожжении ведьмы, которое растянулось почти на целый день благодаря совокупному эффекту крепкого ветерка и сырых фашин.

В конце концов верховный судья Нюрнберга возобладал над крикунами, требовавшими самого жестокого наказания, и, к шумному недовольству толпы, объявил казнь через обезглавливание. Впрочем, когда мастера Бернгардта вывели к Вороньему камню, присутствующие убедились, что пребывание мошенника в нюрнбергской темнице было не из приятных. Однако же это мало кого утешило.

Дисмас не присутствовал на казни. Он погрузился в чернейшую депрессию, две недели не вставал с кровати, почти не ел и не пил. Верный Дюрер приходил каждый день, а то и чаще, настойчиво стучал, но Дисмас не собирался открывать.

После того как Бернгардту отрубили голову, а четвертованный труп оставили на расклев воронью, тлетворный сон Дисмаса был прерван отчаянным стуком в дверь.

Дюрер с топором в руках истошно вопил, что если его не впустят, то он прорубит себе вход.

Дисмас поднялся и зашаркал к двери.

– Боже, ну и вонища у тебя! – ужаснулся Дюрер.

– Я тебя не приглашал. Уходи.

Дюрер распахнул окна настежь и принялся разгонять зловоние. Потом

собрал платье и заставил Дисмаса одеться.

– У меня есть прекрасная новость. Но если я останусь здесь хоть на секунду дольше, то все заблую. Идем.

Дисмас словно бы разучился ходить. Дюрер волоком дотащил его до бань, потом до цирюльни, где Дисмаса побрили и вычесали вшей, а оттуда отвел к себе домой. Агнесса встретила Дисмаса суровым взглядом:

– Ты и впрямь хотел, чтобы мы отдали свои деньги этой скотине?!

– Агнесса, охолони, – сказал Дюрер. – Лучше накорми его. Ты же видишь, он оголодал.

– Так ему и надо.

– Агнесса!

Агнесса вышла, сердито ворча себе под нос.

Дюрер провел Дисмаса в мастерскую, подальше от жены.

– Надо же, – притворно вздохнул Дюрер. – Кто же знал, что «Меланхолию» надо было рисовать с тебя?!

Гравюра повсеместно считалась одной из лучших работ художника. Дисмас не отреагировал на замечание.

– Так вот, ты готов выслушать благие вести? Или предпочтешь выпрыгнуть в окно и разбиться до смерти?

– Ну рассказывай уже.

– Вряд ли с моей помощью ты заработаешь столько же, сколько умыкнул у тебя этот подонок Бернгардт, но тебе вполне хватит на беспечальную жизнь в занюханном кантоне вместе с какой-нибудь смазливой пейзажкой. Дисмас, ты слышишь?

– Каждое слово, – рассеянно пробормотал Дисмас.

– Я намерен изготовить плащаницу.

Дисмас уставился на него:

– По-твоему, это благая весть?

– А ты продашь плащаницу этому поганому своднику, Альбрехту, – заявил Дюрер и, видя, что Дисмас осмысливает услышанное, поспешно добавил: – Только сначала решим, как поделить выручку. Не волнуйся, денег мы заработаем кучу, потому что я создам шедевр.

Дисмас уплетал кроличье рагу. Тяжелый нрав Агнессы не мешал ей отлично готовить.

– Не спеши, подавишься, – предупредил Дюрер, в четвертый раз наполнив миску приятеля. – Вроде как оживаешь. Рассказать тебе про казнь? Все явились поглазеть. Может, сделать гравюру? Разлетится в одночасье.

– Нет, – ответил Дисмас.

– Почему?

– Потому что не хочу услышать, что, перед тем как ему отрубили башку, он попросил священника о Божьем прощении. Не хочется думать, что Господь его простит. – Дисмас утер рот, залпом осушил стакан вина и откинулся на стуле. – Так вот, про твою задумку. Ты же знаешь, плащаниц – море. Я лично видел... ох, не помню сколько. Сотни.

Нарс презрительно фыркнул: так-то оно так, да только ни одна из них не вышла из-под кисти Альбрехта Дюрера. Несколько лет назад он пробовал писать темперой по льну, с превосходным результатом. Пересыпая рассказ математическими терминами, Дюрер начал объяснять пропорции человеческого тела. Затем завел бесконечную, но ученую речь о каком-то монахе-францисканце из Болоньи, который написал большой трактат о методах измерений и перспективе...

Дисмас делал вид, что слушает. Мысли его были заняты более прагматичными вопросами. Во-первых, холст. Он знал одного торговца в Аугсбурге, который снабжал изготовителей плащаниц палестинским льном характерного плетения, за свой вид называемого «рыбья кость». Собственно говоря, холст и являлся самым качественным элементом плащаницы. Дисмас хотел сообщить это Дюреру, но тот безостановочно вещал что-то о «трехосной соразмерности пространств». Улучив момент, Дисмас все же сумел встроиться в поток словес:

– Чем ты собираешься писать?

– Как это – чем? – Дюреру вопрос явно казался дурацким. – Кровью, разумеется.

– Человеческой?

Дюрер задумался:

– М-да, с этим материалом я никогда прежде не работал. Нужно будет ее развести, чтобы создать эффект старения. Возможно, понадобится ржавчина. Окись... Растертые в порошок железные опилки... – забормотал он себе под нос.

– Жаль, что не кровью Бернгардта.

– В свежей человеческой крови недостатка нет – головы-то рубят чуть ли не каждый день. Найдем какого-нибудь огольца, пусть посидит с ведром под эшафотом. Но действовать придется оперативно, иначе кровь свернется. Ключевым элементом будет холст.

– Да, я так и думал.

– Ты же понимаешь, – сурово изрек Дюрер, – что это будет не простая плащаница?

– Да, Нарс. Ты уже говорил. Это будет шедевр.

– Я не об этом. Нужно придумать легенду о том, откуда она взялась и как она оказалась у тебя.

– Это называется «провенанс».

– Спасибо, Дисмас, я в курсе.

– Шамберийская плащаница, на которой помешался Альбрехт, впервые упоминается в пятидесятые годы четырнадцатого века. Значит, наша теоретически должна появиться раньше. А ты умеешь подделывать документы?

– Ну ты спросил, – обиженно протянул Дюрер.

– Тоже мне, невинное создание! Значит, я придумываю легенду, а ты стряпаешь соответствующую документацию.

– Похоже, мне придется все делать самому.

Дисмас ошалел от такой наглости:

– Сначала невинная крошка, теперь – мученик? Кто из нас двоих рискует больше? Давай так: я рисую плащаницу и сопроводительные бумажки, а ты едешь в Майнц и кладешь башку на плаху.

Дюрер фыркнул:

– Если уж Альбрехт готов выставлять напоказ лодку святого Петра, то к первоклассно исполненной плащанице у него навряд ли будут вопросы. Поэтому ты ничем не рискуешь, а вот мне предстоит огромный труд.

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Семьдесят на тридцать.

– Тогда отбой. Я намерен продать душу дьяволу за достойную цену.

– Хорошо, – трагически простонал Нарс. – Ладно. Договорились. Мы все равно выкатим такой ценник, что Альбрехту придется взять еще одну ссуду у Фуггера. Предлагаю за это выпить. – Он наполнил кружки. – Говори тост.

– В первую очередь неплохо бы выпить за то, чтобы Господь простил нас, грешных.

– Честно говоря, это довольно упаднический тост.

– А как, по-твоему, Господь отнесется к нашей затее? Мы замышляем святотатство и жульничество.

– Пути Господни неисповедимы. А вдруг это часть Его замысла?

Дисмас вытаращил глаза:

– Надуть архиепископа, всучив ему фальшивый саван Христа? Часть замысла Господнего?

– А что такого? Альбрехт и сам дерьмо, и архиепископ из него дермовый. Одна только эта лодка его чего сто́ит! По-моему, вполне

очевидно, что мы совершаем богоугодное дело.

– Ага, у меня вот-вот крылья прорежутся. Не пори ерунды, Нарс. Мы делаем это из самых низменных побуждений. Ради денег.

– Ну и что? Если тебя так мучает совесть, раздай свою половину нищим. Я свои денежки придержу. Кто сказал, что богоугодные дела делаются задаром?

Дисмас поднял кружку:

– За милость Божью, да пребудет она безграничной.

Выпили.

– Только без автопортретов, – предупредил Дисмас.

Дюрер закатил глаза.

– Нет-нет-нет, – сказал Дисмас, – не надо корчить рожи. Если на плащанице где-то окажется твое изображение, я не стану втюхивать ее архиепископу Майнцскому.

– За кого ты меня принимаешь?

– За талант первого порядка. И за нарциссита на порядок выше.

– Выше первого порядка не бывает. Ты ничего не смыслишь в математике. Но ладно, договорились. Как будет благоугодно поставщику святынь при дворах Майнца и Виттенберга.

– По рукам. А теперь давай надеремся. В следующий раз случай представится не скоро.

8. Майнцская плащаница

Дражайший и всененагляднейший Дядюшка! С превеликим души трепетанием обращаю я к Вашему Всеблаготворству эти строки, дабы допрвенести до высочайшего внемления весть о приобретении поистине причюдестном и всевосхитительном...

Дисмас бросил перо и выругался. Писатель из него был никакой, это правда. Вдобавок он чувствовал себя последней скотиной, адресуя это надувательство дядюшке Фридриху. Несколько раз он порывался изодрать лист в клочья, но напоминал себе, что если Дюрер прав, то Фридрих никогда не получит этого послания.

Он снова взялся за перо и продолжал:

Вы многожды соизъявляли хотение всемерное залучить какую-нибудь Истинную Плащаницу Спасителя Нашего. Я многожды обтружался утруждался поисканиями указанной вышеозначенной пресвятой святыни

согласно всеублажению пожеланий Вашего Светлейшества оным образом изъясненных. И впрямь из самочестнейших устремлений декларировал противление свое...

Дисмас застонал. Проще было бы заплатить какому-нибудь шелкоперу, чтобы тот написал письмо за него. Но это исключалось.

...клеимил плащаницы которых встречал. Но теперь я думается сприподобился узреть ту самую холстину, в которой Спаситель Наш восположен был во Могилу Его.

Как это дело заимело быть место могли бы спросить Ваше Многолюбие? Очень даже истинно. Я о том поведаю сейчастно. Всенесомненно Присномудрому дядюшке известен некий Бонифаций Монфератский, ославившийся заслуженно снискавший хулу в Четвертом крестовом походе в ранние годы тринадцатого века летоисчисления Христова? Воистину! То самое злозачатое предприятие когда христианские италийцы вероломно и прецинично жестоко поубивали на смерть христианских своих братьев, сестер, стариков, беременных женщин и невинных младенцев – возопиеше грех пурпурный! – во Граде Константиновом. И кроволитие то великое было долго и обильно, а жаднокровие свойное взалкаше пресытя предались они града разорению и святостей его ухищению. Истинно говорю, кощунственная хула и святотатство, имя тебе Четвертый поход!

Одной святостью из оных, доселе неведомая и неслыханная об, была истинная холстина погребальная Господа Нашего Иисуса Христа. С худолетья того 1204 года от Рождения Спасителя Нашего, под каковым имею ввиду я вышепомянутый поход крестовый, эта ИСТИННАЯ святая холстина имела место находиться в руках наследника ранее помянутого ранее многопаскудного Бонифация, который, Хвала Господу и всем святым, претерпел заслуженную кончину от руки равножадного до кроволития ему Болгарского Царя Калояна вскоре после. О чем мы возликоваше!

Саван Спасителя унаследовала дочь его Беатриса, маркиза Савонская, после и поелику передавался он по женской линии рода до тех пор паче...

Дисмас писал до глубокой ночи. Решив не удручаться безграмотностью, он дал волю фантазии в отношении фактологических аспектов провенанса. В заключение письма он предупредил дядюшку Фридриха, что уплатил «цену самую ненавистную» настоятелю

каппадокийского монастыря, где якобы и обнаружил святейшую из святынь.

В постскриптуме он упомянул, что отбывает с драгоценным грузом из Нюрнберга в Виттенберг через неделю с даты письма, и извинился, что посылает такое конфиденциальное послание с императорским фельдъегерским курьером, ибо хочет, чтобы новость достигла Фридриха как можно скорее. Он подписался «Преданный Вам племянник», почувствовав при этом еще один укол совести.

Перечитав корявую вязь, точнее, липкие тенета криводушных заверений, Дисмас устыдился еще больше, но снова напомнил себе, что Фридрих письма никогда не увидит, так как предназначено оно исключительно для глаз другого его покровителя – Альбрехта Майнцкого.

Дисмас свернул письмо в тугой свиток и, вместо того чтобы запечатать сургучом, перевязал шнурком. Снаружи он вывел: «СРОЧНО И СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ФРИДРИХУ III БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ КУРФЮРСТУ САКСОНСКОМУ».

Крикливая адресация, несомненно, привлечет внимание диспетчера фельдъегерской службы, получавшего приличное содержание от главного шпиона Альбрехта. Письмо вскроют, скопируют слово в слово и вышлют копию срочным курьером в Майнц, а оригинал придержат и отправят в Виттенберг обычным ходом. Таким образом наживка для Альбрехта будет заброшена. Приятели решили, что это раззадорит Альбрехта много сильнее, чем если бы Дисмас просто заявился в Майнц с Нарсовой плащаницей на продажу.

А к тому времени, когда письмо доберется до Виттенберга, чернила, смешанные Дюрером, исчезнут. Хихикая, друзья представляли себе, как императорский курьер прибывает со сверхсрочным посланием для курфюрста, раскрывает сумку и вручает секретарю Фридриха девственно-чистый лист.

Дисмас понес написанное Дюреру. В последние недели Дюрер не пускал приятеля в мастерскую, а сам носа оттуда не высовывал. Приходилось переговариваться через закрытую дверь, и Дисмасу это надоело.

Еще больше его беспокоило, почему Дюрер так долго возится. Дисмас нервничал. С каждым днем плодились слухи о переговорах Альбрехта с Римом насчет кардинальства. Последнее архиепископство обошлось в десять тысяч дукатов золотом. Поговаривали, что за кардинальскую шапку папа запросил втрое, если не вчетверо, а значит, Альбрехту снова придется обращаться за ссудой к Фуггеру. Останутся ли у него деньги еще и на

плащаницу?

Дверь Дисмасу открыла Агнесса – как обычно, в сварливом расположении духа. Она была чрезвычайно недовольна поведением мужа, который заперся в мастерской и едва выходил поесть, что было чудаковатым даже по меркам самого Дюрера. В мастерскую он жену не пускал. А она желала знать, в какую гнусность он снова ввязался. В том, что это гнусность, сомнений у Агнессы не было. Никаких.

Дисмас попробовал ее успокоить. Художники – народ особый, не как все нормальные люди. Очевидно, Дюрер испытывает приступ вдохновения и работает над чем-то потрясающим.

– И прибыльным, – добавил он.

Увы, рапсода не возымела успеха. Агнесса, громыхнув крахмальными юбками, унеслась в свои покои. Дуться.

Дисмас постучал кулаком в дверь мастерской и прошипел:

– Нарс, открой.

– Поди прочь.

– Кранах управился бы скорее.

Дверь распахнулась.

Впустив Дисмаса, Дюрер немедленно захлопнул и запер дверь.

– Еще не кончена.

Дисмас разглядывал холст на мольберте. Такой работы Дюрера он никогда прежде не видел. Невероятная тонкость и четкость прорисовки позволяла различить каждую ресницу, каждый волосок бороды. Это было похоже на замысловатое пентименто, проступившее на картине маслом, оставленной выцветать на солнце в течение полутора тысяч лет.

Лик завораживал. Ясно было, что при жизни человек претерпел ужасные муки, но посмертный образ источал предвечную умиротворенность. В изображении сквозили черты его создателя, но сходство было мимолетным. Должно быть, Дюрер сдерживал себя изо всех сил!

– Что скажешь?

– Хорошо, Нарс. Правда хорошо.

– Еще несколько штрихов. Потом сложим в осьмушку – так проще перевозить. И надо будет еще подпалить края.

– Подпалить?

– Для достоверности.

– Зачем?

– Кто из нас знаток реликвий? Если плащаница существует с тридцать третьего года от Рождества Христова, то без подпалин не обойтись.

– Хорошо. Только не спали дотла.

Большим и указательным пальцем Дюрер бережно потер уголок холста:

– Не бойся, все будет отлично. Так сколько запрашиваем?

Дисмас окинул полотно оценивающим взглядом:

– Две сотни дукатов.

– Две сотни? За это?!

– Хорошая цена, Нарс.

– Уж лучше даром отдать. Я всю душу сюда вложил!

– Твоя душа прекрасна, спору нет. – Дисмас снова поглядел на плащаницу и вздохнул. – Ладно, попробую слупить триста. Но не гарантирую.

Дюрер скрестил руки на груди:

– Пятьсот дукатов и ни пфеннигом меньше.

– За такие деньги он потребует тело Христово.

– Ха! Он их за месяц отобьет. Истинный саван Христа! Народ повалит отовсюду. Магеллан развернется на полпути в Индию, чтобы посмотреть.

– Попросить пять сотен можно, но это не означает, что мы их получим.

– Пять сотен. И ни дукатом меньше, – заявил Дюрер, любуясь своей работой. – А Фридрих?

– Что – Фридрих?

– А он сколько даст?

– Тьфу на тебя! Как тебе только не совестно?! Я и так чувствую себя последней сволочью из-за этой вот... брехни. – Дисмас протянул Дюреру черновик письма. – А если твой фокус с исчезающими чернилами не работает, я...

– Ладно, не зуди. Ты хуже Агнессы. – Дюрер прочел послание и хмыкнул: – Боже милостивый, ну и мерзкий же у тебя слог! Правописание, грамматика... Который год отираешься возле Фридрихового университета, а пишешь как последняя деревенщина.

– Прошу прощения, что это не соответствует вашим высоким стандартам, – парировал Дисмас.

– Что ж, сойдет и так, – хохотнул Дюрер. – Все равно Альбрехт обдристается от счастья, да так, что всю сутану обмарает.

– Остается лишь надеяться, что завязки архиепископского кошелька дадут такую же слабину, как архиепископское нутро.

9. Кесарю – кесарево

Спустя пять дней после вручения письма императорскому почтмейстеру Дисмас, тщательно упаковав сложенную в осьмушку плащаницу, неспешно направился в Виттенберг.

К середине второго дня пути, на подъезде к Байройту, за спиной Дисмаса раздался топот копыт. Шесть всадников, под началом Витца, лейтенанта Дрогобарда. Дисмас удовлетворенно отметил отсутствие ландскнехтов. Хороший знак. Альбрехт сообразил, что Дисмасу будет неприятно увидеть ландскнехтов в группе перехвата.

Дисмас с притворным удивлением оглядел отряд. Витц держался почтительно, однако же заявил, со всей мягкостью, на какую только способен солдафон, что архиепископ требует Дисмаса к себе. Безотлагательно.

– Зачем? – осведомился Дисмас.

Этого Витц сказать не мог. Дело государственной важности.

Дисмас изобразил замешательство. Он ведь направляется в Виттенберг. И тоже по делу государственной важности.

Витц стоял на своем. Не желая затягивать спектакль, Дисмас сказал, что раз дело и вправду такое срочное, то он, разумеется, согласен отправиться с ними к своему досточтимому покровителю.

После двух дней неустанной скачки они переправились через Рейн и устремились навстречу шпилям Майнца, сиявшим в лучах заката.

Дисмас гадал, чем Альбрехт объяснит свое бесцеремонное вмешательство в чужие планы. Вряд ли он, как обычно, воскликнет: «А, Дисмас!» – а потом заявит, что его шпионы перехватили послание Фридриху.

Во дворце архиепископа слуги спешно сгружали вещи с повозки Дисмаса. Кожаный футляр размером с большую Библию Дисмас оставил при себе. В футляре лежала плащаница.

– Дис-мас! Любезный кузен! Как мы рады вашему приезду! Вы не устали с дороги?

Дисмас опустил на колени, готовясь лобызнуть архиепископово кольцо.

– Бросьте, бросьте, все эти условности ни к чему, – сказал Альбрехт, поднимая его на ноги.

– Надеюсь, мой кузен в добром здравии? Лейтенант не смог объяснить, чем вызвана такая срочная необходимость в моем присутствии.

– Садитесь же! Вы, должно быть, утомились. Вина мастеру Дисмасу, – велел Альбрехт слуге.

Вино, и преотличное, немедленно подали и разлили по кубкам. Слуга удалился.

– Дисмас, до нас дошли сведения, что обнаружено кое-что интересное.

– Правда?

– Да. Плащаница.

– Неужели?

– С поистине великолепным провенансом, – улыбнулся Альбрехт.

– Любопытно.

– Судя по всему, ее происхождение относят к более ранней дате, чем появление Шамберийской плащаницы.

Дисмас с притворной неловкостью заерзал в кресле, хотя особенно притворяться и не приходилось.

– Невероятная новость. А позвольте полюбопытствовать, каким образом мой кузен добыл эти сведения?

– Ах, Дисмас, – снисходительно улыбнулся Альбрехт, – мы все-таки архиепископ Бранденбургский, Майнцкий да еще и Гальберштадтский. Нам известно все, что происходит в наших владениях.

– Заботливый пастырь и впрямь должен приглядывать за паствой, – улыбнулся в ответ Дисмас. – Наверное, это очень утомительное занятие. Бескрайние угодья. Бесчисленные стада. Агнцы и козлища...

Альбрехт удивленно наморщил лоб:

– Неужели вас не взволновало это известие? Обнаружена священная реликвия, истинная погребальная пелена Господа нашего Иисуса Христа. – Альбрехт осенил себя крестным знаменем.

Перекрестившись, Дисмас подтвердил:

– Разумеется, это потрясающая новость.

Теперь они смотрели друг на друга в упор.

– Бедный герцог Савойский, – вздохнул Дисмас.

– Почему это?

– Когда истинная плащаница будет явлена миру, то герцогская станет тем, чем и была с самого начала, – ничемным лоскутом. Кто же теперь потащится в Шамбери поклоняться отрезку холстины? Прощайте, паломники. Бедный герцог.

– Ага! Значит, мой кузен все-таки знает о новой плащанице?

Судя по смущенной гримасе на лице Дисмаса, он отчаянно старался не

выдать тайну.

– Кузен, я попал в чрезвычайно щекотливое положение.

Альбрехт сочувственно кивнул:

– Ах, сын мой! Вы же знаете, что любовь наша к вам безгранична. Чем мы можем помочь? Доверьтесь нам, снимите бремя с души своей.

– Видите ли... упомянутая вами вещь... ну... Честно говоря, она при мне.

– *Mirabile!*^[3]

– Но, к сожалению, я должен уведомить моего кузена, что предмет этот просватан.

– Как это просватан?

– Обещан курфюрсту Фридриху.

Альбрехт впился глазами в кожаный футляр, покоившийся рядом с Дисмасом:

– Дисмас, нам должно лицезреть ее.

– Может быть, вам лучше ее не видеть, кузен? Иначе вы только...

– Что?

– Я опасаясь, что это воспалит в моем кузене алкание...

– Изъяснитесь по-человечески.

– Жажду обладать ею. От нее исходит великая сила...

– Дисмас, мы настаиваем.

– Как будет угодно моему кузену, – вздохнул Дисмас.

У стены стоял длинный стол из монастырской трапезной. Дисмас обмахнул столешницу, бережно опустил на нее футляр, расстегнул ремешки и осенил себя крестным знаменем. Альбрехт перекрестился следом. Дисмас благоговейно развернул плащаницу и отступил в сторону:

– *Ecce homo*^[4].

Альбрехт ахнул.

Вечером они встретились за трапезой в покоях Альбрехта.

После осмотра плащаницы Дисмас, сославшись на усталость, оставил Альбрехта наедине со святыней, дабы распалить его алчбу.

Ужин подали превосходный. Изысканные яства следовали одно за другим, в сопровождении лучших вин из дворцовых погребов. Альбрехт то и дело наполнял кубок Дисмаса. Предвидя такой поворот событий, Дисмас загодя выпил плошку оливкового масла, чтобы умастить желудок и не опьянеть. Он притворился захмелевшим.

– Значит, плащаница обещана курфюрсту Фридриху?

– И да и нет. Да. Нет, – забормотал Дисмас. – То есть да. Можно

сказать, обещана.

– Так да или нет?

Дисмас поднял кубок и заявил:

– А давайте выпьем? За Фридриха Мудрого, курфюрста Саксонии. За его здоровье, да будет оно долгим. И жизнь тоже.

– За Фридриха, – мрачно отозвался Альбрехт. – Так вот, плащаница. С какой стати она вдруг обещана Фридриху? Да и обещана ли? Мы не понимаем вас, Дисмас.

Дисмас на нетвердых ногах встал из-за стола, повернулся к плащанице и воздел кубок:

– А теперь за плащаницу... – Он сконфуженно осекся. – Кузен, а приличествует ли пить за саван Господа нашего Иисуса Христа? Вино достойное, спору нет...

– Да сядьте уже, Дисмас. – Альбрехт понемногу терял терпение. – Да-да, приличествует. За плащаницу. А скажите...

– Знаете, кузен, – перебил его Дисмас, – я всю свою мощедобытческую жизнь мечтал найти истинную плащаницу. И вот Всевышнему стало угодно, чтобы так оно и вышло. – Дисмас перекрестился. – И я предлагаю выпить за Господа Бога. Это приличествует, разумеется?

– Приличествует. Мы не сомневаемся, что Господь Бог возрадуется. А скажите, по какому праву Фридрих притязает на плащаницу?

– А ему всегда хотелось ее заполучить, – пожал плечами Дисмас и стукнул кулаком по столу. – И теперь он ее обретет! Винцо у вас превосходное, кузен.

– Я рад, что вам нравится. Вот, выпейте еще. Послушайте, вам ведь известно, что нам тоже всегда хотелось заполучить плащаницу. Совсем недавно мы просили вас договориться о приобретении шамберийской святыни.

– Совершенно верно. Просили. Да. Я помню. Да. – Он перегнулся через стол к архиепископу. – Вот что я вам скажу, кузен...

– Что?

– Как только я отвезу истинную плащаницу дядюшке Фридриху, то, если вам угодно, поеду в Шамбери, узнать, не согласится ли герцог Савойский расстаться со своей? – Дисмас рыгнул. – Ох, пардоньте. Сами понимаете, когда в Виттенберге выставят настоящую плащаницу, герцог Савойский сам захочет продать свою. – Дисмас погрозил пальцем. – Бьюсь об заклад, я сторгую ее за сходную цену. Скажу ему, мол, ваше савойство, теперь-то целый свет знает, что ваша плащаница – рухлядь, льняная тряпица, а настоящая – в Виттенберге. Нет, право, отличное винцо!

– Дисмас, послушайте нас. Нам не нужна савойская плащаница. Нам нужна вот эта. – Альбрехт указал на длинный стол.

– Знаю, знаю, – сочувственно вздохнул Дисмас. – Право же, мне жаль, что я пообещал ее дядюшке Фридриху, но теперь уж ничего не попишешь.

– Сколько он за нее предлагает?

– Дело-то не в цене, правда?

– Дисмас, я вас спрашиваю. Сколько?

– Ну, если спрашиваете, шесть сотен.

– Шесть сотен? – ошеломленно переспросил Альбрехт.

– Ага. Дукатов.

Альбрехт швырнул салфетку на стол:

– Фридрих согласился заплатить такую неслыханную цену?

– Угу, – кивнул Дисмас. – Плюс накладные расходы.

– Что за накладные расходы?

– Путь до Каппадокии и обратно – та еще одиссея. Знаете, сколько меркантильные венецианцы нынче дерут за место на корабле до Анатолии? А там надо платить караванщикам. И проводникам. Нанять охранника из мамлюков. И еще одного, чтобы охранял от первого. Жуткий край! Потом нужно платить каждому встречному и поперечному султану за разрешение...

– Да-да, мы понимаем, это, несомненно, затратное предприятие.

Альбрехт промокнул салфеткой испарину со лба, встал из-за стола и подошел к плащанице.

– Кузен, – робко окликнул его Дисмас.

– Что?

– Простите, но с вас пот ручьем...

– И что с того?

– Видите ли... Там же... святой саван Господень.

– Ох! – Альбрехт отступил подальше от стола. – Ладно. Пять сотен. И пятьдесят в счет накладных расходов.

Дисмас беспомощно всплеснул руками:

– Кузен, я же обещал ее Фридриху!

Альбрехт строго посмотрел на него:

– Кузен, вам известно, что творится в Виттенберге?

– Я же был в Каппадокии...

– С прискорбием сообщаю, что Виттенберг превратился в гнездилище ереси.

– Ох. Правда? Хм. Как скверно.

– Это чудовищно. Вынужден уведомить вас, что ваш дядюшка

покрывает бесовского супостата нашей Святой Матери Церкви. Я имею в виду богомерзкого августинца брата Лютера, да смилуется Господь над его прокаженной душой.

– Да, я слышал, что...

– Известно ли вам, Дисмас, что ваш дядюшка Фридрих отказался выдать Лютера братьям-доминиканцам для проведения дознания?

– Ай-яй-яй.

– Более того, он вообще отказывается выдать шельмеца кому-либо еще, хотя этого неоднократно требовали не только мы, но и его святейшество. Что вы на это скажете?

– Ну, я не теолог, но мне кажется это... некрасиво.

– И вы, Дисмас, собираетесь предать эту святейшую из реликвий в самое логово порока? – Альбрехт с благоговением взглянул на плащаницу и перекрестился.

Дисмас сконфуженно наморщил лоб. Затем лицо его просветлело.

– А вдруг она поможет очистить логово порока?

– Каким же образом?

– Ну, может, при виде плащаницы Лютер раскается. Или дядюшка Фридрих осознает свои заблуждения и выдаст Лютера вашим добрым братьям-доминиканцам.

– Мы не имеем права рисковать, Дисмас. И сейчас мы обращаемся к вам не как добрый кузен, а *ex cathedra*.

– Как это?

– Официально, Дисмас, по долгу служения. С нашей позиции архиепископа. Как полномочный представитель Святой Церкви.

– Вот оно что! Мне следует преклонить колена?

– В этом нет надобности. Слушайте, Дисмас. По совести мы не можем позволить вам увезти погребальную пелену Спасителя в Содом и Гоморру. Ни в коем случае. Таким образом, именем нашей Святой Матери Церкви мы, смиренный ее прислужник, вынуждены настоять на нашем праве владения этой святыней. Не беспокойтесь, с вами рассчитаются. Хотя, должен признать, пятьсот дукатов – воистину ошеломительная цена.

– Пятьсот пятьдесят. Там же накладные расходы.

– Как скажете. По рукам?

Дисмас неохотно кивнул:

– Что ж, грех ослушаться своего архиепископа. Так ведь?

– Тяжкий грех, – подтвердил Альбрехт.

– Значит, выбора у меня нет. Вот только что сказать дядюшке Фридриху?

– Господь всемогущий, наш Судия суровый, но правый, сам разберется с Фридрихом. А мы приложим все старания, дабы вернуть заблудшего агнца в лоно Святой Церкви.

– Бедный дядюшка Фридрих, – вздохнул Дисмас.

Альбрехт положил ему руку на плечо:

– Смиритесь. Плащанице предначертано остаться здесь. Господь вами очень доволен. Как сказано в Писании, отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу.

– Ну, тогда конечно... – кивнул Дисмас.

10. К чертям Чистилище

В Нюрнберге Дисмас напрямик направился к своему собрату-заговорщику – доложить о проделанной работе. Успех предприятия, по старой заговорщицкой традиции, отметили перворазрядной попойкой.

– И тут он говорит: «Отдавайте кесарю кесарево...»

Ха-ха-ха-ха!

Веселье правило бал за столиком в углу «Жирного герцога».

Дюрер покачал головой:

– Надо было просить больше. Я так и знал.

– Пятьсот пятьдесят дукатов – недурственно за день работы. А вот еще, слушай. Да послушай ты! Ты слушаешь или как?

– Да.

– На следующее утро я притворился больным с похмелья. А он стал убеждать меня, что мы сговорились за четыре сотни.

– Вот говнюк! Надеюсь, ты не...

– Нет, конечно.

Дисмас запустил руку в карман и вынул горсть золотых дукатов. Он высыпал их на стол, роняя один за другим, звенящим водопадом.

– И как ты объяснишь Агнессе, откуда взялись дукаты?

– Я об этом пока и не думал, – поморщился Дюрер.

– Купи ей что-нибудь милое.

– Помело?

Ха-ха-ха-ха!

– Лучше ожерелье. Как обычно, я за тебя уже все обдумал.

– Хрен с ним, с ожерельем. Я скажу, что император наконец заплатил мне за Ахенский алтарь.

– Ты расписывал Ахенский алтарь? А все говорят, что этот, как его

там...

– Он самый и есть. Но ей-то откуда знать?

Ха-ха-ха-ха!

– Как же весело, Нарс! Все вокруг весело. Даже мне весело. А я, между прочим, родом из кантонов. В кантонах отродясь никто не веселился. На-ка вот, еще бренди... – Дисмас плеснул бренди на стол, промахнувшись мимо кружки.

– Ты мне здесь хлев не разводи! – попенял ему Дюрер и, обмакнув палец в лужу бренди, стал что-то рисовать на столешнице. – О! Новый материал, новая техника письма. Господи, я так многогранен!

– Что ты там рисуешь? погоди, дай угадаю. Автопортрет. Точно! Очень похоже, кстати. Вылитый ты. Глаза такие же ясные.

– У тебя напрочь отсутствует чувство прекрасного. Но чего еще ждать от швейцарской деревенщины? Ты что, слепой? Это же портрет Альбрехта. В слезах!

Ха-ха-ха-ха!

Дюрер рыгнул.

– Художник запечатлел момент, когда выяснилось, что плащаница, приобретенная архиепископом за пятьсот пятьдесят дукатов, – подделка. Видишь, как бедняга убивается? Да и черт с ним. У него теперь есть работа Дюрера, которая ценнее любой истинной плащаницы.

Дюрер склонился над лужицей и спросил у нее:

– Ну что, доволен теперь, архидурачина?

– А с какой стати он обнаружит, что это подделка? – беспокоился Дисмас.

– Я пошутил. А ты шуток не понимаешь. Кому-то из нас надо срочно выпить. Наверное, тебе. Или мне.

Дюрер полез в карман и тоже вытащил пригоршню дукатов. Он расставил их аккуратными столбиками по столу.

– Мои красивее твоих. Но на то я и художник. Глянь, как они мерцают в свете свечей. Вот она, истинная красота. Слышишь? Или опять замечтался об альпийских коровах? Какой же ты все-таки филистимлянин, Дисмас! Но – добрый филистимлянин. – Он снова занялся дукатами. – Я их напишу. И назову картину «Натюрморт с дукатами Альбрехта»!

Ха-ха-ха-ха!

– Кстати, – сказал Дисмас. – На каждом дукате должен быть твой портрет. Тогда у тебя будет великое множество автопортретов.

– Лучше расскажи, как он отреагировал на ценник.

Подражая голосу Альбрехта, Дисмас произнес:

– Должен признать, пятьсот дукатов – воистину ошеломительная цена.

– Между прочим, после твоего отъезда в Майнц я узнал, что Альбрехт берет взятки. От императора.

– Взятки? За что?

– Максимилиан помирает и хочет оставить трон внуку Карлу – испанскому королю. Поэтому последними оставшимися у него дукатами он подкупает курфюрстов, чтобы те голосовали за Карла. Если бы я только знал об этом раньше! Надо было просить тысячу. Две тысячи...

– Не ной. Мы получили пятьсот пятьдесят.

– Как же все это гадко, – неожиданно помрачнев, объявил Дюрер. – Все насквозь прогнило и погрязло в пороке. Мы живем в гнилые времена.

– Прежде чем вещать с амвона, подумай вот о чем. Мы только что облапошили самого влиятельного архиепископа в германских землях. Срубили с него пятьсот пятьдесят дукатов. А теперь продолжай оплакивать прогнивший век.

– Ну-у-у...

– И не все прогнило. Фридрих, например, не прогнил. Предлагаю тост за Фридриха Саксонского. Кстати, я же заставил Альбрехта выпить за его здоровье!

Ха-ха-ха-ха!

– Ты бы видел его рожу. Я думал, он... Ох, черт! Спалатин.

В дверях стоял секретарь Фридриха. Он оглядел таверну, заметил Дисмаса и направился к их столу.

– Так-так, – добродушно произнес он, с улыбкой глядя на двух нализовавшихся друзей и горки мерцающих дукатов. – Мы сегодня что-то празднуем?

– Да, – сказал Дисмас, внезапно протрезвев. – Мы... я... Я потерял все деньги из-за этого проходимца Бернгардта.

– Я слышал, – сочувственно кивнул Спалатин. – Соболезную.

– Но я нанял адвоката, ловкого малого, и... – Дисмас показал на золото. – В общем, он сумел вернуть мои деньги. Не все, конечно. Адвокаты нынче дороги. Но оно того стоит. Как видите.

– Рад за вас. Между прочим, дядюшка вас заждался.

– Мы только что пили за его здоровье. Я как раз хотел его навестить.

– На прошлой неделе случилось нечто странное, – сказал Спалатин.

– Правда?

– В замок прибыл почтовый курьер со срочной депешей от мастера Дисмаса из Нюрнберга. А когда послание распечатали, там ничего не оказалось. Ни слова. Чистая бумага. Это вы прислали?

– Я?.. Нет... Точно не посылал. Я же помню. Очень странное происшествие. Выпьете с нами?

– Нет, спасибо. Я должен поговорить с Генляйном, часовых дел мастером. Вон он сидит. Ваш дядюшка хочет заказать красивые часы для лектория. Будем надеяться, они обойдутся дешевле, чем ваш адвокат. Только не показывайте Генляйну вашу кучу дукатов, иначе он начнет торговать вам свои часы.

Спалатин ушел за стол к часовщику.

– Думаешь, он поверил? Ну, про письмо?

– Да ему плевать. А на кой ты наплел ему про адвоката?

– Что пришло в голову, то и наплел. Или нужно было сказать, что это золото, которым император заплатил тебе за Ахенский алтарь? Надо же было как-то ответить. Денег-то прорва, хватит, чтобы...

– Купить еще бренди! А потом еще.

Из «Жирного герцога» приятели выбрались глубоко за полночь.

– Ты только в ров не свались, – предостерегал Дюрер.

– Зря я солгал мастеру Спалатину. Он хороший человек.

– Да, действительно. Надо было честно признаться: мол, послал дядюшке брехливую цидулю, написанную исчезающими чернилами, чтобы облапошить архиепископа Майнцкого. И познаете истину, и истина сделает вас свободными... – Дюрер рыгнул. – Давай прямо сейчас двинем в Виттенберг, и ты сам ему все расскажешь.

– Тоже мне, утешитель выискался!

– Я просто говорю...

– Не надо больше ничего говорить.

– Ох, ну сколько можно каяться?! Мы сделали доброе дело. Может, теперь у Альбрехта не хватит денег на кардинальскую шляпу.

Дисмас вытащил из кармана дукат и стал разглядывать его при свете луны:

– Как ты думаешь, Нарс, где взяли этот дукат?

– У Якоба Фуггера, как и все остальные дукаты на свете.

– Скорее, у какого-нибудь бедного недоумка, который бросил его в сундук Альбрехта, надеясь выкупить родных из чистилища.

– Тот, кто бросил этот дукат в сундук, конечно же, недоумок, но явно не бедный. И поделом ему, если он еще и настолько туп, что воображает, будто из чистилища вызволяет золото, отданное раскормленному монаху. Я согласен с Лютером. Он утверждает, что никакого чистилища нет. Это просто выдумка. Чтобы все от страха уверовали. К чертям чистилище! О как! К чертям. Чистилище. Нет, ты понял?

– Да уж, Нарс. Обхохочешься. Не забудь Агнессе рассказать.

11. Честное слово

Спустя несколько дней Дисмас верхом подъезжал к Виттенбергу по Лейпцигской дороге.

Особой любви к Виттенбергу Дисмас не питал. Небольшой городок на пологом северном берегу Эльбы, ничего примечательного вокруг. Как ни странно, многие живописцы, включая и Кранаха, окружали Виттенберг величественным горным пейзажем, словно где-нибудь в Баварии. И все-таки, несмотря на заурядный вид городка, детище Фридриха вызывало невольное восхищение. Наверняка в один прекрасный день местный университет сможет потягаться даже с Сорбонной.

Лошадиные копыта простучали по деревянному мосту. По левую сторону высилась башня замковой церкви, а справа виднелись башни-близнецы городского собора. На восточной окраине расположился монастырь августинцев, где брат Лютер наверняка сочинял очередную гневную инвективу против папы. Бедный дядюшка Фридрих!

Стражник у городских ворот жестом велел Дисмасу проезжать. Во дворе замковой церкви Дисмас спешил. Он смотрел на величественное строение и с грустью думал, что в последний раз посещает место, где провел так много времени, пополняя галерею Фридриха. Еще печальнее было от мысли, что он никогда больше не увидит своего покровителя.

Дворецкий Клемп объяснил, что курфюрст в Долгом зале, позирует Кранаху для нового портрета.

Дисмас прошел в кабинет Спалатина. Случайная встреча в нюрнбергской таверне все еще внушала определенное беспокойство.

– А, блудный племянник! – с улыбкой приветствовал его Спалатин.

Что он имел в виду? Или это его обычное добродушие? После обмена любезностями Дисмас как бы невзначай спросил:

– Кстати, что-нибудь выяснилось о странной депеше?

– Ничего. Наверное, очередное разгильдяйство почтовой службы. Далеко не первое. Привезли что-нибудь любопытное для дядюшкиной коллекции? Места почти не осталось. В прошлом месяце мы пересчитали все реликвии. Угадайте, сколько их у нас?

– Тысяч семнадцать?

– Семнадцать тысяч четыреста сорок три. Похоже, архиепископу Майнцскому за нами не угнаться. Между прочим, до нас дошли слухи, что

он обзавелся собственной плащаницей.

– А, ну да. – Дисмас натужно хохотнул. – Таких плащаниц пруд пруди.

– Говорят, эта какая-то особенная. – Спалатин смотрел на Дисмаса. – Не может быть, чтобы вы о ней не слыхали.

– Я был в разъездах, к тому же перевидал столько плащаниц, что меня трудно удивить. Как поживает дядюшка?

– Как обычно. Подагра. Камни. Как вам известно, он любит вкусно поесть.

– Это точно. – Дисмас похлопал себя по животу.

– Тоскует по охотничьим дням. Он ведь обожает охоту. Но это все в прошлом. Лютер ему очень досажает.

– Что происходит?

– Поговаривают, что на Лютера готовится покушение. Пришлось расставить стражу на каждом углу.

– Его не посмеют убить в городе.

Спалатин пожал плечами:

– Он нажил могущественных врагов. Император, папа, наш драгоценный будущий кардинал Майнцкий. Если бы не ваш дядюшка, от брата Лютера уже давно бы осталась лишь кучка золы и косточек.

– Да уж. Хвала Всевышнему за дядюшку Фридриха.

– Трудно сказать, как все обернется. Надеюсь, что в перерывах между сочинением памфлетов, обличающих Римскую церковь, брат Лютер находит время помолиться и попросить у Бога долгих лет для курфюрста. Фридрих вам очень обрадуется. Он постоянно вас вспоминает. Он очень привязан к вам, Дисмас. Вы ему и впрямь как настоящий племянник.

– Да, я знаю. Удалось сторговать часы по сходной цене?

– Против нюрнбергских часовщиков я просто ребенок, – рассмеялся Спалатин. – Как бы не пришлось просить вас одолжить мне горсть дукатов. По правде говоря, я очень рад, что вам удалось вернуть свои деньги. Какой же все-таки жулик этот Бернгардт!

В Долгий зал Дисмас вошел через двери в дальнем конце. Фридрих, смежив веки, сидел в кресле у окна. Наверное, дремал. Он не любил позировать.

Осторожно ступая, Дисмас приблизился. Паркет скрипнул. Кранах обернулся и приложил палец к губам. Дисмас пригляделся к мольберту. Миниатюра. Кисти совершенно крохотные, в иных лишь по волоску или два. Разговор вели шепотом.

– Как он?

– Спит.

– Ясно. – Дисмас рассматривал крошечный портрет. – Хорошо выходит.

– А вы чем промышляли? В могилах рылись?

– Нет. С этим покончено.

– Ну и что за плащаница у Альбрехта?

Дисмас пожал плечами:

– Не знаю. Спалатин что-то такое упоминал.

– Как это? Вы – и не знаете? Вы же в своем деле дока.

– Я плащаниц повидал больше, чем вы – холстов, мастер Кранах.

Фридрих приоткрыл глаза. В юности они у него были навывкате, что придавало им напряженное, лютое выражение. Дюреру удалось это запечатлеть. Увы, возраст и избыточный вес взяли свое. Глаза подзаплыли, но цепкий взгляд, теперь уже искоса, из-под тяжелых век, все так же пригвождал собеседника к месту. Обвисшие щеки смягчали некогда суровый, жестокий облик.

– Племянник. Даете советы мастеру Кранаху?

– Убеждаю его пририсовать нимб, – улыбнулся Дисмас. – А Кранах хочет дожидаться канонизации.

– Ну, это навряд ли. Подойдите же. – Он развел руки для объятья. – Лукас.

– Да, ваша милость?

– Довольно на сегодня.

– Как будет угодно вашей милости.

Протирая кисти, Кранах раздраженно взглянул на Дисмаса. Кранах был человеком разносторонних интересов. Придворный живописец и бургомистр, он вдобавок владел крупнейшим издательским домом в Виттенберге, городской аптекой и многочисленной недвижимостью. Они с Лютером были в приятельских отношениях.

Надо же, размышлял Дисмас. И Дюрер, и Кранах – известные художники. Дюрер подвержен меланхолии, но в настроении – душа общества и весельчак. А с Кранахом не посмеешься. За все годы их знакомства Дисмас ни разу не видел, чтобы Кранах смеялся. Впрочем, это заметно и по его картинам. Нет вдохновения.

– Чем порадуете своего дряхлого дядюшку? – спросил Фридрих.

– Боюсь, я нынче с пустыми руками. Приехал, чтобы... – Дисмас осекся.

– В чем дело?

– Я приехал попрощаться, дядюшка. Возвращаюсь домой. Пора.

Фридрих насупился. Глаза его увлажнились.

– Так неожиданно. Работа над коллекцией еще не закончена.

Дисмас улыбнулся:

– Ваша коллекция – лучшая в мире, дядюшка. Ну, после ватиканской. Мастер Спалатин говорит, что у вас почти не осталось свободного места.

– А чем вы собираетесь жить?

– Я не пропаду. Ваша щедрость сделала меня состоятельным человеком. Не беспокойтесь за меня.

– Я думал, вы потеряли все деньги. Из-за этого поганого Бернгардта.

Значит, ему обо всем известно. Спалатин.

– Мне... – Дисмас кашлянул, выдавливая ложь. – Мне удалось вернуть некоторую сумму.

Фридрих пристально смотрел на него. Внутри у Дисмаса все съежилось.

– Я буду по вам скучать, Дисмас.

– И я по вам, дядюшка.

Фридрих стащил с пальца перстень:

– В знак моей любви.

– Я... Нет... Я не могу... – Дисмас протестующе вскинул руки.

– Он принадлежал моему дяде. Не смущайтесь. Берите.

Печатка с выгравированным фамильным гербом Веттинов и скрещенными красными мечами – эмблемой фельдмаршала Священной Римской империи.

– Вы слишком щедры, дядюшка.

– Храни вас Господь, Дисмас.

Они обнялись. Дисмас направился к дверям, сдерживая слезы.

– Дисмас.

– Да, дядюшка?

– Вы слышали про Альбрехта и его плащаницу?

Дисмас содрогнулся:

– Да, дядюшка. Слышал.

– Удивительное дело, не правда ли?

– Ну, вы и сами знаете, дядюшка, что из всех реликвий плащаницы – самые проблематичные. Сколько нам предлагали плащаниц?

– Шестнадцать.

– Вот видите.

– Однако эта плащаница уже наделала много шума. По слухам, ее происхождение относят к более ранней дате, чем появление плащаницы герцога Савойского.

– И все же...

– Дисмас.

– Да, дядюшка.

– Сколько лет мы друг друга знаем?

– Много, дядюшка. – Дисмаса припекало изнутри.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы между нами остались какие-то недосказанности.

– Мне тоже.

– Почему вы не предложили ее нам?

Сердце Дисмаса понеслось галопом.

– Мне... Я усомнился в провенансе...

– Но это не помешало вам предложить плащаницу архиепископу.

– Его преосвященство не интересуется провенансом. Совсем недавно по его заказу сколотили лодку святого Петра. Я не думал, что он будет слишком придирчив в отношении плащаницы.

– Иными словами, вы продали ему фальшивку.

– Ну...

Фридрих покачал головой.

– Вы меня огорчили, Дисмас. Я не питаю ни любви, ни уважения к Альбрехту, – прохрипел он. – Однако он вот-вот станет князем Святой римской церкви.

Дисмас готов был провалиться сквозь паркетный пол.

– И сколько же вы с него стрясли?

– Пятьсот пятьдесят, дядюшка.

Фридрих уважительно хмыкнул:

– Да уж. Хорошо, что эту цену заплатил не я.

– Боже святой! Да я бы никогда в жизни не... Никогда. Честное слово.

– Честное? Вы смеете говорить о чести?

– До сих самых пор я ни вам, ни кому другому не продавал заведомой подделки.

Фридрих печально кивнул:

– Вы оставались честным почти до конца.

Дисмас сгорал от стыда.

– И все-таки я буду скучать по вам. Ступайте. Попросите мастера Кранаха вернуться. Пусть уже покончит со мной.

12. Славный день

Невзирая на возражения Дисмаса, Дюрер отправился на торжественную церемонию явления Майнцской плащаницы.

– Фридриху все известно, Нарс. Он-то ничего не скажет, но Спалатин тоже обо всем знает. Если пойдут слухи и нас увидят вместе...

Непреклонный Дюрер не желал слушать никаких доводов. Похоже, он считал явление плащаницы персональным вернисажем. Дисмас сдался, однако потребовал, чтобы Дюрер присутствовал инкогнито, в монашеском облачении.

– Не хочу, чтобы Дюрер сидел рядом со мной, когда кто-то из присутствующих вдруг завопит: «Святой Боже! Это же кисть Дюрера!»

Альбрехт, теперь официально Альбрехт, кардинал Бранденбургский, обставил церемонию с пышностью, достойной Второго пришествия.

По пути в собор друзья прошли мимо брата Тецеля, обычным порядком ведущего торговлю близ своего сундука.

– Свинья, – громко прошипел Дюрер.

– Молчи, бога ради, – шикнул на него Дисмас. – Сам понимаешь, без Тецеля не обойдется. Иначе зачем Альбрехту плащаница? Чтобы ею любоваться?

Они прошли на свои места, предусмотрительно занятые Дисмасом подальше от первых рядов. Снаружи прогремели фанфары.

– Всевышний остался бы доволен, – сказал Дюрер.

Дисмас насчитал двести пятьдесят участников процессии. Тридцатилетний Альбрехт, в новехонькой алой кардинальской шляпегалеро и в алой же сутане, выглядел впечатляюще. Он произнес долгую проповедь, воздав хвалу святому Бонифацию, покровителю Майнца и земель германских, который принес христианство языческим племенам франков. Неоднократно именуя священномученика «нашим праотцем во Христе», Альбрехт тонко намекал на прямое родство со святым.

Слушая проповедь, Дюрер хмыкал и недовольно бормотал себе под нос. Под конец Альбрехт призвал всех добрых германских христиан воссоединиться во Христе и утрясти взаимные разногласия, отправив Мартина Лютера на костер.

– И все мы тут же сольемся в экстазе, – проворчал Дюрер. – Ничто так не объединяет народ, как сожжение.

Пришло время торжественного события. Под звуки ликующих песнопений плащаница взметнулась из золотого с серебрением ковчега, инкрустированного самоцветами, и, колыхаясь в клубах благовонного дыма, зависла над алтарем, удерживаемая двумя тонкими золочеными шнурами, пропущенными через блоки подъемного механизма под

потолком.

Присутствующие дружно ахнули – совсем как Альбрехт, впервые узревший святыню в своем кабинете. Послышались стоны и восхищенные восклицания. Даже Дюрер оценил театральность зрелища.

– Недурно, – буркнул он.

Дисмас предсказывал по меньшей мере одно чудесное исцеление во время церемонии. На деле исцелений случилось два: прозрел слепец и пошла колченогая. Оба чуда были обеспечены заботами брата Тецеля.

Когда возопила вторая исцеленная, Дюрер прошептал:

– Я и не подозревал, что способен творить чудеса.

После торжественной церемонии для крупных жертвователей организовали фуршет во внутреннем дворе клуатра. Дисмас отправился туда в одиночку, взяв с Дюрера слово, что тот носа не покажет.

День выдался жарким. Дисмаса мучила жажда. И совесть. За доставленное Фридриху огорчение. Он жадно опустошил несколько кружек вина, одну за другой.

К Альбрехту, блаженствующему в лучезарном сиянии славы, выстроилась очередь. Всем хотелось поздравить его с чудесным приобретением. Дисмас встал в хвост.

Завидев Дисмаса, Альбрехт натянуто улыбнулся. О Дисмасае он намеренно умалчивал, тем самым связывая чудесное явление святой реликвии со своим возведением в кардинальский сан. Он протянул Дисмасу руку с массивным кардинальским перстнем:

– А, Дисмас. Славный день, не так ли?

– Точно так, ваше высокопреосвященство.

– Благослови вас Господь, – изрек Альбрехт, давая понять, что разговор окончен.

Дисмас, осмелевший от выпитого, так не считал.

– Какая великолепная и спонтанная аттестация, – заявил он.

– Что?

– Исцеления. Целых два!

– Да-да, великолепно. Был рад вас видеть.

– Надеюсь, ваше высокопреосвященство вернет свои затраты в кратчайший срок.

Улыбка Альбрехта превратилась в оскал:

– До свидания, Дисмас.

– Нет, прощайте, ваше высокопреосвященство. Я уезжаю. Домой.

– Да? – Альбрехт явно не огорчился.

- Ухожу на покой. Плащаницу мне уже не переплюнуть.
- Да, конечно. Благослови вас Господь. А теперь сделайте одолжение – посторонитесь. Каспер, графиня, как мило с вашей стороны!

13. Бесславный день

Проще было бы отправиться на юг вниз по реке, пусть и против течения, но на Рейне от Майнца до Базеля было слишком много застав со сборщиками пошлин. Именно поэтому Дисмас со своим драгоценным грузом дукатов счел благоразумным путешествовать посуху, в монашеской рясе.

Дорога займет примерно месяц: Страсбург, Базель, потом мимо Берна в Тун, оттуда через Лаутербруннен, и лишь потом крутой подъем до Мюррена. А так хотелось попасть домой прямо сейчас! В то же время долгий путь поможет утомить не дающую покоя совесть. Ах, как неудобно получилось с Фридрихом! Стыд выедал внутренности, точно крыса. В отчаянии Дисмас вознамерился пожертвовать бесславно добытые дукаты первому попавшемуся монастырю. А что потом? Снова пуститься в охоту за святынями? Ко двору Фридриха больше ходу нет, а иметь дело с Альбрехтом невыносимо. Начать все с нуля? Торговать мощами на ярмарках? Нет уж, увольте.

В конце концов он решил, что будет молиться о прощении или, по крайней мере, о забвении и мечтать о жизни в родных местах. Бодрящий горный воздух, душистый запах хвои, весеннее разноцветье лугов, рокот ледниковых рек, свет полной луны на снегу и полуночные вскрики ястребов и сов наверняка принесут успокоение.

К вечеру четвертого дня за спиной Дисмаса застучали копыта. Его окликнули по имени и сурово приказали остановиться.

Лейтенант Витц в сопровождении дюжины конников. Ни любезностей, ни объяснений. Один из всадников ухватил лошадь Дисмаса за повод. Сверкнули обнаженные клинки. Что происходит?

Дисмаса было приказано доставить в Майнц. Без объяснения причин. Обратный путь прошел в зловещем молчании. Дисмас неустанно размышлял, чем объясняется такая бесцеремонная ревокация.

В Майнц прибыли глубокой ночью. Несмотря на поздний час, Дисмаса немедленно провели в приемную Альбрехта, где и явили мрачному кардиналу, озабоченному монсеньору, стайке перепуганных священников и непроницаемому Дрогобарду. На длинном столе перед ними лежала

плащаница. Недобрый знак.

Не предлагая перстня для лобызания, Альбрехт указал на плащаницу:

– Извольте объяснить.

Дисмас посмотрел на разостланный холст и перевел взгляд на Альбрехта:

– Ваше высокопреосвященство, я не понимаю...

Он подошел к столу и внимательно оглядел плащаницу. В ней ничего не изменилось.

– Имел ли Господь наш Иисус привычку носить ювелирные украшения?

– Мм... Нет, наверное, ваше высокопреосвященство.

– А перстни?

Дисмас склонился над изображением рук. И вдруг увидел. На правой руке. Перед глазами все поплыло, а потом линии сложились в отчетливую картинку: перстень в пасти крылатого венценосного змия.

Дисмас узнал эмблему. Грудь сдавило. Вензель – фрагмент фамильного герба, пожалованного Фридрихом при назначении Кранаха придворным живописцем.

Мысли путались. Ради всего святого, откуда на плащанице эта эмблема? И тут же его осенило: Дюрер!

Как он ее раньше не заметил? Он же обследовал каждый стежок, каждое волокно Дюреровой плащаницы.

Дисмас посмотрел на Альбрехта:

– Боюсь, я все еще... В недоумении. Этого... Раньше этого не было.

Альбрехт кивнул монсеньору.

– В часовне, где хранилась плащаница, вспыхнул пожар. Полыхнуло сильно. Именно тогда и проступила эмблема.

Дисмас лихорадочно соображал. Альбрехт не гнушался выставлять поддельные реликвии вроде лодки святого Петра. Однако же кардинал Майнцкий не потерпит, чтобы его выставляли дураком перед его же подданными.

Сгорая от желания убить Дюрера, Дисмас растерянно пролепетал:

– А вдруг это еще одно чудо?

– Арестуйте его, – приказал Альбрехт Дрогобарду.

Жесткая длань Дрогобарда сомкнулась на предплечье Дисмаса.

– Ваше высокопреосвященство, – взмолился Дисмас, – мы же были свидетелями двух чудес при явлении плащаницы!

Глазах Альбрехта гневно сверкнули.

– А значит, – продолжал Дисмас, – плащаница истинная!

У Альбрехта внутри все клокотало от сдерживаемой ярости, однако он не мог признаться в поддельных чудесах перед монсеньором, священниками и Дрогобардом. Из-за Лютера, этого гнусного возмутителя спокойствия, фальшивые чудеса не просто вышли из моды, но и сурово порицались. Да, присутствующие служили кардиналу, но слуги, как известно, болтают. Такое не скроешь. Альбрехт теперь кардинал. Дисмас его переиграл. На время.

– Оставьте нас.

Монсеньор, священники и Дрогобард удалились.

Альбрехт встал с трона, спустился по ступенькам с возвышения и обошел Дисмаса кругом.

– Чем заслужили мы такое вероломство? – уязвленно осведомился он.

– Не кривя душой, ваше высокопреосвященство, я так же поражен этим, как и вы.

Строго говоря, это заявление не было ложным.

– Нет-нет. Довольно. – Альбрехт сделал еще один неспешный круг. – Эмблема мастера Кранаха должна была проявиться лишь после того, как вы доберетесь до своих кантонов. До нейтральных кантонов, на кои не распространяется наша власть. Но пожар помешал вашему бегству.

– Ваше высоко...

– Еще слово – и я прикажу Дрогобарду вырвать вам язык. Так. Кому же мог прийти в голову такой каверзный план? Вам? Навряд ли. Потому что вы не настолько хитры, правда, Дисмас? Правда. Вы всего лишь грязный швейцарский торговец костьем, в дорогих сапогах, купленных на ворованное. Нет-нет, такое хитроумное коварство могло прийти в голову только дядюшке Фридриху. Фридриху. Мудрому.

Лишь теперь Дисмас осознал весь ужас происходящего. Альбрехт решил, что все это задумал Фридрих, чтобы выставить новоиспеченного кардинала на посмешище.

– Позвольте мне сказать...

– Да, прошу вас.

– Фридрих здесь ни при чем. Это моя идея.

– Ваша идея? – хмыкнул Альбрехт. – И ваша работа?

– Да.

– Да вы талант, Дисмас. Мы и понятия не имели, что у вас такой дар живописца. И почему же вы решили украсить свой шедевр подписью мастера Кранаха? Я сгораю от любопытства.

– Мне кажется, я понял, в чем дело. Это пентименто.

– Пентименто?

– Да, – продолжал Дисмас, – именно так. Я теперь вспомнил. Холст хранился у меня много лет. Когда-то я нарисовал на нем эмблему Кранаха. Темпера. А потом забыл об этом. Видите ли, со временем темпера выцветает. Особенно на льне. И рисунок... исчез. И когда я взялся за изготовление плащаницы, то не вспомнил о нем. Очень неосмотрительно с моей стороны, – с нервным смешком добавил он. – Вы совершенно правы, ваше высокопреосвященство. Я не слишком сообразителен. И теперь уповаю на ваше милосердие.

– Милосердие? Значит, вы ожидаете милосердия?

– Это добродетель, завещанная нам Господом.

– Не смейте говорить нам о Господе! Вы осквернили Его светлый образ! – Альбрехт гневно указал на плащаницу.

– При всем уважении должен отметить, что ваше высокопреосвященство были не столь взыскательны к лодке святого Петра...

– Стража!

Дисмаса увели.

14. Кардинальские прегрешения

– Письмо для курфюрста, мастер Спалатин. Из Майнца. От кардинала.

Спалатин с неохотой принял из рук помощника письмо: наверняка это очередная lamentация Альбрехта о Лютере. Сколько их уже было, от просительных до кипящих возмущением по поводу отказа Фридриха выдать Лютера.

Он потянулся за ножом – срезать печать. Скорее всего, в письме одни лишь укоризненные упреки и горькие сетования на то, что Фридрих не явился на церемонию возведения Альбрехта в кардинальский сан. Что не имело ни малейшего отношения к Лютеру. Фридриху просто нездоровилось.

Спалатин начал читать.

О боже.

Он заторопился в покои Фридриха. Вручил послание курфюрсту. Фридрих принялся за чтение, хмурия лоб.

Ваш гнусный и достойный презрения заговор раскрыт. Неужели вы и вправду полагаете, что это отвратит нас от нашего стремления исполнить волю Святого престола и предать вашего монаха-еретика

Лютера в руки правосудия?

Фридрих недоуменно посмотрел на Спалатина:

– Ради всего святого, о чем он?

– Читайте дальше.

Ваш поставщик святынь Дисмас, назначенный исполнителем этой возмутительной и вероломной авантюры, – мой пленник. Не сомневайтесь в том, что к нему применяются самые пристрастные методы дознания. Не сомневайтесь также, что его признания с подробным изложением всех ваших святотатственных махинаций в самом скором времени будут опубликованы по всей империи, к позору Саксонии и дома Веттинов.

Писано сего дня вашим братом во Христе, чье Святое имя вы подвергаете поношению покровительством еретика Лютеру, а теперь еще и кощунством самым богомерзким,

ALBERTVS. CARDINA. MAGVN^[5].

– Он спятил, – покачал головой Фридрих.

– Скорее всего, обнаружил, что плащаница подделана мастером Дисмасом. Этим и объясняются речи о святотатстве и кощунстве. Непонятно только, почему он считает, что в этом замешаны вы.

Фридрих смотрел на письмо:

– Тут какая-то уловка. Хитроумный ход, чтобы взять верх в деле Лютера.

– Возможно. Но логика туманная. На мой взгляд.

– Как бы там ни было, – вздохнул Фридрих, – он заполучил Дисмаса.

– Боюсь, что так.

– Вы упоминали о какой-то новой пытке...

Спалатин кивнул.

– И?

– Это так называемая марионетка. Применяется двумя... двумя способами...

– Да рассказывайте же, Георг!

– Уши, ладони и ступни прокалывают крючьями. Жертву подвешивают. И дергают за веревки. Отсюда и название. Этой пытке намеревались подвергнуть Бернгардта, нюрнбергского мошенника. Она пользуется успехом у публики: казнь растягивается на сутки.

Лицо Фридриха исказила гримаса омерзения.

– Когда было отправлено письмо?

– Пятого дня.

– О господи!

– Дисмас – выносливый малый. Вы же помните, он из райзляуферов.

– Висеть на крючьях – это не сражаться, Георг. Он поступил скверно, но я не желаю оставлять его Альбрехтовым инквизиторам на расправу. Вам следует поторопиться. Вы готовы?

Спалатин кивнул.

– Предложите все, что посчитаете необходимым. Выясните, почему Альбрехт полагает, что мы причастны к этой... напасти.

Спалатин поклонился и направился к дверям.

– Георг?

– Да, ваша милость?

– Вызовите Дисмаса во что бы то ни стало. Я ему сам шею сверну.

В майнцском кардинальском дворце Спалатина проводили в приемную. Тело ныло от сумасшедшей скачки. Он невольно скрипел зубами, ковыляя по каменному полу. Не желая выдавать свою слабость, Спалатин с усилием выпрямился, расправил плечи и переступил порог приемной. Ему тут же пришлось склониться, чтобы облобызать подставленный перстень, и позвоночник будто проткнули раскаленным прутком.

– Ваше высоко... преосвященство.

– Вам нездоровится, мастер Спалатин?

– Возраст, ваше высокопреосвященство.

– Судя по всему, дорога была не из легких.

– Курфюрст наказывал передать вам заверения в братской любви. Он в высшей степени удручен и встревожен вашими, если мне будет позволено так выразится, ошеломляющими заявлениями.

– С вашего позволения, мы глубоко опечалены нашим некогда возлюбленным братом.

– Ваша эпистола не оставляет в этом сомнений. Мой господин приказал выяснить причину, по которой ваше высокопреосвященство полагает курфюрста сопричастным какому бы то ни было вменяемому деянию.

– Мастер Спалатин, давайте не станем разыгрывать невинность, – фыркнул кардинал и дал знак монсеньору.

Тот достал из ларца сложенный отрез льна и без лишних церемоний разостлал его на длинном столе с поспешностью лавочника, показывающего третьесортный товар.

«*Res ipsa*^[6]. Вот и доказательство», – подумал Спалатин, осеняя себя крестным знаменем.

– Да будет вам, – сказал Альбрехт. – Мы же с вами знаем, что в этом нет нужды.

Спалатин вглядывался в восхитительное изображение, затылком чувствуя пристальный взгляд Альбрехта.

– Великолепная вещь. Мои поздравления вашему высокопреосвященству.

– Мы бесконечно польщены вашим одобрением. Скажите, не кажется ли вам, что правая длань Господня особенно удалась?

Спалатин пригляделся. Сначала он ничего не заметил, но потом увидел рубиновый перстень в пасти... Господь всемогущий! Подпись Кранаха? Да что это все... Он перевел взгляд на Альбрехта:

– Даже не знаю, что сказать, ваше высокопреосвященство.

– Вам знакома эмблема придворного живописца Кранаха?

– Да. И тем не менее...

Альбрехт стукнул пальцем по тронному подлокотнику:

– Нам не до шуток, мастер Спалатин. Будьте очень осторожны: не ровен час под вами развернется твердь, и вас подвесят в наших казематах, рядом с вашим приятелем-заговорщиком.

Спалатин пытался уяснить картину происшедшего. Неужели Кранах действительно был автором плащаницы? В подписи не усомнишься. Но зачем это Кранаху? Вдобавок с чего бы Альбрехту покупать плащаницу, на которой стоит подпись художника?

– Уверю ваше высокопреосвященство: для меня все это – непостижимая загадка. Равно как и для курфюрста, окажись он тут.

– Другими словами, вы все отрицаете. Очень жаль, мастер Спалатин. Вы ведь слывете человеком умным и образованным. Что вы можете предложить нам в качестве объяснения? Ах, вы недоуменно пожимаете плечами! Пожалуй, вам следует присоединиться к вашему сообщнику.

Угрозы?

– Ваше высокопреосвященство, не соблаговолите ли вы на время воздержаться от оскорблений и ответить на один вопрос?

– Слушаю.

– Я признаю, что это подпись Кранаха. Или же искусная подделка. Но зачем же вы, ваше высокопреосвященство, приобрели данный предмет?

– Подпись проступила не сразу. Ризница загорелась. От жара подпись вашего придворного живописца стала явной. Ваш план раскрылся. Вы полагали, что подделка заявит о себе много позже. Например, во время ее показа верующим, что послужило бы к нашему вящему позору и свело бы на нет все наши попытки предать суду еретика Лютера. – Альбрехт

откинулся на троне. – Несомненно, пожар случился по умыслу Господнему, дабы спасти нас от вашего кощунственного замысла.

«Какая чушь, – подумал Спалатин. – Просто бред». Однако вот она, подпись Кранаха. Неужели Альбрехт сам приказал подделать подпись Кранаха, чтобы обвинить Фридриха и скомпрометировать его покровительство Лютеру? Подобная низость вполне в духе Альбрехта. Тем не менее ситуация сложилась патовая.

– Я немедленно возвращаюсь в Виттенберг с докладом курфюрсту.

– Да что вы?! – бархатным голосом промолвил Альбрехт. – Неужели вы нас так скоро покидаете? Оставайтесь. Погостите. У нас много свободного места. И мастеру Дисмасу будет не скучно.

– Ваше высокопреосвященство, вы мне угрожаете?

– Нет, мастер Спалатин. Я предлагаю вам погостить.

Из складок плаща Спалатин вынул сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Альбрехту:

– Курфюрст предпочел бы, чтобы наши переговоры проходили дружелюбно и в атмосфере взаимоуважения, однако ввиду прозвучавших угроз я вынужден уведомить ваше высокопреосвященство, что тысяча экземпляров данного памфлета напечатаны и готовы к распространению по всей империи.

Альбрехт прочел:

КАРДИНАЛЬСКИЕ ПРЕГРЕШЕНИЯ
ПОЗОРИЩЕ МАЙНЦА
АЛЬБРЕХТ
ПОКУПАЕТ КАРДИНАЛЬСКУЮ ШАПКУ
НА ДУКАТЫ ФУГГЕРА
ПОДДЕЛЫВАЕТ ЛОДКУ СВЯТОГО ПЕТРА
КНЯЗЬ-ВЫБОРЩИК БЕРЕТ ВЗЯТКУ ЗА ГОЛОС
ИИСУС ВОЗРЫДАЛ
ВСЕ СВЯТЫЕ ВЗЫВАЮТ К ПРАВОСУДИЮ

На щеках Альбрехта вспыхнули алые пятна. Он посмотрел на Спалатина:

– Это искириотство.

– Согласен, ваше высокопреосвященство. Лучше и не скажешь. Одно дело – подсовывать верующим фальшивую лодку Рыбаря. А вот хранитель престола Карла Великого, торгующий своим голосом, – это искириотство чистой воды.

Лицо Альбрехта побагровело. Он разгневанно поднялся с трона. На миг Спалатину показалось, что Альбрехт незамедлительно отправит его в подземелье и велит вздернуть на крючья рядом с Дисмасом.

Внезапно злоба кардинала улетучилась. Он сдулся, будто смятые подушки, и безвольно осел на трон.

– В таком случае, мастер Спалатин, что вы предлагаете?

15. Что-то не так?

Неделю спустя Спалатин вернулся в Виттенберг. Результаты его переговоров с Альбрехтом позволили совершить обратный путь с меньшей поспешностью.

Было установлено перемирие. Дознание на время подвесили, а Дисмаса, наоборот, отцепили с крючьев «малой марионетки». Он оставался «гостем» Альбрехта вплоть до полного урегулирования всех разногласий. По достигнутой договоренности, его передали на попечение лекарю Альбрехта. Спалатин предупредил, что в случае смерти Дисмаса, который каким-то чудом цеплялся за жизнь, уничижительный памфлет будет немедленно распространен. Однако же говорить об освобождении Дисмаса было преждевременно. Альбрехт пребывал не в самом умиротворенном расположении духа. Он по-прежнему считал аферу с плащаницей делом рук Фридриха. Спалатин уехал из Майнца, памятуя о клятве Альбрехта: ежели Фридрих даст ход своему памфлету, Дисмас попадет на крючья «большой марионетки», а сам Альбрехт распространит другой памфлет – со скандальными подробностями Фридриховой махинации с плащаницей и гневными обвинениями в воспрепятствовании самоотверженным стараниям Альбрехта предать Лютера суду.

Отношения между Саксонией и Бранденбургом стали такими напряженными, что публикация любого из памфлетов привела бы к войне. Ставки были высоки.

У Спалатина созрел план успокоения уязвленной гордости Альбрехта. Альбрехт великодушно «одолжит» плащаницу Фридриху, якобы для публичного показа в Виттенбергской галерее. Разумеется, никакого показа не будет, потому что внезапный пожар уничтожит плащаницу. Она сгорит дотла и навсегда исчезнет. В качестве компенсации Фридрих пожертвует пятьсот пятьдесят дукатов Майнцскому дому призрения.

Переговоры об освобождении Дисмаса подходили к концу, но Альбрехт неожиданно выдвинул еще одно условие. Он потребовал личной встречи с Фридрихом на нейтральной территории. Чего ради? На вопрос Спалатина Альбрехт ответил, что желает посмотреть Фридриху в глаза, дабы окончательно убедиться в его непричастности к затее с плащаницей. И Спалатин, и Фридрих сомневались в искренности подобного заявления, но Альбрехт оставался непоколебим: если встреча не состоится, Дисмаса не выпустят на свободу.

Встречу организовали в Вюрцбурге.

Скрыть перемещения двух имперских князей – примаса Германии и правителя Саксонии – представлялось делом затруднительным, а то и вовсе невозможным, учитывая размеры их свит. По официальной версии, вюрцбургская конференция созывалась для поиска решений по урегулированию ситуации с Лютером.

– Вы уверены, что это Дюрер? – спросил Фридрих.

– Почти не сомневаюсь. Я случайно встретил этих шельмецов в нюрнбергской таверне. Сидели пьяные, как новобранцы, и строили башенки из дукатов. – Он улыбнулся. – Истинное воплощение плутовства.

– И Дюрер подписался Кранахом? Но зачем?

– Одно слово – художник, – пожал плечами Спалатин.

– Как ему это удалось?

– Нет ничего проще. Молоко, сок лимона, луковица... Можно использовать и телесные выделения. Например, мочу или... – Он кашлянул и умолк.

– Да продолжайте же, Георг!

– Изверженное семя.

– Надеюсь, обошлось без этого, – поморщился Фридрих. – На плащанице?! Упаси господи!

– Ко мне сегодня заходил мастер Кранах. Голова до сих пор гудит от его причитаний, – с невольной улыбкой заметил Спалатин. – Он вне себя.

– Он что-то прознал?

– Нет. Альбрехт заказал ему роспись алтаря в Кобленцском соборе. Вчера Кранаха известили, что заказ отменяется. Без объяснения причин. Он собрался подавать иск о нарушении договорных обязательств. Я отсоветовал.

Фридрих захохотал, да так, что его грузное тело вздрагивало, будто дом в землетрясение.

Спалатин тоже рассмеялся.

– Да, все это уморительно. Вдобавок праведное возмущение позволяет исключить его из числа подозреваемых. Если бы он был замешан в афере, то не фыркал бы, словно бешеный бык, и не грозил бы судом.

Фридрих отер слезы со щек.

– Надо бы побеседовать с мастером Дюрером.

– Да, хорошо бы.

Немного поразмыслив, Фридрих сказал:

– Нюрнберг – свободный имперский город и находится за пределами

нашей юрисдикции. – Он посмотрел на Спалатина. – Значит, настоять на приезде Дюрера в Виттенберг мы не сможем.

– Верно, – улыбнулся Спалатин. – Однако же отклонить ваше приглашение будет невежливо.

– Будь я на его месте, то никуда бы не поехал.

– С вашего позволения, я все устрою в лучшем виде, – ответил Спалатин.

Дюрер добавлял последние штрихи к портрету Якоба Фуггера. В мастерскую вошла Агнесса и объявила, что прибыли трое господ. Они представились императорскими посланниками.

Дюрер терпеть не мог, когда его отрывали от работы, однако для императорских посланников следовало сделать исключение еще и потому, что император Максимилиан задолжал за два семейных портрета. Возможно, эти господа привезли требуемую сумму.

– Пошевеливайся, жenuшка, – велел он, вытирая руки проскипидаренной ветошью. – Проводи их сюда. И подай что-нибудь. Пива. Того, что получше.

– Видала я императорских посланников и почище, – ворчливо заметила фрау Дюрер и удалилась.

Дверь распахнулась. В мастерскую вошли три господина. Дюрер окинул их взглядом и мысленно согласился с Агнессой. Вид у троицы был совершенно непрезентабельный: ни плюмажей, ни шелков, ни медальонов. Вдобавок все трое были небриты и давно не мылись.

У Дюрера имелся богатый опыт общения со знатью и со слугами вельмож. Эти типы больше походили на тех, кто ошивается на пристани и у городских ворот. По ночам.

Один заговорил вежливо и почтительно. Его черты были смутно знакомыми, хотя Дюрер и не мог припомнить откуда. У портретистов хорошая память на лица. Где он его видел?

– Его императорское высочество император приказали нам доставить вас к нему. Без промедления.

«Неужели меня приглашают к смертному одру императора?» – с надеждой подумал Дюрер и осторожно осведомился:

– А как его императорское высочество себя чувствуют?

– Его высочество хворают. И поэтому желают вашего присутствия. Время не ждет.

– Я опечален этим известием, – сказал Дюрер.

Нет, что-то было не так.

– А позвольте узнать, есть ли у вас письменное предписание его высочества?

– Нет.

«Да уж, эти не церемонятся», – подумал Дюрер и расправил плечи, собираясь с духом.

– При всем моем уважении к их императорскому высочеству вы не можете не согласиться, что это в немалой степени странно. Меня неоднократно приглашали ко двору, и всякий раз имелся какой-то документ.

Предводитель тройки – где же Дюрер его видел? – пожал плечами:

– Что ж, ваша честь, наверняка именно так оно и бывает. И тем не менее нас к вам отправили и наказали поспешать. Так что собирайте-ка вещички – и в дорогу. Договорились?

В мастерскую вошла фрау Дюрер с подносом, уставленным пивными кружками и плошками с прогорклыми сладостями.

– В чем дело? – Она водрузила поднос на стол и с явным неодобрением уставилась на непрошенных гостей. – Вы привезли должок?

– Спасибо, Агнесса, – оборвал ее Дюрер. – Ступай.

– Я просто говорю, что...

– Я отправляюсь с этими господами ко двору. Меня призывают. Император.

– Да неужели?! Неужто император хочет с тобой лично расплатиться?

– Агнесса!

– Вольно же тебе таскаться ко двору! А я, значит, должна сидеть дома и разбираться с кредиторами? Полагаю, излишним будет спрашивать, не призывают ли и меня ко двору.

– К сожалению, фрау Дюрер, призывают только мастера Дюрера. Срочно.

– Ага, – фыркнула Агнесса, – срочно. У императоров, кардиналов, курфюрстов всяких вечно все срочно. А как доходит до расчета, то уже не срочно, а в надлежащий срок. А я вам скажу, что коли они нам так срочно, то и мы им – тем же сроком.

– Агнесса!!!

– Да ну тебя! Не обращайтесь на меня внимания. Я тут прислуга. Кухарка. А остальные разъезжают по императорским дворам. Собрать твои вещички? Соизволит ли ваша честь поехать в дублете на соболином меху или сгодится атласный? Только не спрашивайте меня, что нынче носят при дворе, меня туда давно не приглашают...

Продолжая ворчать, Агнесса удалилась.

– Боевая у вас женушка. Однако нам пора, ваша милость.

Дюрер наконец-то вспомнил, где он встречал этого типа. В Виттенберге. Точно. Это же один из людей Спалатина!

– Вас, случайно, не Теобальд зовут? – спросил Дюрер.

– Теобальд? Неплохое имечко. Я и сам бы рад им зваться. Вот только, ваша честь, некогда чесать языками. Собирать ничего не надо. Все необходимое вам обеспечат на месте. То есть при дворе.

– Нет, погодите. Погодите минуточку. Вас зовут Теобальд, или я не Дюрер. И служите вы не императору Максимилиану. Вы служите Георгу Спалатину, который состоит при курфюрсте Фридрихе. Что все это значит? Что происходит?

– Не время болтать. Идемте. Сейчас же.

К лицу Дюрера прилила кровь.

– Я не двинусь с места, пока вы не объясните мне смысл этого... этого бесчинства!

Теобальд отвечал спокойно, но твердо:

– Ваша честь, есть два варианта. Первый – простой. А второй – не такой простой. Простой вариант проще для всех: для вас, для нас и для вашей милой фрау. Ее лучше не беспокоить. Это нам всем понятно. При всем уважении, она не подарок. Мне очень не хочется портить ей настроение.

– Ничего не понимаю, – с заминкой проговорил Дюрер. – Если мастер Спалатин хочет меня видеть, к чему весь этот театр? Мы с ним в прекрасных отношениях. Я требую объяснений.

Агнесса принесла в мастерскую сумку с мужниными вещами.

Дюрер открыл было рот, чтобы крикнуть: «Караул!» – но внезапно почувствовал укол кинжалом в поясницу.

– Позвольте мне, фрау Дюрер, – учтиво обратился к ней Теобальд, забирая сумку. – Весьма рад свести с вами знакомство. Мы позаботимся о вашем муженьке. И мигом доставим его обратно.

– Как по мне, можете особо не торопиться, – сказала Агнесса, поворачиваясь к дверям. – А коли захотят, чтобы он писал новый портрет, то вы меня очень обяжете, если проследите, чтобы за работу заплатили вперед. Наличными. И за прошлые две картины должок вернули.

– Не сомневайтесь, – галантно отвечал Теобальд. – Я самолично позабочусь, чтобы вот все это самое.

Трехдневное путешествие до Виттенберга прошло без разговоров.

В замке Дюрера немедленно проводили в гостиную. Там уже ждали Фридрих и его секретарь Спалатин. Их лица не выражали ни радушия, ни

тепла.

– Мастер Дюрер, – произнес Фридрих гробовым голосом, – как любезно с вашей стороны.

– Мой господин, при всем уважении я должен заявить самый категорический протест. Почему меня увезли силой? Если вы желали меня видеть, я бы с радостью...

Фридрих требовательно воздел ладонь:

– Мастер Дюрер, известна ли вам участь моего племянника Дисмаса?

Дюрер недоуменно уставился на Фридриха:

– Он уехал домой. В этот свой Мюррим, или как его там... В общем, в кантоны... А что случилось? Что-то... не так?

Фридрих вперил в Дюрера мрачный взгляд:

– Это хорошо, что вам ничего не известно, мастер Дюрер. Если бы я понял, что вам все известно, то огорчился бы. Очень и очень огорчился.

Дюрер посмотрел на Спалатина:

– А что произошло? Дисмас заболел?

– Он почти неделю провисел на крючьях в подземельях Майнца, – ответил Спалатин. – Предлагаю вам самостоятельно сделать выводы о состоянии его здоровья.

Дюреру сдавило грудь.

Фридрих повысил голос:

– Не сомневайтесь, мастер Дюрер, если меня не удовлетворят ваши ответы, вам придется познакомиться с моими подземельями.

Дюрер побледнел.

По окончании допроса Фридрих, опираясь на трости, поднялся из кресла:

– Завтра мы отправляемся в Вюрцбург. Вы останетесь здесь, мастер Дюрер. Не мое дело наставлять других, о чем им следует молиться, но вам я советую молиться об успехе моей поездки. Если я вернусь без племянника, вам придется молиться гораздо усерднее, но уже за самого себя. Доброй ночи.

16. Епитимья

Вюрцбургская конференция состоялась в парадном зале епископского дворца.

Как было условлено, двери по обоим концам зала растворились одновременно. Альбрехт и Фридрих вошли и двинулись навстречу друг

другу: Фридрих – опираясь на трости, Альбрехт – деловым пружинящим шагом. Фридрих с трудом склонился, чтобы облобызать кардинальский перстень. Удивленный этим жестом, Альбрехт остановил Фридриха и заключил его в объятия. Сторонний наблюдатель решил бы, что встретились два старых добрых друга. Они расселись в кресла, один напротив другого.

Альбрехт заговорил первым:

– Как вы поживаете, наш любезный брат?

– Дряхлею и жирею. Алый цвет вам весьма к лицу, мой любезный брат. Сожалею, что не смог присутствовать на церемонии. Говорят, зрелище было великолепное, но, как сами видите, здоровье у меня пошатнулось. Очень рад лично засвидетельствовать мои самые сердечные поздравления.

– Мы с великим смирением благодарим вас. Кротость ваша поучительна.

– Я не сомневаюсь, что вы станете отправлять должность свою со всем присущим вам смирением. А теперь перейдем к теме нашей встречи. Прошу вас предъявить моего заблудшего племянника, дабы я удостоверился, что он пережил выпавшие ему тяготы, так как в противном случае нам говорить не о чем.

– Заблудшего? – усмехнулся Альбрехт. – Заблудший – слишком мягкое слово для описания его пороков.

– Не придирайтесь к словам. Предъявите его.

Альбрехт молчал.

«Дисмас умер», – подумал Спалатин.

Тут Альбрехт поднял палец. Монсеньор открыл дверь, и чуть погодя в зал проковылял Дисмас. Его вели под руки два ландскнехта.

Уши Дисмаса были насквозь прорваны крючьями. Перебинтованные кисти рук бессильно обвисли. Почти не соображая, что происходит, он медленно оглядел просторный зал, заметил Фридриха и Спалатина, слабо улыбнулся и без чувств повалился на пол. Ландскнехты едва успели его подхватить.

– Это и есть правосудие Майнца? – ледяным голосом спросил Фридрих.

– Богохульников у нас сжигают. В данном случае правосудие Майнца проявило снисхождение.

Задумчивости – как не бывало. Кардинал и курфюрст злобно уставились друг на друга. Взаимная ненависть исходила от них почти ощутимыми волнами. Спалатин подумал, что будь они моложе, то уже давно сцепились бы с клинками наголо. Очевидно, что встреча окончена. Альбрехт наверняка затеял ее, чтобы окончательно разбить Фридриху

сердце.

Фридрих первым нарушил молчание:

– Ваши условия?

– Дисмас за Лютера.

– Нет.

– Тогда нам нечего обсуждать.

Альбрехт подал сигнал, чтобы Дисмаса увели.

– Мастер Спалатин, – произнес Фридрих твердым голосом.

– Слушаю, мой господин?

– Пошлите гонца в Виттенберг. Начинайте рассылку памфлетов.

Напечатайте еще тысячу и тоже разошлите. Пусть весь мир узнает, в каком пороке погряз майнцкий престол. Пусть весь мир узнает, что майнцкий кардинал торгует своим голосом, равно как и душой. – Фридрих обратился к Альбрехту напрямую: – Вы меня знаете. Я слов на ветер не бросаю. Ни вам, ни Риму никогда не заполучить Лютера. Ваше имя будет покрыто бесчестьем в веках. Когда следующий Данте напишет свою «Божественную комедию», то поместит вас в преисподнюю вместе с прочими святокупцами, которые торгуют прощением и милостью Божией за золото и серебро. Там вам самое место. Вниз головой, в яме размером с крестильную купель, чтобы ваши гнусные стопы вечно лизал адский огонь. Подумайте над этим, брат. Крепко подумайте, хотите ли вы отправить этого человека на смерть ради уготованной вам участи?

Спалатин решительно двинулся к выходу. У самых дверей его окликнул Альбрехт:

– Подождите.

Вюрцбургская конференция продолжалась еще несколько часов. Страсти то накалялись, то охладевали. Собеседники задействовали свои наисильнейшие преимущества. Спалатин не верил своим ушам. Чего домогался Альбрехт? Фридриховых реликвий.

Фридрих дал согласие расстаться с редчайшими экспонатами. Альбрехт заполучал в свое владение три шипа из Тернового венца, набедренную повязку Иоанна Крестителя и самое драгоценное – священный препуций, обрезок крайней плоти младенца Христа. Обрезков насчитывалось всего двенадцать, и уступить такую редкость Альбрехту было великой жертвой. Когда переговоры подошли к концу, Альбрехт заявил:

– И еще одно.

– Нет, – сказал Фридрих, – хватит.

– Дисмас должен покаяться.

Фридрих и Спалатин обменялись взглядами.

- Вам нужно, чтобы он во всем покаялся? – переспросил Фридрих.
- Он согрешил. Тяжко. Он должен исповедаться, покаяться и понести наказание. Для своего же блага.
- Взгляните на него. По-вашему, этого не достаточно? Я чрезвычайно тронут вашей заботой о его бессмертной душе. Будьте уверены, я найду ему исповедника. Если он доживет до Виттенберга.
- Мы предпочитаем выслушать его исповедь здесь и сейчас.
- Ох, ради всего святого, Альбрехт!
- А вдруг он умрет по дороге в Виттенберг? Вы же не хотите, чтобы он предстал на Божий суд с неотпущенным омерзительным грехом святотатства на душе?

Фридрих с тяжелым вздохом согласно кивнул.

Альбрехт поманил ландскнехтов. Дисмаса подволокли к нему. Он снова лишился чувств, но пощечина ландскнехта привела его в сознание. Фридрих стиснул набалдашники тростей так, что костяшки побелели.

Альбрехт осенил Дисмаса крестным знамением:

– Желает ли ты исповедаться?

Дисмас едва заметно кивнул.

– Исповедуешься ли ты в грехе святотатства, совершенном через создание плащаницы, выдаваемой за погребальный покров Спасителя?

Дисмас снова кивнул.

– Раскаиваешься ли ты в грехе своем?

Еще один кивок.

– Тебе отпустится твой грех, ежели ты исполнишь епитимью. Согласен ли ты исполнить налагаемую нами епитимью?

Дисмас чуть шевельнул бессильно повисшей головой.

Альбрехт с усмешкой поглядел на Фридриха:

– Твоя епитимья – перенесение из Шамбери в Майнц истинной погребальной плащаницы Господа нашего Иисуса Христа.

17. Отпуст

Возвращение в Виттенберг было безрадостным. Утешало лишь то, что Дисмаса удалось спасти. Коварство Альбрехта повергло Фридриха в уныние. Он проводил дни в своих покоях, а ночами бродил по разграбленным галереям.

Спалатин отчаянно пытался отыскать лазейку в каноническом законодательстве, которая позволила бы аннулировать наложенную

Альбрехтом епитимью. Он запросил мнение нескольких богословов, и в первую очередь, естественно, брата Лютера, профессора теологии Виттенбергского университета.

Лютер постановил, что назначенная Альбрехтом епитимья необязательна к исполнению, поскольку наказание, исполнение которого требует противоправного деяния (в данном случае – похищения Шамберийской плащаницы), является *eo ipso, contra lex naturalis*. То есть само по себе противно естественному праву. А значит, с точки зрения права канонического безосновательно и не имеет веса.

Как ни заманчиво было принять такое толкование, Спалатин и Фридрих решили на всякий случай заручиться мнением других богословов. Авторитет Лютера в толковании церковного права к тому времени пошатнулся. Он хоть и по-прежнему оставался монахом Римско-католической церкви, но этот монах чуть ли не ежедневно именовал папу антихристом, а Рим – Вавилоном. В своих последних памфлетах он дошел до отрицания некоторых священных таинств, поскольку они не упомянуты в Новом Завете. Доктрина Лютера теперь не признавала миропомазания, венчания, рукоположения и соборования. Даже Эразм Роттердамский, будучи сторонником реформ, пришел в ужас. Лютер подтверждал правомерность таинства крещения, святого причастия и несколько облегченную форму епитимий, но при этом упрямо настаивал, что спасение достигается исключительно посредством веры, а не с помощью священников, и уж тем более не пап. Поговаривали, что он пересматривает Десять заповедей. Как далеко он пойдет? Брат Мартин переворачивал с ног на голову все церковные доктрины, сформулированные за полторы тысячи лет. Все это заставляло Фридриха и Спалатина усомниться в том, примут ли его заключение по епитимье Дисмаса.

Спалатин справился у других великих богословов, в том числе у Меланхтона и даже у самого Эразма, по очевидным причинам не упоминая ни Дисмаса, ни Шамберийской плащаницы. Эти столпы римского католицизма заключили, что, несмотря на необычность епитимьи, она остается правомочной, так как перенесение святыни само по себе не образует состава преступления. Ведь учение Церкви гласило, что святыня не может быть перенесена, если только какой-нибудь святой или член Святого семейства не пожелают этого. Таким образом, проверка правомочности епитимьи заключалась в ее исполнении: если грешнику удастся справиться с задачей, то это и будет подтверждением Божьего согласия как с назначенным наказанием, так и с перенесением реликвии. Подобное заявление не оправдало надежд ни Фридриха, ни Спалатина,

которому пришлось сообщить горестную весть Дисмасу.

Дисмас шел на поправку. За ним ухаживал лекарь Фридриха, разговорчивый коротышка-итальянец, именовавший раны Дисмаса стигматами, в шутку, хотя и не вполне благочестиво, уподобляя их кровоточащим язвам, что чудесным образом возникли на теле святого Франциска Ассизского и символизировали раны Христовы. Немного окрепший Дисмас, полагая легкомысленную веселость лекаря хорошим знаком, увлеченно изобретал экзотические мучения и пытки для Дюрера.

Впереди было мало радостного: путешествие длиною в шестьсот миль и похищение самой охраняемой святыни в христианском мире, заведомо обреченное на провал. Унылая перспектива.

Спалатин, пытаясь подбодрить Дисмаса, сообщил ему мнение одного из богословов: если Дисмаса убьют за исполнением епитимьи, он избежит адского огня, а срок его пребывания в чистилище не превысит семисот лет.

Хандру Дисмаса усугубляло то, что Альбрехт отрядил ему в сопровождающие трех своих ландскнехтов, дабы Дисмас не сбежал в кантоны. Альбрехт настаивал на этом условии. Совсем недавно, в 1515 году, Швейцарская конфедерация объявила себя нейтральной территорией, и если Дисмас пересечет границу, то будет неподвластен ни Альбрехту, ни кому-либо еще.

Дисмас подозревал, что ландскнехтам приказано убить его, даже если он и не попытается сбежать, но ему было все равно – настолько безотрадными были все варианты развития событий. Ему предстояло погибнуть. Оставалось только надеяться на быструю смерть во время исполнения епитимьи. Поговаривали, что в чистилище время течет быстро, а семь веков – не такой уж и долгий срок. Вдобавок на пути в Шамбери можно будет обзавестись индульгенцией.

Дюрер томился под домашним арестом в другой части замка и с растущим беспокойством считал дни. Фрау Дюрер известили, что муж ее пребывает в добром здравии; к тому же император заказал ему роспись большого алтаря. К сожалению, это исключает возможность его скорейшего возвращения в Нюрнберг.

Прошел месяц. Говорливый итальянец-доктор объявил, что раны Дисмаса зажили. Шрамы стигмат остались пожизненным увечьем. Ладони и стопы были проткнуты насквозь. Разорванные пополам уши телепались от резких движений, что придавало ему сходство с эльфом. Чтобы скрыть уши, Дисмас отрастил волосы подлиннее. Он часто молился святому Франциску Ассизскому – своему собрату по стигматам, хотя и осознавал

разницу между ранами Франциска и собственными, заслуженными. Дисмас не питал никаких иллюзий относительно своей невиновности. Он знал, что совершил гнусный поступок. Он заслужил эти раны. Он был готов к будущим испытаниям и невзгодам.

Однако же он хотел встретить их открыто и честно. Он решил подготовиться к ним загодя. Во дворе замка он часами занимался с учителями фехтования и оружейниками Фридриха, вспоминая старые навыки и отрабатывая новые. Оружия он не брал в руки с Чериньолы, поклявшись никогда им не пользоваться иначе чем для самообороны.

В начале марта Фридрих призвал его к себе. В приемном зале Дисмаса встретили Фридрих, Спалатин и Дюрер, державшийся на удивление смущенно. Дисмас поклонился Фридриху, кивнул Спалатину, а Дюрера оставил без внимания.

– Племянник, вы выглядите много лучше.

– Я всем обязан моему дядюшке.

Фридрих тяжело вздохнул, напрягая мощную грудь:

– Как вам известно, Дисмас, мастер Спалатин испросил совета авторитетных богословов касательно вашей епитимьи. Если бы мог, я бы ее отменил. Но я не могу. О чем и сожалею. Сожалею до глубины души.

Дисмасу было больно видеть Фридриха в таком смятении.

– Понятно.

Фридрих кивнул Спалатину.

– Герцог Савойский выставляет Шамберийскую плащаницу на всеобщее обозрение четвертого мая, – объявил Спалатин. – Через два месяца.

«По десять миль в день», – подсчитал Дисмас.

– По настоянию кардинала вы отправляетесь в сопровождении трех его людей, – продолжил Фридрих. – Мы добились, чтобы их отдали под ваше начало. Вы будете ими командовать. Им приказано содействовать вам в перенесении. Я осведомлен о вашей неприязни к ландскнехтам. Следует принять во внимание, что кардинал озабочен успехом вашей миссии. Есть основания полагать, что вам будет оказано содействие. – Он искоса бросил испепеляющий взгляд на Дюрера. – Помимо этого, я приказал мастеру Дюреру вас сопровождать. Вам должно искупить свои прегрешения, а ему – свой грех.

– С вашего позволения, дядюшка, лучше отправьте мастера Дюрера в силезские соляные копи. Пусть искупает свой грех там. Мне такой спутник ни к чему.

– Я вам его не навязываю, а отряжаю в помощники. Его способности могут быть полезными в предприятии такого рода.

– Мне хорошо известны способности мастера Дюрера. Я как-нибудь без них обойдусь.

– Это ради вашего же блага, Дисмас.

– С позволения вашей милости, – вмешался Дюрер, – у Дисмаса и так будет немало забот...

– Мастер Дюрер, я предлагаю вам выбор. Либо вы отправляетесь в Шамбери под началом Дисмаса и оказываете ему всяческое содействие, либо остаетесь здесь. Поработаете кистью. Нам такие работники всегда нужны. Правда, мастер Спалатин?

– Совершенно верно, ваша светлость. Эконом говорит, что неплохо бы побелить подвалы.

– Какие подвалы?

– Все, ваша светлость.

– А долгое ли это дело для одного человека?

– Долгое, ваша светлость. А как закончит, пора будет начинать с начала.

– Итак, мастер Дюрер, что вы выбираете?

Дюрер молчал.

– Что ж, решено. Георг, мастер Дюрер, оставьте нас.

Они вышли.

– Прими мое благословение, – сказал Фридрих и вложил что-то Дисмасу в руку.

Дисмас поглядел на обломок кости в золотой оправе, подвешенный на золотую цепочку, и улыбнулся:

– Сустав пальца святого Христофора, покровителя странствующих.

– За него я заплатил тебе двенадцать гульденов. По-моему, ты не заслужил такого подарка.

– Увы, не заслужил.

– Надеюсь, он настоящий. Уж за такие-то деньги... – Фридрих осекся, сдерживая слезы. – Иначе тебе еще и за него придется отвечать. А если он настоящий, то охранит тебя. Да не оставит тебя Господь, Дисмас.

– И вас, дядюшка.

Часть вторая

18. Кунрат, Нуткер, Ункс

В день поминовения святого Иосифа Аримафейского, в 1519 год от Рождества Христова, необычная компания монахов-паломников – бывший швейцарский наемник (впоследствии торговец мощами), три германских ландскнехта и меланхоличный нюрнбергский живописец – переправилась через Эльбу и двинулась на юг.

Дисмас правил повозкой, сидя в безмолвном соседстве с Дюрером. Ландскнехты ехали верхом: один впереди, двое сзади. Звали ландскнехтов Кунрат, Нуткер и Ункс. Дисмас не пытался завести с ними разговор. Как и все ландскнехты, эта троица безумно гордилась своими яркими одеяниями, напоминавшими мундиры папских гвардейцев в Ватикане. Дисмас злорадно заставил ландскнехтов облачиться в монашеские рясы грубой шерсти. Ландскнехты поввозмущались, но подчинились.

В отместку они надели щегольские наряды под рясы с куколями, но не по времени теплая погода обратила их дерзость в пиррову победу. Дисмас удовлетворенно наблюдал, как франты беспрестанно почесываются, обливаясь потом.

Как и все ландскнехты, Кунрат, Нуткер и Ункс были нахальны, спесивы и грубы. Они по поводу и без повода перебрасывались сальными шуточками, заливались хохотом, если лошадь пускала ветры, и глумливо рассказывали о всяких жутких случаях. Ландскнехты обсуждали Дисмаса вслух, словно его не было рядом, и насмеялись над ним самым издевательским образом.

Однажды они весь день спорили об изуродованных ушах Дисмаса, пытаясь определить, к какому подвиду гоблинов его следует отнести. В другой раз предметом дискуссии стала скотоложеская содомия – любимая тема ландскнехтов, поскольку они давно прозвали швейцарских райзляуферов «коровопорами». Остроумие било из них фонтаном.

Не обращая внимания на этот обезьянник, Дисмас молил святого Франциска ниспослать ему долготерпение. Устав от молитв, он начал прикидывать, скольких сумеет уложить, прежде чем прикончат его самого. Он наверняка справился бы с одним, а может, даже и с двумя, но уж никак не с третьим. Ландскнехты были отличными бойцами. Пропуская мимо ушей зубоскальство спутников, он сосредоточился на предстоящей

безнадежной операции.

Не выдержав издевок, Дюрер решил встать на защиту Дисмаса. А может, надеялся таким образом отыскать путь к примирению с приятелем.

– Эй, красотки, – крикнул он, – неужели у вас нет других тем для разговора, кроме дебильных шуточек о скотоложестве?

Нуткер заржал:

– Слыхал, Кунрат? Маляр назвал нас красотками!

– Ну, раз мы красотки, пусть вдует нам как следует!

– Эй, маляр! – заорал Ункс. – Иди к нам. Поцелуй красотку!

– Друг другу вдувайте, – ответил Дюрер.

Дисмас подавил стон. И вот так будет все шестьсот миль?

«Святой Франциск, наикротчайший из святых, ниспошли во благости своей – один-единственный раз! – чтобы спутников моих, всех до единого, поразила чума, или оспа, или, если тебе угодно, молния...»

– Гм, чудесная поездочка, – доверительным тоном пробормотал Дюрер.

– Не разговаривай со мной.

– Да ладно тебе, Дис... Слушай, прости, что так вышло.

– Молчи, кому говорят! Ни слова больше.

– Но я же не виноват!

– Не виноват? Ах вот как?! А кто пририсовал подпись Кранаха? Да еще и своим же семенем!

– Откуда мне было знать, что они засунут плащаницу в очаг?

– При чем тут очаг? Ризница сгорела! Так что помалкивай, а то пририсую тебе подпись Кранаха вот этой кисточкой, – пригрозил Дисмас, поигрывая кинжалом.

Немного погодя Дюрер сказал:

– Между прочим, не ты один настрадался...

Тут уж не выдержал Дисмас. Он резко остановил повозку и спросил:

– Мне послышалось или ты сейчас сказал, что не я один настрадался? У тебя совесть есть?

– А что такого? Я тоже настрадался. Сидел себе спокойно в мастерской, а меня похитили какие-то отморозки. Это не страдания, что ли?

– То есть страдания – это когда тебе мешают заниматься живописью в мастерской, так? А хочешь узнать мое определение?

– Я же не говорю, что ты тоже не настрадался.

– Вон отсюда.

– Что?

– Пошел вон. Сойди с повозки.

– С удовольствием.

Дюрер сошел на дорогу.

– Что ж, до свидания. Удачи тебе. – Он двинулся прочь.

– Э, нет. Никаких «до свидания». Остаешься с нами до самого Шамбери. Дойдешь туда пешочком. Шестьсот миль. Прогулка тебе не помешает. Заодно и настрадаешься, будет о чем ныть.

Дисмас обернулся к ландскнехтам:

– Художник идет до Шамбери пешком. Если вздумает сбежать – пристрелите. Цельтесь в голову, не промахнетесь – из нее самомнение так и прет.

Отличное начало путешествия.

Следующие несколько миль Дисмас рассеянно размышлял об иронии судьбы. По его приказу ландскнехты грозили Дюреру тем самым оружием, которое под Чериньолой было обращено против Дисмаса и Маркуса.

В повозке имелся потайной отсек, куда ландскнехты загрузили внушительный арсенал: аркебузы, пики, алебарды, топоры, мечи и пару огнестрельных ручных штук, называемых пистолями, а также несколько бочонков проклятого пороха. Нищенствующие бродячие монахи с такой поклажей вызвали бы подозрение, поэтому, чтобы лишний раз не рисковать, Дисмас решил обходить крупные поселения, а на ночлег останавливаться в лесу, подальше от дороги.

Однажды вечером, у костра под звездным небом, Дюрер раскрыл альбом для эскизов. Дисмас и Дюрер вот уже неделю не обменялись ни словом. Дюрер подставил босые ступни поближе к огню.

– Ну и что ты там калякаешь? – спросил Дисмас.

– Не твое собачье дело.

Дисмас взглянул на рисунок:

– Это твои ноги? Еще один автопортрет. Пойдет нарасхват.

– Да что ты вообще понимаешь в искусстве?! – не поднимая головы, буркнул Дюрер. – Ты – зачуханный швейцарский филистер... Ха! Зачуханный швейцарский филистер... Целых три синонима.

– Эй, маляр! – завопил Ункс. – А мой елдак слабó намалевать?

За неделю наслушавшись идиотского трепа ландскнехтов, Дисмас пришел к выводу, что из троицы придурков Ункс был самым тупым, зато самым сильным и статным.

– Я не пишу миниатюр, – ответил Дюрер.

Ункс поднялся над Дюрером, обнажил меч и упер острие Дюреру в грудь:

– Такой размер тебя устроит?

Дюрер щелкнул по клинку. Сталь зазвенела.

– Стоит крепко. Что есть, то есть.

Решив, что честь его восстановлена, Ункс снова уселся. В мерцающем свете костра Дюрер продолжил рисовать свои ступни в кровавых мозолях.

Изображение постепенно приобретало четкие очертания. Работа ма́стерская, спору нет, хотя такую картинку вряд ли кто-то купит. Однажды Дюрер нарисовал сложенные в молитве руки, а потом сделал с рисунка гравюру, которая отлично продавалась. Но сложенные в молитве руки – это одно, а вот покрытые мозолями ступни – совсем другое.

– Назови это «Ноги паломника», – предложил Дисмас. – Глядишь, и спрос появится. – Он скрутил рогожу валиком и сунул под голову. – Только не забудь поставить подпись Кранаха, – сонно пробормотал он, – своим же свежавыжатым семенем.

– Я посчитал это самым достойным медиумом для подписи Кранаха. Лучше, чем мед, или карамель, или луковый сок, или уксус...

– Какой же ты все-таки... Нарцисс. Поэтому мы с тобой и сдохнем.

Дюрер отложил рисование:

– Думаешь, сдохнем?

– Да.

Дюрер долго смотрел в костер, а потом вытащил из альбома чистый лист:

– Я нарисую твой портрет. Останется на память.

– Я не хочу, чтобы обо мне помнили.

– Глупости. Я предлагаю тебе бессмертие.

– Ты меня соблазняешь прямо как Сатана... О господи, с кем я связался?!

– Знаешь, почему мне заказывают портреты? По стенам развешивать? Нет, все боятся забвения. Всем хочется бессмертия.

– Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует – все суета! Видит Бог, тебе это лучше всех известно.

– Да уж... внимлите богослову Дисмасу...

– Я не богослов. Меня убьют из-за твоего тщеславия. Хорошо хоть, что умру, исполняя епитимью. Какой-то богослов объяснил Спалатину, что в чистилище я попаду всего на семьсот лет. Интересно, сколько времени отпущено тебе, коль скоро ты один повинен в наших злоключениях? Может, тебя отправят не в чистилище, а куда-нибудь потеплее.

Дюрер снова отложил альбом:

– Дис, не злобствуй.

– Я тебя обидел? Ай-ай-ай, стыд и позор!

– Между прочим, у меня случаются приступы меланхолии. Зачем было говорить, что мне прямая дорога в ад?

– Я же не желаю тебе вечно гореть в аду... Хотя если честно, то последние пару месяцев я сулил тебе именно это.

– Лютер утверждает, что наказания, налагаемые священнослужителями, – чушь собачья, – сказал Дюрер. – Священники нам совершенно не нужны. С Господом можно говорить напрямую.

– Знаешь, на твоём месте я бы уже давно завел разговор с Господом.

– С какой стати священники или там кардиналы властны порицать нас или отпускать наши грехи? Я согласен с Лютером: спасение обретается через веру. Только через веру.

– Если тебе невтерпёж, ставь на кон свою бессмертную душу. А я лучше исполню епитимью.

– Это твоя месть, да? Мучить меня видениями ада все шестьсот миль, да?

– Нет, изначально такого плана у меня не было, но идея неплохая, – сказал Дисмас. – Спокойной ночи.

19. Граф Лотар

Путники обошли стороной Карлсеруэ и двинулись не по Рейнской дороге, а на юго-запад, в Шварцвальд. Этот путь был труднее, но по главным трактам сновали имперские соглядатаи. В государстве без правителя всякое случается.

Император Максимилиан умер. Трон Карла Великого пустовал. Приближались выборы преемника. Спалатин по секрету рассказал Дисмасу, что Фридрих отказался выдвигать свою кандидатуру на престол, несмотря на уговоры – кого бы вы думали? – папы Льва. По иронии судьбы Фридриху, по примеру Альбрехта, пришлось отдать свой голос за внука Максимилиана – Карла, короля Испании, в противовес растущему могуществу Франции. Папа тоже приветствовал избрание Карла, в пику амбициям короля Франциска.

Дисмас плохо разбирался в имперской политике. Может, оно и к лучшему, что Альбрехт, Фридрих и папа объединились, несмотря на непримиримые разногласия относительно Лютера.

Что же станет с Лютером? Испанский король Карл, убежденный и фанатичный католик, всячески поддерживал инквизицию. А здоровье Фридриха оставляло желать лучшего. Если верить Спалатину, Фридрих

понимал, что жить ему осталось недолго, и потому отверг корону Священной Римской империи. Похоже, Лютеру несдобровать. Такие мрачные думы одолевали Дисмаса на разбитых, ухабистых дорогах Шварцвальда.

Настроение Дисмаса ухудшилось еще больше, когда путники разбили лагерь на лесистом склоне и лунный свет озарил заснеженные альпийские вершины на юге.

– Ты что, истосковался по родным краям? – спросил Дюрер, заметив, как Дисмас удрученно взирает на горы.

– Если бы не ты, я бы уже был дома.

– А можно хоть один вечер обойтись без причитаний, что я сломал тебе жизнь?

– Ах, прости, пожалуйста! Так бестактно с моей стороны...

Кунрат, Нуткер и Ункс следили за ними, стоя поодаль, у своего костра. Углубившись в чашу, путники оказались в непосредственной близости к границе с кантонами, и ландскнехты не спускали с Дисмаса глаз.

– Боятся, что ты почуешь снег и рванешь через границу, – сказал Дюрер. – Снег... Он всегда возбуждает в вас, швейцарцах, необузданную страсть... Давай-ка я их отвлеку, а ты под шумок улизнешь. Эй, ландскнехты! Тут где-то пискнул сурок. Подстрелите его нам на ужин!

Нуткер ответил похабным жестом.

– Что ж, – вздохнул Дюрер, – придется снова довольствоваться роскошным ужином из пшена и солонины. Эта походная диета меня доконает. Я уж который день не могу толком просрать. В кишках зреет такая куча...

– Нарс, мне не интересно слушать про твои кишки.

– Так вот какая участь уготована мне на этом марше смерти! Я умру от запора! Славная гибель!

– Ш-ш-ш...

– Не затыкай мне...

Дисмас схватил его за руку:

– Тихо!

Среди деревьев замелькали огни, послышался глухой стук копыт и голоса. Ландскнехты вскочили и схватились за оружие. На привалах они всегда доставали его из повозки, чтобы было под рукой. Нуткер и Ункс поджигали фитили аркебуз. Кунрат метнулся к скальному выступу близ костра, взводя на ходу арбалет.

– Уши востро, – приказал Дисмас. – Говорить буду я.

Из леса выехало пять верховых с факелами. Дисмас приветственно

воздел руку:

– Мир вам!

Всадники оглядели поляну: у одного костра сидят два монаха, у другого – еще двое, вооруженные аркебузами с тлеющими фитилями...

Предводитель отряда, неприятного вида толстяк в богатом одеянии, восседал на скакуне под расшитым чепраком. Толстяк дал шпоры коню, подъехал к Дисмасу и надменно осведомился:

– Кто вы такие?

– А кто интересуется?

– Лотар фон Шрамберг. Это мои владения. Повторяю: кто вы такие?

– Как видите, ваша милость, мы монахи.

Лотар глянул на Нуткера и Ункаса:

– Монахи? С оружием?

– В лесу небезопасно, как должно быть известно вашей милости, принимая во внимание, что это ваш лес.

– И мне доподлинно известно, что в лесу полно браконьеров, расхищающих мою дичь!

«Ага, ты среди ночи за браконьерами по лесу гоняешься», – подумал Дисмас, а вслух сказал:

– У нас нет умысла нанести урон вашим угожьям, ваша честь. Мы всего лишь проходим мимо, с миром.

– Я граф Лотар, крестник нового императора Карла.

Дисмас поклонился:

– Мы польщены такой честью. Стало быть, выборы состоялись?

– Состоятся в ближайшее время. Сдайте оружие.

Нуткер и Ункс издевательски захохотали.

– Простите их, ваша милость, – сказал Дисмас. – В дороге мы пострадали от лихих людей и разбойников.

– Это не извиняет наглецов.

– Я с ними разберусь. При всем уважении, ваша милость, позвольте поинтересоваться, что привело вас сюда в этот неурочный час? Не браконьеры же, в самом деле?

– Мы преследуем ведьму.

– Ведьму? Да, дело серьезное. В таком случае, ваша милость, вы, безусловно, согласитесь, что нам лучше будет остаться при оружии. Для самозащиты.

Лотар набычился, пытаясь решить, дерзят ему или действительно боятся ведьмы.

Дисмас тем временем размышлял. Странно, что дворянин гоняется за

ведьмой в ночи. В южных землях империи обожали охотиться на ведьм. Стоило вспыхнуть чуме, как все винили в этом ведьм. Или жидов. Вдобавок обвинение в колдовстве позволяло с легкостью избавиться от докучливой или обременительной особы. Кстати, мужскую слабость тоже приписывали проискам ведьм.

Дисмас питал отвращение к охоте на ведьм. В детстве он присутствовал на сожжении трех девушек. Их жуткие муки длились несколько часов. Однако же ведьм страшились все и повсеместно. Даже Лютер признавал их существование, хотя с недавних пор и проповедовал неверие. И все же это не объясняло, почему жирный хвастливый граф шатается ночью по лесам, вместо того чтобы дрючить графиню в теплой постели или портить служанок в фамильном замке.

– Эта мерзкая ведьма – осальница! – пояснил Лотар.

Бытовало поверье, что ведьмы наводят колдовские чары, обмазывая предметы особым зельем.

Дисмас перекрестился:

– И что эта тварь испоганила?

– Мой хлев.

Нуткер и Ункс загоготали. Дисмас промолчал, хотя и счел злодеяние мелковатым.

Лотар негодуяше заявил:

– Я велю выпороть этих наглецов!

– Не обращайтесь на них внимания, ваша милость. Это послушники, я их сам примерно накажу. А ваш хлев сильно пострадал?

– Вся скотина передохла!

– Какое злодейство, – вздохнул Дисмас и снова осенил себя крестным знаменем. – Я помолюсь святому Губерту о вашем успехе в поимке мерзавки.

– Кому?

– Святому Губерту, ваша милость, покровителю охотников.

– Она еще и церковные двери осалила!

– Господи, спаси и сохрани! – сказал Дисмас, крестясь в третий раз. – И вы полагаете, эта демоница где-то поблизости?

– Мы хотели отправить ее на костер, но она сбежала... Отвечай, монах, встречалась ли вам женщина?

– Нет. Опишите ее, ваша милость, дабы мы потуже перепоясали чресла и были начеку, буде злодейка нам повстречается.

– Хороша собой...

– Я не прочь, чтобы она и мне кое-что осалила! – объявил Нуткер,

радостно потирая пах.

– Ради всего святого, помолчи, брат! – одернул его Дисмас. – Хвала Всевышнему, ваша милость, никаких женщин мы не встречали.

– Зовут Магдой. Волосы рыжие, целая копна. Кудрявая, вот как у этого... – Лотар показал на Дюрера.

– Рыжие? – Дисмас перекрестился в четвертый раз. – Вот она, дьявольская отметина.

– Ну и наконец, если она вам попадется, доставьте ее мне в Шрамберг. Я вас щедро награжу.

– Если она мне и попадется, то уж точно на конец! – выкрикнул Нуткер, и они с Унксом снова загоготали.

Это переполнило чашу терпения графа Лотара, который, как большинство знати, привык к подбострастию со стороны низших сословий.

– Прикуси язык, чернец! Иначе я тебе его вырву!

– А ты попробуй! – Нуткер высунул язык и похабно задвигал им туда-сюда.

– Брат! – сквозь зубы простонал Дисмас. – Оказывай должное уважение его милости...

– Взять его! – приказал Лотар своим спутникам.

Нуткер и Ункс навели на всадников аркебузы с шипящими фитилями. Всадники застыли в седлах.

Граф в бешенстве развернул коня и галопом поскакал к лесу. Остальные последовали за ним.

– Болваны, – сказал Дисмас Нуткеру и Ункусу.

– Мы не любители лизать жопы Габсбургам! Это по твоей части.

Кунрат выступил из-за скалы, подошел к Нуткеру и тыльной стороной руки наотмашь хлестнул ему по роже.

Дисмас и Дюрер сидели у костра. Сон не шел. Дисмас глядел, как мерцающие искорки взмывают в ночное небо, к звездам, и танцуют над вершинами Альп, залитыми лунным светом.

20. Магда

На рассвете Дисмаса разбудили голоса.

Холод пробирал до костей. Костер прогорел, одеяло заиндевело. Чего это Нуткер разорался? Дисмас осторожно выглянул из-под одеяла, пытаюсь определить источник шума. Нуткер силился вытащить что-то из потайного отсека повозки. Что это? Нога?! Да, нога. Отчаянно брыкающаяся голая нога. Женская.

– Ункс! Глянь, чего я поймал! – завопил Нуткер. – Живая! О-го-го какая здоровенная! Да помоги же мне, сволочь!

Ункс подключился к странной возне и ухватил вторую ногу. Оба ландскнехта тянули изо всех сил. Ноги отчаянно лягались.

Полузамерзшими мозгами Дисмас пытался уяснить смысл происходящего. Обледенелые извилины понемногу восстанавливали события прошедшей ночи.

– Ну, дружно! Раз, два, три!

Ландскнехты уперлись сапогами в колеса повозки и дернули. Сопrotивляющийся трофей выскользнул из потайного отсека, глухо стукнул о землю и задержался, будто лосось на крючке.

– Спокойно, спокойно! – приговаривал Кунрат, удерживая добычу, которая теперь отбивалась кулаками. – О как! Живая! Черт, она меня укусила! – Он резко пихнул коленом. – Да успокойся ты, не то поколочу!

На земле, тяжело дыша и сжимая кулаки, лежала девушка.

Дисмас подошел, оттолкнул от нее ландскнехтов.

Женщина. Молодая, миловидная, с копной рыжих кудрей. Вот черт! Она испуганно, но вызывающе глядела на захватчиков.

– Тебя зовут Магда? – спросил Дисмас.

Она не ответила.

– Она самая и есть, – заявил Кунрат, сплюнул и обнажил меч.

Дисмас удержал его руку:

– Я все улажу. Нуткер, Ункс, займитесь костром. Грузите повозку. И пошевеливайтесь! Вот молодцы...

Дисмас смотрел на девушку. Даже чумазая, она и впрямь была хороша собой. Кудри как у Дюрера, только перемазанные сосновой смолой. Смотрит затравленно, измученно. Отчаянно.

– Что ты делала в повозке?

– Пряталась. А ты что подумал?

«Она еще и дерзит», – отметил про себя Дисмас.

Поразмыслив, он помог ей подняться.

– Значит, ты Магда?

– Да.

Кунрат отпрянул и снова выхватил клинок. Похоже, ландскнехт верил в ведьм.

– Уходи, – сказал ей Дисмас. – Ступай отсюда.

Она не двигалась.

– Ты ее отпускаешь? – изумился Кунрат.

– Иди, иди, – повторил Дисмас.

Она стояла неподвижно.

– А как же вознаграждение? – спросил Кунрат. – Нам обещали щедро заплатить!

– У нас впереди долгий путь. Наша задача не в том, чтобы ловить ведьм за вознаграждение.

– Ее нельзя отпускать, – возразил Кунрат.

– А она никуда и не торопится. – Дисмас снова посмотрел на девушку. – Ступай отсюда, кому говорят!

Она даже не шевельнулась.

– Если останешься, эти типы тебя убьют, – шепнул он ей.

Она вздрогнула, умоляюще глядя на него.

– Изголодалась, наверное? – спросил Дисмас.

Она кивнула.

– Позавтракаешь с нами. А потом вали отсюда.

Тем временем все ландскнехты обнажили мечи.

– С ведьмами связываться – последнее дело, – заявил Кунрат.

– Я все улажу, – повторил Дисмас. – Сначала ее надо накормить. А потом пусть садится на помело и улетает. – Он повернулся к девушке. – Дай слово, что, если тебя накормят, ты не станешь превращать этих троих в пауков или еще в каких гадов. – Он презрительно взглянул на ландскнехта. – Ну что, доволен?

Кунрат зашептался с Нуткером и Унксом. Дюрер раздувал вчерашние угли. Вскоре костер запылал.

– Садись, – сказал Дисмас девушке.

Он плеснул ей в кружку остатки шпетбургундера, за который в Дазенштайне с них стрясли грабительские полгульдена за квартиру. Магда осушила кружку в три больших глотка. Дюрер дал ей плошку каши. Плошка почти мгновенно опустела.

– Великолепные волосы, – сказал Дюрер.

Дисмас застонал.

– Только очень растрепанные. – Дюрер выудил из спутанных кудрей листочек.

– Меня чуть не поймали, – сказала девушка. – Я увидела ваш костер. Бежать я больше не могла. Спряталась в повозке. Все слышала. Он вам соврал. Он дурной человек. Я хотела уйти, но уснула от усталости. Я не хочу чинить вам неприятности. Позвольте мне погреться у огня до вашего ухода.

Дисмас оставил ее с Дюрером и подошел к костру ландскнехтов. Нуткер и Ункс опасно наблюдали за девушкой. Видно, боялись, что у нее из ноздрей и ушей вылезут жабы и гадюки.

– Нельзя ее здесь оставлять, – сказал Дисмас.

– Ты предлагаешь взять ее с собой? – встревоженно спросил Нуткер.

– Ненадолго. Уведем ее из графских владений, подальше от этого подонка.

– Это же ведьма! Он сам так сказал!

– Нуткер, – терпеливо напомнил Дисмас, – вчера ты был такого невысокого мнения о графе, что глумился над ним и нарывался на драку. Хотел его прикончить. С какой стати ты веришь его словам?

– Граф – мудака муذاком, – признал Ункс. – А вдруг она и вправду ведьма? Их в этих краях пруд пруди.

Нуткер согласно кивнул.

Дисмас задумался. Посмотрел на девушку:

– Что ж, это можно выяснить.

– Точно, – подтвердил Ункс. – Надо ее связать и бросить в озеро. Если утонет – не ведьма.

– Нет, – запротестовал Нуткер. – Лучше в огонь. Если не сгорит, тогда точно ведьма.

Дисмас глубокомысленно кивал, словно взвешивал в уме относительные достоинства этих высоконаучных методик.

– Есть еще один способ, – объявил он. – Новый, но проверенный. Абсолютно безупречный, как утверждают Крамер и Шпренгер. Они лучше всех разбираются в ведьмах. Целую книгу об этом написали.

Ландскнехты захлопали глазами.

– Крамер и Шпренгер... – повторил Дисмас. – Величайшие охотники на ведьм.

Ландскнехты продолжали молча таращиться.

– Ну, ребятки, – по-свойски сказал Дисмас, – вы же наверняка читали «Молот ведьм»? Самый авторитетный трактат по выявлению ведьм?

– Да, – соврал Кунрат, – я знаю эту книгу.

– Конечно знаешь. Ее все знают. И все знают, что единственный способ получить стопроцентное доказательство – это применить метод святого Бонифация.

– Святого Бонифация?

– А кто это такой? И что это за метод? – спросил Ункс.

– Метод не только безотказный, но и самый простой. В этом-то и вся его прелесть. Берешь какое-нибудь распятие или крест, за исключением... э-э-э... какое там исключение, Кунрат? Слоновая кость, что ли?

– Да, слоновая кость, – неуверенно подтвердил Кунрат.

– Ну вот, берешь любой крест, кроме тех, что из слоновой кости. Прижимаешь ко лбу подозреваемой. Считаешь до двадцати. Если она завизжит, а распятие обожжет ей кожу, то перед тобой ведьма. Потому что ведьмы не выносят прикосновения креста Христова. Хвала Господу за достижения науки!

Ландскнехты переглянулись.

– Итак, – сказал Дисмас, – у кого есть распятие?

Распятия ни у кого не оказалось.

– Тоже мне, монахи, – хмыкнул Дисмас. – Ни одного распятия на всех.

– Я могу крест сострогать, – предложил Ункс.

– Bravo, Ункс! – Дисмас одобрительно хлопнул его по спине. – Слава богу, хоть у кого-то сегодня мозги работают.

Дисмас вернулся к своему костру.

– Если хочешь жить, подыгрывай, – вполголоса сказал он девушке.

Ункс выстругал крест.

– Отлично, Ункс. Самое оно! – Дисмас воздел крест и прокашлялся. – Женщина, святого Бонифация не проведешь! Помолимся же за то, чтобы ты оказалась не ведьмой, потому что если ты ведьма, то это сейчас станет явным и отправишься ты на костер, а оттуда – напрямик в геенну огненную, откуда ты, собственно говоря, изначально и явилась. Приготовься же!

Она уставилась на него.

– Ты готова?

Магда кивнула.

– Волею Господа Всевечного и святого Бонифация – я начинаю испытание!

Дисмас приложил крест ко лбу Магды. Ландскнехты вытаращили глаза.

– Ну и как? – спросил Кунрат.

– Потерпи, Кунрат. – Дисмас продолжал считать: – Восемнадцать,

девятнадцать, двадцать! – Он отвел крест ото лба девушки. – Узрите! Она даже не пикнула. И кожа ее не понесла ожога! Она не ведьма! Восхвалим же Господа! Так, дорогая, давай-ка полезай в повозку, мы тебя отсюда увезем подальше. Пошевеливайтесь! В дорогу!

Дюрер усадил Магду рядом с собой. Она украдкой улыбнулась Дисмасу. Дисмас обошел повозку, проверяя, все ли на месте. Ландскнехты стояли у задка и оживленно что-то обсуждали.

– Давайте-ка, ребятки, по коням. Пора, – сказал Дисмас.

– Мы тут подумали... – начал Кунрат.

– Что?

– Если она не ведьма, то с ней можно позабавиться. Вон она какая...

– Эх, Кунрат... – вздохнул Дисмас.

– А чего тут такого?

– В нашу задачу не входит чинить поругание девушек.

– Так-то оно так, но...

Дисмас решил, что лучше выторговать отсрочку, чем давить сомнительным авторитетом.

– Некогда, Кунрат, – сказал он. – Того и гляди вернется граф с подкреплением.

– А мы и с графом позабавимся, – беспечно отмахнулся Кунрат.

– Знаешь, мне не хочется помирать ради забавы. Вот приедем в Базель, я обеспечу вам вечерок в «Кисе-мурлыке». За мой счет. Можете там забавляться, пока ваши дротики не согнутся.

– Ночь напролет? – недоверчиво уточнил Кунрат.

– До самых петухов.

На том и порешили. Дисмас вскарабкался в повозку и взялся за вожжи.

– О чем это вы там? – спросил Дюрер.

– Обсуждали, где лучше квартировать в Базеле.

Повозку гнали весь день, а к вечеру разбили лагерь на живописном лугу у подножья отвесной скалы. В озерце под небольшим водопадом кишела форель. Ландскнехты решили пострелять рыбин из арбалета. С предсказуемым, но забавным нулевым результатом. Дюрер, не утруждавший себя работой по хозяйству, сидел и рисовал. Дисмас искупался в водопаде.

Магда исчезла в лесу и вернулась с полным подолом грибов-лисичек. Она высыпала их у костра и обошла озерцо кругом, собирая всякую зелень: кресс-салат и полевую мяту.

Дисмас подошел к костру, обсохнуть после купания.

– Просто пиршество, – сказал он при виде грибов и зелени.
– Только рыбы не хватает, – ответила Магда.
– Наши меткие стрелки над этим работают, – отозвался Дюрер, не отрываясь от рисунка.

Нуткер с Унксом, вконец отчаявшись подстрелить форель, полезли в потайной отсек повозки и вытащили оттуда бочонок с порохом. Порох насыпали в пустую бутылку из-под вина. Ункс отрезал кусок аркебузного фитиля. Дисмас с растущим беспокойством наблюдал за ними.

– Чем вы там занимаетесь? – спросил он.

– Рыбачим, – ухмыльнулся Ункс.

Ландскнехты подошли к озеру. Кунрат забрел в воду по колени, повернулся спиной к берегу и целился в форель. Хихикая, словно пара сорванцов, Нуткер с Унксом подожгли фитиль, выждали несколько секунд и метнули бутылку в озеро.

Дисмас охнул и закричал:

– Ложись!

Услышав всплеск за спиной, Кунрат обернулся как раз в тот миг, когда раздался взрыв. Вода огромным фонтаном взметнулась к небу, а ударная волна сшибла Кунрата с ног.

На берегу Нуткер с Унксом хохотали, согнувшись в три погибели. Кунрат, весь в иле и водорослях, словно злобное морское божество, побагровел от ярости и с кулаками набросился на приятелей. Сцепившись, ландскнехты мутузили друг друга, переругивались и реготали. Дисмас, Дюрер и Магда смотрели на потасовку.

– Вот она, железная ландскнехтская дисциплина, – заметил Дюрер, продолжая рисовать.

У Дисмаса от взрыва звенело в ушах. Он невольно потер их. Магда, заметив его увечье, удивленно распахнула глаза, но тут же смущенно отвела взгляд и указала на озеро:

– А вот и наше пиршество.

Десятки оглушенных рыбин всплыли на поверхность. Ландскнехты, забыв о греко-римской борьбе, с радостным гиканьем бросились собирать добычу.

Дюрер пошел посмотреть на улов. Дисмас и Магда остались вдвоем.

– Твои уши...

– Я прекрасно слышу.

– Есть такое притирание...

– О притираниях лучше помалкивать, не то эти умники решат, что ты все-таки ведьма.

– Спасибо тебе. Ты меня спас.

– Я не верю в ведьм.

– Между прочим, я знаю эту книгу. Ну, «Молот ведьм».

– Ты умеешь читать?

– Умею, но никакого метода святого Бонифация не припомню...

Ландскнехты бродили в воде, собирая рыбы тушки.

– Хорошо, что они читать не умеют, – вздохнул Дисмас. – Бонифаций был праведником. Монахом, как и мы. Бенедиктинец из Англии. Он прибыл сюда крестить язычников-франков. Нелегкая работа... Здесь рос священный дуб, который франки считали воплощением бога Тора. Бонифаций, желая доказать, что не страшится гнева Тора, срубил дуб топором. Храбрый был человек. А из этого дуба он потом построил часовню.

– Перед сном я ему помолюсь.

– Ну, Бонифация потом самого зарубили. Зато теперь Тору больше не поклоняются. Кстати, я продал ребро Бонифация одному... – Дисмас осекся. – А как ты собираешься готовить грибы?

– С травами. – Магда посмотрела на него. – Как так вышло, что ты продал ребро святого Бонифация?

Дисмас пожал плечами:

– Мощи для нас – обычное дело.

– Для кого, Дисмас?

– Для монахов, разумеется.

Магда улыбнулась:

– Я повидала немало монахов, но в первый раз встречаю таких, которые глумятся над графами, управляют с оружием, как солдаты, рыбачат с помощью пороха и хотят чинить поругания над женщинами... И ни у кого нет ни единого креста.

– Понимаешь, эти трое – послушники, только начали новициат. Еще не привыкли к дисциплине.

– А какого вы ордена?

– Это такой... новый орден.

– И как он называется?

– Бонифаты.

– В жизни о таком не слыхала! – рассмеялась Магда.

– Конечно, откуда бы тебе слыхать? Говорю же, это новый орден.

– И какое у вас призвание? Судя по всему, вы не пасете стада и не варите варенье.

– Мы – нищенствующие монахи-странники. Христарадничаем.

– С оружием?

Дисмас пожал плечами:

– Так легче собирать милостыню.

Она снова рассмеялась. Смех звучал нежнее китайских колокольчиков.

– А с чего это ты донимаешь меня расспросами? – с напускным раздражением спросил он.

– Да так, интересуюсь.

– Монахами?

– Нет, тобой.

Дисмас покраснел:

– Во мне нет ничего интересного.

– Тогда расскажи, чем еще занимаются бонифаты. Они же не только попрошайничают с аркебузами и арбалетами наперевес?

– Мы занимаемся перенесениями.

– Вы носильщики?

– Нет, мы переносим святыни.

– Как это?

– А вот так. Переносим их с места на место. Как только реликвия – косточка святого, клоч сена из Вифлеемских яслей или еще что – возжелает перенестись на новое место, например из одного святилища в другое, мы, бонифаты, устраиваем ее перенесение.

Магда хихикнула.

– Что тут смешного?

– И как вы узнаете, что святыня возжелала отправиться на новое место? Она что, прямо так и заявляет: мол, надоело мне в Лионе, хочу в Милан?

– Не насмешничай, богохульница. Это серьезное дело.

– Мне просто интересно, откуда вы знаете, что святыней овладела охота к перемене мест.

– Сложно объяснить в двух словах, – вздохнул Дисмас. – Этому учатся годами. Между прочим, оружие у нас для того, чтобы оберегать доверенные нам святыни.

– Надо же, какие праведники!

– Я не говорю, что мы праведники.

– Как скажешь.

– Я и сказал.

– Все равно мне с тобой нравится.

Дисмас снова покраснел:

– Я грешник.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Это мое дело.

– Ты спас мне жизнь и не позволил своим послушникам лишить меня жалких остатков чести. По-твоему, это грешно?

– Я просто...

– Бонифат?

– Ну, если хочешь...

Она улыбнулась и посмотрела так, что Дисмасу стало неловко, но приятно.

– Хочу.

Ужинали форелью с грибами. Впервые после отъезда из Виттенберга все собрались у одного костра. Кунрат с притворной обидой глядел на Нуткера с Унксом, что нисколько не мешало ему уминать свежую форель с грибным фрикасе. Пиршество удалось на славу. Магда оказалась отличной стряпухой.

Когда все наелись до отвала, Магда наполнила кружки мятным отваром. От него пощипывало во рту, а по жилам разливались нега и безмятежность.

– Значит, ты не ведьма... – начал Кунрат. – А кто?

Магда смотрела на мерцающие угли. Рыжие кудри пламенели в свете костра. Дюрер поделился с ней скипидаром, чтобы отчистить смолу, и Магда искупалась в водопаде. Дисмас глядел на нее, не в силах отвести глаз.

– Мой отец держал аптеку в Шрамберге. Он был уважаемый человек и дружил с Парацельсом...

– С кем?

– Заткнись, Ункс, – оборвал его Кунрат. – Дай ей рассказать.

– С Парацельсом, знаменитым врачом и знатоком целебных растений. Он путешествует по всему свету, ищет новые лекарства. Он живет в Базеле. Когда я была маленькая, мы с отцом дважды у него гостили. Отец умер от чумы. И мама тоже, и сестра, и два брата... Я выжила, потому что отец усладил меня в монастырь – учиться аптекарскому делу. Я вернулась в Шрамберг, работала подавальщицей в таверне. Лотар меня приметил. Воспылал страстью. Как-то вечером я шла домой, а его молодчики меня умыкнули. Он заточил меня в замке, несколько недель продержал взаперти. Я пробовала сбежать. Даже пыталась покончить с собой... – Магда показала шрамы на запястье. – Одна из служанок сжалась надо мной и помогла мне выбраться на свободу. Я пошла к шерифу и обо всем рассказала. Он мне посочувствовал, но сделать ничего не мог. Лотар – граф

Шрамбергский, а к тому же крестник испанского короля, который вот-вот станет нашим императором. Сначала я пряталась у подруги. Она тоже работала в таверне. А потом пошли слухи, что я – ведьма. Не знаю, может, Лотар сам их и распускал, чтобы моим жалобам не верили. Я ушла из Шрамберга, хотела добраться до Базеля, за пределы империи, подыскать там работу в аптекарской лавке. Но меня заметили и донесли графу. Ведьм всегда боятся. За мной снарядили погоню. Несколько дней я скрывалась, а потом увидела ваш костер.

21. Налет

Дисмаса тряхнули за плечо. Он открыл глаза. Кунрат.

– Нагнали.

Дисмас вскочил. Прислушался. Издалека слышался топот копыт. А еще собачий лай. Это было куда хуже. Судя по лаю, не ищейки, а местные псы. Породу вывели в Ротвайле с одной-единственной целью. Дисмас похолодел и мысленно обругал себя за глупость. Не следовало останавливаться на ночлег. Надо было ехать без отдыха.

Ландскнехты заряжали аркебузы, поджигали фитили и взводили арбалеты. Повозка стояла под отвесной скалой.

– Помоги-ка, – попросил Кунрат.

Совместными усилиями повозку перевернули на бок, соорудив укрытие.

– Умеешь обращаться? – спросил Дисмас Магду.

Она взяла арбалет и начала натягивать тетиву. Способная девушка.

Дюрер, как обычно, проснулся последним.

– Что происходит? – спросил он, потирая заспанные глаза.

– За нами погоня, Нарс. С собаками.

– Боже Святой!

Дюрер до дрожи боялся любых собак, даже безобидных болонок. В детстве его искусал какой-то пес.

– Стрелять умеешь? – спросил Дисмас, протягивая ему арбалет.

– Нет, – в ужасе пролепетал Дюрер.

Дисмас подхватил алебарду с наконечником бритвенной остроты:

– Ну хоть с этим-то справишься?

– Я же не...

– Нарс, там собаки! – Дисмас вручил ему алебарду.

Дюрер ошарашенно смотрел на нее.

Кунрат поглядел на утес, нависший над лужайкой. До скального выступа было ярдов двадцать пять, не меньше.

– Нуткер! – Кунрат кивнул на утес и жестами что-то объяснил.

Нуткер схватил котомку, сунул в нее бочонок с порохом, бросил туда же фитили, кремни, спичечный коробок и бутылки.

– Живей, – поторопил Кунрат. – Они вот-вот из леса выедут.

Нуткер взвалил котомку на плечо, метнулся к утесу и пропал из вида.

Стук копыт и лай приближались.

– В первую очередь – собаки, – сказал Кунрат. – Подпустим поближе.

Из леса выскочила свора собак. За ними скакали верховые. Десять конников и четыре пса. Завидев перевернутую повозку, всадники остановились. Собаки помчались к ней.

– Спокойно, – сказал Кунрат. – Ункс – левый фланг, Дисмас – правый, я беру по центру. Ждем... ждем...

Собаки в шипастых ошейниках неслись к повозке. До нее оставалось десять ярдов.

– Ради всего святого, стреляйте... – простонал Дюрер.

– Спокойно, маляр. Еще чуть-чуть... Пли!

Три аркебузы выстрелили почти одновременно. Громовой раскат, клубы едкого белого дыма...

За дымовой завесой взвизгнула собака.

Затем раздался грозный рык.

Удар в живот сбил Дисмаса с ног. Собака, наскочив на него, силилась добраться до горла. Из пасти смердело. Дисмас обеими руками сдавил собачью шею, увертываясь от лязгающих клыков. Шипы ошейника впились в ладони. Зверюга клацала челюстями, неумолимо тянулась к горлу... Внезапно пес взвизгнул и обмяк.

Над Дисмасом стоял Дюрер, с трудом удерживая дергающееся древко алебарды. Собака билась в предсмертных судорогах. Дисмас перекатился на бок и вонзил кинжал ей в сердце.

Еще один пес вцепился в лодыжку Унксу. Грязно выругавшись, ландскнехт перерубил псине хребет, но зубы, сомкнутые мертвой хваткой, так и не разжались. Ункс воткнул кинжал в пасть, с усилием развел собачьи клыки. Из ноги хлестала кровь.

Дым рассеялся. На лугу лежали две убитые собаки. У одной промеж глаз торчал арбалетный болт. Магда вкладывала в паз арбалета новую стрелу.

– Так, со сторожевыми псами разобрались, пора заняться верховыми, – заявил Кунрат. – А слабó стрелять в знать? Ну, тебе ли не знать! – Он умолк, посмотрел на Дисмаса и ухмыльнулся: – Ха! Я только что придумал каламбур. Не, ты понял? Знать и знать. Во как.

У Дисмаса бешено колотилось сердце, грозя выпрыгнуть из груди. Он уже много лет ни с кем не сражался. Гарь, кровища... А вот Кунрат шутки шутит. Все-таки ландскнехты – крутые ребята.

Лотар, взбешенный гибелью собак, выкрикивал какие-то приказы. Часть конников спешила. Бойцы рассыпалась по укрытиям.

Первым залпом борт повозки раздробило в щепу, выбило мелкие

камешки из отвесной скалы. Лошадь, пронзенная арбалетным болтом, билась в агонии. Не обращая внимания на град стрел, Ункс выполз из укрытия и прикончил несчастное животное.

Залпы следовали один за другим, с каждым разом все кучнее и прицельней. Отстреливаться стало опасно.

– Значит, мы в осаде, – проворчал Кунрат. – А нам это ни к чему. Надо подманить их поближе. Чтоб Нуткеру было удобнее. – Он показал на вершину утеса и вздохнул. – Как бы нам исхитриться, не знаю.

Стрельба прекратилась. Кунрат высунулся из-за борта повозки и завопил:

– Эй, красотки! Хорошо там жопы прятать по кустам! Хотите помахать – идите к нам. Не пожалеете!

В него полетел смертоносный град пуль и арбалетных стрел.

– Ага, им больше нравится осада, – заключил Кунрат. – Ну, в таком разе мы тут застрянем. На веки вечные! – хохотнул он, улегся на спину и поглядел на вершину утеса. – Что ж, помирать – так в живописном местечке.

Магда встала.

– Ложись, девка! – велел Кунрат.

Она вышла из-за повозки.

В утес ударило свинцом. Пули чудом не задели Магду.

– Дурачье! – заорал Лотар. – Не стрелять!

– Ты что, спятила? – прошипел Кунрат.

– Она сдастся, – пробормотал Дисмас. – Нас спасает...

Дисмас встал, поднял руки вверх и тоже вышел из-за повозки, смутно надеясь как-нибудь уволочь Магду в укрытие.

– Черт, они оба спятили, – пробормотал Кунрат. – Маляр, скажи им что-нибудь!

Магда шагала навстречу врагам.

– Ункс, маляр, делай, как я, – велел Кунрат.

Он встал, поднял руки высоко над головой и тоже вышел из укрытия. Ункс сделал то же самое. Дюрер осенил себя крестным знаменем и встал следом.

– Не двигаться, – прошептал Кунрат. – Стоять.

Магда не видела, что происходит у нее за спиной.

Дисмас шаг за шагом приближался к ней.

– Магда, – шепотом окликнул он.

Она обернулась и увидела, что все готовы сдаться. Помотала головой: мол, не надо.

Лотар пустил коня вскачь, жестом приказал всадникам следовать за ним.

Магда повернулась к Лотару. Он неторопливо приближался к ней. Позади ехали его бойцы.

И тут Нуткер швырнул бомбу. Шипя фитилем, она упала перед Лотаром.

– Ложись! – заорал Кунрат.

Проморгавшись, Дисмас открыл глаза. В ушах гудел набат. Дисмас лежал, не смея шевельнуться. Боялся, что ему оторвало руку или ногу, а внутренности кучей вывалились на землю.

К звону в ушах примешивался другой звон, знакомый и тревожный, – удары стали о сталь. Он натужно втянул в себя воздух и с усилием приподнялся. Закрыв уши ладонями, пытаясь остановить гул. Ощутил кровь под пальцами.

Живописный луг превратился в выжженную пустошь, усеянную телами людей и животных – мертвыми и умирающими. Жалобно хрипели искалеченные кони. Раненые исторгали проклятия и предсмертные вопли. Схватка продолжалась. Кунрат отбивался от двоих противников. Ункс подобрал булыжник и накинулся на третьего. Дисмас огляделся. Где Магда?

Она распласталась на лугу, неестественно раскинув руки и ноги. Из носа, рта и ушей струилась кровь.

В Дисмаса вскипела ярость. Господи, только бы Лотар был жив! Тогда Дисмас его собственноручно прикончит.

Сквозь звон в ушах он услышал другой звук и обернулся. Какой-то тип, подкравшись сбоку, взмахнул шипастой палицей. Дисмас едва успел увернуться, и палица просвистела в нескольких дюймах от его головы.

Дисмас перекатился по земле. Нападавший занес палицу для нового удара. Дисмас поднялся и тут же отскочил. Противник, не в силах сдержать замаха, качнулся вперед, и Дисмас глубоко вонзил кинжал в подставленную шею.

Дюрер. Где Дюрер?

Дюрер, полузасыпанный землей, лежал у повозки. Дисмас доковылял к нему, опустился на колени, потряс его за плечо. Дюрер открыл глаза, мутным взглядом посмотрел на Дисмаса, словно не узнавая. Слава богу, жив.

Дисмас встал и оглядел поле боя. Кунрат справился с одним из противников. Ункс отшвырнул булыжник, покрытый склизким месивом

мозгов, подобрал чей-то меч и пошел выискивать среди трупов тех, кто еще остался жив.

Знакомое зрелище. Дисмас видел все это не раз, только в более крупных масштабах.

Кунрат снес голову последнему противнику и победно зарычал. Сражение было закончено.

Лотар. Где Лотар?

Дисмас подхватил с земли алебарду, ощутив привычную тяжесть. Когда-то алебарда была его излюбленным оружием. Надо отыскать Лотара в этом побоище.

Услышав позади какой-то звук, он резко ткнул алебардой и чуть было не пронзил Нуткера. Ландскнехт запыхался, бегом спускаясь с вершины утеса.

– Что с девчонкой? – спросил Нуткер.

– Убита.

Нуткер жалостливо поморщился:

– Надо же...

– Сюда! – окликнул Ункс.

Дисмас, Нуткер и Кунрат подошли к нему. У ног Ункаса лежал граф Лотар фон Шрамберг. Живой. Едва.

Правую руку ему оторвало по локоть. Лицо превратилось в сплошную рану, покрытую слоем копоти. Единственный уцелевший глаз с оторванным веком с ужасом глядел из кровавого месива. Нижняя челюсть шевельнулась. Граф силился что-то сказать, пуская багровые пузыри. В горле у него жутко булькало.

Ункс вопросительно посмотрел на Кунрата. Прикончить?

Кунрат, тяжело дыша, помотал головой. Все было понятно без слов. Пусть помучается. Ункс пожал плечами и отошел.

Ландскнехты принялись за мародерство.

Удовлетворенно глядя на предсмертные судороги Лотара, Дисмас опустился на колени рядом с телом и нащупал кинжал под монашеской рясой. Истязать людей, а уж тем более умирающих, Дисмас не собирался.

– Бра...

Что он говорит?

– Бра...

Дисмас сообразил, что граф пытается произнести «брат».

– Исп... – из последних сил прошептал Лотар. – Испове...

Дисмас отшатнулся. Боже милостивый! Лотар принял его за монаха и просит исповедать перед смертью!

Челюсть Лотара замерла. Подрагивающий глаз оставался единственным признаком еще теплившейся жизни. Он отчаянно, умоляюще уставился на Дисмаса.

Пальцы Дисмаса на рукояти невольно разжались. Он смотрел на Лотара. Потом, сам не зная почему, осенил умирающего крестным знаменем и, склонившись, прошептал:

– Раскаиваешься ли в прегрешениях своих?

Глаз продолжал смотреть. Из груди вырвался предсмертный хрип.

– *Ego te absolvo a peccatis tuis, in nomine Patris, Filii, et Spiritu Sancti. Amen*^[7], – произнес Дисмас.

Изо рта графа поползла красная пена. По телу пробежала судорога. Граф замер.

Дисмас встал и тут же согнулся пополам. Его стошнило. В ушах стоял невыносимый гул. Дисмас закрыл уши ладонями, сделал несколько неверных шагов и упал без чувств.

Наконец он пришел в себя. Над ним склонились Кунрат и Нуткер.

– Дисмас? – Кунрат осторожно тряхнул его за плечо. – Дисмас, она жива!

С большим трудом повозку перевернули, выстлали днище тряпьем и уложили на него Магду.

Кровотечение остановилось. Она что-то говорила, но невнятно и бессвязно. Звала отца и мать.

Дюрер с ложечки поил ее холодным мятным отваром. Это ей немного помогло. В небе сияло солнце, но она спрашивала, почему так темно. Потом сказала, что пора доставать хлеб из печи. Вскоре Магда надолго забылась тяжелым сном. Растормошить ее не удавалось.

Кунрат, Нуткер и Ункс занялись сбором трофеев – деловито, но без обычного для ландскнехтов гогота и гиканья. Вдруг Нуткер восторженно присвистнул: на дне озера обнаружилась оторванная рука Лотара. Ее уже пощипывала форель. Нуткер залез в воду и вышвырнул руку на берег.

Дисмас глядел на ландскнехтов, сидя в повозке. Он положил голову Магды к себе на колени, утирал девичий лоб тряпицей, смоченной в озерной воде, и шептал молитвы.

Пухлые пальцы оторванной графской руки были унижены перстнями. Видно, Лотар любил драгоценные украшения. Дисмас вспомнил, что у Альбрехта на десяти пальцах умещалось четырнадцать перстней, а самый крупный предназначался для смиренного лобызания.

Чтобы проще было стаскивать кольца, Ункс решил отрубить пальцы

ножом, один за другим. Дисмас отвел глаза.

Трофеев было множество. Кинжал с золоченой рукоятью. Меч первоклассной толедской стали, с крыжом, украшенным гравированной дарственной надписью от крестного Лотара – Карла, короля Испании, будущего императора Священной Римской империи. Медальоны, пряжки, застёжки, всевозможные регалии, а также кошелек мягкой кожи с вышитой монограммой Лотара под графским венцом. Обследовав кошелек, Нуткер объявил, что он сделан из мошонки здорового кабана. В кошельке нежно позвякивали дукаты. Недурной урожай.

После того как собрали добычу, пришло время заняться трупами.

Десять стражников, пять лошадей и четыре собаки. Работенка не из приятных. Сжечь их, что ли?

Дисмас решил, что дым погребального костра наверняка привлечет внимание. К тому же кострище – слишком явный след. Погибших обязательно начнут разыскивать: как-никак это был граф Лотар. Однако же рыть могилы никому не хотелось.

Ункс, самый ленивый из ландскнехтов, предложил снять с трупов доспехи, одежду и обувь – словом, все до нитки – и закопать в лесу. А тела оставить на съедение волкам, медведям, кабанам и воронью. Славная пирушка.

Нуткер одобрил это предложение. Дисмас и Кунрат понимали, что этого делать нельзя. Негоже бросать на корм зверям бранные останки крестника одного из самых могущественных правителей на земле.

– Но лошадей-то можно оставить? – взмолился Ункс. – А то мы весь день провозимся!

– И всю ночь, – добавил Нуткер.

Сошлись на компромиссном варианте. Конские туши привязали к живым лошадям и пустили коней вскачь в чащу. А там уж ими займутся волки с медведями.

Потом стали хоронить убитых. Это заняло весь день.

Вырыли глубокую яму, сволокли в нее трупы, набросали поверх жженого лапника, чтобы сбить ищеек со следа, а потом засыпали землей. Место захоронения тщательно замаскировали. Ничего больше не напоминало о недавней битве на лугу, но всем хотелось поскорее покинуть это гнетущее место.

Прежде чем отправиться в дорогу, все решили немного передохнуть. Ландскнехты в очередной раз упрятали оружие в потайной ящик, а Дюрер уселся рядом с Дисмасом и что-то рисовал.

Дисмас посмотрел на рисунок. Пейзаж. Тот, что Дюрер рисовал вчера.

Вот только посреди луга выросли могильные кресты. Ровным счетом десять.

– О господи, Нарс!

– Знаешь, я очень рад, что этих ублюдков убили. А они хоть и ублюдки, но все же христиане. Их могилы надо как-то пометить.

– Ни фиги себе! Может, еще и часовню здесь построить?

Не поднимая головы от рисунка, Дюрер спросил:

– А зачем ты осенил Лотара крестным знаменем? Или мне померещилось? А может, ты просто мух от него отгонял?

– Я отправил его в ад.

– Ага, с Божьим благословением. Как есть монах.

– Приедем в Базель, отправь рисунок на выставку, – язвительно предложил Дисмас. – И гравюру сделай, будешь оттисками торговать.

Дюрер скомкал лист и зашвырнул подальше.

Ландскнехты вскочили на коней.

Повозка тронулась в Базель.

Ехать ночью было непросто. Магда не приходила в себя. Дисмас передал вожжи Дюреру и бережно держал ее голову у себя на коленях. Время от времени он прикладывал ухо к груди девушки, проверял, жива ли. Он пытался напоить ее из фляжки, но вода стекала по подбородку.

К повозке подъехал Нуткер:

– Очнулась?

Дисмас помотал головой.

– Я же ее не видел, – жалобно произнес Нуткер. – Я готовил бомбы, засыпал порох, закладывал фитили... Я же не видел!

– Нуткер, ты ни в чем не виноват. Никто не виноват. Никто, кроме меня.

– Зачем она к ним пошла?

– Чтобы спасти всех нас.

Нуткер посмотрел на Магду и, перегнувшись из седла, осторожно коснулся ее щеки:

– Не помирай, сестренка.

К следующему полудню Шварцвальд остался позади. Повозка катила вниз по пологому склону, дорога стала лучше.

Ехали быстро, хотя и старались не трясти повозку на ухабах. Трофейные лошади Лотара позволили сменять коней в упряжке и не останавливаться на отдых. К исходу дня впереди завиднелись парные

шпили Базельского собора. На закате повозка проехала по мосту через Рейн и остановилась у городских ворот.

– Что везете? – спросил стражник.

– Умирающую. Если задержимся, то она точно умрет.

Стражники отпрянули, опасаясь чумы.

– Она расшиблась, – объяснил Дисмас. – Мы едем к Парацельсу. Знаете такого лекаря?

– Не обязаны.

Дисмас бросил капитану стражи гульден. Этого хватит на выпивку всему караулу.

– Парацельс? Что-то припоминаю...

Дисмас вытащил из кошелька еще гульден.

– Улица за университетом, не доезжая арсенала.

– Благослови тебя Господь, сын мой.

Дисмас тряхнул вожжами. Ландскнехты поскакали вперед.

Когда повозка свернула на улицу за университетом, ландскнехты, спешившись, уже колотили во все двери и допрашивали прохожих. Нуткер прижал одного к стене и тряс за грудки, требуя немедленно доложить, где скрывается Парацельс.

Клиника Парацельса располагалась во внутреннем дворике, куда вел узкий проулок. Повозке было туда не проехать. Ландскнехты наскоро соорудили носилки из рогожи и уложили на них Магду. Нуткер шел впереди и вопил во все горло:

– Парацельс! Кто тут у вас Парацельс? Парацельс, выходи!

В дверях возник румяный дородный господин и застыл в классической позе оскорбленного достоинства. Подбородков у него хватило бы на троих, а цвет щек в точности совпадал с алым цветом колпака. Это и был Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, также именуемый Парацельсом.

– Что все это значит? Немедленно прекратите шум, иначе я позову стражу!

– Тут девушка помирает, ваша честь, – поспешно заговорил Дисмас. – Вы знали ее отца... Шрамбергский аптекарь... Магда.

Парацельс склонился над Магдой и приподнял ей веко:

– Заносите. Живо, живо!

Магду положили на стол.

– Все прочь, – велел Парацельс и обратился к Дисмасу: – А вас я попрошу остаться.

Парацельс начал переговариваться на латыни с помощником в запятнанном кровью фартуке. Познаний Дисмаса в латыни хватило на то,

чтобы понять, о чем идет речь.

Парацельс приложил ухо к груди Магды, потом двумя пальцами надавил ей на запястье, беззвучно считая про себя. Он снова приподнял ей веки, внимательно всмотрелся в один глаз. Помощник принес какое-то мудреное приспособление, в котором особая линза увеличивала яркость пламени свечи и направляла луч света в нужное место. С его помощью Парацельс обследовал рот и глотку девушки, а также ноздри и уши. Он сковырнул запекающуюся кровь с ее уха и положил крупицу себе на язык:

– Порох.

Дисмас кивнул.

– И?.. Мне клещами из вас вытягивать? Рассказывайте, что произошло.

– Бомба, ваша честь...

– Когда?

– Вчера.

– Когда вчера?

– Утром.

Парацельс сыпал вопросами. Приходила ли в сознание? Была ли рвота? Бред? Судороги? Он ощупал ей голову. Пальцы у него были толстые, как сардельки, но двигались проворней, чем у лютниста. Посоветовался с помощником. Прозвучало слово *aemidus*^[8].

– У нее кровоизлияние. Кровь скапливается в черепе и давит на мозг. Необходимо снизить внутричерепное давление. – Он окинул взглядом монашеский наряд Дисмаса. – Судя по всему, она вам не жена?

– Нет, ваша честь. Мы ее подобрали. В лесу.

Парацельс ухватил Дисмаса за рукав, поднес ткань к носу, принюхался:

– Тоже порох... Вы из какого ордена?

Дисмас понял, что лгать этому человеку бессмысленно.

– Так ли уж это важно, ваша честь?

Парацельс отдал какие-то распоряжения помощнику, и тот скрылся в соседней комнате. Небольшой бритвой Парацельс выбрил Магде волосы над ухом, с другой стороны от заинтересовавшего его глаза, и протер выбритое место крошечной губкой, от которой исходил резкий запах спирта.

Он нетерпеливо окликнул помощника и с какой-то отеческой нежностью посмотрел на свою пациентку:

– Милая девчушка... Франца известили?

– Он умер. И все родные тоже.

– Мы просто обязаны ее спасти. Такова Господня воля.

Помощник поставил на стол поднос с инструментами. Среди них

выделялось странное приспособление: железный прут, согнутый широкой подковой. К одной дужке подковы крепилась рукоять с круглым набалдашником из слоновой кости, а другая завершалась острым стреловидным наконечником серебристого цвета. Инструмент назывался трепан. В бытность райзляуфером Дисмас видел такие, хоть и более грубой работы.

– Если вам не по себе, уходите, – сказал Парацельс.

Дисмас остался. Помощник закрепил голову Магды в деревянные тиски, оклеенные войлоком, и Парацельс начал сверлить череп. Дисмас невольно поморщился от скрежета. Через всю комнату брызнула струйка крови. Парацельс дождался, пока ток иссякнет, потом приподнял Магде веко, хмыкнул и свернутым бинтом плотно заткнул просверленное в черепе отверстие.

Помощник обработал раны Магды резко пахнущим спиртовым составом и наложил повязку на голову.

– Главное – ночь пережить, – сказал Парацельс. – Не оставляйте ее одну. Если она очнется, ей будет очень больно. – Он взял с полки пузырек синего стекла. – Две капли. Разведите в стакане воды и заставьте выпить. Одной каплей больше – и она перестанет дышать. Понятно?

– Да, ваша честь. Спасибо. Благослови вас Господь.

– Это монашеское благословение? – Парацельс внимательно посмотрел на него.

– Нет.

– Кто вы такой?

– Меня зовут Дисмас.

– А, Добрый Разбойник? А ваше одеяние вы тоже украли?

Парацельс повернулся к окну, выходящему во двор. Снаружи к стеклу прижимались носы Дюрера и ландскнехтов.

– Ваши приятели похожи не на монахов, а на убийц и разбойников с большой дороги. Знаете ли, по эту сторону Рейна не дураки живут. Выкладывайте все начистоту. Почему дочка Франца насквозь пропахла порохом и при смерти лежит на моем операционном столе?

– Если она умрет, то какая вам разница? А если выживет, я все объясню. Обещаю.

– А с чего вы взяли, что я сейчас не кликну начальника стражи? – проворчал Парацельс. – Нашему палачу работы хватает. По правде говоря, мне это на руку. Не приходится жаловаться на недостаток свежих трупов. Так что же, господин Добрый Разбойник, что вы скажете, если я немедленно сдам вас властям?

– Ничего. Моя жизнь в ваших руках. И жизнь Магды тоже.

Парацельс пристально посмотрел на Дисмаса и несколько смягчился.

– Вы швейцарец, это сразу видно. А эти типы – германцы... Я вернусь утром. Помните: не более двух капель. Что ж, Добрый Разбойник, жизнь Магды теперь в ваших руках.

22. Парацельс

На рассвете следующего дня Магда открыла глаза.

Дюрер и ландскнехты устроили во дворе всенощное бдение. Как только Дисмас объявил, что Магда пришла в себя, они рухнули на колени и принялись горячо молиться. Нуткер всхлипывал и что-то бормотал. Дисмас в изумлении глядел на них. Он ни разу в жизни не видел ландскнехта за молитвой, тем более за слезной.

Магда ничего не помнила о том, что произошло на лугу, но сразу же узнала Парацельса, хотя не видела его много лет. Вчерашней раздражительности Парацельса как не бывало. Он стал воплощением доброты. Магду оставили в клинике до полного выздоровления и пригласили круглосуточных сиделок – монахинь из соседнего монастыря. Парацельс ласково сжал ее ладонь и поцеловал Магду в лоб.

Дисмас, Дюрер и ландскнехты сняли комнаты в юго-восточной части города, на постоялом дворе с претенциозным названием «Райские кущи», по соседству с бумажной мануфактурой. От нее на всю округу несло тухлыми яйцами и серой – далеко не райское благоухание. Однако постоялый двор также находился совсем рядом с воротами Святого Альбания, что давало возможность в случае чего быстро покинуть город.

Дисмас сдержал обещание и обеспечил ландскнехтам вечер пудендального плезира в «Кисе-мурлыке». Они звали с собой и Дисмаса с Дюрером, но те вежливо отказались. Дисмас был не в настроении для вакхических утех. А Дюрер, во-первых, был примерным семьянином, а во-вторых, панически боялся подхватить французку.

– Вернутся с целым букетом, помяни мое слово, – сказал он Дисмасу. – Одна ночь на Венере, а потом всю жизнь на Меркурии.

Парацельс недавно изобрел новый способ лечения сифилиса, заключающийся в применении малых доз ртути. Способ был несколько эффективнее, чем самое популярное в то время «лекарство» – гваяковый эликсир, поставляемый из Нового Света, как, впрочем, и сама зараза.

Эликсир получали путем дистилляции смолы гваякового дерева, называемого также *Lignum vitae*^[9]. Баснословно прибыльная торговля эликсиром была монополией Фуггера. Вездесущий Якоб Фуггер также ссужал дукатами Альбрехта, чтобы тот мог купить кардинальскую шляпу, и папу Льва, чтобы тот мог оплатить счета по своим расходам, сакральным и не очень.

Парацельс саркастически отзывался о гваяковом эликсире, почитая его раздутую популярность результатом взаимовыгодного сговора между Фуггером и Римом. Мало того, лекарь заявлял об этом открыто и громогласно, невзирая на то что за подобные инкриминации можно было запросто отправиться в каземат, а то и на виселицу. Парацельс относился к властям с тем же презрительным высокомерием, что и Лютер. Вдобавок они оба были, если так можно выразиться, поджигателями. Лютер, которого неустанно клеймили в папских буллах, публично предал огню одну из них. Парацельс, желая выразить свое отношение к Авиценне и Галену, сжег грудку их трудов.

– Так что, продолжаем поход? – спросил Дюрер.

– В Шамбери-то? А что, у меня есть выбор? Очень не хочется вечно гореть в аду.

– Но ведь Лютер утверждает...

– Нарс, Лютера объявили еретиком. Я не хочу рисковать своей бессмертной душой, полагаясь на его... теории. Если хочешь, отправляйся домой. Я тебя отпускаю.

– Но ведь это же я во всем виноват!

– Совершенно верно, Нарс. Вот и живи с этим. И вообще, у тебя есть зачем жить: жена, картины. А моя песенка спета. Альбрехт наложил на меня епитимью лишь для того, чтобы расправиться со мной, не ввязываясь в войну с Фридрихом.

– А как же Магда?

– Ей здесь будет хорошо. Парацельс относится к ней словно к дочери.

– А если я сделаю копию? – предложил Дюрер.

– Копию плащаницы? – хмыкнул Дисмас. – Да уж, я знаю, ты можешь.

– Я же хочу помочь, Дис.

– Спасибо. Я и без твоей помощи найду свою смерть.

– Если я сделаю абсолютно точную копию, то... плащаницу можно будет подменить.

– Ага. Отличная мысль. Ступай к герцогу. Мол, здравствуйте, меня зовут Дюрер, я художник, пришел снять точную копию с вашей

плащаницы, а потом подменить ею настоящую. Не угодно ли дать мне ключики? Да-да, от всех замков. Четыре штучки.

– Хорош глумиться.

– А ты не подставляйся.

– Он же собирается выставить ее на всеобщее обозрение, так?

– Да. Вывесит ее на стене замка. Если сможешь сделать точную копию с такого расстояния, стоя в толпе, то у тебя просто орлиный глаз.

– А если взять подзорную трубу?

– Еще лучше, – усмехнулся Дисмас. – Ставь посреди площади мольберт и пялься в подзорную трубу. Гениально.

– Меня это как-то не вдохновляет.

Дисмас всплеснул руками:

– А ты попробуй представить, что тебе удалось снять точную копию. Вдохновляет? Вот только что дальше? Как подменить настоящую плащаницу?

– Как до этого дойдет, тогда и разберемся.

– погоди, ты все-таки пойдешь со мной в Шамбери?

– Я, как и ты, не намерен вечно гореть в аду.

– Ты же был заодно с Лютером?

– А вот теперь не знаю. Может, Лютер и ошибается. А может, я просто не хочу, чтобы твой зачуханный призрак преследовал меня всю жизнь. Я не о тебе беспокоюсь, а о себе.

– О себе? Ну тогда все ясно, – улыбнулся Дисмас.

Из лупанария ландскнехты вернулись на рассвете, разбудив пьяным гомоном хозяйку постоялого двора, такую же бранчливую каргу, как и все ее товарки.

Дисмас уже не спал. Он собирался навестить Магду.

– Как прошла ночь на Венере? Надеюсь, девочки разбрелись спать враскорячку?

Кунрат и Нуткер, нетвердо стоя на ногах, подпирали друг друга. Ункс тем временем глядел трезво и набыченно.

– Что это с ним? – спросил Дисмас.

Пошатываясь, Кунрат выставил перед собой указательный палец и тут же согнул его крючком.

– Пуф-ф-ф... Фиаско.

– Иди в жопу, – буркнул Ункс.

– Ну-ну, не стоит так убиваться, что у тебя не сто́ит... – утешил Кунрат. – Эй, Нуткер, слышал? Не сто́ит убиваться, что не сто́ит!

Громогласный хохот вызвал очередную волну жалоб с хозяйской половины. Ункс сжал кулаки.

– Кунрат, Нуткер, – укоризненно вздохнул Дисмас. – Ребятки, поимейте совесть. Такое может случиться с каждым.

– Только не со мной, – заверил Кунрат.

– И не со мной, – вставил Нуткер.

«Воистину я крепко прогневил Господа, раз уж приходится примирять ландскнехтских кобелей из-за того, что у одного из них возникли нелады с прибором», – подумал Дисмас.

Он взял Ункса за плечо и повернул к себе.

– Никогда со мной такого не было, – горько сетовал Ункс. – Никогда.

– Плюнь, братец, со мной это через раз случается. А ты просто устал. Ступай отоспись. А завтра поешь сырого мяса, напейся колодезной водицы – и сразу к девкам. Вот увидишь, все заработает, как у Минотавра.

Ункс помотал головой и заявил, что для него все кончено на веки вечные. Пусть все девки на свете, да и сам белый свет, катятся ко всем чертям.

В клинике Парацельса Дисмас, усевшись на край постели, развлекал Магду разговорами.

Ей было лучше, хотя взгляд оставался остекленелым. Магда объяснила, что это из-за обезболивающих капель Парацельса. Чудесная тинктура называлась лауданум. Парацельс привез ее рецепт из Аравийской пустыни. Эликсир получали из сока, источника мака. Парацельс дистиллировал сок и кое-что к нему добавлял. Тинктура прекрасно снимала боль, но вызывала дремоту.

Выслушав рассказ о злоключениях Ункса в борделе, Магда сказала:

– Есть очень действенное средство. Отец готовил его для своих клиентов. Отвар из коры одного африканского дерева... Оно называется... А, вспомнила! Йохимбе! Парацельсу наверняка о нем известно.

Дисмас невольно улыбнулся ее необычным познаниям. Магда покраснела от смущения.

– Парацельс не верит, что ты монах, – сказала она. – Он о тебе расспрашивал. Ты ему нравишься. – И шепотом добавила: – А остальных он считает бандюгами.

– Ха! Вот Нарс огорчится. Он тот еще сноб.

– Нарс?

– Художник, кудрявый такой.

– Да, – кивнула она. – Он не такой, как твои остальные послушники...

Знаешь, надо помочь бедняге Унксу. Дай мне листок бумаги. – Она написала название африканской коры и рецепт приготовления. – Сходи к аптекарю в приходе Святого Андрея.

Дисмас взял записку. Ну и порученьице!

– Что не так? – спросила Магда.

– Ничего. Вернее, все... Не так.

Она коснулась его руки:

– О чем ты беспокоишься?

– Тебе лучше не знать.

На фоне белоснежной подушки лицо Магды было прекрасно, как картина этого итальянца, как бишь его... Боттичелли? Картину Дисмас видел в загородном доме одного из своих заказчиков.

Дисмасу отчаянно хотелось во всем признаться. Хотя зачем втягивать Магду в эти передряги? Он улыбнулся:

– Отдыхай. Мы с тобой еще наговоримся.

Она сжала ему пальцы:

– Ты ведь вернешься? Обещай.

– Вернусь. – Дисмас встал, посмотрел на записку в руке и возвел очи горе.

– Следует опекать своих послушников, – с улыбкой сказала Магда. – Только пусть Ункс не злоупотребляет, это сильнодействующее средство.

Страшно конфузясь, Дисмас вручил рецепт аптекарю в приходе Святого Андрея, обстоятельно и убедительно разъяснив, что зелье предназначается не для него. За живодерскую цену – пять гульденов! – он получил пузырек с коричневой жидкостью.

Дисмас презентовал эликсир Унксу и настоятельно подчеркнул, что Магда наказала принимать зелье непосредственно перед посещением борделя, но ни в коем случае не больше трех глотков. Крошечных. Разумеется, Ункс выхлебал весь пузырек.

Ни свет ни заря ландскнехты снова явились в «Райские кущи» прямо из публичного дома и устроили очередной кавардак на лестнице. Как и накануне, пьяные в дым Кунрат и Нуткер едва держались на ногах.

Ункс явился с триумфальным выражением на лице. Он странно переставлял ноги, будто всадник, который несколько суток провел в седле. А еще он старательно прикрывал пах шляпой. Завидя Дисмаса, он элегантно приподнял шляпу, как заправский придворный шаркун на королевском балу:

– Глянь-ка!

Дисмас отшатнулся:

– Боже милостивый! Прикройся немедленно, болван!

– С вечера колом стоит.

– Всяко лучше давешней беды, – хмыкнул Дисмас.

23. «Пляска Смерти»

Спустя несколько дней, в послеобеденный час, Дисмас с Дюрером навестили торговца мануфактурой, известного Дисмасу по прежним приездам в Базель.

Торговец долго рылся в лабиринте полок и подсобок, пока не вернулся, чихая, со штукой льна под мышкой. В расправленном виде отрез был пятнадцати футов в длину и четырех в ширину. По прикидкам Дисмаса это примерно соответствовало необходимому размеру. Саржевое плетение нитей елочкой свидетельствовало, что холст соткан либо в Палестине, либо в Иудее, а может, и в Галилее, хотя последнее было маловероятно. Торговец клятвенно заверял, что холсту по меньшей мере двести лет, однако Дисмас прекрасно знал, что это лишь попытка набить цену.

Дюрер скрупулезно исследовал полотно, придирчиво ощупывал его и разглядывал переплетение нитей в лупу. Потом достал из котомки ящичек с красками, сделал несколько пробных мазков на уголке отреза и одобрительно кивнул.

Торговались целый час. Согласно устоявшемуся ритуалу, Дисмас и продавец обменивались обвинениями в татьбе и вероломстве. Дюрер впервые видел друга в профессиональной ипостаси и с изумлением наблюдал за процессом.

В конце концов сошлись на восемнадцати гульденах. Дисмас проворчал, что теперь целый месяц придется сидеть на хлебе и воде. Торговец сделал вид, что поверил.

Монеты и отрез сменили владельцев.

Торговец подмигнул и с елейной улыбочкой осведомился:

– Плащаницу затеяли? А прежде говорили, что поставщик святынь Дисмас до такого не снисходит.

Унизительное замечание шаромыжника, конечно же, раздражало, но возмущаться было неуместно. Болтливый торгош наверняка разнесет по цеху, что, мол, Дисмас, поставщик святынь, прикупил матерьялец для савана Господня. Это не сулило ничего хорошего.

Разумеется, можно было попросить Кунрата со товарищи заглянуть в лавку. Нет, не стоит, решил Дисмас. Как бы низко он ни пал, негоже опускаться до угроз и погромов.

– Это секрет, – сказал он торговцу. – Готовим сюрприз для одной знатной и весьма влиятельной особы. Если об этом прознают и сюрприз

пойдет насмарку, то... Короче, я не завидую тому, кому доведется испытать на себе немилость этого господина, – прошептал Дисмас и двинул через стол еще два гульдена. – За ваше благоразумие.

Лавка находилась на северной окраине города, в приходе Святого Иоанна. День выдался погожий. Дисмас с Дюрером решили прогуляться вдоль реки до «Райских кущ». Стену крестового хода церкви Проповедника украшала фреска.

Дисмас и прежде ее видел. А вот Дюрер, как ни странно, сподобился лицезреть ее впервые, хотя и был о ней наслышан. О ней знали все. Она славилась повсеместно.

Фреска, написанная восемьдесят лет назад, была благодарственным подношением Господу в честь окончания очередной эпидемии чумы. Она служила назиданием. Смерть придет за всяким, невзирая на титулы и сословия, будь ты императором, папой, кардиналом, дворянином, торговцем, матерью с младенцем, лоточником, нищим, турком или иудеем... Жуткий пляс в цепких объятиях скелета, олицетворявшего Смерть, выпал каждому из тридцати девяти персонажей.

Дюрер фыркнул и объявил фреску низкосортным образчиком настенной росписи. У Дисмаса не было собственного мнения о ее художественной ценности. Он напомнил Дюреру, что картинка на стене – гораздо более приемлемый отклик на вспышку чумы, чем тот, к которому в Базеле прибегли столетием раньше. Тогда на остров посреди Рейна согнали шестьсот иудеев, заперли их в амбар и сожгли заживо. Очевидно, фреска пришлась Господу по душе, ибо вот уже много лет чума обходила Базель стороной.

Прежде Дисмас никогда не задумывался о «Пляске Смерти», но сейчас ему стало не по себе. Его замутило, словно в утробе всколыхнулось нечто тлетворное.

– Что с тобой? – спросил Дюрер. – Ты какой-то странный.

Пошатываясь, Дисмас отвернулся от стены. Он задыхался. Грудь сдавило, голова кружилась, на лбу выступила испарина, лицо и руки горели... Он снял перчатки.

– Дис, да что с тобой?

– Я...

Дюрер подхватил его под руку:

– Сядь.

Дисмас тяжело опустился на землю, зажал голову в коленях и пытался дышать ровно и глубоко. Через несколько минут тошнота отступила.

Бешеный стук сердца затих. Дисмас, опираясь о стену, медленно поднялся. Внезапно его осенило, что фреска напомнила ему о его собственной пляске со смертью, в подземелье Альбрехта.

– Ну как ты? – спросил Дюрер.

Дисмас кивнул:

– Все в порядке. Сейчас вот только дух переведу.

Пока Дисмас приходил в себя, Дюрер огласил подпись под изображением по соседству. Смерть плясала с графом.

– На этом свете был я знатен
И назывался важным графом,
Потом меня скосила Смерть,
И вот я здесь танцую...

Дюрер фыркнул:

– Ну, положим, с графом дело обстояло несколько иначе... О, смотри, кто тут еще есть!

Кардинал.

– Папскою волей я был кардиналом
Церкви священной,
Чтили меня высоко и повсюду,
Ныне же Смерть не избегну.

Дюрер вытащил из котомки ящичек с красками.

– Что ты делаешь? – встревожился Дисмас. – Нас сейчас повяжут!

Дюрер быстро что-то подрисовал и отступил на несколько шагов, любуясь результатом своего труда.

– Готово, – объявил он.

Кардинал на стене приобрел неоспоримое сходство с Альбрехтом, примасом Германии и кардиналом Бранденбургским.

– О господи, Нарс, пойдем-ка отсюда, пока нас не упекли за решетку.

– Я еще Лютера хотел нарисовать...

– Ты же обожаешь Лютера.

– И хочу воздать ему должное. Нарисую, как Лютер дает Смерти под зад.

– Он будет польщен. Идем уже!

Когда они отошли на безопасное расстояние, Дюрер спросил:

– А что с тобой было-то, у стены?

– Потом расскажу. Сначала нужно выпить.

На соборной площади в верхнем городе они купили пива и

расположились на тенистой террасе под липами. День был ясный. От панорамы гор на востоке захватывало дух. Виден был даже Шварцвальд. Выпивка несколько успокоила Дисмаса. Дюрер тем временем разглагольствовал на тему религиозной живописи.

– Какая дерьмовая фреска, – сокрушался он. – У базельцев денег навалом, могли бы обратиться к живописцу поприличнее.

– Например, к Кранаху?

Дюрер презрительно фыркнул:

– Дело ведь не в качестве исполнения. Церковники хотят запугать верующих, чтобы от ужаса у них развязались и пупки, и кошельки. Неспроста фреска украшает стену крестового хода церкви Проповедника.

– Пока что проповедничаешь ты.

– Знаешь, кому надо было заказать? Босху.

– Какому еще Босху?

– Какому еще Босху?! – Дюрер укоризненно покачал головой. – Я постоянно забываю, что имею дело с неотесанной швейцарской деревенщиной.

– Что ж, отесывай.

– Иероним Босх, голландец, помер года три назад. У него есть один триптих... Триптих – это три...

– Да-да, я знаю, что такое триптих.

– Так вот, он называется «Сад земных наслаждений». Я чуть было не обосрался со страху, когда увидел. Сердце захолонуло. На одной панели изображен ад. Знаешь, я потом целую неделю глаз не сомкнул, кошмары мучили. По сравнению с этим Дантов ад – летний пейзажик. Если бы отцы города заказали фреску Босху, то сегодня Базель именовали бы Градом Святым и обителью ангелов. Из страха оказаться в Босховом аду жители не совершали бы даже ничтожных прегрешений. Можно было бы...

– Дисмас?!

Шенк. Распорядитель ярмарки святынь. Вот же черт принес.

– А, Франц. Какая встреча! – Дисмас встал из-за стола. – Это мой приятель... Генрих, – представил он Дюрера.

Не дожидаясь приглашения, Шенк уселся рядом.

– Какими судьбами? Не сезон же вроде, – осведомился он своим обычным тоном пройдохи.

– И не покупаю, и не продаю. Так, заехал по пути.

– По пути? По пути куда? Выкладывай, нечего тут.

– В Милан.

– Ах, в Милан... – В глазах Шенка сверкнуло любопытство. – А что у

нас в Милане?

Дисмас с притворным испугом огляделся и зашептал, как заговорщик:

– Истинный Крест Господень. Цельный.

Шенк расхохотался:

– Значит, у тебя денег полным-полно. Запросто можешь угостить меня пивком!

Дисмас заказал всем по кружке непотребно дорогущего пива из Торгау.

Они завели непринужденную беседу ни о чем. Вдруг Дисмас заметил, что Шенк изумленно разглядывает его руки. Черт, он же снял перчатки там, у стены, а надеть забыл!

– Боже милосердный, что с тобой стряслось?

– Это-то? Да так... Поранился. Очень по-дурацки вышло.

Шенк продолжал глазеть на симметричные отверстия между большими и указательными пальцами Дисмаса. Как можно так пораниться?

Дисмас, все еще потрясенный фреской, лихорадочно придумывал мало-мальски приемлемое объяснение, но голова отказывалась соображать. Шенк ждал ответа.

– Он молчит из вежливости, – вмешался Дюрер. – Это я виноват.

– Вы? Но как...

– Мы пошли на охоту. Было холодно. Очень холодно, да... Дисмас хотел согреть руки, сложил их лодочкой и поднес к губам. Ну, чтобы подышать на них, понимаете? А я, дурак криворукий, как раз заряжал арбалет. Тетива сорвалась, и болт прошил бедняге ладони. Обе разом. Хорошо, что не щеки, а то при местных ценах на пиво он бы давно разорился.

– Боже милостивый, какие страсти!

– Ага, – кивнул Дисмас. – Ужас как больно. Зато теперь у меня есть стигматы. – Он раскрыл ладони и ухмыльнулся. – Что доказывает и без того известную истину: я – святой.

Шенк рассмеялся.

– Да что это мы все про меня да про меня! – воскликнул Дисмас. – У вас-то что тут новенького?

– Новенького? Да много всякого. На позапрошлой неделе Отто Хенгер проездом останавливался. Он поехал в Далмацию за челюстью святого Иеронима. Семь нетронутых зубов, в прекрасном состоянии. – Шенк удрученно покачал головой. – Только вот эта заваруха с Лютером дурно сказывается на ценах. Народ теряет доверие к реликвиям и индульгенциям. Черт бы побрал этого Лютера! Представляешь, череп святой Диомеды – уникальная вещь, за которую раньше давали сотню гульденов, – в

Антверпене вообще брать никто не хотел. Еле продали за двадцать пять.

– За двадцать пять? – поразился Дисмас. – Ничего себе.

– Можно сказать, даром, – согласно кивнул Шенк. – Это очень беспокоит.

Потом Шенк заявил, что питает огромное уважение к заказчику Дисмаса, Фридриху, однако никак не возьмет в толк, зачем тот защищает человека, который своими еретическими заявлениями подрывает торговлю реликвиями. А ведь коллекция Фридриха уступает лишь ватиканской! Да, Лютер достоин всяческого уважения и, конечно же, во многом прав. Похвалы заслуживает и принципиальная позиция курфюрста, хотя отовсюду раздаются требования отправить Лютера на костер. Тем не менее...

После этих горестных рассуждений Шенк предсказал, что рынок все-таки стабилизируется и отыграет назад. Богословские распри всегда отражаются на ценах. Нынешний обладатель черепа святой Диомеды, скорее всего, продаст его через год за двести гульденов, а то и больше.

Шенк утер рот и продолжил:

– Что еще... А, Эразм Роттердамский переехал в Базель, что добавило лоску местному обществу. По слухам, Эразм поддерживает некоторые из предложенных Лютером реформ, однако безоговорочно отвергает постулат, что для спасения не нужно ничего, кроме веры. А еще он пришел в ужас, когда Лютер назвал папу бесноватой вавилонской блудницей, – трагическим шепотом произнес Шенк. – Просто беда с этим Лютером! Поговаривают, он животом скорбный. Страдает запорами. – Он помолчал. – Между прочим, новую Ратушу объявили чудом архитектуры и европейской достопримечательностью. Помнишь, как все вопили из-за того, что на ее строительство угрохали немереные деньги? Вот так-то. Кстати, городской совет заключил пакт со Швейцарской конфедерацией. Если на Базель нападут, кантоны предоставят вооруженное содействие, а взамен город выступит посредником в их междоусобных неурядицах. Что еще нового? Было что-то еще... А! Вот что! В Шварцвальде пропал какой-то германский вельможа...

Дисмас с Дюрером слушали болтовню Шенка вполуха, но тут насторожились, хотя и не стали проявлять чрезмерного интереса.

– Пропал? – осторожно переспросил Дисмас. – Как это?

– А вот так. Шрамбергский граф Лотар, из-под Ротвайля. Он к нам на ярмарку приезжал пару раз, хотел прикупить реликвий по дешевке. По правде сказать, он мне не понравился. Весь такой спесивый. Каждые пять минут чванился, что, мол, не только граф, но и племянник испанского

короля, которого прочат в императоры...

– Не племянник, а крестник, – поправил Дюрер.

Дисмас чуть было не застонал в голос.

– А, так вы его знаете?

– Нет. Однако наслышан, – сказал Дюрер. – И куда же он пропал?

– Загадка. Очень и очень странное дело. Поехал на охоту с дюжиной стреляющих и – ни слуху ни духу, словно испарился. Фьють! Ну, в Шварцвальде многие пропадают без следа. Ходят слухи, что тут не обошлось без колдовства.

– Да ладно!

– Наверное, загулял где-нибудь с девками, – сказал Шенк. – Поговаривают, он мастак по бабам шастать. Однако же ищут его основательно, он же императорский крестник, как вы верно заметили... – Он вздохнул и поглядел на восток. – Подумать только, все это теперь принадлежит гишпанцу...

– Бургундцу, – поправил Дюрер. – Родом из Гента.

– Ну, раз он король Испании, то все одно гишпанец. Видели его портрет? Истинный Габсбург. Подбородком хоть землю паши. А святости больше, чем у папы римского. Он самого Льва начнет поучать, да еще и приведет своих доминиканцев-инквизиторов. Так что твоему дядюшке Фридриху теперь будет непросто защищать Лютера. Помяните мое слово: грядет война между Францией и Испанией. Слава богу, у нас есть Конфедерация! Хватит уже ввязываться в чужие войны. От них делам одна помеха...

Они допили пиво. Шенк пожелал Дисмасу доброй охоты в Милане, издевательски заверив, что цельный истинный Крест Господень произведет фурор на следующей ярмарке.

Расставшись с Шенком, Дисмас и Дюрер отправились в «Райские кущи». У обоих была одна забота на уме.

– Как по-твоему, графа здесь будут искать? – обеспокоенно спросил Дюрер.

– Это вряд ли. Однако же мы и впрямь засиделись в Базеле. Между прочим, Нарс, ты меня выручил. Здорово придумал про то, как мне руки прострелил. Кстати, именно такого фортеля от тебя и можно ожидать.

Дисмас надел перчатки. Его снова мутило, но он встряхнулся и пошел дальше.

В спешном отъезде не было никакой нужды. Шенк просто пересказывал местные сплетни, и никого в Базеле не заботило

исчезновение гулящего германского графа. Дисмас уточнил у Дюрера, не передумал ли тот ехать в Шамбери, и предупредил, что наутро им выступать в дорогу. Дюрер заверил его, что не передумал.

Дисмас известил Кунрата о ранней побудке и посоветовал ландскнехтам не устраивать очередного буйства в бардаке, а хорошенько выспаться перед дорогой.

Кунрат обещал обдумать это предложение.

Троица прочесала все базельские аптеки и накупила столько фаллотонизирующего препарата по рецепту Магды, что целому батальону ландскнехтов достало бы стоять колом вплоть до Страшного суда. Дисмас безуспешно пытался стереть из памяти образ расчехленного Ункаса.

С тяжелым сердцем он побрел в клинику Парацельса – попрощаться с Магдой.

Здоровье Магды быстро шло на поправку. Она уже помогала ухаживать за другими пациентами, и, как и предсказывал Парацельс, память вернулась к ней сполна.

– Ты тут прекрасно устроилась, – с притворной веселостью воскликнул Дисмас.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Мы уезжаем, – сказал он.

– погоди, я сейчас переоденусь. И поблагодарю доктора.

– Магда, уезжаю я, а не ты.

– Я еду с тобой.

– Нет, – улыбнулся Дисмас. – Ты остаешься. Под присмотром врачей.

Такие увечья – дело нешуточное.

– Я вполне здорова.

– Ты ведь даже не знаешь, куда мы едем.

– И что с того?

– А то, – строго сказал Дисмас. – Если бы знала, то не спорила бы.

– Тогда расскажи.

Дисмас вздохнул:

– Послушай, эта поездка не для девушки.

– А я не девушка, а шлюха.

– Ну что ты такое говоришь?!

– Правду. Сам знаешь.

– Ты не виновата. Ты же... Короче, ты не шлюха.

– Какая разница? Он меня обесчестил. Тебе такая не нужна?

Дисмас взял ее за руку:

– Послушай, у тебя много больше чести, чем у меня.
– Тогда почему ты не хочешь взять меня с собой?
– Послушай, Магда...
– Хватит говорить мне «послушай», я слышу не хуже тебя с твоими... гоблинскими ушами!
– Если бы ты знала, как я заработал эти уши, слушала бы внимательней.
Она потупилась:
– Прости. Я не хотела тебя обидеть.
Дисмас снял перчатки, показал ей раскрытые ладони. Магда ахнула.
– Поэтому тебе и не следует ехать со мной. – Он надел перчатки и улыбнулся. – Это ты еще моих ног не видела!
– Кто с тобой такое сотворил?
– Помнишь, в лесу, у костра, я сказал тебе, что я грешник?
– Да.
– Теперь я должен расплатиться за свои грехи. Отбыть епитимью. – Он усмехнулся. – Очень строгую епитимью.
– Ты кого-то убил?
– Нет.
– Надругался над кем-то?
– Магда...
– Мне что, все десять заповедей перебрать?
Дисмас посмотрел в окно:
– Давай выйдем во двор.
День клонился к вечеру. Каменная скамья все еще хранила солнечное тепло. Гектор – ручной попугай Парацельса, дар богатого торговца колониальным товаром – отрешенно взирал на них со своей жердочки.
– Здесь очень славно, – сказал Дисмас. – Отрадно. Парацельс в тебе души не чает. Относится к тебе как к родной.
– Да, я его тоже люблю.
– Тебе тут будет хорошо. Выучись у него, а со временем...
– Дисмас, прекрати.
Она взяла его за руку. Помолчали.
– То, что мне предстоит, добром не кончится.
– Тогда зачем это делать?
– Если не исполню епитимью – отправлюсь прямиком в ад.
– Я помогу тебе ее исполнить.
Он покачал головой:
– Это не женское дело. Тут не поможет даже такая умница, как ты. Которая к тому же лихо стреляет из арбалета.

– Ты спас мне жизнь. Я хочу тебя отблагодарить.

– Ты меня уже отблагодарила, когда решила сдаться Лотару. Это я перед тобой в долгу. Я впервые за много лет совершил порядочный поступок – тебя выручил.

– Мне так хочется что-нибудь для тебя сделать! – прошептала она, глядя ему в глаза. – Не из благодарности, а потому, что ты мне нравишься. Понимаешь?

Дисмас готов был ее расцеловать, но вместо этого сурово спросил:

– Значит, ты так неблагодарна, что рада пустить свою спасенную жизнь коту под хвост?

Она высвободила руку. В глазах блеснули слезы.

– А вот теперь ты меня обидел.

Он взял ее за подбородок, повернул к себе и поцеловал.

Тесно прижавшись друг к другу, они молча сидели под деревом. В ветвях чирикали птицы, обмениваясь дневными сплетнями. Смеркалось. Гектор с вельможным безразличием поглядывал на блеклых тварей, меркнувших рядом с его роскошным убранством.

– Я приду за тобой на рассвете, – сказал Дисмас. – Послезавтра.

– Я буду готова.

Они обнялись. Дисмас поспешно ушел, чтобы она не видела его горьких слез.

24. Подарки

Наутро все собрались во дворе «Райских куш», готовые к отъезду.

Ландскнехты не устояли перед соблазном устроить посошковый бенефис в местном капище любострастия. Сейчас они держались нетвердо, а выглядели неважно. Дисмас расплатился с хозяйкой. На случай если кто вдруг будет интересоваться, он соврал, что они отправляются на север, в Фрайберг.

Воротами Святого Альбания они выехали из города, продышались от миазмов бумажной фабрики и взяли путь на запад. Через десяток миль, у родника Святого Гюнтера, свернули на юго-запад и двинулись по дороге, ведущей в Юрские горы.

Путники являли безрадостную компанию. Ландскнехтов мутило после вчерашнего разгула. Они с трудом держались в седле. Дисмас и Дюрер сидели в повозке, предаваясь унынию – каждый по своему поводу. Дюрер удрученно размышлял, какой черт дернул его увязаться за приятелем. Дисмас ел себя поедом. Он обманул Магду и не утешался даже тем, что сделал это ради ее же блага.

– Чем это ты так угрызаешься? – не выдержал Дюрер, сам мрачнее тучи.

Дисмас не ответил. Он не признался Дюреру в том, что произошло между ним и Магдой.

– Взгляни-ка лучше туда! – Дюрер указал за левое плечо на заснеженные альпийские вершины в безоблачной синеве. – От такого зрелища возликует сердце любого пастуха.

Великолепные виды не произвели на Дисмаса никакого впечатления.

Дюрер оскорбился. С какой стати Дисмас горюет в присутствии того, кто благородно пожертвовал всем?

– Хорош хандрить, – сказал Дюрер. – Пляски со смертью прельщают меня ничуть не больше твоего.

Потом он снова поглядел на Дисмаса – пристально, словно собирался писать портрет. Художники умеют читать в душах. Дюрер сообразил, что дело не в хандре и не в страхе близкой смерти.

– А-а, девчонка...

Дисмас вздохнул. Да, девчонка.

– Знаешь, мне ее тоже не хватает, – сказал Дюрер, бесцеремонно втискиваясь в Дисмасову печаль и располагаясь в ней как дома. – Золото, а

не девка. Даром что натерпелась от этого борова-графа, который наверняка сейчас визжит в аду. От всей души надеюсь, что ад выглядит именно таким, как на триптихе Босха! – Помолчав, он добавил: – Я бы с удовольствием написал ее портрет. Такая красавица. Кому-то очень повезет с женой. Может, они с Парацельсом...

– Нарс, помолчи, а?

– Ага! Втюрился! Я так и думал. Ну и дела. У нашего Дисмаса обнаружилось сердце. Ничего не скажешь, самое время влюбиться. Давай-ка развернем оглобли и махнем в Базель. Я вам напишу свадебный портрет. Бесплатно. В дар.

Дисмас молчал.

– А она-то тебя любит?

– Заткнись.

– Любит, наверное. Знаешь, как она на тебя смотрит? У нас, художников, на это глаз.

– Да оставь ты меня в покое! Она смотрела бы так на всякого, кто ей помог... Слушай, Нарс, я не хочу об этом говорить.

– А раз она тебя любит, то почему бы нам не...

– Да не любит она меня! Признательность и любовь – это не одно и то же. Любовь...

– Ну же? Продолжай. Расскажи мне, что такое любовь.

Дисмас обессиленно простонал:

– Какой же ты все-таки аферист, Нарс! Ведь ты все это говоришь только потому, что не хочешь болтаться на виселице в Шамбери. И это еще в лучшем случае. Нас наверняка ждет колесование. Снизу вверх.

– Ну все, хорош! Каюсь! Чистосердечно признаю, что предпочитаю избежать и виселицы, и колесования снизу вверх! Только не рассказывай мне про любовь. Если бы Купидон был швейцарцем, то пускал бы стрелы в горных коз!

– Чего вы там раскудахтались, как в курятнике? – проворчал Кунрат. – Потихе нельзя? И так башка раскалывается.

Они остановились на ночевку и съели безрадостный холодный ужин.

– Сестренки не хватает, – сказал Кунрат.

– И стряпни ее, – поддержал Ункс.

– Чего она с нами не поехала? – спросил Нуткер.

Дисмас промолчал.

– Так какой у нас план? – спросил Кунрат. – Как мы попятим нашу дерюжку? В Базеле мне все подряд говорили, что это нереально.

Дисмас ошарашенно уставился на него:

– Погоди-ка... Как это – все подряд говорили? Святые угодники! Кунрат, ты что, болтал о нашем предприятии?

– Не ссы, дядя. Просто кое у кого поспрашивал. Из предусмотрительности.

– Боже святой, спаси и сохрани, – вздохнул Дисмас.

– Надо же знать, с чем имеешь дело. А все говорят, что добраться до этой рогожки труднее, чем до монашкиной манды. Вот я и спрашиваю: какой у нас план?

– План? Ну, раз тебе так интересно, то план у нас простой. Отсюда и до самого Шамбери будем выпытывать у каждого встречного и поперечного, как бы лучше умыкнуть погребальную пелену Господа нашего. Потом сравним все предложения и выберем самое хитроумное. А до кучи еще и герцога Савойского спросим, – может, у него тоже есть соображения, как сподручнее всего стырить его плащаницу. Вот, умник, какой у нас план.

– А вот оскорблять не надо.

– Это было не оскорбление. Хочешь оскорбление? Пожалуйста. Ты болван, Кунрат.

– Полегче, райзляуфер!

– Минуточку, минуточку, – вмешался Дюрер. – Давайте все успокоимся.

Дисмас и Кунрат уже вскочили и злобно таращились друг на друга.

– Ну-ка, повтори!

– Болван. Еще раз повторить? Могу по буквам, чтобы до тебя дошло...

Дюрер втиснулся между ними. Началось взаимное отпихивание. Кунрат ударил первым, задев Дюрера по уху. Противники, мутузя друг друга, покатались по земле вокруг костра. Дюрера зажало между дерущимися. Нуткер с Унксом с интересом наблюдали за зрелищем, которое хоть немного скрасило унылый вечерок.

Потасовка сопровождалась хриплым рычанием, потоком ругательств и разметанными углями костра.

Пока Нуткер и Ункс увлеченно обсуждали, не обидится ли Кунрат, если поставить на победу райзляуфера, из сумрака выехал всадник и остановился в круге света у костра. Ландскнехты запоздало схватились за оружие.

Внезапно Нуткер рассмеялся и крикнул драчунам:

– А к нам гости!

Кунрат, Дисмас и бедолага Дюрер, застыв в лакооническом переплетении тел, безмолвно хлопали глазами.

Магда окинула взглядом присутствующих. Нуткер бросился к ней и помог спешиться. За первой лошадей шла в поводу вторая, навьюченная пожитками.

Дюрер, чертыхаясь, высвободился из крепких объятий Дисмаса и Кунрата и встал, с ног до головы в золе.

– Мастер Дюрер, а вы горите, – сказала Магда.

Дюрер охнул и начал охлопывать тлеющий край рубахи.

Дисмас и Кунрат, не разнимая сцепленных рук, ошалело смотрели на Магду.

– Такой шелк пропал, – вздохнул Дюрер.

На ночлег все улеглись вокруг костра. Дисмас и Магда устроились бок о бок, поодаль от остальных.

– Да, вовремя я приехала, – сказала Магда. – Иначе от вас остались бы одни головешки.

Дисмас, помолчав, ответил:

– Тебе не следовало приезжать.

– Ты опять за свое?

– Откуда ты узнала, по какой дороге мы поехали?

– Пока я пряталась в повозке, а вы с Нарсом спали, наши вояки чесали языками. Про Шамбери и про плащаницу, – объяснила она, весьма довольная собой.

– И все это время ты обо всем знала? А зачем меня расспрашивала?

– Чтобы знать.

– Ты же и так знала.

– Нет, ты не понял. Я хотела знать, что я тебе не безразлична. Когда ты не рассказал мне всего, я поняла, что так оно и есть. А еще я заметила, с каким лицом ты уходил вчера из клиники. И сразу догадалась, что ты меня обманул.

– Магда...

– Ш-ш-ш... – Она приложила палец к его губам, затем отняла – и прижалась своими губами.

Потом они долго молчали и смотрели на звезды.

– Ты не належке, – сказал Дисмас, покосившись на вьючную лошадь. – Что там у тебя? Вечерние туалеты для приемов во дворце герцога Савойского?

– Подарки от Парацельса.

– Ты и Парацельсу рассказала? О господи... Похоже, в Базеле всем известно, что мы задумали.

– Я не говорила ему про Шамбери и плащаницу.

– А что ты сказала?

– Что у вас особая миссия.

– Это теперь так называется?

– Да. Спасательная миссия. Вам предстоит освободить того, кого держат взаперти и под строжайшим надзором. Может, я и лукавила, но ведь ты сам говорил, что реликвии вроде как живые. Значит, Иисус живет в плащанице, а плащаницу держат взаперти. Получается, что Он – узник. Так что я не солгала.

Дисмас не смог сдержать улыбки:

– У кого ты училась рассуждать логически? У Сатаны?

Магда обрадованно продолжила:

– Парацельса распирало любопытство. Он понял, что я чего-то недоговариваю, и засыпал меня вопросами. Все допытывался, кого хотят спасти. Я настаивала, что не вправе больше ничего говорить, только он не отставал. А потом воскликнул: «А, знаю! Вы отправляетесь в Шильонский замок. На Женевское озеро». Я притворилась, мол, ничего не могу подтвердить, напустила на себя загадочный вид, что-то залепетала... Ну, чтобы он решил, что его догадка верна. Он так обрадовался! Смешно, правда?

– Магда, в этом нет ничего смешного.

– Ах, прости. Я забыла, что ты швейцарец.

– Дело не в этом.

– По-моему, это очень смешно, потому что в Шильонском замке савойские герцоги всегда держали самых важных узников. А Парацельс теперь считает, что мы собираемся вызволить кого-то из герцогского плена.

– И что в этом смешного?

– Ох, ты настоящий швейцарец. Да пойми же, мы и впрямь хотим освободить узника, только из другого замка герцога Савойского. Значит, догадка Парацельса верна, но в то же время ошибочна.

– Магда, давай я тебе кое-что расскажу.

– Рассказывай.

– История не из приятных, но тебе следует ее выслушать.

– Хорошо.

– Во всей Европе нет такой реликвии, которая бы охранялась строже Шамберийской плащаницы.

– Да, нам будет непросто.

– Как я уже говорил в Базеле, нас обязательно поймают. Я должен

рассказать тебе, что с нами случится после поимки. Нас примерно накажут, в назидание и для острастки. Тебе когда-нибудь доводилось видеть колесование?

Магда молчала.

– На пути к плахе палач раскаленными клещами вырывает из преступника плоть. За такое преступление, как наше, полагается три или четыре рывка. То есть на плаху мы попадем полумертвыми.

– Дисмас...

– Под локти и колени приговоренного подставляют деревянные бруски. Палач берет тяжелое колесо и принимается за работу. Если судьи проявили снисхождение, то палачу будет велено колесовать сверху вниз: один удар по голове – и все кончено. А за особо тяжкое преступление, вот как наше, назначат колесование снизу вверх. Сначала переламывают кости стоп, потом щиколотки, потом голени, потом колени и так далее.

– Дисмас, хватит!

– В Нюрнберге я однажды присутствовал на колесовании. Даже после тридцати ударов колесом в преступнике все еще теплилась жизнь. Его крики до сих пор звучат у меня в ушах. Может быть, для женщины сделают послабление и просто отправят на костер. А может быть, и нет.

Магда отодвинулась подальше. Дисмас свернул пустой мешок валиком, подложил ей под голову, накрыл вторым одеялом и ушел спать к остальным.

– Отличная сказочка на ночь, – сказал ему Дюрер. – Гад ты, Дисмас. Из-за тебя мне всю ночь будут сниться кошмары.

– Ты их заслужил.

Дисмас закрыл глаза и стал молиться святой Екатерине Александрийской, принявшей колесные муки, чтобы его возлюбленная к утру вернулась домой. Однако же утро застало Магду у костра. Она готовила своим мужчинам завтрак.

25. Божские горы

Спустя три недели путники добрались до Божских гор. Дисмас с Кунратом отправились на разведку. С вершины высокого холма открывался вид на живописную долину, где раскинулся Шамбери, столица герцогства Савойского. На следующий день им всем предстояло войти в город.

Путешествие было утомительным. Маршрут проложили через

Невшатель, Фрибур, Лозанну, Женеву, Анси и Божские горы. За пределами империи они почли достаточно безопасным останавливаться в крупных городах. Ландскнехты, укрепленные в двухильности эликсиром любви, не упустили ни одного случая отвеждать услады местных притонов. Дисмас смутно представлял, сколько денег они просадили на эти буйные развлечения, но его больше занимало другое.

– Похоже, мы не единственные, кто жаждет поклониться савану Господню, – сказал он Кунрату.

– Святой боже! – присвистнул Кунрат, глядя в долину. – Да там две армии на встречном марше!

Шамбери лежал на перекрестке великих транспортных артерий Европы, у перевала между двумя предальпийскими массивами – Божем на севере и Шартрезом на юге. С востока город огибала река Лейс.

Именно через Шамбери Франция с Италией попеременно ходили войной друг на друга. Сейчас между ними был мир, по обыкновению зыбкий. В западной части города высился родовой замок герцогов Савойских. Наверное, каждое утро герцог Карл с тревогой выглядывал из окна опочивальни, до коллик боясь увидеть под стенами замка войска под знаменами Франциска, короля Франции. Четыре года назад, после победы в битве при Мариньяно, Франциск облачился в белое рубище пилигрима и пешим ходом отправился из Лиона в Шамбери, на поклон плащанице. Монарший визит весьма обеспокоил герцога, поскольку выяснилось, что Франциск благоговеет перед плащаницей и необычайно ее почитает. А, как известно, царственные особы что почитают, того и вождедеют.

С высоты холма были хорошо видны обе дороги, ведущие в Шамбери. И северный, и южный тракты полнились возками, телегами и толпами пеших паломников. Такое стечение народа Дисмас видел лишь один раз в жизни, в Риме, после кончины папы Юлия Второго.

– Наверное, герцог не нарадуется, глядя, как все эти денежки текут напрямиком в его казну, – сказал Дисмас.

– Ага, и стража поджидает на каждом углу, – фыркнул Кунрат и со вздохом добавил: – А еще охранники в часовне. Ну, райзляуфер, как нам все это повернуть? Что делать?

– Молиться о чуде. Мы же монахи.

– А кому молиться-то? Кто у нас святой покровитель умыкателей плащаниц?

– Святому апостолу Марку, – поразмыслив, предложил Дисмас. – Строго говоря, он не то чтобы прямо вот покровительствует расхитителям реликвий, но семьсот лет назад его мощи очень ловко перенесли из

Александрии в Венецию. Вот это было перенесение! Всем перенесениям перенесение! В общем, можно помолиться Марку. Или ловчилам, которые это перенесение устроили. Представляешь, там всего-то и было два венецианских купца и пара греков – один священник, другой монах. Опасаясь, что турки, захватившие Александрию, разорят гробницу святого апостола, священник с монахом выкрали мощи Марка и заменили их мощами святой Клавдии.

– А на кой они туда Клавдию сунули?

– От святых мощей исходит благоухание... то есть должно исходить. Теоретически. Поэтому мощи святой Клавдии положили в гробницу евангелиста, чтобы аромат не выветрился.

Кунрат в изумлении покачал головой, а Дисмас продолжил:

– Так вот, венецианские купцы погрузили на корабль сундук с мощами Марка и прикрыли их шматками сала. Хитро удумали. Басурманские стражники заглянули в сундук, увидели кучу свинины и как завопят: «Фу-у-у-у!» Свинина для них – жуткая скверна. В общем, они захлопнули сундук и велели купцам катиться из Александрии к чертовой матери, да пошустрее. Эх, жаль, нам сало не поможет.

Вернувшись к спутникам, Дисмас с Кунратом рассказали об огромных толпах паломников на дорогах в Шамбери.

В тот вечер встали лагерем у ручья, в распадке близ городских предместий. Разговоров не вели, потому что все очень устали. Даже добравшись в Шамбери, Дисмас оставался в мрачном расположении духа. Месяц размышлений так и не увенчался хоть каким-то планом перенесения.

Однако же Дисмас держался бодро, не желая сеять уныние среди товарищей. Для себя он решил, что если так ничего и не придумает, то, по крайней мере, убережет других. Он намеревался броситься к плащанице, когда ее явят толпе. Стражники засыпят его градом стрел, и он обретет скорую смерть. Все лучше, чем колесование. Епитимья будет исполнена, а Магда, Нарс и ландскнехты смогут унести ноги. Тайная задумка немного развеяла его хандру.

Окрестные виды были великолепны. Закат окрасил небо в пунцовый цвет. Последние лучи заходящего солнца бросили длинные тени на северные отроги Шартрезских гор и сверкали на золоченых городских шпилях.

Дисмас покосился на Дюрера. Как обычно, тот что-то рисовал.

– Опять пейзаж?

– Пейзажи – скука.

Дисмас поднялся размять ноги. Он подошел к Дюреру, заглянул ему через плечо – посмотреть, что рисует приятель. Портрет Магды. Цветным мелком.

– Неплохо.

– А ты как думал?!

Путешествие в Шамбери сделало Дюрера раздражительным и нервным. Наверное, он предавался размышлениям о собственной пляске со смертью. Дисмас надеялся, что Нарс хоть немного раскаивается в своем поступке, из-за которого и начались их злоключения.

Глядя на мастерски изображенные рыжие кудри Магды, Дисмас невольно улыбнулся. Волосы Магды и Дюрера были очень похожи. Скорее всего, рисуя Магду, Дюрер словно бы создавал очередной автопортрет.

– У тебя здорово получаются блики на кудрях. Совсем как золото.

– Тициан.

– Что-что?

– Так называется этот оттенок. А зачем тебе знать?

– Тициан... Странное название.

– Так зовут художника. Он из Венеции. Мой приятель.

– Магда, а ты знаешь, что у тебя волосы цвета венецианского художника? – спросил Дисмас.

Магда сидела напротив, по другую сторону костра, и что-то штопала.

– Отец дразнил меня рыжиком, – не поднимая головы, ответила она.

– Свет почти ушел, – пожаловался Дюрер.

– Значит, работай быстрее, – сказал Дисмас, усаживаясь рядом. – Упражняйся. Быстрота очень тебе пригодится.

Солнце скрылось за отрогами Шартреза. При свете костра Дюрер продолжал рисовать и вскоре вручил Магде законченный портрет. Она зарделась.

– Это...

– Шедевр, да? Я знаю.

– Мастер Дюрер, у вас такой талант...

– Не надо ему это говорить, – простонал Дисмас. – Он и так уже скоро лопнет от величия. Дай-ка сюда, я сам посмотрю, шедевр или что.

Портрет был и впрямь великолепен, но выполнен в нехарактерном для Дюрера стиле. Его словно бы нарисовал кто-то другой.

– Что скажешь? Огласи уже свое авторитетное мнение, знаток высокого искусства.

– Сойдет. Только нос непохож.

Дюрер выхватил у Дисмаса рисунок и протянул Магде, но тут же снова отдернул:

– Погоди. – Он что-то накарябал в нижнем углу листа. – Вот. Теперь забирай.

Магда поглядела на портрет:

– А что значит TV?

– Тициано Вечеллио. Тициан. Эта работа в его стиле.

– По-моему, больше похоже на Кранаха, – хмыкнул Дисмас.

Во сне Магду снова мучили кошмары. Они преследовали ее каждую ночь. Дисмас осторожно разбудил ее и прошептал:

– Все хорошо. Спи. И пусть тебе снятся только хорошие сны.

Она схватила его за руку:

– Поговори со мной. Пожалуйста.

На ночевках Дисмас устраивался спать рядом с Магдой. Безо всякого умысла, просто чтобы успокаивать ее среди ночи.

В безлунном небе мерцали бесчисленные сонмы звезд. Магда, пригревшись под боком у Дисмаса, источала тонкий аромат, слаще благоухания святых мощей. Холодными ночами славно было ощущать тепло женского тела. Тонкий палец Магды нежно коснулся изуродованного уха Дисмаса.

– Расскажи о ней, – попросила она.

– О ком?

– О твоей жене.

– Она умерла.

– И всё?

– Я умер бы вместе с нею. И с детьми. Но я был в Иудее, искал копьё Лонгина.

– Бедняжка.

Помолчав, Магда спросила:

– А кто такой Лонгин?

– Римский воин. Тот, кто вонзил копьё под ребра распятому Христу.

– Ты нашел копьё?

– Может быть.

– Как это?

– С реликвиями никогда не знаешь наверняка. Копьё хранится в Виттенберге, в галерее Фридриха. Он очень обрадовался приобретению. А когда узнал про смерть моих родных, то купил для них индульгенции на очень долгий срок. Они умерли безгрешными. Их души наверняка уже

покинули чистилище. Она была доброй женщиной... Все, спи. Завтра будет долгий день.

– А Шамберийская плащаница – истинный саван Иисуса?

Дисмас задумался:

– Нет, наверное. Да это и не важно. Кардинал наложил на меня епитимью, и вот я здесь. И ты тоже здесь. Потому что ты такая упрямец! – Он шутливо ткнул ее в кончик носа.

– А твоя жена была красивая?

– Да.

– Как ее звали?

– Хильдегарда. Спи.

– Расскажи мне что-нибудь о ней.

– Что тебе интересно?

– Почему ты ее любил?

– Она была моей женой.

– Дисмас, это не ответ.

– Она была красивая. Любила детей. И знала, как меня рассмешить. С ней я никогда не грустил. Она была хорошей стряпухой. Все время что-то напевала, когда... – Он осекся и замолчал.

– Они непременно в раю, – сказала Магда. – Вы обязательно встретитесь. Но пока тебе придется подождать.

26. Шамбери

После завтрака все облачились в монашеские рясы. Памятуя о постыдном отсутствии распятий в Шварцвальде, Дисмас прикупил в Базеле целую дюжину крестов.

– Эта сволочная ряса меня всего искусала. Царапучая, как кошка, – жаловался Ункс. – А это что за фигня? Власяница? Ну ни хрена себе! Кстати, а мы какие монахи?

– Бонифаты, – сказал Дисмас. – Ункс, прошу тебя, придержи язык в Шамбери. Монахи не сквернословят.

– Да ладно! У нас в Клетце был один монах. Как рот откроет, так из него водопадом такое...

– Ункс, я тебе верю, но мы должны вести себя как приличествует добрым монахам. Почему? Да потому. Как только узнают, что мы не монахи, нас убьют. Как тебе такая мотивация? Устраивает? Вот. Еще надо придумать, как нас зовут.

– А им не похер, как нас зовут? – спросил Кунрат.

Дисмас вздохнул:

– Хорошо, оставайся братом Кунратом. Пусть все знают, как тебя зовут на самом деле. А потом найдут и убьют.

– Ладно, придумай мне имя, – завопил Кунрат.

– Я буду брат Лукас, – сказал Дисмас, взяв имя Кранаха, чтобы подразнить Дюрера. – Ты, Кунрат, будешь брат Вильфред, Нуткер – брат Кутберт, а Ункс...

– Кутберт? – переспросил Нуткер. – Не хочу быть Кутбертом.

– Почему?

– Это пидорское имя.

Дисмас снова вздохнул:

– Кутберт был святым, а не содомитом. Но это твое дело. Какое имя тебе нравится?

– Все равно какое, только не Кутберт.

– Ну, например, Теобальд... Устраивает?

Нуткер пожал плечами, и Дисмас продолжил:

– Ункс, ты будешь брат Зигмунд. Дюрер... ты будешь брат Нарс, в честь святого Нарцисса.

Дюрер злобно зыркнул на него.

– Вот только не надо дуться! Святой Нарцисс был иерусалимским

епископом. Он жил во втором веке и однажды превратил воду в лампадное масло. Идеальное имя для художника.

– Впервые слышу про такого.

– От художника никто и не ожидает познаний в истории. Так, Магда, ты будешь сестра...

– Хильдегарда!

Дисмас уставился на нее.

– В честь святой Хильдегарды Бингенской, – пояснила Магда. – Ее еще называют рейнской Сивиллой. Очень праведная женщина. Она никогда не сквернословила.

Из распадка путники вышли на большую дорогу и влились в поток паломников.

Дисмас велел примечать все на пути. Вполне возможно, что придется срочно ретироваться из города, и тогда будет важна любая мелочь.

Сначала дорога шла полями, где трудились монахи из монастыря на холме. Дальше, по берегам реки Лейс, стали попадаться хижины и дома.

Через реку был переброшен мост с каменными опорами и водорезами. Его настил был сложен из толстого бруса.

– На итальянский манер, – заметил Дисмас. – Смотрите, в торце брусьев прорублены захваты. Настил можно быстро разобрать, чтобы остановить неприятеля.

– Как подъемный мост, который не подъемный, – заключил Дюрер.

– Для монахов, которые не монахи.

Они приблизились к воротам Затворников – главному въезду в город. Через ров под городской стеной был перекинут настоящий подъемный мост. У ворот образовался затор: стражники взимали с паломников плату за вход в город, что вызывало бесконечные заминки и препирательства. После недели странствий по высокогорным лесам Божя шум толпы какофонией отдавался в ушах. А уж какая вонь!

Улица у крепостного рва была заставлена палатками и шалашами паломников. На мелких рынках шла бойкая торговля. Здесь продавали и предлагали на обмен всякую всячину: птицу, рыбу, дичь, вино, церковную утварь, целительные бальзамы, эликсиры, тинктуры, настойки и прочие лекарства от всевозможных хворей.

Дисмас с презрением истинного знатока глядел на барыжников, бойко торговавших реликвиями весьма сомнительного происхождения. Он насчитал четыре терновых венца. Целиковых. Копии Шамберийской плащаницы встречались на каждом шагу, любых размеров – от столовой

салфетки до пододеяльника. Одна такая копия, растянутая между двумя шестью, почти соответствовала размерам оригинала: четырнадцать футов на четыре. Грубо намалеванный образ Христа отличался чудовищной аляповатостью. Автор этой мазни, он же продавец, гордо стоял рядом, растолковывая зевакам жуткие подробности.

– Надеюсь, у тебя выйдет лучше, – сказал Дисмас Дюреру.

Дюрер презрительно фыркнул:

– Ставлю пять гульденов, что это гишпанец.

– Почему?

– Посмотри, сколько кровищи. Иберийцы просто обожают расчлененку. Жить без нее не могут. Ни один ибериец не в состоянии написать натюрморт с цветами и фруктами, не приткнув рядом сочную свежесрубленную башку. Отними у иберийца красные пигменты: массикот, синопль, кармин, кошениль, терра-розу, охру, марену, сольферино, поццуоли, сиену, киноварь, сурик, амарант и багрец, – и он вскроет вены и станет писать собственной кровушкой. На Иберийском полуострове не было и нет ни единого приличного живописца. Они слишком долго прожили под басурманским игом. С маврами портретов не попишешь – сразу руки отсекут. А вот в остальном они опередили нас на века – и в медицине, и в астрономии, и в математике.

Вся компания подъехала к ксенодохию – приюту для неимущих паломников. Можно было подыскать и более комфортное проживание, но Дисмас решил, что странствующим монахам здесь самое место. Из ксенодохия несло миазмами переполненных выгребных ям, клопами, малярийными испарениями, гнойной язвой, прокисшим вином и заплесневелыми лепешками. Все приуныли, а Дюрер заявил, что ни за что на свете не поселится в этом, как он выразился, задрюханном гадюшнике.

Дисмас начал увещевать приятеля. Он напомнил брату Нарсу, что тот принял обет не только нищеты, но и послушания. Брат Нарс отвечал, что на обеты ему плевать и что он немедленно отправляется на поиски приличного жилья. Дисмас, не расположенный терпеть очередную Дюрерову истерику, скрипнул зубами и предложил брату Нарсу напроситься в гости к герцогу и вытребовать себе апартаменты, соответствующие его величию.

Прения продолжались на стабильно повышающихся тонах. Магде пришлось вмешаться, чтобы монахи не принялись прилюдно мутузить друг друга. Она предложила на время устроиться *al fresco*^[10], в городском саду за углом, неподалеку от ворот Затворников. Все единодушно согласились, сочтя это вполне приемлемой альтернативой соседству с прокаженными,

даром что эти несчастные любезны и угодны Господу.

Бивуак устроили под платанами. Здесь продувало ветерком и открывался прелестный вид на реку. Ландскнехтам было велено найти конюшню и запастись провиантом и вином, а заодно и разведать что-нибудь полезное. Дюрер, взбешенный дебатами у ксенодохия, отправился исследовать окрестности в одиночку.

Дисмас и Магда, расстелив одеяло в тенечке, уселись рядышком, будто влюбленные на пикнике. Монашеские рясы несколько испортили впечатление.

– Дисмас...

– Лукас. Слушаю, сестра.

– У нас есть хоть какой-то план?

– Есть. Плащаницу будут вывешивать на стене замка, с балкона Святой капеллы. Ежедневно, с шестого по девятый час – именно столько времени длились страдания Иисуса на кресте. Брат Нарс подберется поближе, хорошенько все разглядит, а потом изготовит точную копию на холсте, купленном в Базеле.

– А дальше что?

– Дальше? Дальше... мы подменим плащаницу. Вот и все.

– И как же мы ее подменим?

– Как только брат Нарс нарисует копию – это надо сделать быстро, а брат Нарс не самый расторопный художник, – мы все побежим к стене замка, дождемся, когда вывешат плащаницу... И устроим живую лестницу. Высота стены – футов семьдесят. Или восемьдесят. Если встать друг другу на плечи, то тот, кто окажется на самом верху, дотянется до плащаницы. На самом верху будешь ты, потому что ты самая легкая. Надо хорошенько дернуть за нижний край плащаницы и вырвать ее из рук архиепископа и дьяконов. А взамен швырнуть им копию. А потом... Потом мы все пустимся наутек. Стремглав промчимся по городу, пронесемся по подъемному мосту и скроемся в горах. Вот такой у нас план.

Магда ошеломленно уставилась на него:

– Это...

– Да, он несколько недоработан... – сказал Дисмас. – Точнее, вообще не проработан.

Они умолкли, ради приличия перебирая четки.

– Помнишь, ты говорил, что если реликвия возжелает перенестись, то ничто не сможет помешать перенесению.

– Так оно и есть, – кивнул Дисмас. – Но это касается только подлинных

реликвий. Загвоздка в том... Вернее, одна из загвоздок в том, что я сомневаюсь в подлинности плащаницы. А другая загвоздка в том, что, даже допуская подлинность святыни, следует понять, угодно ли Иисусу, чтобы Его саван покинул герцога, прозванного Карлом Добрым, и достался кардиналу, которого следует прозвать Альбрехт Не-особо-добрый.

Магда задумалась.

– Но если плащаница фальшивая, то зачем она Альбрехту?

– Может быть, он внушил себе, что она настоящая, – вздохнул Дисмас. – Хотя, по-моему, эту миссию он возложил на меня с иной целью.

– С какой?

– Отправить меня на смерть и не рассориться из-за этого с Фридрихом.

Дисмас хотел рассказать ей о своем тайном плане, но под платанами было слишком благостно для таких мрачных разговоров.

Вскоре вернулись ландскнехты и Дюрер, нагруженные снедью и выпивкой: пиво, вино, колбасы, хлеб, жареные каплуны... Дисмас ехидно заявил, что нищенствующим монахам не должно чревоугодничать. Впрочем, он проголодался не меньше остальных, поэтому вместе со всеми набросился на еду.

По южной дороге к мосту через реку подъехала роскошная процессия: конница, пехота, прислужники, штандарты, карета за каретой...

– Король, что ли? – проурчал Ункс, вгрызаясь в каплуна.

– Нет, не король, – сказал Дюрер. – Похоже, герцог. Скорее всего, из Италии. Гербов на штандартах пока не разобрать. Может, из Венеции. Ишь ты, с какой свитой! Прямо целое войско.

Колеса карет громыхали по настилу моста.

– Может, это Лоренцо, герцог Урбинский, – гадал Дюрер. – Он, как и его дядюшка, любит путешествовать с комфортом.

– А кто его дядюшка?

– Папа римский.

– Понятно.

– Между прочим, вам известно, чем занимается папа? – спросил Дюрер.

– Наверное, заступничает перед Господом за род людской, – предположил Дисмас.

– Охотой он занимается, – усмехнулся Дюрер. – И больше ничем. Может, уделяй он побольше времени делам Церкви, то договорился бы с Лютером полюбовно. А другая его страсть – зверинцы.

– Зверинцы?

– А то! Будто Иисус заповедал апостолам идти по свету и устраивать зверинцы! Воистину папа следует по стопам Рыбаря и постоянно

вляпывается в кучи навоза. Он обожает слона-альбиноса по кличке Ганно... Папа ведь из рода Медичи. Я с ним встречался. Милый дядька, даром что извращенец, как все итальянцы, – презрительно поморщился Дюрер. – Климат у них такой.

– Тициан, папа римский... Надо же, какие у тебя знакомцы, Нарс! – поддел его Дисмас.

Дюрер отрезал ломтик яблока.

– Если это и вправду Лоренцо, папский племянник, то вам, дурачье, выпала большая честь лицезреть процессию этой великовельможной особы.

– Подумаешь, какой-то там герцог! – фыркнул Нуткер.

– Видишь ли, любезный мой Нуткер, Лоренцо – глава Флорентийской республики. А его дядюшка, папа римский, недавно затеял войну, чтобы добыть племяннику еще и герцогство Урбинское. Так что теперь Лоренцо владеет четвертью итальянских земель. А советником у него Макиавелли.

– А это еще кто? – спросил Дисмас.

– Эх ты, знаток истории! – укорил его Дюрер. – Макиавелли, он... В общем, он мыслитель, помимо прочего. Он написал трактат об управлении государством.

– И как же управляют государством? – спросил Дисмас.

– Не знаю, я трактата не читал. Мне бы с Агнессой управиться, а для этого нужен не трактат, а розги.

– Интересно посмотреть, как ты будешь управляться с Агнессой. Розгами, – хохотнул Дисмас.

– Между прочим, Макиавелли советует избавляться от врагов, не дожидаясь, пока они избавятся от тебя.

– Дельный совет, – одобрил Кунрат.

– А Лоренцо хворает, – продолжал Дюрер.

– Что с ним?

– Ну он же итальянец...

– Французка?

– Итальянцы называют эту хворь французской болезнью, а французы – итальянской.

– Тебе же нравятся итальянцы, – напомнил Дисмас. – Ты все время в Италию ездешь.

– Я там не развратничаю, а изучаю художественное мастерство. С итальянскими живописцами не сравнится никто на свете. Разумеется, в Европе найдутся мастера, которые...

– А можно поконкретнее? – фыркнул Дисмас.

– Но итальянские нравы... Добродетельности у итальянцев нет. *Nessuno*^[11]. Даже сам папа – содомит.

– Ты прямо как Лютер, – сказал Дисмас.

Дюрер пожал плечами:

– Правды не скроешь. Говорят, у папы... – Он покосился на Магду. – Ну, это не тема для пристойной беседы. Скажем так: он страдает от неприглядных последствий своих противоестественных увлечений.

– Да-да, я тоже слышал, – заявил Кунрат. – У него в жопе незаживающий свищ от постоянных перепихов.

– Со слоном, – добавил Ункс.

Ландскнехты чуть не лопнули от хохота.

Головная карета процессии подкатила к воротам Затворников. Загудели рога. Дисмас встал, утирая с подбородка куриный жир.

– Пошли поглядим на твою великовельможную особу.

Солдаты отгоняли паломников от ворот. Дисмас и остальные решили подобраться поближе, чтобы хорошенько разглядеть знатного гостя. Ландскнехты прокладывали дорогу, не по-монашески рьяно расталкивая толпу локтями.

Конный герольд во главе процессии вздымал гербовый штандарт. На гербе красовались черный орел с алмазным перстнем в когтях, угнездившийся в герцогском венце на черном с золотом рыцарском шлеме, и золотой щит с шестью алыми шарами.

– Так и есть, герб Медичи, – сказал Дюрер. – Это Лоренцо.

– А зачем там красные шары? – спросил Кунрат.

– Никто толком не знает, что именно они символизируют. То ли вмятины на щите, полученные в великих сражениях, то ли знак ростовщика, то ли вообще пилюли. Предки Медичи были аптекарями, поэтому и получили такое прозвище. Итальянское слово *medici* означает «лекарь».

– Я и не подозревала, что аптекарское дело такое прибыльное, – заметила Магда.

Карета Медичи остановилась. Из ворот Затворников выступила свита герцога Савойского. Обе процессии смешались в шорохе бархата и шелков. Начался церемониальный обмен любезностями, поклонами и расшаркиваниями. Придворные толпились у герцогской кареты, раскланиваясь друг с другом. Наконец дверца распахнулась. Из кареты вышел Лоренцо де Медичи, герцог Урбинский.

– Ох, бедняжка! – воскликнула Магда.

Изъявленное лицо Лоренцо покрывал толстый слой жирных белил.

Проморгавшись на свету, герцог одарил вельмож улыбкой, потом воздел левую руку и вяло помахал толпе. Правая рука стискивала грудь.

Герцог благосклонно выслушивал приветственные выкрики, как вдруг лицо его исказилось от боли. Потирая грудь, он скрылся в карете. Процессия двинулась по подъемному мосту и через ворота Затворников въехала в Шамбери.

– Он не жилец, – вздохнула Магда.

– Откуда ты знаешь? – спросил Дисмас.

– Видел, как он хватался за грудь? Ему очень больно. Болезнь уже добралась до сердца. Герцогу поможет эликсир из пурпурной наперстянки. Этот цветок растет здесь, в Божских горах. Помнишь, мы видели?

– Да, – кивнул Дисмас.

– По-латыни его называют *Digitalis purpurea*, а в Англии – лисьей перчаткой. Этот эликсир как раз англичане изобрели.

Обдумав услышанное, Дисмас сказал:

– У герцога, которому принадлежит четверть Италии, наверняка есть лекарь, которому это известно. А может, и не один, а целых двадцать.

– Ну, не знаю. Он все равно хватался за грудь.

И правда хватался.

Ранним утром Магда, Кунрат и Нуткер отправились в Божские горы на сбор наперстянки. Вернулись они на закате, с полными котомками цветов, роняющих лиловые лепестки. Ункс ворчал себе под нос, что ландскнехтам негоже заниматься девчачьим делом.

Дисмас с Дюрером целый день искали жилье. Они скинули монашеские рясы и переоделись в мирское, чтобы не вызывать лишних подозрений. Как и следовало ожидать, на всех постоянных дворах заламывали самые безбожные и мародерские цены.

– Вот оно, истинно христианское милосердие, – буркнул Дисмас.

После долгих поисков удалось найти жилье близ церкви Святого Антония, в умеренно сыром полуподвальном помещении, где не слишком докучали крысы.

27. План

Магда растирала в ступке цветы наперстянки и отправляла месиво в горшок на огне.

– Это дело долгое, – объяснила она Дисмасу. – Чтобы эликсир был

действенным, его надо как следует уварить.

Дисмас взял деревянную ложку и начал помешивать варево, чтобы Магда не отрывалась от ступки. Стол был заставлен пузырьками, бутылочками и коробочками – подарками Парацельса, которые Магда привезла с собой. Закончив растирать цветы, она взяла один пузырек, откупорила и понюхала.

– Что это? – спросил Дисмас.

– Из своих странствий Парацельс всегда возвращается с сокровищами, особенно с Востока, будто библейский волхв. Это воистину драгоценный дар.

Дисмас тоже понюхал пузырек.

– Ладанник. *Cistus ladanifer*, – пояснила Магда. – Парацельс добавляет к нему стебли солнцезвета и лаванду.

– Нет, ты все-таки ведьма!

– Если бы ведьмы снимали боль так, как эта травка, их бы никто не сжигал. Однажды Парацельсу нужно было ампутировать ногу человеку, попавшему под телегу. Несчастный вопил от боли, но Парацельс дал ему кружку вина, куда добавил четыре капли настойки. Бедняга сразу затих, словно уснул. Тогда Парацельс взял пилу и принялся за работу. Пила вгрызалась в кость, а пациент даже не пикнул. – Магда поежилась. – Я не люблю хирургию, мне больше нравится аптекарское дело. – Она подняла пузырек над горшком и, беззвучно шевеля губами, влила в отвар десять капель. – Настойку ладанника нужно отмерять с превеликой осторожностью. Лишняя капля останавливает дыхание.

На всякий случай Дисмас отодвинулся подальше от горшка и спросил:

– А что в этой коробочке?

– Мак. Еще одно восточное снадобье. Его высыпают на тлеющие угли и вдыхают дым.

– Зачем?

– Он вызывает грезы.

– А зачем Парацельс тебе его дал?

– Вместе с грезами приходит сон, – улыбнулась Магда.

– А-а, понятно. Полезная вещь, – согласился Дисмас.

– А еще...

– Что?

– Помнишь, ты пугал меня рассказами про колесование?

– Помню. И что?

– Если дойдет до казней, это снадобье нам пригодится.

Пока Магда готовила эликсир, Дисмас решил проверить, чем заняты

остальные в другом конце комнаты. Там стоял плач и скрежет зубовой.

Дюрер жаловался на пауков. Ландскнехты бесились из-за того, что их разлучили с оружием. По приказу Дисмаса повозку и спрятанный в ней арсенал оставили за городскими стенами. В смертоубийстве сейчас не было надобности. Ландскнехтов послали в Шамбери за реликвией, а не на заготовку свежих мощей.

– Если это действительно истинный саван Господа нашего Иисуса Христа, а мы завладеем им через убийство, – внушал Дисмас ландскнехтам, – как вы думаете, кто встретит нас на том свете? Конечно же, Сатана. Даже если плащаница поддельная, то мы все равно отбудем в мир иной, окропленные кровью невинных. Вряд ли ангелы нам возрадуются.

Проникновенная речь не возымела желаемого воздействия. Ландскнехты пропустили мимо ушей разговоры о загробной жизни и наставления в благочестии. Рассеянно выслушав проповедь, ребята сплюнули и заявили:

– А ты кто такой? Моисей, что ли? Ступай куда подальше со своими заповедями! Помнишь, как мы в Шварцвальде славно рубились? Столько народу положили! По-твоему, это убийство?

Дисмас возразил, что любому, даже ландскнехту, должно быть очевидно, что самооборона ради спасения невинной девушки – это одно, а резня в храме ради хищения савана Господнего – совсем другое. Убедить ландскнехтов не удалось.

Он пошел бродить по городу, дабы предотвратить разлитие желчи, и вернулся в полуподвал с бутылкой дорогого вина, в знак примирения.

Кунрат достал из котомки Лотаров кошель и высыпал на стол содержимое. Драгоценные украшения, монеты и прочие цацки с нежным звоном раскатились по грубо оструганной столешнице, мерцая в пламени свечей. Кунрат небрежно перебирал остатки трофеев, будто выуживал из плоски кусочки поаппетитней.

– А, вот на какие шиши вы, прохвосты, по борделям шляли, – по-приятельски сказал Дисмас.

Он взял со стола какую-то безделушку и поднес к свече. Это был перстень Лотара с фамильным гербом. Дисмас невольно скривился, вспомнив, как Кунрат обрубал пальцы убитого графа.

– Это все, что осталось?

– Ага, – сказал Кунрат. – Зато порево было знатное. Первокласное порево, скажите, пацаны?

– И в Базеле вы сбывли с рук кое-что из трофеев? – встревожился

Дисмас. – Ну, чтобы купить ваш приапический бальзам?

– А то. Кое-что в Базеле, кое-что в Невшателе, кое-что в Фрибуре, в Лозанне, в Женеве... А че такого?

– Хорошо, что нас никто не разыскивает, – вздохнул Дисмас. – За вами такой хвост тянется...

Их действительно не разыскивали. Дисмас осторожно наводил справки во всех городах по пути, однако никто не проявлял интереса к германскому графу, пропавшему в далеком Шварцвальде.

– Что ж, надеюсь, девки вам попались чистые, – подытожил Дисмас, шутливо ткнув Кунрата в грудь. – Иначе будете как герцог Урбинский. – Он повернулся к Дюреру и добавил: – А этот твой Макиавелли лучше бы написал трактат о том, как уберечься от французки.

Кунрат взял пузырек, уныло посмотрел на него, перевернул... Ни капли.

– Сестренка! – окликнул он Магду. – Сваргань нам еще такого же, а?

– Кунрат, у нее сейчас есть дела поважнее, – укоризненно напомнил Дисмас.

– Что может быть важнее стойкости моего болта?

Дисмас вернул перстень Лотара на стол:

– У вас там еще меч был...

– Ты ж сказал, что с клинками в город нельзя, – буркнул Кунрат.

– Верно. А меч Лотара вы по дороге тоже профукали? Это ж подарок его крестного, нового императора.

– Не, все путем. Меч – дело особое, не про девок. Он в повозке. Вместе с остальным оружием. Вот только как нам теперь быть, если на нас вдруг кто нападет, не приведи господь? – Кунрат поднял пузырек над головой и, состроив умильную физиономию, сладким голосом, будто карапуз, выпрашивающий леденец, заканючил: – Сестренка, а сестренка! Ну пожа-а-луйста...

28. Воскрешение Лотара

– Нет, – сказал Дюрер. – Ни за что.

– Нарс...

– Ты оглох, что ли? Нет.

– Как ты не понимаешь, что...

– Я все прекрасно понимаю. Я прекрасно понимаю, что это совершенно бредовая затея, которая закончится моей гибелью. Я поехал с тобой по

доброте душевной – для того, чтобы тебе помочь, а не для того, чтобы стать жертвенным агнцем. Самоубийство – смертный грех. Нет. Даже не проси.

– Неужели ты не видишь, как все логично складывается?

– Логично? Не смей меня.

– Ты меланхолик. Я еще лет десять назад понял, что тебя ничем не рассмешишь.

– А теперь тебе это удалось. Ха! Ха-ха-ха! Поздравляю. А теперь проваливай ко всем чертям. Тебе надо, ты и прикидывайся убиенным графом.

– Если ты хоть на минуточку перестанешь истерить и выслушаешь меня до конца, то поймешь, что роль Лотара лучше всего исполнишь ты, а не я. Если все сработает...

– Вот-вот, именно что «если»! Двух слов сказать не успел, а уже началось!

– Нарс, герцог Савойский наверняка примет крестника императора Священной Римской империи с распростертыми объятиями. Герцог презирает и опасается короля Франции. Император тоже презирает короля Франции. Герцог обрадуется возможности принять у себя в гостях императорского крестника. Почему? Да потому, что когда крестник вернется домой, то расскажет своему крестному-императору, как герцог Савойский, добрый малый, радушно принимал его в Шамбери. Мол, Лотар пришел поклониться святой плащанице инкогнито, как простой паломник, и не ждал никаких знаков внимания от герцога, а тот проведаль, что он в городе, и обласкал, словно родного сына!

– Вот сам и притворись Лотаром, раз тебе в голову пришла эта гениальная мысль! – заявил Дюрер, вызываяще скрестив руки на груди.

– Нарс, умоляю, ты подумай. Кому нужно хорошенько рассмотреть плащаницу? Кто будет делать с нее копию? Я же не художник.

– В плане Дисмаса есть разумное зерно, мастер Дюрер, – сказала Магда.

– Сначала логика, а теперь еще и разум? – фыркнул Дюрер. – Вы тут все окончательно его утратили.

– Эй, не ссы, – вмешался Кунрат. – Классный план.

Дюрер воздел очи горе, будто ожидая вмешательства Всевышнего:

– А вдруг кто-то знает Лотара в лицо?

– Ну это навряд ли, – сказал Дисмас.

– Ах, навряд ли! – с горечью воскликнул Дюрер. – Меня умиляет твое легкомыслие, Дисмас. Навряд ли – еще не повод рисковать моей жизнью.

– Нарс, я же буду тебя сопровождать, изображая слугу. Я рискую

жизнью не меньше твоего, так что не воображай себя одиноким великомучеником.

– И как ты себе это представляешь? Мы с тобой заявимся в замок: мол, здрасте, я Лотар, пустите на постой?

– А кто недавно мечтал о приличных апартаментах?! Еще раз тебе говорю, все будет иначе. Мы не станем ломиться в двери и требовать, чтобы нас пустили переночевать. Ты подойдешь к стражникам, вручишь им послание для герцога и удалишься. Послание будет от тебя, то есть от графа Лотара фон Шрамберга. В письме ты известишь герцога, что прибыл в Шамбери инкогнито, с несколькими доверенными слугами, поклониться плащанице. Что хочешь засвидетельствовать ему свое почтение. Это обычная протокольная учтивость, согласно придворному этикету. Ничего просить не надо. Выразишь восхищение красотами Шамбери и христианским благочестием герцога, который выставляет плащаницу для всеобщего обозрения, и все такое прочее... Потом пожелания доброго здоровья, долгих лет и Господнего благословения. И все. Если герцог проглотит наживку, то мы попадем в замок. Если нет... то придумаем другой способ туда проникнуть. Например, можно применить осадные орудия. Но письмо гораздо проще.

Дюрер куксился и молчал, силясь придумать отговорку, которая избавила бы его от выступления в непрошеном амплуа.

– С какой стати разнузданный олух попрется на поклонение святыне? Даже если при дворе не знают Лотара в лицо, вдруг кому-то известна его репутация?

– Нарс, давай я тебе кое-что объясню про христианскую религию. Паломники отправляются на поклон святыням ради искупления грехов. По-твоему, люди идут за сотни миль лобызать какую-нибудь реликвию, потому что у них светло на душе? Ошибаешься. Они это делают, чтобы не оказаться в аду. Если кто-то вдруг и скажет, что наслышан о шалостях графа фон Шрамберга, ты ударишь себя в грудь: мол, *mea culpa*^[12], я и есть тот самый граф-шалун, ужасный греховодник. Однажды охотился в лесу со своими ребятами – тоже большими шалунами – и вдруг услышал голос с небес. Глядь – а там Иисус. И Он сказал мне: Лотар, Лотар! что ты шалишь? Прямо как святому Павлу, когда тот ехал в Дамаск поиздеваться над христианами. А потом грохнулся с лошади наземь и сразу решил пойти пешком в этот зачуханный – только не говори «зачуханный»! – Шамбери, поклониться плащанице и очистить грешную душу.

– Нет.

– Нарс, умоляю. Герцогу Савойскому позарез нужна протекция

императора Священной Римской империи, твоего крестного. Между прочим, герцога прозвали Карлом Добрым. Ну не съест же он тебя, в конце концов!

– Я подумаю. Не более того. Никаких обещаний.

Дисмас посмотрел на своего непреклонного друга и понял, что пора разыгрывать последний козырь.

– Нарс, есть еще одна причина, по которой эту роль сможешь сыграть только ты.

– Что еще за причина?

– Твоя образованность и утонченность. Ты поистине гражданин мира. Ты бывал при дворах...

– Ты тоже.

– Да, бывал, но при германских. Майнцу и Виттенбергу далеко до великолепия итальянских и других европейских дворов. Ты встречался с папой римским. Ты знаком с Рафаэлем и с прочими знаменитыми живописцами. С Тицианом! Ты – прирожденный аристократ и можешь общаться на равных с герцогами, королями и императорами. А я всего лишь, как ты выражаешься, неотесанная швейцарская деревенщина.

– Все, хватит. Я подумаю.

Дюрер остался думать думы, а Дисмас вышел на улицу развеяться. Спустя час он вернулся и не застал в подвале никого, кроме Дюрера и Магды: ландскнехты отправились на кобеляж.

– Сволочь ты! – злобно бросил Дюрер и вышел вон.

Дисмас сел к столу, на котором было разложено аптекарское хозяйство Магды, и спросил:

– Что это с Нарсом?

– Да так, ребята с ним поговорили, – сказала Магда, помешивая варево в горшке. – Я кое-что слышала.

– Вот как?

– Вдохновение порой приходит из самых неожиданных мест, – улыбнулась Магда.

– Я не просил их пригрозить Нарсу. Кинжалом у горла никого не вдохновишь.

– Никаких кинжалов не было.

– Одни только ласковые увещания?

– Ну, был помянут молоток. И пальцы. И воздействие, оказываемое первым на вторые, с последствиями для занятий живописью.

– Он же не поверит, что я их не наущал! – простонал Дисмас.

– Я с ним поговорю. Меня он послушает.

- Он упрямец, как все богемцы.
- А почему ты улыбаешься?
- Жалею, что не видел, как он беседовал с ландскнехтами.

29. Ростанг

Все шестеро собрались в городском саду, старательно изображая паломников.

Демонстративно не глядя ни на кого, Дюрер прислонился к стволу платана и застыл в позе, которая напомнила Магде изображения Иисуса в Гефсиманском саду.

– Наверное, шепчет: «Господи, да минует меня чаша сия!» – хмыкнул Дисмас.

Уныние, презрение и гнев, сквозившие в чертах Нарса, вкупе с белым одеянием паломника странным образом придавали ему весьма аристократический вид. Остальные с радостью избавились от кусачих монашеских ряс. Белые холщовые балахоны были куда удобнее хламид из грубой шерсти. Только Магда осталась в облачении монахини.

Дисмас подошел к Дюреру:

– Послушай, как бы ты на меня ни злился, если к нам придут, умоляю, ради всего святого, сыгрой положенную роль! Иначе нам всем крышка.

Незадолго до того Дюрер явился к воротам замка и вручил невозмутимым стражникам послание для герцога Савойского. Следуя наставлениям Дисмаса, Нарс непринужденно побеседовал с начальником караула, чтобы тот запомнил его в лицо. Это требовалось из чисто практических соображений: зная внешность императорского крестника, его будет легче отыскать. Как будто ненароком Нарс упомянул и прелести городского сада, где благородный паломник и его спутники нашли пристанище.

– Долго еще ждать? – ворчливо спросил Дюрер. – Мы тут уже который час торчим! Никто к нам не придет. Пошли отсюда.

– Терпение, ваша милость, – сказал Дисмас.

– Если бы хотели, то давно бы уж пришли. Все, надоело! Сворачиваем балаган.

– К чему такая спешка? Здесь всяко приятнее, чем в подвале с пауками.

– Так, жду еще час, а потом катись вся эта затея к чертям собачьим.

Дисмас не сводил глаз с ворот Затворников. Спустя несколько минут из замка вышел важный пожилой господин в сопровождении стражника и

направился к городскому саду.

– Приготовились! – скомандовал Дисмас. – И не забывайте, кто вы такие. Мой господин... Мой господин граф Лотар?!

– Чего тебе? – отозвался Дюрер, упрямо подпирая платан и не оборачиваясь.

– Извольте повернуться, чтобы вас заметили.

При виде стражника Дюрер жалобно простонал:

– Дис...

– Не трусь, – подбодрил его Дисмас. – Из тебя выйдет прекрасный граф. Ты ведь жуткий сноб. Вот и встретишься с собой на равных.

– Иди в жопу.

– Ш-ш-ш!

Стражник указал на Дюрера.

– Внимание, – сказал Дисмас. – По местам! Представление начинается.

Пожилый господин подошел и обратился к Дюреру:

– С вашего позволения, вы, случайно, не граф Лотар фон Шрамберг?

Побледневший Дюрер кашлянул и запинаясь выдавил:

– Я?.. Э-э-э... к-хм... ну, это... к-хм... э-э-э...

– Ваша милость, – поклонился господин.

– А?

– Позвольте представиться. Я – Ростанг, камергер его высочества Карла, герцога Савойского, м-гм.

– Да?.. Хм... Э-э-э... Здрасьте.

Дисмас мысленно дал Дюреру пинка. Когда Нарс успел обзавестись боязнию сцены? Он мнил себя выше многих коронованных особ, а тут вдруг проглотил язык, увидев камергера. «Соберись, тряпка!»

– Мы получили ваше послание, м-гм.

Похоже, пожилой господин страдал речевым тиком.

– Послание? Ах да... послание... ну, это просто...

Дисмас вклинился между ними, едва не оттолкнув Дюрера плечом:

– Позвольте представиться. Я – Руфус, камергер графа. К сожалению, мой господин пребывает в смятении чувств. Он истощал себя постом и молитвой с тех самых пор, как прибыл в Шамбери. Да и от Шрамберга путь неблизкий.

– Разумеется, разумеется, м-гм!

Ростанг, старик лет шестидесяти, был высок, сухощав и щеголеват, с аккуратно подстриженной белоснежной бородкой и пытливым дружелюбным взглядом. Длинный нос заставлял камергера чуть запрокидывать голову, будто целясь в птицу.

– Мы не ожидали вашего приезда! – покаянно воскликнул Ростанг.

– Мы не стали никого предупреждать, – сказал Руфус-Дисмас. – Мой господин, граф фон Шрамберг, прибыл сюда как простой паломник. А в послании герцогу, отдавая дань учтивости, граф хотел засвидетельствовать герцогу братскую любовь. Свою и, разумеется, своего крестного, который вскоре станет их императорским высочеством.

Ростанг обвел взглядом графских спутников:

– Эти люди с вами?

– Да. Трое слуг и сестра Хильдегарда, из ордена Святых Космы и Дамиана.

– Космы и Дамиана?

– Покровители аптекарей. Это германский орден.

– Ах вот оно что! М-гм.

– Сестра Хильдегарда живет при дворе графа в Шрамберге. Мой господин почел благоразумным взять ее с собой в это долгое путешествие, поскольку печется о своем здоровье.

– Разумеется, м-гм. Мой господин герцог с большим нетерпением ожидает возможности лично приветствовать вашего господина. Ах, знать бы заранее! Мы бы приготовили вам достойную встречу.

– Полноте, – улыбнулся Дисмас, – вы слишком любезны. Мы прекрасно устроились здесь, в саду, под открытым небом. Такое благорастворение воздуха... А у их высочества и без того хватает забот с подготовкой явления святой плащаницы. К тому же у вас гостит царственная особа – герцог Урбинский. Нам посчастливилось наблюдать его въезд в город. Такое великолепие!

Лицо старика чуть заметно омрачилось.

– Да, мы действительно имеем счастье принимать его у себя, – сдержанно улыбнулся он. – Как вы, вероятно, и сами заметили, его свита несколько превосходит вашу.

Дисмас понимающе усмехнулся в ответ:

– Паломник есть паломник. Мы все равны перед Господом. Ну, более или менее равны.

– Я настоятельно прошу вас проследовать со мной. Если я вернусь к герцогу с пустыми руками, мне не сносить головы. А она мне дорога, м-гм.

Дисмас повернулся к Дюреру:

– Мой господин... Что скажете вы на это наилюбезнейшее предложение?

Дюрер, блее мела, с трудом совладал с собой:

– Что скажу? Гм... не хотелось бы доставлять лишние хлопоты...

– Боже мой! – спохватился Ростанг. – Умоляю простить меня, ваша милость. В ажитации я совсем позабыл о приличиях!

Он преклонил колени перед Дюрером и, смиренно пригнув голову, просительно раскрыл ладонь.

«Ага, на колечко хочет взглянуть», – сообразил Дисмас.

Дюрер церемонно протянул руку для лобызания. Старик, взглядевшись в фамильный перстень Лотара, увидел тот же герб с грифоном и мечом, что и на печати давешнего письма.

– Должно ли нам всем проследовать с вами? – осведомился Дисмас.

– Непременно, непременно! Однако сопровождать вашего господина к его высочеству будете только вы. Ваших спутников мы разместим с замковой прислугой. Из-за небывалого стечения народа пришлось разбить шатры. Наш внутренний двор превратился в восточный базар, м-гм. Яблоку некуда упасть. И так всякий раз, когда его высочество изволят являть святую плащаницу.

– Удивительно, как вы со всем этим управляетесь, – посочувствовал Дисмас.

Они с Ростангом пошли впереди, беседа по-свойски, как камергер с камергером.

– Позвольте поинтересоваться, как поживает крестный вашего господина, его императорское высочество?

Письмо герцогу Дюрер писал под диктовку Дисмаса:

Мой возлюбленный крестный отец, ныне король Испании, а вскоре Божьей милостью император Священной Римской империи, повелевает мне передать заверения в христианской и братской любви своей...

Дисмас посчитал, что если уж кичиться высокими связями, то следует бить из тяжелых орудий, а не размениваться по мелочам.

– Отлично, превосходно, – ответил он. – Принимая во внимание великие заботы, возложенные на его могучие плечи. – Зная, что придворные обожают сплетни, он добавил: – К великому сожалению – и это строго между нами, – в последнее время его мучает подагра. Прискорбно, что недуг застиг его высочество в такой неподходящий момент!

– Какая жалость, – покачал головой Ростанг, – м-гм!

– Придворные лекари, а также наша сестра Хильдегарда полагают, что подагра его высочества – результат чрезмерного потребления красного мяса. Случается, мой господин из великой любви укоряет его высочество:

мол, любезный крестный, кушайте больше овощей. Ах, если бы вы только знали, как трогательна их взаимная близость! Они просто как... братья!..

Спустя десять минут они прошли в ворота замка, потом поднялись по крутому, мощенному булыжником скату и оказались на Парадном подворье. Как и предупреждал Ростанг, подворье, сплошь заставленное шатрами и палатками, напоминало оживленное торжище.

Справа высилась церковь Сен-Шапель, то есть Святая капелла – сооружение в готическом стиле, возведенное Амадеем VIII, благородным предком герцога Карла. Святая плащаница хранилась в капелле с 1502 года. Дисмас и его спутники преклонили колена и осенили себя крестным знаменем.

– Между прочим, именно предшественник крестного отца вашего господина, священный римский император Сигизмунд, сто лет назад пожаловал предшественника моего господина, Амадея, титулом герцога Савойского, м-гм! – сказал Ростанг. – Именно по этой причине, а также по множеству прочих герцоги Савойские неизменно преданы Священному Римскому престолу и питают к нему самое душевное расположение.

Дисмас растроганно прижал руку к сердцу.

К ним бросилась замковая прислуга. Распорядившись подыскать просторный и удобный шатер для графских спутников, Ростанг пригласил графа Лотара и его камергера Руфуса проследовать за ним наверх, в монаршие апартаменты, что располагались в замковом крыле напротив Святой капеллы.

30. Карл Добрый

Ливрейные лакеи приготовились распахнуть двери приемной залы. Остановившись у входа, Дисмас многозначительно сказал Дюреру:

– Ваш меч, мой господин?

Дюрер непонимающе поглядел на него, а потом спохватился:

– Ах да... Разумеется... Меч...

Хотя мизансцену отрепетировали загодя, Дюрер все-таки забыл, что благородным особам запрещается входить с оружием в августейшие покои.

Дисмас принял меч и церемонно вручил его Ростангу, а тот в свою очередь передал оружие слуге. Этот кордебалет предоставил камергеру еще одну возможность удостовериться в личности Лотара, поскольку на рукояти меча красовалась дарственная надпись короля Испании.

Массивные двери распахнулись.

Вслед за Ростангом Дюрер с Дисмасом вошли в приемную залу. Дисмас опасался ненароком проговориться, что он швейцарец. Прежде чем объявить о своем нейтралитете, конфедерация не раз вторгалась в Савойское герцогство.

Зала была полна, но Дисмас и Дюрер не стали разглядывать присутствующих. Они шествовали к трону, не сводя глаз с герцога Савойского.

Герцог Карл поднялся и, презрев все формальности, с распахнутыми объятиями сошел с тронного возвышения навстречу гостям. Лицо его озарила улыбка, будто он давно и с нетерпением ждал этого радостного свидания.

Герцог, благообразный малый лет тридцати пяти, был широк в кости и мягок с лица, на котором выделялся длинный крючковатый нос. «Неужто в Шамбери у всех такие носы?» – подумал Дисмас.

Одевался Карл не по-герцогски скромно: ни каскадов драгоценностей, ни ярдов парчи. Прямые волосы с ровной челкой, аккуратно подвитой внутрь, придавали его лицу некоторую женственность. Карие глаза глядели с вальяжной истомой. Неброский экстерьер герцога приличествовал человеку, с юных лет не имевшему никаких надежд занять престол. По стечению обстоятельств Карл, как и его отец, Филипп Безземельный, приобрел герцогство волею случая и вдобавок на совершенно законных основаниях. Большая редкость.

– Мой любезный граф Лотар! – воскликнул Карл, привлекая к

герцогской груди остолбеневшего от неожиданности Дюрера.

Дисмас, затаив дыхание, молил всех святых, чтобы Дюрер не грохнулся в обморок и не обмочился. Молитвы были услышаны. Граф Лотар отвесил изящный поклон и уверенно возгласил:

– Ваше наисиятельное высочество.

Ранее Дисмас с Дюрером обсудили, следует ли Лотару называть герцога «кузеном», но сочли необходимым избежать излишней фамильярности ввиду иерархической разницы между герцогским и графским титулами.

– Мы несказанно счастливы вас лицезреть! – продолжал Карл. – Почему вы не известили нас заранее? Мы бы распорядились заколоть откормленного теленка!

Обмен любезностями продолжался. Дюрер, и без того склонный к высокомерному обращению, легко вошел в роль аристократа.

Герцог повернулся направо и произнес:

– Ваше высочество, позвольте представить вам моего дражайшего гостя, графа Лотара фон Шрамберга.

Дисмас с Дюрером, сосредоточив все внимание на Карле, только теперь сообразили, что попали на дважды герцогскую аудиенцию.

Лоренцо, герцог Урбинский и правитель Флорентийской республики, возлежал на золоченой оттоманке, обложенный подушками, и опирался на локоть в манере римского императора на утреннем приеме.

– *Ecco serenissimo e maestoso duca*^[13]. – Дюрер изобразил замысловатый поклон, раскрыв ладони простертых вперед рук.

«А Нарс неплохо говорит по-итальянски», – подумал Дисмас.

Герцог Урбинский ответил на приветствие легким кивком, то ли из пропорциональной сообразности герцогского титула графскому, то ли из немощи. Бедняга совсем захирел, хотя заново нанесенные белила уже не выглядели спекшимися. Правая рука герцога по-прежнему стискивала грудь.

Карл повернулся к другому гостю, облаченному в алую кардинальскую сутану и шелковую накидку-феррайоло. Алый цвет одежд, цвет крови, олицетворял готовность умереть за веру.

– Ваше высокопреосвященство, позвольте представить...

Луиджи д'Арагона, неаполитанский вельможа, в юности взял в жены внучку папы Иннокентия VIII, а овдовев, отрекся от титула маркиза, принял священство и весьма преуспел на этом поприще, проявив таланты управленца и дипломата. Ныне он был наперсником короля Франции.

Дисмас не раз бывал при дворе, но присутствие таких сиятельных особ

ошеломляло. Захотелось выпить чего-нибудь укрепляющего. Дюрер, напротив, чувствовал себя как рыба в воде.

Кардинал Арагонский окинул взглядом скромное белое одеяние графа Лотара и одобрительно кивнул:

– Паломничество совершаете? Мы с его сиятельством герцогом Урбинским только что вспоминали, как король Франциск несколько лет тому явился на поклон шамберийской святыне, воздать благодарность за победу в великом сражении. Пришел пешком из самого Лиона!

Похоже, кардинал ожидал услышать, что именно подвигло графа Лотара облачиться в замызганную белую хламиду и протопать сотни миль из неведомого захолустья под названием Шрамберг. Вдобавок этот весьма щекотливый вопрос был задан публично, да еще в присутствии двух герцогов. По сути, кардинал любопытствовал, какой жуткий грех Лотар жаждет искупить своим паломничеством.

Дюрер ловко воспользовался оказией:

– Я тоже явился воздать благодарность. За восшествие моего крестного отца на престол Священной Римской империи. А что привело в Шамбери ваше высокопреосвященство? – непринужденно осведомился он.

– Конечно же, святая плащаница! И разумеется, непревзойденное гостеприимство его сиятельства герцога.

Карл смущенно улыбнулся комплименту.

– Ко всему прочему, Шамбери завидно расположен, – продолжил кардинал. – Его сиятельство герцог Лоренцо заглянул сюда по пути из Урбино в Париж, куда он приглашен на крестины дофина, а я, наоборот, возвращаюсь в Рим из Парижа.

Дюрер взял кубок вина с подноса в руках лакея. Дисмас собрался было сделать то же самое, но вовремя опомнился.

– Ах, Париж... Париж... – с томным равнодушием протянул Дюрер. – Ну и как там нынче Париж?

– Как всегда, великолепен!

– Приятно слышать, – рассеянно ответил Дюрер. – В свой последний приезд я нашел Париж... как бы лучше выразиться... Загаженным. Способность французов мирно сосуществовать со всякой пакостью достойна всяческого восхищения.

Д'Арагона удивленно посмотрел на него.

– По утрам встаешь с постели, а из-под ног крысы так и прыскают! – Дюрер картинно передернулся. – Крысы на каждом шагу! Однажды я видел, как парижская крыса гналась за терьером, и в результате получился экс-терьер...

Герцог Урбинский хохотнул и тут же зашелся кашлем. Герцог Савойский с трудом сдерживал смех.

– Судя по всему, вы гостили не во дворце? – процедил кардинал Арагонский.

– Боже упаси! – ответил Дюрер. – Я на горьком опыте постиг, что, *quand à Paris*^[14], заботиться о собственном благоустройстве должно самому. В Фонтенбло ужасные сквозняки! Меня как-то угораздило остановиться во дворце, так я только и делал, что требовал дров для камина, и все равно вернулся домой с больным горлом. Но в одном я согласен с вашим высокопреосвященством: во дворце гораздо меньше крыс... – Дюрер с улыбкой посмотрел на герцога Карла и добавил: – Определенного сорта.

Герцог Урбинский корчился от смеха, исторгая малоприятные пульмональные хрипы. Вокруг оттоманки ласточками хлопотали слуги.

Кардинал Арагонский поджал губы, откланялся и, метя алым плащом паркет, в сопровождении стайки монсеньоров прошествовал к дверям залы.

Герцог Карл втянул щеки, чтобы не расхохотаться. Лукаво сверкнув глазами, он понизил голос и шутливым тоном пообещал Дюреру:

– За ужином я непременно усажу вас рядом с его высокопреосвященством!

Он жестом подозвал Ростанга и распорядился подыскать в замке апартаменты для графа Лотара. Камергер озабоченно зашептал что-то герцогу. Дисмас наострил уши. Ростанг уведомил герцога, что в замке нет ни одной свободной комнаты. Герцог изъясил ужас. Ростанг ответил, что разделяет мнение своего господина – м-гм! – однако же проблема представляется неразрешимой. Несметные свиты герцога Урбинского и кардинала Арагонского оккупировали каждую щель и каждый закоулок замка. Герцог не желал слушать объяснений. Ростанг уперся и объявил, что если его сиятельство настаивают, то он найдет где разместить графа, однако это потребует выселения определенной персоны, известной его сиятельству...

Карл с аристократической беспечностью вздохнул:

– Ну и ладно.

Вслед за этим герцог Савойский повернулся к своему гостю, графу Лотару, и извиняющимся тоном описал сложившуюся ситуацию. Безусловно, это чудовищное неудобство, однако, буде их светлость граф Лотар согласятся, комфортабельные апартаменты для него и его свиты могут быть представлены, но – увы! – не в замке, а в соседнем здании, расположенном, кстати говоря, напротив той самой стены Святой капеллы,

где будет вывешена плащаница...

«Отлично!» – подумал Дисмас.

Герцог между тем продолжал:

– Из апартаментов открывается великолепный вид. Если любезный граф Лотар не возражает... Разумеется, он будет включен в число участников всех церемоний и процессий начиная с сегодняшнего банкета...

Граф Лотар отвечал, что глубоко тронут великодушным гостеприимством, которое он принимает с благодарностью и смирением, и что его крестный непременно узнает о щедрости герцога.

С властью столь же безупречной, как и его итальянское произношение, Дюрер велел Дисмасу следовать за герцогским камергером Ростангом и заняться обустройством.

Дисмас поклонился и оставил Дюрера в компании новых друзей.

Ростанг по-прежнему лучился радушием, однако уныло опущенные плечи свидетельствовали, что исполнение герцогского приказа не сулит никакой радости.

– В этих апартаментах уже кто-то проживает? – осведомился Дисмас.

– Увы, так оно и есть, м-гм, – ответил Ростанг.

– Неловко получилось...

– М-гм! Очень неловко.

– Позволено ли будет узнать, чьи это апартаменты?

– Квимпера, архидьякона Святой капеллы.

Прелестно, подумал Дисмас. Значит, по милости незваных гостей хранителя плащаницы вышвыривают из его собственного дома. Это, несомненно, поспособствует установлению добрых отношений!

– Мой господин придет в ужас, если узнает, что стеснил архидьякона, – с напускным смятением сказал Дисмас. – Прошу вас, не беспокойтесь, мастер Ростанг. Мы прекрасно устроились в городском саду.

Ростанг удивленно посмотрел на Дисмаса:

– Вы опасаетесь стеснить архидьякона, м-гм? – Он пожал плечами. – Дьякон – прислуга, как и мы с вами. Ему не впервой освободить свои апартаменты для высокопоставленных гостей.

– Может быть, я переживаю именно потому, что сам прислуга?

– М-гм... Как давно вы состоите в услужении, мастер Руфус?

– Ну, не то чтобы давно...

– М-гм! – снова пискнул Ростанг. – Оно и заметно. Не стоит сочувствовать Квимперу. Всякое бывает. Видите ли, такова природа вещей. Они случаются.

– Да вы философ, мастер Ростанг.

– Что вы, я исключительно практичный человек, м-гм! Я состою на службе у Карла Доброго. И время от времени, как вы сейчас сами убедитесь, мне приходится играть роль Ростанга Поганого.

– Философия чистой воды!

– Гераклит утверждает, что основной закон вселенной – изменчивость, не так ли? Так объемлем же перемены, прежде чем перемены объемлют нас. Ну, вот мы и пришли. Самое время напустить на себя скорбный вид, м-гм.

31. Три волхва

Дюрер настезь распахнул ставни нового жилья. Ландскнехты и сестра Хильдегарда отправились обследовать комнаты архидьяконовых покоев, все еще хранившие тепло недавнего присутствия прежних обитателей: архидьякона Квимпера и его прислуги, которая, похоже, целиком состояла из милостивых юношей деликатного сложения.

– Сгодится, – провозгласил Дюрер.

Апартаменты располагались в третьем этаже, напротив крепостной стены, где будет вывешена плащаница. Едва не на расстоянии вытянутой руки от окна! «Неужели Господь благоволит нашей затее? С чего бы Он вдруг так озаботился?» – гадал Дисмас.

– Архидьякон Квимпер затрепетал от счастья, прослышав, что его выгнали из дома, – сказал он Дюреру. – При встрече раскланяйся с ним повежливее, вот как с герцогом Урбинским.

– Я не предлагал выселить архидьякона, – хмыкнул Дюрер. – А итальяшке поклонился, чтобы не лобызать гнойные язвы на его руке. Фу, гадость! – поморщился он.

– Ты произвел хорошее впечатление на вельмож, но мы нажили врага, который очень некстати является хранителем плащаницы.

– Я приглашу его погостить в Шрамберге, в моем родовом замке.

– Он будет на седьмом небе от счастья.

– Лучше подумай, что мне надеть на банкет. Не идти же в этих лохмотьях?

– Ах, я еще и камердинер?

– Да. Тем более что все это – твоя затея. Подыщи что-нибудь соответствующее моему статусу. Элегантное, но без изысков.

– Соответствующее твоему статусу? – переспросил Дисмас, сдернул скатерть со стола и швырнул Дюреру. – Держи. Как нельзя лучше соответствует твоему статусу. Мне ровным счетом начхать и высморкаться, что ты на себя напялишь.

– Вы снова за свое? – спросила Магда. – Да за такое везение нужно на коленях возносить осанны Господу, а не шипеть друг на друга, как два гусака!

В дверь постучали. Двое слуг по распоряжению Ростанга принесли целый гардероб щегольских туалетов для графа Лотара и придворное платье для камердинера Руфуса. Весьма своевременное их появление

странным и немного жутковатым образом подтверждало справедливость только что сделанного Магдой упрека. «Неужели Господь действительно им помогает? – мысленно ахнул Дисмас. – Неужели Шамберийская плащаница и вправду возжелала перенесения, и не куда-нибудь, а именно в Майнц?! О чем там Всевышний себе думает?!»

Герцог Карл дипломатично усадил герцога Урбинского и кардинала Арагонского по правую руку от себя, а графа Лотара – по левую.

Камергер Руфус занял подобающее место в нескольких шагах позади своего господина. Туда доносились не только застольные беседы, но, к несчастью, и дразнящие ароматы роскошных яств.

За спиной герцога Урбинского встал ровесник Дисмаса, некий синьор Карафа, как называл его Лоренцо. Карафа был одет сплошь в черное, скромно, но элегантно: башмаки, чулки, пышные панталоны в складку и узкий дублет с собольей оторочкой. Дисмас отметил про себя, что итальянцы экипируют своих слуг лучше, чем одеваются многие дворяне на севере империи. Курфюрст Фридрих совершенно не радел о своем гардеробе и порой больше напоминал провинциального бургомистра, нежели правителя Саксонии.

На груди Карафы был вышит герб с вензелем «М» – Медичи, семейство, которое правило Флоренцией вот уже почти столетие, начиная с Козимо. Смуглое лицо итальянца испещряли оспины. Стройный и жилистый, с солдатской выправкой, он обладал какой-то суровой привлекательностью. Коротко стриженные волосы не скрывали шрамов, явно от удара клинка, а с левого уха наливной каплей крови свисал отменный рубин.

Карафа по-свойски кивнул Дисмасу и сдержанно улыбнулся, что было весьма учтиво с его стороны, принимая во внимание разницу их положений. Дисмас решил завести дружбу с этим малым, поскольку было ясно, что с ним лучше не враждовать.

Подали блюдо, называемое «тартифлет», и вокруг распространились восхитительные запахи запеченного сыра, лука, ветчины и сливок. У Дисмаса перехватило дух.

Очередная перемена блюд подвигла кардинала Арагонского завести разговор о папских пирах:

– Только вообразите, шестьдесят пять перемен! По три блюда в каждой! Скромные порции, но великолепное разнообразие...

Дисмас задумался, способен ли человек потребить такое количество еды, но вовремя вспомнил портрет Льва X и пришел к выводу, что

способен.

Кардинал тем временем продолжал:

– А затем подали павлиньи язычки. На таком огромном блюде, что его несли двое слуг. Вам доводилось вкушать это лакомство, ваше высочество?

Карл с кроткой улыбкой ответил:

– В наших краях, ваше высокопреосвященство, павлинов предпочитают не кушать, а слушать. Они – превосходные сторожа, мертвого поднимут своими воплями.

– Возможно, это блюдо на любителя. Я обожаю павлиньи язычки. Потом, когда никто уже и думать не мог о еде, настал черед коронного блюда. Шестеро слуг внесли пирог гомерических размеров! Вы наверняка думаете, что сейчас я расскажу, как его святейшество взрезал пирог, а оттуда выпорхнула стая дроздов... – Кардинал воздел окольцованный указательный палец и покачал им, мол, ничего подобного. – Фу, это заезженный фокус. Мы с вами видели множество пирогов, из которых вылетали птичьи стаи. Нет, вместо этого его святейшество трижды хлопнул в ладоши и изрек: «Восстань!» И тут из пирога выпрыгнул... голенький малыш! Представляете? Он изображал Купидона! Очаровательно, не правда ли? Аплодисментам не было конца... Признаться, я потом долго раздумывал, как же удалось осуществить столь амбициозный кулинарный проект – испечь пирог с живым ребенком внутри. Я навел справки. Выяснилось, что, прежде чем рецептуру довели до совершенства, случилось несколько... так сказать, осечек... – Кардинал повернулся к герцогу Урбинскому. – Однако же гостеприимство вашего дядюшки, его святейшества, выше всяческих похвал по сравнению с гостеприимством иных европейских дворов, – заявил он и напыщенно добавил: – Даже с гостеприимством самого короля Франции! Хоть мне и не следует так говорить, учитывая, что я только что гостил у него. – Глядя на хозяина стола, д'Арагона льстиво улыбнулся. – И все же, ваше высочество, ничье гостеприимство, ничья трапеза и ничье общество не доставляют мне столько удовольствия, как ваши, мой любезный герцог Карл.

Карл безмолвно воздел руки и брови, демонстрируя, как растроган этой бенедикцией.

Пока кардинал распинался, Дисмас заметил, что герцог Савойский еле заметно поморщился. Павлиньи язычки? Запеченные живьем дети? Подобные изыски не прельщали скромного и благочестивого Карла.

Дюрер тоже питал отвращение к такого рода забавам и сейчас сидел, двигая желваками, будто пытался разгрызть грецкий орех. Дисмас безмолвно воззвал к Спасителю.

Словно в ответ на молитву, герцог Урбинский издал короткий стон и схватился за сердце.

Карафа в мгновение ока оказался рядом со своим господином.

– Вашему господину нехорошо? – спросил Карл.

– Всего лишь легкое несварение, ваше сиятельство, – ответил Карафа. – Сейчас пройдет.

Он щелкнул пальцами, и слуга немедленно вручил ему какой-то флакон. Карафа уронил несколько капель на кружевной платок. Герцог Урбинский прижал платок к губам и принялся делать глубокие вдохи. Даже сквозь слой белил было заметно, как мертвенная бледность постепенно покидает лицо герцога.

– Прошу прощения, – выдавил из себя Лоренцо. – Это горная болезнь. Здесь, в Альпах, со мной всегда так... Мне уже лучше... Да не суетитесь вы, Карафа!

«Горная болезнь?» – мысленно удивился Дисмас. Шамбери находился примерно в двух тысячах футов над уровнем моря. Герцог по-прежнему держался за сердце. Дисмас гадал, каким снадобьем сняли приступ.

От обсуждения ватиканских гастрономических оргий застольный разговор перешел к иному предмету.

– Значит, новый император – ваш крестный отец? – осведомился герцог Урбинский у графа Лотара.

Дюрер кивнул.

– И когда он собирается идти войной на Францию?

– Ваше сиятельство, что за вопрос! – смущенно воскликнул Дюрер.

– Вопрос не праздный. Я направляюсь в Париж, на крестины дофина.

Дюрер отпил вина.

– Видите ли, хоть мы с императором и близки, однако я не вхожу в число его военных советников. Со мной такие вещи не обсуждают...

Герцог Урбинский ждал продолжения, и Дюрер ринулся напролом:

– Однако же ни для кого не секрет, что между царственными домами Валуа и Габсбургов не существует особой приязни, а потому не будет ничего удивительного, если война все-таки разразится...

Герцог Урбинский сонно прикрыл глаза. Все это ему было прекрасно известно.

– Говорят, король Франциск сам хотел стать императором, – продолжал Дюрер, – и теперь наверняка досадует, упустив такую возможность. Вдобавок он оказался зажатым в тиски между Священной Римской империей и другим владением моего крестного, Испанией.

Герцог Урбинский встрепенулся:

– Вам угодно, чтобы я передал его королевскому высочеству Франциску весточку от вашего крестного?

Дисмас вознес еще одно немое моление, прося Всевышнего немедленно напомнить Нарсу, что они приехали сюда воровать плащаницу, а не разжигать войну между Францией и Священной Римской империей.

– Предложение вашего сиятельства очень любезно, однако я всего лишь смиренный паломник, а не императорский эмиссар...

«Слава тебе, Господи!» – вздохнул Дисмас.

– Тем не менее, – продолжал Дюрер, – от лица императора мне хотелось бы сообщить, что император удручен – смею добавить, безмерно удручен! – беспрестанными притеснениями, чинимыми Францией суверенному Савойскому герцогству. Мой крестный был бы очень доволен, если бы эти поправки прекратились, – заявил Дюрер и, помолчав, добавил: – Незамедлительно.

Герцог Карл просиял и чуть ли не замурлыкал от удовольствия.

Герцог Урбинский и кардинал Арагонский с недоумением смотрели на Лотара.

– При всем уважении к нашему многорадушному хозяину, – начал герцог Урбинский, – неужели Савойское герцогство и в самом деле так заботит императора?

– Ах, ваше сиятельство, – беспечно отвечал Дюрер, – вы даже не представляете себе, как заботит! Его высочество относится к Савоие с поистине отеческим участием.

Герцог Урбинский удивленно заморгал, выслушав это ошеломляющее известие. Подумать только, император озабочен тем, что Франция у себя на задворках устраивает вооруженные вылазки в милое, но никчемное герцогство!

Удивленная гримаса на лице герцога Урбинского постепенно исчезала, сменяясь нарождающимся подозрением, что императорский крестник – просто набитый дурак.

– Я донесу это до его королевского высочества, – вежливо ответил он Дюреру.

– Кстати, прошу вас передать дофину, что мой крестный шлет ему самые сердечные пожелания здоровья и долгих счастливых лет.

Герцог Урбинский коротко кивнул, утратив всякий интерес к бестолковому графу.

Кардинал Арагонский не хуже герцога Урбинского разбирался в вопросах дипломатии и геополитики. Его тоже ошеломили внезапные стенания Лотара об участии Савойского герцогства, да еще и от имени

императора, поэтому он счел нужным сменить тему разговора:

– А известны ли вам намерения вашего досточтимого крестного в отношении еретика Лютера?

– В отношении Лютера? – переспросил Дюрер. – Ах, Лютера! Там то еще дело...

– Ересь – весьма серьезное дело. А в данном случае – чудовищное.

– Угу... – произнес Дюрер тоном, допускающим неоднозначные толкования.

– Его нападки на святейшего отца не прекращаются. Смею заверить, они чрезвычайно досаждают его святейшеству. Настолько, что он едва в состоянии посвящать себя своим неотложным занятиям...

«Господи, не дай Нарсу уточнить про содомию!» – беззвучно возопил Дисмас.

– Пиршествам и застольям? – уточнил Дюрер.

Кардинал Арагонский холодно посмотрел на него:

– Возведению нового собора Святого Петра. Ревностному покровительству искусствам. Зоологическим исследованиям, приносящим ему такую отраду! Его слон, Ганно... С Ганно его святейшество просто как ребенок! А еще охота... Его святейшество – человек многих увлечений и призваний...

– Да, он ни от чего не отступает, – согласился Дюрер.

– К превеликому сожалению, его нынешняя некрепость в седле не позволяет ему участвовать в загоне. Однако же именно он, саморучно, наносит милосердный смертельный удар, поражая добычу копьем! Будто святой Георгий, поражающий змия! Решительный. Непреклонный. Если бы Лютер сподобился это узреть, то исполнился бы великого трепета.

– Зрелище, должно быть, и вправду впечатляющее, – согласился Дюрер. – Заколоть копьем обессиленного, израненного зверя... Это не каждый может.

– Вы из германских земель, – сказал кардинал Арагонский. – Прошу вас, просветите меня в моем невежестве. Чего ради саксонский курфюрст Фридрих покрывает и оберегает Лютера? Ведь Фридрих – убежденный и верный сын Католической церкви! Так почему же, в то время как его святейшество прилагает все силы, чтобы заставить Лютера умолкнуть, Фридрих продолжает защищать этого еретика? Умоляю, объясните.

– Ну, это все очень сложно...

– Сложно? Наверяд ли.

– Значит, так. Лютер – подданный саксонской короны. Фридрих – правитель Саксонии. Правитель должен лояльно относиться к своим

подданным. А религиозные материи оставим побоку.

Кардинал Арагонский саркастически рассмеялся:

– Оставить побоку религиозные материи, увы, не выйдет. Лютер – монах-августинец, то есть в первую и последнюю очередь подданный Папского престола!

– Вот именно, – улыбнулся Дюрер. – Говорю же, что все это очень сложно.

Кардинал недоуменно наморщил лоб и попробовал зайти по новой:

– Предшественник вашего крестного, покойный император Максимилиан, тщетно добивался, чтобы Фридрих позволил произвести над Лютером дознание. Надеюсь, ваш крестный намерен поддержать святейшего отца нашего в его стремлении привести Лютера к ответу за выпады против Церкви?

– Привести к ответу? – озадаченно переспросил Дюрер. – А-а, вы имеете в виду – отправить на костер?

– Как еще искоренить ересь, если не очистительным огнем?

– Совершенно верно, – кивнул Дюрер. – Не об этом ли говорил Господь в Нагорной проповеди?

Кардинал уставился на Дюрера и печальным голосом изрек:

– Что же это за мир, где какой-то монах, один-единственный германский монах, – нет-нет, я не желаю вас обидеть, упорство вашей нации относится к числу ее многих достоинств, – где один-единственный монах открыто бросает вызов власти священного римского императора и власти святейшего папы римского? Что же это за мир такой, я вас спрашиваю?

– Новый?

Кардинал Арагонский со вздохом умолк. Как и герцог Урбинский, он пришел к выводу, что граф Лотар фон Бог-весть-кто туп как пробка.

Дисмас с облегчением перевел дух. Лучше прослыть тупым, чем опасным. Нарс прекрасно сыграл свою роль.

Неожиданно Дюрер обратился к кардиналу:

– Ваше высокопреосвященство, а вот по поводу пристрастия папы к охоте...

– Что? – спросил кардинал, сосредоточенно глядя в тарелку и не имея ни малейшего желания продолжать беседу с дубоголовым тевтонским графом.

– Помнится, по каноническому праву клирикам запрещено охотиться.

– Клирикам? – удивленно переспросил кардинал Арагонский.

– Ага. Священникам и прочим...

– Вы полагаете верховного римского понтифика клириком? – иронически усмехнулся кардинал.

– Ах да! – спохватился Дюрер. – Я совсем забыл, что Лев не был священником, когда его избрали папой.

– Раз вы такой знаток канонического права, то вам наверняка известно, что папе не обязательно быть священником. Когда он стал верховным понтификом, то был рукоположен в сан. Позвольте спросить, а вы на что, вообще-то, намекаете?

– Я всего лишь ссылаюсь на закон нашей возлюбленной матери-церкви, который запрещает духовенству, в особенности его высокопоставленным чинам, предаваться таким сугубо мирским времяпрепровождениям, как охота и прочие утехы определенного толка...

Сердце Дисмаса бешено забилося. Дюрер вот-вот начнет поименно перечислять «прочие утехы определенного толка». Содомия, чревоугодие, стяжательство...

Дюрер смущенно улыбнулся:

– Ваше высокопреосвященство, в этих вопросах вы разбираетесь куда лучше меня. Простите мою дерзость. Я завтра же исповедуюсь в своем прегрешении.

Лицо д'Арагона заалело, как кардинальская сутана.

Герцог Карл хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Савойскому престолу выпала огромная честь принимать за нашим скромным столом в Шамбери такое общество! Ваше высочество, ваше высокопреосвященство, любезный граф, мы устроили для вас небольшое представление...

По сигналу герцога в дальней части банкетного зала поднялся занавес. Все гости дружно ахнули.

Дисмас несколько раз видел живые картины и полагал их нелепой забавой. Одно слово – натюрморт. Только вместо цветов и плодов – люди.

Герцогская живая картина изображала поклонение волхвов младенцу Иисусу. Визит трех царей в Вифлеем был описан евангелистом Матфеем. К представлению старательно готовились. Помимо людей, в картине были задействованы три живых верблюда, на которых восседали восточные гости. Один из волхвов напоминал герцога Урбинского, другой – кардинала Арагонского, а третий имел отдаленное сходство с графом Лотаром.

– Мы слишком поздно узнали о вашем прибытии и не успели устроить все как следует, – шепнул герцог Савойский Дюреру. – Надеюсь, вам все-таки понравилось.

Дюрер закусил губу, сдерживая смех:

– Это просто... восхитительно!

Герцог Урбинский и кардинал Арагонский молча взирали на живую картину.

– Потрясающе, – процедил кардинал.

Герцог Урбинский жестом дал понять, что от восторга утратил дар речи.

Младенец, исполняющий роль новорожденного Христа, отчаянно заорал. Герцог Карл поднялся, поблагодарил участников живой картины и дал знак начинать музыку и танцы.

32. Наперстянка

– Обязательно нужно было говорить, что папа нарушает каноническое право?

– Может, и не обязательно, но чертовски приятно, особенно после фантазмагорических рассказов о папском обжорстве. Запекать детей в пирогах – это ж надо додуматься! Перед такими извращениями меркнут все забавы древнеримских императоров. Светоний пришел бы в ужас. Воистину нынешний Рим – новый Вавилон. Лютер не сгущает краски, а, скорее, наоборот.

– Между прочим, – заметил Дисмас, – этот новый Вавилон обеспечивает заказами твоего приятеля Рафаэля. И многих других художников.

За обеденным столом в покоях архидьякона сидели все, кроме Магды.

Музыка и танцы продолжались в замке до глубокой ночи. Герцог Урбинский, укрепленный медикаментозными кружевами, остался наблюдать за весельем. При виде юных красоток тусклые глаза герцога посверкивали. Даже не пороге смерти, мучимый ужасными болями, он не мог обуздать свою похоть.

Улучив момент, Дисмас обратился к его камергеру Карафе:

– Мне больно смотреть на страдания вашего господина, синьор.

– Временное недомогание, ничего более.

– Не сомневаюсь, что врачи его высочества не имеют себе равных, но если аптекарь моего господина, сестра Хильдегарда, может оказаться полезной, то она к вашим услугам, синьор.

Карафа невозмутимо выслушал предложение.

– Нам случилось присутствовать при вашем въезде в город, – продолжил Дисмас. – Сестра Хильдегарда заметила, что его высочество сжимали грудь, как нынче вечером, и сказала, что знает одно средство...

– Средство от горной болезни?

– Насколько я понял, она имела в виду средство от болей в груди. Она очень опытный лекарь. Граф Лотар ею безмерно дорожит и всегда берет с собой в путешествия. Она училась в Базеле, у знаменитого Парацельса.

– Да, нам известен Парацельс.

– Вы ведь пропитали герцогский носовой платок настойкой ладанника, верно?

Карафа пораженно уставился на него.

– Прекрасное средство, – продолжал Дисмас. – Но сестра Хильдегарда говорила о чем-то другом. Несомненно, ваш господин окружен наилучшей заботой, и это наполняет сердце мое радостью. Позвольте пожелать ему скорейшей поправки и крепкого здоровья. – Дисмас отвесил поклон и отвернулся.

– Мастер Руфус! – окликнул его Карафа.

– Да, синьор?

– Пришлите ко мне вашу монахиню.

Несколько часов назад Магда с экстрактом наперстянки отправилась в королевские апартаменты. Дисмас и ландскнехты нетерпеливо ожидали ее возвращения.

– Да не волнуйся ты, Дис! – сказал Дюрер. – Она девушка сообразительная, прекрасно знает, что делает.

– А еще она красивая, – добавил Кунрат. – Это меня больше беспокоит. Нуткер с Унксом согласно хмыкнули.

Дисмас терзался мыслью, что самолично отправил Магду в логово ненасытного итальянского развратника.

– Ой, ладно тебе! – успокаивал его Дюрер. – Герцог Урбинский не станет вольничать с монахиней. Тем более – с монахиней из свиты графа и крестника императора. К тому же под чужой крышей. Хватит уже дергаться. Хуже старых бабок, ей-богу...

Дюрер ушел спать. Он вытребовал себе самую большую спальню с самой удобной кроватью. Как и положено графу. Он утверждал, что герцогские слуги обязательно заподозрят неладное, если окажется, что граф ютится в закутке. И обман сразу же раскроется.

Ландскнехты тоже отправились спать. День был долгим, а час – поздним.

Дисмас остался в одиночестве. В его воображении одна за другой всплывали жуткие картины. А вдруг герцог Урбинский попытается насильно овладеть Магдой?

Входная дверь открылась на рассвете. Дисмас бросился к Магде и обнял так страстно, будто в разлуке прошли годы.

– Что с тобой? – спросила она.

– Да так... Радуюсь, что с тобой все в порядке.

– Все хорошо. Потом расскажу. Я очень устала.

Она сразу же заснула в его объятьях.

Проснувшись, Магда рассказала, что произошло в опочивальне герцога Урбинского.

По приказу Карафы один из слуг испробовал снадобье на себе. Поскольку слуга не свалился замертво, Магде позволили дать лекарство герцогу. Чудодейственная настойка почти сразу сняла боль.

– Он был так счастлив!

– Почему тебя так долго не было? – допытывался Дисмас.

– Я порывалась уйти, но герцог не отпускал.

– Он что, хотел?..

– Нет-нет, что ты! Он попросил меня подержать его за руку.

– И ты согласилась?! – поморщился Дюрер.

– Я была в перчатках, мастер Дюрер.

– Все равно...

– Сифилисом нельзя заразиться через прикосновение, только через открытые раны или... в общем, при интимной близости.

– Ты точно знаешь?

– Да. Так утверждает Парацельс.

– Дай ей дорассказать, Нарс! – вмешался Дисмас. – А что потом было?

– Ему снимают боль настойкой ладанника. Капают ее на носовой платок. Однако постоянное употребление ладанника расслабляет мозг. Когда я это сказала, придворный лекарь герцога разгневался. Заявил, что я дура душой и лезу не в свое дело. Представляете, лекарь гневается, потому что его господину стало легче?! Тут разгневался сам герцог и выставил лекаря из опочивальни.

– И у нас появился еще один недруг, – вздохнул Дисмас. – Магда, твоей вины в этом нет. Я просто держу в уме всех, кому мы тут перешли дорогу.

– Я осталась с герцогом. Из-за ладанника он дремал с открытыми глазами. И разговаривал во сне. Всю ночь напролет бормотал.

– Какую-нибудь галиматью?

– Наверное. Называл какие-то имена, говорил о всяком... Даже не знаю о чем. Кстати, ему известно, что он скоро умрет. А умирать ему не хочется.

– Кто бы мог подумать, – вставил Дюрер.

– Он упомянул плащаницу, – взволнованно сказала Магда.

– Что именно? – спросил Дисмас.

– Знаешь, мне очень не нравится герцогский камердинер, Карафа.

– Он что, приставал к?..

– Да нет же. В опочивальне мы всю ночь были втроем. Карафа ни на миг не спускал с меня глаз. Но смотрел на меня не с вождением, а... не знаю, как назвать.

– Он итальянец, – сказал Дюрер. – Так что вождение – весьма подходящее слово.

Магда задумалась, а потом сказала:

– Нет, он на это не способен.

– А-а, кастрат, значит, – догадался Нуткер.

– Нет. По-моему, его не привлекают женщины.

– Тогда содомит.

– Нет. Его не привлекают ни женщины, ни мужчины. В смысле плотских утех. Он как будто ожидал, что я выхвачу нож и прикончу герцога. Я же монахиня, меня при входе не обыскивали. А еще он беспокоился всякий раз, как герцог начинал бредить. Карафа так пристально на меня смотрел, будто... – Магда замялась.

– Что?

– Будто боялся, что герцог проговорится о том, чего мне знать не следует.

– Ну, в конце концов, – рассудил Дисмас, – он правитель Флоренции и герцогства Урбинского. Наверное, камергер опасается, чтобы герцог в бреду не разгласил каких-то тайных умыслов, о которых посторонним знать незачем.

Магда в глубокой задумчивости смотрела в окно.

– Что с тобой? – спросил Дисмас.

– Так, ничего.

– Что тебя беспокоит, Магда?

– Ну же, сестренка, – ободрил ее Кунрат, – выкладывай все как есть.

– По-моему, – неуверенно начала Магда, – герцог тоже хочет похитить плащаницу.

Воцарилось изумленное молчание.

– Герцог... Он что-то такое сказал?!

– Нет. Просто у меня создалось такое впечатление. Карафа нервничал всякий раз, как его господин начинал бредить. А потом, когда герцог наконец уснул – настоящим сном, не ладанниковым, – я ушла.

Кунрат хлопнул себя по коленкам:

– Ну что, братва? У нас объявились соперники!

– Это итальяшки-то? Тоже мне, соперники, – презрительно фыркнул Нуткер.

– Соперники не в бою, а в умыкании плащаницы. В прохиндействе макаронникам равных нет.

– Точно, – подтвердил Ункс. – Даже в Библии говорится: макаронники изобрели прохиндейство.

– И где же именно в Библии это говорится? – требовательно спросил Нуткер.

– Не-не, – внес поправку Кунрат. – Прохиндейство изобрели жидаы.

– А вот и нет! – возразил Нуткер. – Жидаы изобрели ломбарды.

Боясь утонуть в потоке ландскнехтских глубоких познаний, Дисмас убрался в дальний закоулок апартаментов.

«А вдруг Магда права?» – размышлял он. Рассмотрев свое предположение со всех возможных сторон, он заключил, что оно несостоятельно. Чтобы герцог – один из самых могущественных и влиятельных герцогов – замыслил похитить реликвию у другого герцога? Невероятно.

– Не может этого быть, – строго сказал он Магде.

– Дисмас, я не утверждаю, что это именно так. И не надо говорить со мной таким тоном!

– Я просто пытаюсь установить, возможно ли такое.

– Я же сказала, что ничего такого не утверждаю.

– Сказала, но... – Он грозно воздел палец. – Ведь ты же думала, что такое возможно?

Магда протестующе вскинула руки:

– Да. Каюсь! Подобная мысль приходила мне в голову. Но как пришла, так и ушла.

– А герцог говорил что-нибудь такое, что можно истолковать, как...

– Дисмас, если будешь продолжать в том же духе, то экстракт наперстянки потребуется мне. У меня уже сердце колет!

Немного поразмыслив, Дисмас объявил:

– Возможно, плащаница все-таки настоящая.

– Почему?

– Если две шайки одновременно вознамерились ее похитить... Тут поневоле задумаешься.

Магда застонала.

– Сама посуди, – продолжал излагать Дисмас, едва поспевая за мыслями, которые вдруг понеслись вскачь. – Допустим, плащаница настоящая...

– Хорошо, допустим.

– Я должен похитить, точнее, перенести ее по велению бесчестного кардинала, так?

– Так.

– Теперь представь себя на месте Иисуса...

– Ничего себе! Я не Иисус.

– Да, понятно, но... В общем, спроси себя: захотел бы Иисус, чтобы его погребальная пелена была перенесена в угоду бесчестному кардиналу? Или же Иисус предпочел бы, чтобы она была перенесена...

– В угоду итальянскому герцогу-сифилитику? А другого выбора у Иисуса нет?

– Или же он...

– У меня голова идет кругом от твоих «или же».

– Магда, я профессиональный охотник за реликвиями. Это моя сфера деятельности. Существует ряд соображений, которые необходимо рассмотреть. Если плащаница не желает быть перенесенной в Майнц, то она может позволить герцогу Урбинскому осуществить перенесение. Понимаешь? Так сказать, упреждающее перенесение. Да, герцог – сифилитик, но, помимо того, он еще и племянник папы римского!

– Но с какой стати Иисусу захочется, чтобы плащаница была перенесена кем бы то ни было, если она с должным тщанием и благоговением хранится в святилище под присмотром человека, которого зовут Карлом Добрым?

– Это соображение также следует рассмотреть, – согласился Дисмас.

– Но ведь ты сомневаешься в ее подлинности!

– А может быть, Господь хочет, чтобы я считал ее подделкой. Что ты на это скажешь?

– Ты такой паутины наплел в своей голове, что у тебя из ушей скоро пауки посыплются.

– Ну и пусть сыплются. Я их передавлю!

33. Большой конфуз

Чуть позже раздался стук в дверь. На пороге стоял сияющий Ростанг.

– Ваш господин произвел вчера превосходное впечатление на моего господина, м-гм! – заявил он.

– А ваш – на моего, – ответил Дисмас.

– Дома ли граф Лотар?

– Дома, но все еще почивают. Вечер выдался долгим.

На самом деле Дюрер работал, запершись в спальне, но Дисмас благоразумно не стал посвящать Ростанга в графское увлечение живописью.

– А я к вам с приглашением, м-гм! Его высочество приглашает графа Лотара на поклон к святой плащанице. Так сказать, в приватном порядке.

– Вот как? Это огромная честь!

– Сегодня, на вечерней молитве. Его высочество надеется, что после этого граф изволит разделить с ним легкую трапезу, м-гм! С глазу на глаз, – добавил Ростанг. – Герцог Урбинский и кардинал Арагонский также приглашены на поклон святыне, однако его высочество хочет пообщаться с графом без посторонних, дабы обсудить некоторые обстоятельства конфиденциального характера, м-гм!

– Мой господин будет счастлив воспользоваться этой восхитительной возможностью.

– Как вы тут устроились? – спросил Ростанг, заглядывая через плечо Дисмаса в апартаменты. – Все ли в порядке?

– Все в полном порядке. Но что это я! Простите, совершенно забыл о всяких приличиях! Прошу вас, входите, угоститесь стаканчиком вина.

Помявшись, Ростанг объявил, что не откажется от укрепляющего полуденного стаканчика, м-гм!

Дисмас проводил его в столовую, а сам велел Магде предупредить Дюрера, что у них посетитель и чтобы Дюрер, не приведи господь, вдруг не появился на людях весь перепачканный тицианом и насквозь провонявший скипидаром.

Дисмас налил гостю стакан руссет-де-савуа и сказал:

– Живая картина была великолепна.

– Ах, мастер Руфус, мой господин с детства обожает живые картины, – улыбнулся Ростанг. – Малым ребенком он создавал композиции из деревянных кукол, а теперь вот... За свою службу я повидал – м-гм! – немало живых картин. Они приносят неплохой доход.

– Вот как?

– Его высочество продает, то есть предлагает роли в картинах зажиточным горожанам и дворянам. Роль Девы Марии вчера исполняла дочь мэра Шамбери. Святой Иосиф – владелец местных виноградников. Возможно, мы с вами пьем его вино... Кстати, очень достойное, благодарю вас! Величина пожертвования устанавливается сообразно значимости роли. За честь сыграть Иосифа, отца Иисуса, назначено пять флоринов. Роли пастухов – по два тестона за каждую, а побыть волхвом стоит десять флоринов, м-гм!

– Очень оборотисто, – улыбнулся Дисмас.

– Я прагматист, м-гм!

– Верблюды были изумительны!

– Увы, в Савоие верблюды не водятся. Одному Богу известно, каких трудов нам стоило их раздобыть... – Ростанг выразительно закатил глаза. –

Вдобавок перед представлением необходимо было насильственно опорожнить верблюдам кишечник, чтобы они не... Кошмар! И вот теперь у нас три верблюда. Непонятно, что с ними делать. Не хотите ли забрать одного в Шрамберг?

– Вы слишком любезны.

– А может, заберете всех троих? Я трепещу при мысли, что его высочество в один прекрасный день пожелает изобразить переход Ганнибала через Альпы, м-гм!

– Может, папа римский одолжит вам своего белого слона? Помнится, слона даже зовут Ганнибал.

– Ганно, – поправил Ростанг.

– Кстати, вчера кардинал Арагонский рассказывал о роскошном банкете в Ватикане...

– Да уж, – устало вздохнул Ростанг. – Признаться, мастер Руфус, я полагаю подобные изыски неприличными, а уж в Ватикане-то, м-гм!.. Однако же не следует забывать, что его святейшество из рода Медичи. Знаете, что он сказал, взойдя на престол Святого Петра?

– Нет.

– Господь послал нам папство, так попользуемся же им в свое удовольствие!

– Похоже, дела у него со словами не расходятся.

Согласно пискнув, Ростанг сказал:

– Я случайно заметил, что, пока гости танцевали, вы беседовали с Карафой... Ну и как он вам?

– Я не хотел бы попасть к нему в немилость. Он производит впечатление очень опасного человека.

– М-гм! Возблагодарите Господа, что Карафа гостит не у вас! С нашей прислугой он обращается как со своей, то есть очень скверно. Может, он и зовется синьором, но благородства в нем – ни капли. Нет, синьор Карафа мне решительно не нравится, м-гм!

– Он попросил, чтобы сестра Хильдегарда, наш аптекарь, присматривала за здоровьем герцога Урбинского. Так вот, она тоже говорит, что Карафа ей неприятен.

– Неприятен?! М-гм! Да он аспид в человеческом обличье!

– Я весьма встревожен тем, что сестре Хильдегарде, возможно, придется и дальше ухаживать за герцогом. А вдруг Карафа станет... вольничать?

– Карафа? Нет, этот не станет. Он не распутник. Хотя лучше б распутничал. В этом было бы хоть что-то человеческое! На вашем месте я

беспокоился бы о поведении герцога.

– Он же при смерти!

– Но пока еще не помер, м-гм! В этот свой приезд он уже успел надругаться над пятью служанками. И что тут поделаешь? Весьма неприятная история, знаете ли. Большой конфуз.

– Да, действительно, – ошеломленно согласился Дисмас.

– Я им как отец родной, нашим девочкам. Они искали у меня защиты. Ну да, с вельможами без этого дела не обходится... – Ростанг пожимал руками в воздухе, ощупывая воображаемые груди. – Однако же, истекая французской гнилью, негоже подвергать заразе невинных девушек... Все-таки я кое-что придумал! – злорадно улыбнулся он. – Сменил всю его прислугу, м-гм! Теперь в его покоях убираются исключительно беззубые старухи! – Он расхохотался. – Это значительно остудило пыл герцога. А что до сестры Хильдегарды, мастер Руфус, то приглядывайте за ней. Она чрезвычайно миловидная девушка, даром что монахиня. Господи, не следует так говорить, но я жду не дождусь, когда же герцог Урбинский наконец укатит в Париж, м-гм!

– Как вы считаете, герцог приехал на поклон к плащанице в надежде на чудесное исцеление?

– Вряд ли он приехал полюбоваться на живые картины, м-гм!

Оба рассмеялись.

– Между прочим, скажу вам по секрету, что его высочество, мой господин, в канун явления плащаницы готовит кое-что особенное.

– Неужели?

– Да. Но это сюрприз. Ограничусь лишь намеком: герцогская задумка обещает значительный доход, м-гм! А теперь мне пора. Благодарю вас за гостеприимство, мастер Руфус.

– А будет ли мне позволено сегодня вечером сопровождать моего господина? На приватную аудиенцию?

Ростанг замялся:

– Видите ли, обычно ее устраивают исключительно для первых лиц. Однако же ваш господин произвел на его высочество такое благоприятное впечатление... Хорошо, приходите, только постарайтесь держаться в тени.

– Вы очень любезны.

– Думаю, наша плащаница вам понравится. Она у нас, м-гм, своеобразная.

34. Ecce sindon^[15]

В шесть часов вечера приглашенные собрались на Парадном подворье.

– Святая капелла была заложена Амадеем Восьмым в тысяча четыреста восьмом году от Рождества Христова. Ее строительство продолжалось двадцать два года. Амадей был первым герцогом Савойским, поэтому я, разумеется, отношусь к нему с большой симпатией. Впоследствии он стал антипапой Феликсом Пятым, но, поскольку с нами кардинал Арагонский, мы не станем больше об этом упоминать. – Карл хохотнул. – Амадей, наш предок в восьмом колене... или в шестом?.. Все время путаюсь! Мы, разумеется, очень признательны ему за это дивное сооружение в весьма декоративном стиле...

Дисмас умилялся воодушевлению и детской непосредственности герцога в роли экскурсовода, но для Дюрера это было чересчур. Время от времени он ловил взгляд Дисмаса и закатывал очи горе.

– А теперь пройдемте в капеллу. Следуйте за мной, прошу вас. Не оступитесь, ваше высокопреосвященство, ступеньки скользкие...

– Равно как и дорога к благодати, – сострил кардинал.

Дюрер еле слышно застонал.

Архидьякон Квимпер, тот самый, которого по милости графа Лотара лишили крова, дожидался их у главных дверей церкви, изнемогая под тяжелыми складками пышных парчовых риз. По обе стороны от архидьякона замерли по три пикинера в новомодных конкистадорских шлемах, тоже разряженные в пух и прах. На дублетах красовался благородный герб Савойского княжества: белый крест на красном щите под хоругвью святого Маврикия. Пикинеры напоминали крестоносцев, спустивших всю свою добычу на украшения и наряды. Ландскнехты лопнули бы от зависти. Тем не менее Дисмас сразу понял, что, несмотря на щегольское убранство, это настоящие бойцы, которые стоят тут не ради украшения.

– Архидьякон Квимпер!

– Ваше любезнейшее высочество!

Церковь и государство поклонились друг другу и обнялись. Герцог представил своих блистательных гостей. Архидьякон, отягощенный ризами, с видимым усилием преклонил колени и облобызал длань кардинала Арагонского. Герцог Урбинский удостоился поклона, но не лобызания. Покончив с формальностями, все прошли внутрь капеллы, сопровождаемые декламациями Карла, который продолжал заливаться соловьем:

– В тысяча пятьсот втором году от Рождества Христова герцогиня Савойская Маргарита Австрийская, дочь покойного императора

Максимилиана и вдова моего единородного брата Филиберта – да упокоит Господь их души! – решила поместить святую плащаницу на постоянное хранение в Королевскую капеллу, которую стали именовать Святой капеллой. Вот уже почти двадцать лет святыня находится здесь, чему мы, безусловно, очень рады...

Дисмас отвлекся от лекции, пытаясь уяснить более насущные моменты – например, расположение дверей в капелле. Наибольший интерес представляла дверь слева от алтаря. Похоже, она вела на балкон, с которого плащаницу вывешивали на всенародное обозрение.

– Разумеется, некоторые высказывали сомнения в подлинности святой плащаницы. Говорили, что это фальшивка... Но плащаница настоящая! Почему мы в этом уверены? Да потому, что она уникальна. И потому, что она неоднократно творит чудеса. А вдобавок еще и потому, что в течение многих лет, с тех самых пор, как рыцарь Жоффруа де Шарни впервые явил ее свету, она неоднократно подвергалась испытаниям! Да-да, испытаниям! Ее опаляли огнем, окунали в кипящее масло, неоднократно пытались отстирать. Но она не горит. Не поддается кипящему маслу. И нисколько не застирывается. Изображение распятого Иисуса остается неизменным, в чем вы сейчас убедитесь сами...

Справа от алтаря виднелась еще одна дверь. Скорее всего, она вела в прилегающее крыло. Приближаясь к алтарю, Дисмас заметил в левой стороне занавешенный альков – ризницу, где хранили церковные одеяния и алтарную утварь. При отправлении мессы там облачались священники.

– А теперь прошу садиться.

Перед алтарем были выставлены кресла для высокопоставленных гостей. Тем, кто был чином ниже, полагалось стоять.

Дисмас, Ростанг, Карафа и монсеньор, сопровождавший кардинала, заняли свои места позади кресел. Дисмас встал чуть в стороне от Карафы, чтобы было удобнее за ним наблюдать. Карафа изучал каждый уголок капеллы так же внимательно, как Дисмас.

– Тут жарковато, – заметил герцог Карл.

Кардинал Арагонский взопреп под тяжелой парчовой ризой. По лицу герцога Урбинского тоже катился пот, оставляя извилистые прогалины в толстом слое белил, что придавало герцогу жуткий вид.

– Свежего воздуха! Побольше воздуха! – воскликнул Карл.

Один из иподьяконов распахнул балконную дверь, впуская живительный бриз. Все немедленно сморщили носы – многотысячная толпа паломников на площади под балконом источала едкие миазмы.

– Фу! – Герцог Карл поднес к ноздрям коробочку с ароматической

смесью. – Благовоний, срочно благовоний!

Слуги поспешно внесли две огромные жаровни, наполненные тлеющими углями, и установили по обе стороны алтаря. Из большого серебряного ларца с позолотой иподьякон зачерпнул благовония и высыпал их на угли. К потолку взметнулись клубы дыма, наполняя капеллу тяжелым, но не лишенным приятности ароматом.

– Так гораздо лучше, – сказал герцог Карл. – Мы любим наших паломников, но уж больно они... благоуханные. Я предпочитаю смирну. А теперь...

Он выудил из складок плаща большой ключ. Архидьякон достал второй. Из ризницы вышли два епископа в митрах и церемонно представили свои ключи. Как ни прискорбно, Дисмасу пришлось расстаться с мыслью о том, чтобы выкрасть четыре ключа у четырех человек.

Архидьякон принял ключи, подошел к алтарю и преклонил колена. Потом он обошел алтарь кругом и скрылся за дарохранительницей. Оттуда донеслись звуки отпираемых замков и скрип тяжелой железной решетки, за которой хранилась плащаница.

Карл возобновил повествование:

– В тысяча пятьсот девятом году от Рождества Христова герцогиня Маргарита заказала великолепнейший ковчег у фламандского ювелира Ливена ван Латема. – (Из-за алтаря выступил архидьякон с серебряным ларцом, переливающимся драгоценными камнями.) – Негоже упоминать сумму, в которую нам обошелся ковчег, – с улыбкой продолжал герцог, – однако мы бессильны побороть искушение. Да будет вам известно, что ковчег для святой плащаницы стоил нам двенадцати тысяч золотых экю!

Царственные особы понимающе закивали: цена была воистину царской. Дисмас прикинул, что это примерно половина суммы, которую Альбрехт занял у Фуггера, чтобы приобрести кардинальскую шапку.

– Несомненно, герцогиня Маргарита совершила доброе деяние, пожертвовав ковчег капелле, – продолжал Карл, – однако, будучи смекалистой особой, испросила взамен, чтобы ежедневно, до скончания веков, в капелле служили поминальные мессы о спасении души ее мужа Филиберта, герцога Савойского, и о спасении души самой герцогини. Ну не ловко ли?! Я и сам подумываю пожертвовать что-нибудь капелле, чтобы и за меня служили мессы до скончания веков. Видит Бог, мне это не помешает. А теперь...

По кивку герцога архидьякон поставил серебряный ларец на алтарь, откинул крышку и бережно притронулся к реликвии.

Плащаница была сложена прямоугольником размером в три фута на один. Пока архидьякон и епископы благоговейно расправляли складки полотна, Дисмас озабоченно считал развороты. Тридцать два.

– Помолимся же в молчании, – предложил герцог Карл.

Все склонили головы, за исключением Дисмаса – и Карафы.

– *Ecce sindon!* – провозгласил архидьякон. Се плащаница.

«К месту сказано», – подумал Дисмас. Иисуса после бичевания вывели на показ беснующейся толпе, и Понтий Пилат произнес «Се человек!», а не «Се царь иудейский!». Возможно, он хотел подчеркнуть, что жалкий, истекающий кровью страдалец на самом деле никакой не царь. Но замысел Пилата не сработал. Толпа продолжала требовать казни. Пилат разгневался и велел прибить к кресту, над головой Иисуса, табличку с язвительной надписью: «Иисус Назорей, Царь Иудейский» – на трех языках: иврите, греческом и латинском.

Однажды, занимаясь поисками очередной плащаницы, Дисмас узнал, что, по словам святой Нины Грузинской, жившей в IV веке, плащаницу сохранила жена Пилата... Таких историй было великое множество. Он попытался вспомнить, как звали жену Пилата. Клавдия? Согласно преданию, она приняла христианство и впоследствии была причислена к лику святых. В Евангелии от Матфея она просит передать Пилату, что, согласно откровению, бывшему ей во сне, Иисус ни в чем не виновен. Кальпурнии, жене Цезаря, тоже было откровение во сне накануне убийства супруга. Похоже, все имперские римские жены страдали откровениями во сне. В общем-то, это неудивительно, поскольку они предавались неумному чревоугодию на бесконечных пирах.

Присутствующие дружно ахнули. В голове у Дисмаса немедленно просветлело, словно после грозы.

35. Вот и сходили на поклон!

– На фига нам эта треклятая плащаница? Двенадцать тысяч экю золотом?! Лучше стырить ящик.

– Кунрат, хоть мы больше и не монахи, ты все же попридержи язык, – вздохнул Дисмас. – Неужели ты не печешься о своей душе?

– Ты же сказал, что это подделка.

– Знаешь... Я не уверен. Может, подделка, а может, и нет. Как бы там ни было, не следует так о ней говорить.

– А дальше что? – спросила Магда.

В апартаментах собрались все, за исключением Дюрера, который отправился на частную аудиенцию к герцогу Карлу.

– Я видел множество плащаниц, – продолжил Дисмас. – Однако же вот эта – особенная. По всем остальным с первого взгляда можно сказать, что они сделаны человеческими руками, а эта... Изображение едва заметно. Поначалу его не видно, а потом оно внезапно проступает перед глазами! Холст тонкой работы, плетение двойной елочкой, очень плотное. В Базеле мы с Дюрером купили такую же ткань. На холсте отпечаток тела в полный рост. Видно, что это высокий мужчина с продолговатым лицом и длинным, четко очерченным носом. Глаза закрыты. По словам герцога Карла, вблизи можно разглядеть отпечатки римских монет, положенных на веки. Но мы так близко не подходили. В местах пяти ран – кровавые пятна. На лбу кровавый след тернового венца. Руки, сложенные накрест, прикрывают пах. Заметно, что кровоточащие раны находятся не на ладонях, а на запястьях. Это исторически достоверно, потому что пробитые гвоздями ладони прорвались бы под весом распятого тела. Больше всего крови вокруг ран на ступнях. Далее, имеются следы крови от раны в боку, нанесенной копьем Лонгина Сотника. Несколько лет назад я приобрел это копьё для Фридриха Саксонского. Рана находится под ребрами с правой стороны. Это также исторически достоверно. Римских солдат учили бить копьем в правый бок противника, так как щит в левой руке прикрывал тело слева. Потёки крови не алые, а оранжево-коричневые, светлые, как пятна застарелой ржавчины. Само полотно цельное, примерно четырнадцать футов в длину и четыре в ширину. На одной половине отпечаток тела спереди, на другой – сзади, словно на ткань, расстеленную в длину, положили тело и свободным концом накрыли его с головы. И вот здесь возникает вопрос. В Святой земле я слышал от раввинов – еврейских

священников, – что, по тогдашним обычаям, для головы покойника использовали отдельный отрез. Более того, в Евангелии от Иоанна прямо говорится о плате, оборачивающем голову погребенного Иисуса, тогда как плащаница представляет собой цельный саван. Какой вывод можно сделать? Никакого. На отпечатке спины отчетливо видны следы сотен ран. Бичевание было изуверским, потому что римляне вплетали в бичи кусочки свинца и осколки костей, которые распарывали плоть в клочья. Бичевание часто приводило к смерти осужденного, однако Иисусу предстояли еще более страшные муки... А потом... – Дисмас сокрушенно покачал головой.

– Что потом?

– Потом случилось нечто невообразимое. В капелле царило благоговейное молчание. Притих даже герцог Карл, до этого болтавший без умолку. У всех на уме было одно: вот она, погребальная пелена распятого Иисуса Христа. Это располагает к молчанию. Так вот, все предавались богочестивым размышлениям. Внезапно тишину нарушили стенания герцога Урбинского. Потеряв всякое самообладание, герцог, обуреваемый чувствами, прерывисто всхлипывал и хватался за грудь – однако же не потому, что ему потребовалась Магдина настойка наперстянки. Нет, он громогласно каялся: «*Mea culpa, mea maxima culpa...*»^[16] – и содрогался от рыданий. Все присутствующие сконфуженно переглядывались. И вдруг... О господи... Герцог Урбинский, как и все мы, преклонивший колена перед святыней, вскочил и кинулся к плащанице! Архидьякон и епископы, что втроем держали развернутую плащаницу за края, переменились в лице, сообразив, что происходит, и оцепенели от растерянности. Ведь герцог Урбинский – племянник папы римского и почетный гость их владыки, герцога Савойского. В общем, после сегодняшнего происшествия никаких итальянских герцогов-сифилитиков к плащанице больше не подпустят.

– А что произошло-то?

– Герцог Урбинский обеими руками вцепился в плащаницу и так стремительно прижал ее к лицу, что архидьякон с епископами не успели ее отдернуть!

– Господи помилуй!

– Вот именно. Вы же видели его рожу в гнойных язвах, густо замазанных слоем белил...

– Фу, мерзость, – поморщился Кунрат.

– Совершенно верно. По выражению лица несчастного герцога Карла было очевидно, что он тоже считает происходящее мерзостью.

– А что дальше было?

– Архидьякон и епископы пытались высвободить плащаницу из цепких пальцев безумца, но герцог Урбинский ее не выпускал. Он сжимал холст обеими руками и взхлеб рыдал в саван Господень, перемежая всхлипы стенаниями и умоляя Иисуса об исцелении. Я даже испугался, что плащаницу разорвут напополам. Представляете?

Магда перекрестилась.

– Потом Карафа ухватил герцога Урбинского за пояс и с превеликим трудом оттащил от плащаницы. Благоговейной атмосферы как не бывало. Герцог Карл, судя по всему, утратил дар речи и едва не лишился остальных чувств. Видно было, что происходящее не доставляет ему абсолютно никакой радости. А стражи – хранители плащаницы пребывали в совершеннейшей растерянности. Мне по собственному опыту известно, что с хранителями святынь шутки плохи. Эти стражи дают особый обет. Они угрожающе наставили пики на герцога Урбинского, словно намеревались пронзить его насквозь, прямо посреди Святой капеллы. Архидьякон и епископы заполучили-таки плащаницу и, не складывая полотна, с помертвелыми лицами бросились прочь из капеллы. Бегом! Чтобы побыстрее избавить саван Господень от мерзопакостных следов герцога Урбинского... – Дисмас поморщился.

Все ошеломленно молчали.

– Значит, если эта тряпка все-таки настоящая, то герцог исцелился от французки? – неожиданно спросил Нуткер.

Поразмыслив, Дисмас ответил:

– Кстати, об этом я и не подумал. Возможно, это даст нам возможность убедиться в подлинности святыни. И все же, если чуда исцеления не произойдет, это не означает, что плащаница фальшивая. Святыни исцеляют по собственному усмотрению, помогая лишь тем, кого считают достойными.

– Я к ней теперь ни за что не притронусь, – заявил Кунрат. – Не хочу подхватить французку. И не надо говорить, сестренка, что зараза не передается через сопля!

Час спустя в апартаменты вернулся Дюрер.

– Вот и сходили на поклон!

Он швырнул шляпу на стол, уселся и щедро плеснул себе вина.

– Как там их высочество? – спросил Дисмас.

– Держится молодцом, невзирая на то что один итальянский монарх утер свою мерзкую рожу драгоценнейшим сокровищем герцога Савойского. Сперва Карла била дрожь, но, осушив три стакана вина, он

пришел в себя. Потом явился архидьякон, весь зареванный, с лицом краснее малины, и доложил Карлу, что плащаницу удалось очистить от скверны. Карл чуть не прослезился от радости. Вообще, он славный малый, этот Карл. Герцог Урбинский изгадил плащаницу незадолго до того, как ее предстоит вывесить на показ многотысячной толпе паломников. На месте Карла Доброго любой другой рубил бы головы направо и налево. А этот выпил четвертый стакан и вздохнул: «Бедняга!» – «Бедняга?!» – переспросил я, а он весь такой: мол, что поделаешь, человека обуяли чувства. И добавил, что это не первый случай, когда при виде святыни гости теряют самообладание или лишаются чувств, но признал, что прежде никто не пользовался плащаницей вместо носового платка. А потом сказал дословно следующее: «Наше сердце разрывается от сострадания». Нет, вы представляете? Да если бы я был герцогом Савойским, то за такое поругание святыни уже собирал бы войска и шел войной на герцогство Урбинское! А заодно и на Флоренцию.

– У Карла нет таких войск, – задумчиво сказал Дисмас. – Он, как истинный христианин, искренне сострадает ближнему.

Воцарилось молчание. Дисмас терзался какой-то мыслью. Наконец он произнес:

– Стыдно красть у такого человека...

– Верно, – заметил Кунрат. – Значит, берем ящик, а тряпку оставляем!

– Я не это имел в виду, Кунрат.

– Да ладно, он закажет новый, – отмахнулся Кунрат. – И тогда по герцогу тоже станут служить поминальные мессы до скончания веков.

Все ландскнехты согласились, что это отличная идея.

Неожиданно у Дисмаса засосало под ложечкой. Подступили дурнота и головокружение, мысли путались, словно в голове бушевала буря. Он встал из-за стола и, сжимая виски, начал ходить по комнате.

– Дисмас, тебе плохо? – встревожилась Магда.

Дисмас словно бы утратил слух. Дюрер шевелил губами, но до Дисмаса не доносилось ни звука. Он слышал иное. Было не разобрать, что именно, но предназначалось это лишь ему. Он смежил веки...

...И перед его внутренним взором предстал лик с плащаницы: глаза, накрытые монетами, длинный прямой нос, окровавленный лоб, израненный терновыми шипами...

– Что с ним?!

– Дисмас! – Магда бросилась к нему, приложила ладони к его щекам. – Дисмас? Дисмас!

«Ныне же будешь со мною в раю...»

– Дисмас!

Открыв глаза, Дисмас увидел, что все взволнованно смотрят на него.

– В чем дело? – спросил он.

– Налейте ему вина.

Дисмас огляделся:

– Что вы на меня все так смотрите?

– У тебя такой вид... совсем как у герцога Урбинского за миг до того, как он бросился к плащанице, – сказал Дюрер.

– Со мной все в порядке. А что ты сейчас говорил?

– Что я очень умный малый, – объявил Дюрер.

– Ну это я все время от тебя слышу, – хмыкнул Дисмас.

– Я придумал, как все сделать.

– Что сделать?

– Да плащаницу же, дурень! Что же еще? Гентский алтарь, что ли?

Неожиданно Дисмас ощутил невероятную слабость. Он совершенно обессилел. И почему он лежит на полу? Почему все склонились над ним? Странно...

– В чем дело? – спросил он.

Магда присела на корточки, приложила ладонь ко лбу Дисмаса:

– У тебя жар.

– Господи Иисусе! – завопил Ункс. – Французка! Все назад!

– Ункс, не валяй дурака! – оборвала его Магда. – Никакая это не французка.

Она дала Дисмасу воды. Он большими глотками осушил кружку и, не вставая с пола, спросил Дюрера:

– Ты знаешь, как изготовить плащаницу?

– Знаю.

– Отлично. Остается только придумать, как ее подменить.

– Погоди, – вмешалась Магда. – Ты же только что говорил, что стыдно красть ее у Карла...

– Нет, все верно, – сказал Дисмас. – Мы должны ее выкрасть. Это очевидно.

– Ничего не понимаю...

– Плащаница желает перенесения.

Все уставились на него.

– Она изъявила мне свою волю.

– Он переутомился, – вполголоса сказал Дюрер Магде.

– Нарс, я пока еще не лишился рассудка. Теперь я точно знаю, что плащаница хочет быть перенесенной.

Все недоуменно переглянулись.

– Она желает перенесения, дабы спастись от притязаний герцога Урбинского, – пояснил Дисмас.

– Что ж, если бы я был Иисусом, то мне тоже не хотелось бы, чтобы мой саван служил носовым платком трухлявому итальянскому герцогу, – сказал Дюрер. – Тем не менее...

– Мы устроим перенесение плащаницы, – твердо сказал Дисмас. – А потом вернем ее Карлу Доброму.

– Ну уж нет! Нет, нет и нет, – возразил Кунрат. – Какой в этом смысл? Чего ради мы должны, рискуя жизнью, сперва похищать святыню, а потом отдавать ее назад?!

– Вот оно, чудо, – промолвил Дисмас. – Не всякий день доводится воочию узреть Промысел Божий.

В глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

Голоса. Женский и мужской. Совсем рядом. Что-то приятно холодило лоб. Дисмас хотел открыть глаза, но это требовало непомерных усилий. Он прислушался, не поднимая век.

– С ним прежде такое бывало? – спросил женский голос.

– Ни разу, – ответил мужской.

– Парацельс упоминает о таких случаях. Он когда-то был военным врачом. Сначала мозг не в состоянии воспринять случившееся, а потом внезапно наступает шок. Иногда шок проявляется в необычной форме.

– Куда уж необычнее, если ему плащаница вещает.

– Ну, если неделю повисеть на крючьях, продетых сквозь уши, ноги, руки...

Дисмас открыл глаза:

– Что происходит?

– Ты упал, – сказала Магда. – Как ты себя чувствуешь?

Дисмас приподнялся на локтях:

– Нормально. Мне приснилось, что... А где остальные? Который час?

– Глубокая ночь. Ты долго спал.

Дисмас посмотрел на Дюрера:

– А ты почему не спишь?

– Потому и не сплю, что о тебе беспокоюсь.

– Ты что-нибудь помнишь? – спросила Магда.

– Нарс объявил, что знает, как изготовить плащаницу.

– И все?

Дисмас пожал плечами:

– Ну да. А что?

Магда ласково улыбнулась и погладила его по голове:

– Ничего.

– Пока ты нежился в объятиях Морфея, я придумал, как подменить плащаницу, – заявил Дюрер.

Дисмас сонно посмотрел на него:

– Ну и?

– Герцог Карл устраивает еще одну живую картину. В канун явления плащаницы народу.

– И что?

– Догадайся, на какую тему будет картина?

– Понятия не имею. Апофеоз живописца Дюрера?

– Апофеоз живописца Дюрера ты еще увидишь, – хмыкнул Дюрер. – А темой герцогского представления будет Тайная вечеря! Угадай, кому отвели роль возлюбленного ученика Иисуса Христа?

– Эх, жаль, что главная роль тебе не досталась! Ты же знаешь ее назубок.

Дюрер обернулся к Магде:

– Горячка миновала. Он в своем уме. Как ни досадно.

36. Ну как, сработало?

Глубокой ночью раздался стук в дверь. Слуга вручил сестре Хильдегарде письмо от синьора Карафы. Послание, короткое и властное, состояло из одного слова: «Приходите».

Дисмас велел посыльному обождать за дверью. Дюрер с ландскнехтами отправился на поиски всего необходимого для изготовления плащаницы, и Дисмас с Магдой остались наедине.

Вздыхнув, Магда решительно произнесла:

– Я пойду.

– Не ходи.

– Я не могу ему отказать.

– Ты же не видела, как этот безумец хватался за плащаницу. Мало ли что ему еще взбредет в голову?

– Я монахиня. Монахиня не вправе отказывать страдальцам.

– Ты же не его личная монахиня! Ты вовсе не обязана подчиняться какому-то итальянскому герцогу.

Магда облачилась в монашескую рясу и начала собирать аптекарские

принадлежности.

– Он болен. Может быть, даже при смерти. Не волнуйся, он не будет ко мне приставать. У него не останется сил.

– Достало же ему сил на состязание по перетягиванию плащаницы с архидьяконом и двумя епископами!

– Дисмас, ему нужна сиделка, а не шлюха.

– Ростанг жаловался, что герцог Урбинский уже надругался над пятью служанками! Над пятью!

– Я смогу за себя постоять. – Она выхватила из-под полы короткий кинжал.

– Магда, прошу тебя...

– К тому же, если они тоже хотят украсть плащаницу, будет неплохо разузнать их планы. Вдруг в бреду герцог что-нибудь выболтает?

– А если Карафа его услышит, то тут же перережет тебе глотку. Его же не мать вскормила, а скорпионы!

Магда отошла к окну.

– Что ты там выглядываешь?

– Смотрю на часы. Сейчас половина первого. В половине второго ступай в покои герцога Урбинского, вызови Карафу из герцогской опочивальни и займи его разговорами. Как только я останусь с герцогом наедине, то дам ему дополнительную дозу ладанника. Это наверняка развяжет ему язык.

Возражать было бессмысленно. Магда твердо вознамерилась сидеть у постели герцога Урбинского.

Она оправила рясу и подвесила на пояс четки, а потом, приложив ладони к щекам Дисмаса, горячо поцеловала. Дисмасу очень хотелось продлить поцелуй.

– Вот такая я монахиня, – прошептала она и выскользнула за дверь.

Дисмас подошел к раскрытому окну. Магда, следуя за посыльным Ростанга, пересекла площадь и по мощеной дорожке поднялась к замку.

Дисмас забормотал охранную молитву.

«...И не забудь, Господи, что ее зовут Магда, в честь Магдалины, которой Ты первой явился после воскресения из мертвых...»

Дисмас изнемогал от усталости. Он изо всех сил боролся со сном. Сперва Дисмас сидел, но начал клевать носом и, чтобы не заснуть, решил улечься на пол. Уж на полу-то точно не поспишь!

Он уснул.

И был ему сон.

...На рассвете третьего дня после смерти Иисуса Мария Магдалина

отправилась к месту Его погребения. Она несла горшочки масел и благовоний, дабы умастить тело. Тяжелый камень у входа в гробницу Господню был отвален прочь. Римских солдат, охранявших гробницу, сморил сон. Мария Магдалина заглянула в гробницу, увидела саван и подобрала его. На саване, чистом и белом, как кость, не было никаких отпечатков тела Иисуса...

Задыхаясь и весь в поту, Дисмас очнулся, вскочил и выглянул в окно. На часах – четверть второго. Слава богу, не проспал.

Он вспомнил странный сон и непорочную чистоту плащаницы. С какой стати ему вдруг приснилось такое? К чему был этот сон?

В кабинете архидьякона, на подставке для чтения с четырьмя зеркальными подсвечниками, лежала Библия. Дисмас зажег свечи. Пламя озарило пергаментные страницы. Великолепная рукописная Библия была богато иллюстрирована красочными миниатюрами работы неизвестных монахов-переписчиков.

Дисмас листал страницы, укоряя себя за то, что давно не заглядывал в Священное Писание. По-гречески он не читал, но достаточно разбирал полатыни, чтобы понять самые нехитрые места.

Он переворачивал тяжелые, щедро раззолоченные страницы, отыскивая в Евангелиях места, где описывается утро у Гроба Господня. Ни в одном Евангелии не было ни слова о том, что погребальная пелена Иисуса запечатлела Его облик. Как же Шамберийская плащаница может быть настоящей? Если на саване остался образ Иисуса, то хоть кто-то из евангелистов – Матфей, Марк, Лука или Иоанн – должен был об этом упомянуть. Это ведь не пустяк!

Дисмас задул свечи, вернулся в столовую и, расхаживая по комнате, погрузился в размышления.

Значит, плащаница фальшивая. Неожиданно он вспомнил, что случилось с ним накануне. Он слышал голос, изрекший слова: «Ныне же будешь со мною в раю», а потом потерял сознание. Что это было? Неужели плащаница подала ему знак? Как во всем этом разобраться?

Потом он испугался за Магду. А вдруг обезумевший сифилитик, герцог Урбинский, накинулся на нее? Дисмас глянул в окно: без четверти два. Он опаздывает!

Позабыв надеть перчатки, Дисмас выбежал из апартаментов.

Дисмас примчался к опочивальне герцога и, тяжело дыша, остановился у дверей.

Два стражника окинули его любопытными взглядами. Лакей

отправился в опочивальню – доложить камердинеру Карафе о том, что к нему явился какой-то запыхавшийся германец и просит аудиенции.

Дисмас всматривался в щелку приоткрытой двери, пытаясь углядеть, что происходит внутри. В полумраке опочивальни было ничего не разобрать, но оттуда не доносилось женских криков.

Вскоре дверь распахнулась. Синьор Карафа вышел в приемную. В его суровых чертах сквозило раздражение.

– Мастер Руфус?

– Синьор, – поклонился Дисмас. – Простите... одышка. К вам покуда вскарабкаешься...

– Что-то случилось?

– Нет-нет... Ничего...

Только теперь Дисмас сообразил, что, помчавшись спасать Магду из богомерзких лап итальянца, он не озаботился придумать разумных объяснений своему нежданному и явно спешному визиту в опочивальню герцога, да еще и в столь неурочный час.

«Думай!» – внушал он рассудку.

– Мой господин тревожится о самочувствии вашего господина...

Карафа молчал, ожидая продолжения.

– ...и послал меня справиться... О вашем господине... Вы так срочно призвали сестру Хильдегарду...

– Нужды герцогов всегда незамедлительны, – сказал Карафа. – Хотя, возможно, у знатных господ в ваших краях заведено иначе.

– Не знаю, не знаю, – усмехнулся Дисмас. – Мой господин тоже не терпит промедлений, когда речь заходит о его нуждах.

– Передайте графу, что его высочеству много лучше. Доброй ночи, – сказал Карафа и направился к двери.

– Значит, с ним все в порядке? – уточнил Дисмас.

– Как и было сказано.

– Ох, слава богу, а то мы волновались. После того, что произошло в капелле...

Карафа медленно подступил вплотную к Дисмасу:

– А вам какое дело?

– Как же, синьор, я своими глазами видел...

– Что именно вы видели, мастер Руфус?

– Чудодейственную силу плащаницы, разумеется.

– Да, это особенная святыня.

– Ну и как, сработало? – фамильярным тоном осведомился Дисмас и заговорщицки подмигнул.

– Как прикажете вас понимать? – нахмурился Карафа.

– Да так и понимать... – прошептал Дисмас. – Малец-то выздоровел? Взгляд Карафы подернулся гневной пеленой.

– Малец? Вы имеете в виду его высочество герцога Урбинского, Лоренцо де Меди...

– Да будет тебе! – развязно оборвал его Дисмас. – Со мной можно попростежки, без этих высокопарных штучек и экивоков. Мы с тобой оба шаркуны при мудаках, каждый при своем.

Шея Карафы взбугрилась жилами, будто из-под ворота выползло целое семейство гадюк.

– Ну так как же? – не унимался Дисмас. – Малец исцелился от французки?

– *Stronza!*

– *Stronza?* – переспросил Дисмас. – А! Это «сука» по-вашему, по-макаронному. – Он по-дружески хлопнул разгневанного камердинера по плечу. – Ну зачем сразу обзывать? Мы же с тобой по-свойски беседуем. Всем известно, что твой босс подхватил французку, причем конкретно подхватил, дальше некуда. Неудивительно, что он так вцепился в плащаницу! Правда, немного изгваздал святыню, но ее ведь отстирают... Ладно, хорош ломаться, рассказывай уже. Исцелился или нет?

Карафа сжал рукоять кинжала. Дисмас изготовился отразить удар. Они стояли нос к носу.

Неожиданно Карафа с улыбкой посмотрел на руки Дисмаса. Дисмас запоздало сообразил, что забыл надеть перчатки. Чертыхнувшись про себя, он заявил:

– Если вашему господину полегчало, я провожу сестру Хильдегарду обратно.

Карафа скрылся в герцогской опочивальне. Через миг дверь снова распахнулась. Магда вышла в приемную.

Магда и Дисмас в молчании вернулись в апартаменты.

– Ну что? – наконец спросил Дисмас.

– Как только Карафа вышел к тебе, я дала герцогу три капли ладанника. Потом заговорила о плащанице, мол, какая это восхитительная вещь и можно лишь позавидовать тому, кто ею обладает. Он на это ничего не сказал.

– Теперь я точно знаю, что они хотят ее похитить.

– С чего вдруг такая уверенность?

– Я изо всех сил досаждал Карафе, пытаюсь его разозлить. Однако он сдержался и меня даже пальцем не тронул. Хотя ему этого очень хотелось.

– И что с того?

– Убивать слугу другого гостя – дурной тон. Скандал помешает их планам. Если бы они не замыслили похищение плащаницы, Карафа непременно пырнул бы меня кинжалом или полоснул бы по лицу, чтобы научить хорошим манерам.

– Странный способ разузнавать чужие замыслы.

– Ничего другого мне в голову не пришло, – вздохнул Дисмас. – Кстати, я сплоховал. Карафа видел мои руки. Что ж, может, он решит, что это стигматы, и станет держаться почтительней.

37. Consummatum est^[17]

Наутро Дисмаса и Магду разбудило гроыхание входной двери и зычные проклятья ландскнехтов.

Полусонный Дисмас в одном белье вышел в прихожую. Нуткер и Ункс ввалились в апартаменты и с грохотом швырнули на пол охапки дров. Одному Богу известно, что подумали соседи архидьякона.

– В чем дело?

– Спроси у его задрочества графа Лотара, – огрызнулся Ункс.

Недовольно ворча, ландскнехты снова ушли. Немного погодя с лестницы донесся топот. Нуткер с Унксом приволокли еще одну порцию поленьев и с тем же небрежением выгрузили поклажу.

– На дворе весна, – сказал Дисмас. – Холода прошли. Зачем нам такая уйма дров?

– Спроси его королевское высочество.

Ландскнехты обливались потом и утирали лбы одной и той же тряпицей, что очень удивило Дисмаса.

Из опочивальни выглянул Дюрер в холщовом балахоне.

– Несите еще дров, – велел он Нуткеру с Унксом. – Шесть охапок, не меньше. И четыре ведра воды.

Приказ был встречен таким потоком брани, что покраснела бы даже икона Пресвятой Богородицы на стене.

– Иди сюда, – сказал Дюрер Дисмасу. – И прихвати с собой поленцев.

Дисмас проследовал за ним на кухню. Дюрер уже законопатил там все щели и затянул двери и окна плотными завесами из покрывал и простыней.

Повсюду стояли плоски, горшки и банки, плодовый пресс, а также различные инструменты, включая клистирный шприц... «Это еще зачем?» – удивился Дисмас, но спрашивать не стал, предпочитая остаться в неведении.

Напротив большого гардеробного зеркала была медная лохань для омовения. Рядом с зеркалом пришпилен эскиз, с идеальной точностью воспроизводивший изображение на плащанице.

В центре кухни стоял длинный узкий стол. Расстеленный на нем холст свисал с торца столешницы, собравшись тяжелыми складками на полу.

На растопленной плите в двух больших кастрюлях кипела вода. По кухне витал аромат смирны.

– Раздевайся, – велел Дюрер. – Тут сейчас все жарким паром изойдет.

Только сначала скажи Магде, что мы начинаем. Да, и разузнай, куда запропастился чертов Кунрат. Его третий час нет. Эти ландскнехты только и думают, как бы выпить и перепихнуться!

Дисмас отправился за Магдой.

– Он там превратил кухню архидьякона в... ох, слов нет. В логово алхимика, вот во что, – доложил он ей.

С лестницы снова донесся топот и площадная брань. В апартаменты ввалился Кунрат в обнимку со здоровенной кадкой. Поверх кадки была наброшена мокрая рогожа.

– Это что еще?

– Это для нашего великого художника. Ему величие не позволяет самостоятельно добывать всякую хрень для своих художеств, – проворчал Кунрат, с грохотом опустил кадку на пол и устало потер поясницу. – Я что ему, носильщик?

Дисмас приподнял рогожу и отшатнулся:

– Господи! Откуда это? С бойни?

Кунрат утер лоб той же тряпицей, что утирались его товарищи.

– Художник договорился с цирюльником. А цирюльня у черта на рогах, на другом конце города! – пожаловался он и, хмыкнув, добавил: – Я немало крови пролил на своем веку, но еще ни разу не таскал ее ведрами, как какая-нибудь доярка. Скажи ему, пусть сам потом таскает, если вдруг мало покажется.

В прихожую вышел Дюрер.

– Господи, наконец-то! – сказал он. – Где тебя черти носят? Или ты по пути к шлюхам заглянул?

– Не заводи меня, маляр, а то будешь своей юшкой картинки малевать, – пригрозил Кунрат.

Дюрер заглянул в кадку:

– Я так и знал. Уже сворачивается. Чего стоишь? Живо неси ее на кухню!

– Я сам отнесу, – сказал Дисмас, опасаясь, что Кунрат не ровен час пустит Дюреру кровушку.

В прихожую втиснулись Нуткер и Ункс с огромными ведрами, до краев наполненными водой. Ландскнехты поставили ведра на пол и прислонились к стене, пыхтя и отдуваясь.

– Все, хрен с ним, – просипел Нуткер. – С меня хватит.

– Сразу видно, что ты никогда в жизни не занимался честным трудом, – сказал Дюрер.

– По-твоему, это честный труд?! – возмутился Кунрат.

Почувствовав, что назревает бунт, Дисмас ушел к себе и вернулся с золотым дукатом. Он вручил монету Кунрату и сказал:

– Ступайте промочите горло.

– Только тряпку отдайте! – потребовал Дюрер, осторожно взял за уголок насквозь промокшую тряпицу и ушел на кухню, бросив на ходу: – Ну, приступим.

– А на кой ему наш пот понадобится? – спросил Кунрат у Дисмаса.

Дисмас пожал плечами:

– Одно слово – художник. Давайте-ка, ребятки, ступайте, пока он не нашел вам еще какую работенку. Позже увидимся.

– Может, вы-то нас и увидите. А вот мы вас можем не увидеть, потому что глаза зальем. Как пить дать.

Дисмас с Магдой вошли на кухню. Дюрер сунул пропитанную потом тряпку в плодовый пресс и деловито крутил рукоять. Струйка пота текла по желобу в подставленную плошку. Дисмас поморщился.

Дюрер и Магда завели оживленную беседу над кадкой крови.

– Видишь, уже загустела, – сетовал Дюрер. – Скоты ленивые, а не ландскнехты! – Он зачерпнул кровь половником и перелил в миску. – Дай синий пузырек! – Откупорив взятый у Магды пузырек, художник плеснул в миску немного тягучей желтоватой жидкости. – Перемешай, только осторожно.

– Что это? – спросил Дисмас.

– Змеиный яд. Пришлось отдать два дуката за крошечный флакон. Но лучше средства нет.

– Парацельс утверждает, что для этого подходит и слюна пиявок, – сказала Магда.

– Для чего? – спросил Дисмас.

– Для того, чтобы кровь не свертывалась, – ответила Магда.

Дисмас скривился:

– Кровь, змеиный яд, пот ландскнехтов... Что там еще у вас? Слезы единорога? Воронья печенька? Если так дальше пойдет, нас отправят на костер за колдовство. И не без оснований.

Поручив Дисмасу черную работу – подкладывать дрова в плиту и присматривать за кастрюлями с кипящей водой, – Дюрер с Магдой занялись другими делами.

Живописец и аптекарь говорили на каком-то своем языке, по большей части непонятном Дисмасу. Впрочем, его это не огорчало, поскольку он полагал всю затею отвратительной.

Из большой корзины на столе Магда брала одно яйцо за другим,

разбивала их, аккуратно отделяла желтки и собирала в миску. Потом она тщательно растерла желтки и добавила к ним капли из какой-то склянки.

– Если вы собрались завтракать, то без меня, – сказал Дисмас. – Я совершенно не голоден.

– Ничего-то ты не понимаешь в искусстве, – проворчал Дюрер.

– В таком искусстве мне не хочется ничего понимать.

– Это называется темпера.

В миску с кровью Дюрер влил часть ландскнехтского пота и еще какие-то жидкости из различных склянок. А затем разделся догола.

– Нарс, постеснялся бы Магды, – укоризненно заметил Дисмас.

– Готово? – спросил Дюрер Магду.

Она вручила ему кисточку с короткой жесткой щетиной и встала рядом, держа в руках миску с яичной смесью.

Дюрер подошел к большому зеркалу.

– Я так и знал, – вздохнул Дисмас. – Очередной автопортрет.

Дюрер обмакнул кисточку в желток и принялся за дело. Он начал со лба, нанося яичную смесь то там, то сям; кисточкой потолще мазанул под правым нижним ребром, затем аккуратными касаниями пометил запястья и стопы.

– Клистир! – велел он Магде.

Она опустила клистирный наконечник в миску с кровью и, потянув за поршень, наполнила шприц.

Дюрер встал в медную лохань для омовений, взял у Магды шприц и, глядя в зеркало, принялся аккуратно напыскивать кровь себе на лоб. Кровь прилипала к местам, смазанным желтком.

Точно так же Дюрер обработал черту под ребрами, запястья и стопы, а потом внимательно оглядел себя в зеркале. Зрелище было жутковатым: пять кровавых пятен точь-в-точь напоминали пять ран Христа.

– Распылитель! – скомандовал Дюрер.

Устройство напоминало приспособление для разбрызгивания духов. Из второй миски Магда влила в сосуд отжатый пот ландскнехтов, смешанный с небольшим количеством крови.

– Начинай, – велел Дюрер и закрыл глаза.

Магда опрыскала его с головы до ног, сплошь покрыв тело маслянистым красноватым налетом.

Дюрер открыл глаза и снова оглядел себя в зеркале.

– Побольше на лицо. И на бороду, – приказал он.

Затем, удовлетворенный результатами опрыскивания, он указал на большой стол. Магда положила на ладонь две монеты.

– Сестерции, – пояснил Дюрер. – Иосиф Аримафейский был добрым малым, но ауреи и солиды были бы чрезмерным расточительством.

– Где ты их раздобыл? – удивился Дисмас.

– В Базеле. Хватит болтать. Лучше помоги Магде.

Он переступил через борт лохани, подошел к столу, улегся на расстеленное полотно и, положив монеты себе на глаза, скрестил руки в паху.

– Накрывайте меня второй половиной холста. Только не натягивайте ткань, пусть сама осядет. Главное, чтобы холст покрыл меня всего, включая пальцы ног.

Дисмас с Магдой взяли за уголки холста, приподняли его и накрыли Дюрера. Льняное полотно прилипло к увлажненной коже.

– А дальше что? Ждать три дня, пока ты не восстанешь из мертвых? – спросил Дисмас.

– Дисмас! Не богохульствуй! – одернула его Магда.

Из-под савана послышался приглушенный голос Дюрера:

– Следите за кастрюлями. Вода должна непрерывно кипеть, чтобы комната наполнялась паром.

Следующие три часа Дюрер лежал неподвижно. Лен напитался влагой и, отяжелев, плотно облепил тело. На полотне начали проступать кровавые пятна ран. Проявились очертания лица, лоб, глаза, борода, нос... Ни Дисмас, ни Магда не проронили ни слова.

– Ну как? – наконец спросил Дюрер.

– Готово, – сказала Магда.

– Отлично. Поднимайте полотно. Только медленно!

Когда с этим было покончено, Дюрер неуклюже поднялся со стола, причитая:

– Господи, как же все затекло!

Он осмотрел результат своих трудов и сказал Магде:

– Теперь спину.

Магда принялась растирать новую порцию желтков, а Дюрер намешал еще одну миску крови, змеиного яда и пота. Дисмаса замутило от тошнотворных запахов в жарком пару.

Больше часа Магда аккуратно рисовала раны на спине, там, где удары бича рассекли и вспороли кожу... Мало кому удавалось пережить такую пытку. Преисполнившись сострадания, Магда невольно всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

Затем Дюрер покрыл себе стопы густой кровью. Магда обрызгала ему спину – сначала из шприца, а потом из распылителя. С помощью Магды и

Дисмаса Дюрер снова улегся на холст.

Дисмас регулярно подкладывал дрова в плиту. Глядя на неподвижно лежащего Дюрера, Дисмас отчего-то представил, что на самом деле несет бдение у гроба.

Спустя три часа Дюрер объявил:

– Достаточно.

Дисмас с Магдой сняли полотно и помогли Дюреру подняться. Втроем они стояли у стола и безмолвно взирали на расстеленный холст.

Потирая затылок, Дюрер изрек:

– Consummatum est.

«Свершилось». Предсмертные слова Иисуса на кресте.

Дисмас подумал, что сейчас уже поздно опасаться обвинений в кощунстве.

Дюрер заявил, что ему срочно требуется омовение, а потом – стакан вина. И не один.

38. В «Пьяном прелате»

Выпить требовалось не только Дюреру, поэтому все трое отправились в таверну в южной части города, подальше от замка. Название таверны, «Пьяный прелат», звучало несколько вызывающе в городе, куда стекались толпы паломников. Тем не менее найти отдохновение от долгих часов странной и тягостной работы лучше всего было именно здесь – в шуме, гаме и толкотне.

Дюрера распирало от гордости за триумфальное, необычайно точное воспроизведение святыни. Дисмаса обычно раздражало тщеславное самолюбование приятеля, но сегодня Нарс сотворил нечто восхитительное и незаурядное, а потому ему можно было многое простить.

Все трое уселись за столиком в углу и, отдыхая от не совсем праведных трудов, благостно вспоминали события уходящего дня.

– Дисмас! Боже мой, ты ли это?

Дисмас оглянулся.

О господи! С тех пор как они с Маркусом распрощались в Майнце, будто сто лет прошло. Что он здесь делает?

Дисмас поднялся и заключил старого друга в объятия, судорожно пытаясь сообразить, чем объяснить свое присутствие в Шамбери.

Маркус взял его за плечи и оглядел с головы до ног:

– Да ты совсем одряхлел! Где костыль-то?

– Не волнуйся, для твоей башки костыль у меня всегда найдется.

– Каким ветром сюда? погоди, дай угадаю. Наверняка опять охотишься за мощами! Хочешь умыкнуть Шамберийскую плащаницу?

Дисмас натянуто улыбнулся:

– Тебя не проведешь. Только не кричи так громко, а то все узнают.

– За мое молчание поставишь мне кружку. А то и две!

Дисмас повернулся к Магде и Дюреру:

– А это... – Он осекся. Магда не надела монашеского облачения, а Дюрер не нарядился графом фон Шрамбергом. После долгого утомительного дня рассудок Дисмаса отказывался соображать. Магде и Дюреру предстояло выкручиваться самостоятельно. – Ох, прошу прощения, у меня ужасная память на имена! Мы только что познакомились, – пояснил он Маркусу.

Магда с Дюрером недоуменно уставились на Дисмаса.

– Это Маркус, мой добрый приятель, – сказал Дисмас. – Когда-то мы

оба были солдатами. Райзляуферами. Он тоже швейцарец. Так что... В общем, радостная встреча... Приятно было с вами познакомиться. Пойдем, старина, – обратился он к Маркусу. – Не станем докучать этой парочке рассказами о нашем славном боевом прошлом. Давай найдем укромный уголок и станем докучать друг другу.

Маркус во все глаза таращился на красавицу Магду и никуда идти не собирался.

– Нет, лучше посидим тут, все вместе, – заявил он. – Если барышня не возражает.

Магда пожала плечами:

– Барышня не возражает.

– Вот и славно. Итак, мое имя вам известно. А вас как зовут? – обратился он к Магде, не обращая никакого внимания на Дюрера.

– Хильдегарда.

– Очаровательное имя! Как Хильдегарда Бингенская, Рейнская сивилла!

Тем временем Дюрер изнывал от желания представиться. Дисмас в кои-то веки посочувствовал другу. Только что самовлюбленный Нарс пребывал в раю тщеславия, обласканный непрерывными восхвалениями своего таланта, и вдруг превратился в безмолвного статиста, а все потому, что какой-то зачуханный экс-райзляуфер пытался затащить Магду в ближайшую койку.

Ох, ну почему Магда не надела монашескую рясу?! Впрочем, монахини редко посещают таверны. Ради вящего спокойствия Дисмас принялся расспрашивать Маркуса о его житье-бытье. Каким ветром Маркуса занесло в Шамбери?

– Слушай-ка, – начал Дисмас, наполнив стакан приятеля, – помнится, ты хотел вернуться в свой родной кантон Вале, подыскать там молоденькую доярку с большими... Короче говоря, что стряслось?

– Поначалу все шло хорошо, но потом прискучило... Скажите, Хильдегарда, а вы откуда родом? В каких краях обитают такие прелестные создания?

– Вы мне льстите.

– Ваша правда, Швейцария – жуткая дыра, – вмешался Дюрер. – Там не происходит ничего интересного с тех самых пор, как Ганнибал перебрался на слонах через Альпы. И кстати, он не был швейцарцем!

По выражению лица Маркуса Дисмас понял, что сейчас произойдет. Обычно эта гримаса предшествовала стремительному удару кулака. Магда, предвосхищая дальнейшее развитие событий, ласково коснулась плеча Дюрера:

– А это Генрих, мой муж.

– Ах вот как... – удрученно протянул Маркус. – Повезло тебе, Генрих. Дюрер обнял Магду за талию и с торжествующей улыбкой подтвердил:

– Ага. Еще как повезло!

– Генрих – художник, – сказала Магда. – Декоратор.

– Маляр, что ли? – изумленно уточнил Маркус: мол, с чего бы такая красотка пошла замуж за простого работягу.

– Выпьем! Выпьем! – воскликнул Дисмас, снова наполняя стаканы. – Значит, в кантонах тебе не хватало острых ощущений? Оно и понятно. А что привело тебя в Шамбери? Неужто ты заделался паломником? Помнится, в нашу прошлую встречу ты успешно упражнялся в стрельбе из арбалета по церквям!

– Я держу путь в Испанию.

– В Испанию? Ты же терпеть не можешь гишпанцев, особенно после Чериньолы!

– Я их ненавижу. От них воняет чесноком и рыбой. А еще они ужасно шепелявят. Я этого на дух не выношу. К тому же им нельзя доверять. Они сначала перекрестятся, а потом глотки режут. Если гишпанец начинает осенять себя крестом, значит готовится тебя прикончить. Вообще-то, я их терпеть не могу, но они проложили дорогу через океан... Да вы наверняка слышали об их удивительных открытиях. Они обнаружили золото. Целые горы золота! Серебро, изумруды, рубины, жемчуг... – Маркус благоговейно понизил голос. – И отыскали целый город из чистого золота!

– Надо же!

– Ты понял, Дисмас? Целый город из золота! Или ты настолько швейцарец, что даже это тебя не возбуждает?!

– А, ну да... – с притворным восхищением протянул Дисмас. – Ух ты! Целый город из золота... Ну и ну. Потрясающе.

– Там улицы вымощены золотой брусчаткой, а каждый брусок – вот такого размера! Сначала я доберусь до Испании, а там сяду на корабль. Я ненавижу корабли, меня укачивает, но город, сделанный из золота, стоит нескольких ведер блевотины!

– Очаровательный образ, – сказал Дюрер.

– Пара-тройка брусочков, и я – богач! Может быть, останусь там навсегда, буду защищать дикарей от проповедников. А что такого? – рассмеялся Маркус. – Благородное призвание! Найду себе прелестную дикарочку... Говорят, там такие женщины... – Он улыбнулся Магде и добавил: – Хотя им не сравниться со здешними красотками.

– Отличный план, Маркус! – сказал Дисмас. – За это надо выпить... До

дна, до дна! А когда ты отбываешь из Шамбери? Наверное, скоро? Ведь на золотишко зарятся многие... – заметил Дисмас, будто вонючие орды шепелявых испанских головорезов уже выворачивали золотые бруски из мостовых.

– До пятницы побуду. В пятницу на стене замка вывешат плащаницу. Вот я и погляжу на нее, раз уж такой случай представился. Слушай, ты разбираешься во всей этой бодяге. Как по-твоему, она настоящая или это очередная хрень?

– Знаешь, с реликвиями все очень непросто...

– А ты сам-то что здесь делаешь?

– Я-то? Так же как ты. Проездом. В Италию. Ты, часом, не через Божские горы перебирался, как мы... то есть как я?

– Нет, через кекс.

– Какой еще кекс?

– Ну, город такой, на озере, к северу отсюда.

– А-а, Экс! Да. Он славится целебными источниками и купальнями. Ты понежился в целебной водице?

– Ага. А еще познакомился там с любопытными ребятами. Они охотники...

– Вот как? – произнес Дисмас, радуясь тому, что разговор сменился пустой болтовней. – И на кого же они охотятся? На косуль или на кабанов?

– На людей. Кстати, парни из твоих краев. Имперский спецотряд, ищейки.

Дисмас присвистнул.

– В Шварцвальде прикончили какого-то вельможу... Графа, что ли, – продолжил Маркус. – А он оказался племянником или еще каким-то родичем Карла, нового императора.

Несмотря на выпитое, во рту у Дисмаса пересохло.

– Дело такое, – начал рассказывать Маркус. – Сначала граф пропал. Со своими людьми. Дюжина бойцов, представляешь?! Ну, снарядили поисковый отряд. Сколько ни искали, так ничего и не нашли. Граф со товарищи будто сквозь землю провалились! Видит Бог, в Шварцвальде всякое случается, но все-таки... На обратном пути в Ротвайль поисковый отряд заночевал в лесу, в милом местечке – лужайка, озерцо и все такое... А как стали собирать дрова для костра, нашли в расселине скалы бумажку, на которой нарисована – и хорошо нарисована! – эта самая лужайка. Только утыканная могильными крестами! Ну, ребята и задумались: мол, что за херня, – уж простите меня за выражение, барышня. Начали копать там, где на рисунке кресты обозначены. И что вы думаете? Нашли-таки

тела графа и его людей! Словно убийцы хотели, чтобы могилку отыскали!

Дисмас сглотнул.

– Да, – сказал он, – очень странно. – Он покосился на мертвенно-бледного Дюрера и продолжил: – Но от Шварцвальда до Экса путь не близкий. Откуда этим охотникам знать... Они что, идут по какому-то следу?

– Да, путь не близкий, – ухмыльнулся Маркус. – Только эти убийцы – то еще дурачье. За ними такой след тянется, что даже слепец Гомер не сбился бы с дороги. Они в каждом городке распродавали побрякушки графа и его людей! Короче, либо совсем тупые, либо нарочно все это подстроили.

– Да уж. А охотники не говорили, куда дальше направляются?

– Они думают, что шайка бежала в Божские горы. Ты вроде говорил, что тоже шел этой дорогой?

Тут в таверну ввалились Кунрат, Нуткер и Ункс. Они так напились, что с трудом держались на ногах и цеплялись друг за друга, чтобы не упасть. Золотой дукат Дисмаса обеспечил море выпивки.

Ландскнехты оглядели таверну – явно не первую из посещенных ими нынче значных мест, – заметили своих товарищей и, приветственно размахивая руками, начали пробираться сквозь толпу посетителей.

– Ох, пойду-ка я отолюю, – пробормотал Дисмас, пытаясь вскочить из-за стола, чтобы не подпустить ландскнехтов. От выпивки и от резкого движения голова закружилась, и Дисмас плюхнулся на стул.

– Маш-штер Руфс! – завопил Кунрат, выписывая ногами загогулины. – Маштер Ру-фус! М-мы в вашем рашпоря-ше-ни-и! – Он попытался отдать честь, но вместо этого хватил себя по лбу.

Маркус поглядел на трех забулдыг и спросил:

– Чего это он тебя так кличет?

– Да ну их, пьянь какая-то, – шепнул ему Дисмас. – Не обращай внимания. Видно, они на драку нарываются.

– Нарываются? – фыркнул Маркус. – Погоди, я с ними сейчас разберусь.

– Маркус...

– Ну ты, Педро, – обратился Маркус к Кунрату. – Вали-ка отсюда, да по-быстрому, если не хочешь огрести.

Нуткер дремал стоя. Кунрат ухватился за него и вытаращил глаза:

– Это ты кого сейчас педрой назвал?

– Тебя. Давай проваливай и этих двух Педро своих забирай.

– Ай-яй-яй, господа! – с напускной веселостью вмешался Дисмас. –

Давайте без оскорблений. Нам это совершенно ни к чему! Мы тут все свои люди, германцы...

– Ты швейцарец, как и я, – напомнил Маркус.

– Я – германский швейцарец, – заявил Дисмас и повернулся к ландскнехтам. – Добрый вечер, друзья! Мы с вами не знакомы, верно?

Ландскнехты тарасили пьяные глаза, раскачиваясь, как роща в бурю. Они посмотрели на Маркуса, потом на Дисмаса, потом друг на друга...

– А-а-а-а... – протянул Кунрат, заговорщицки подмигнул Дисмасу и, пытаясь погрозить пальцем, ткнул себя в глаз. – Конеш-ш-ш-но! Мы не знакомы! Так, пацаны?

– Ага. Не знакомы, – подтвердил Нуткер, мотая головой, будто выбравшийся из сугроба сенбернар. – Вот вообще не знакомы. Никак!

Ункс, утратив способность изъясняться словами, на всякий случай и покивал, и помотал головой, чтобы уж наверняка.

Пошарив по карманам, Дисмас выудил полтестона и попытался всучить монету Кунрату:

– Позвольте нам угостить вас и ваших приятелей! Вот, ступайте и закажите себе выпить...

– Ну уж не-е-е-ет! – завопил Кунрат, выбив монету из рук Дисмаса. – Ни! За! Что! Мы сами вас угостим! Поставим вам выпивку.

– Много выпивки, – снова подтвердил Нукер, кренясь набок.

– Выпивку для машра Руфшса... Дишмуса и шестры Хиль-де-гра-ты... И для его императского вел-лшва графа Лошара фон Ш-ш-ш-ш-рампа!

Кунрат отставил ногу назад, растопырил руки и попытался отвесить церемонный поклон, но вместо этого боднул стол, рухнул на столешницу, разметав посуду и подсвечники, и незамедлительно погрузился в глубокое забытие.

39. Ищейки

Маркус с полным спокойствием выслушал рассказ о событиях, которые привели Дисмаса в Шамбери, а также покаянные извинения и пространное объяснение причин, толкнувших Дисмаса на обман старого приятеля. Мол, он, Дисмас, не хотел впутывать Маркуса в опасное предприятие, успех которого далеко не очевиден.

Все это Маркус принял без возражений. Однако же, когда Дисмас упомянул говорящую плащаницу и ее желание быть перенесенной, дабы не достаться герцогу Урбинскому, Маркус озвучил свое мнение:

– Херня.

– Можешь мне не верить. Только я своими ушами все это слышал.

– Ты неделю проболтался на мясницких крючьях в застенке у этих подонков из Майнца, вот у тебя мозги набекрень и съехали. Ничего страшного, ты поправишься. Когда-нибудь. Если доживешь, конечно.

– Послушай, все очень просто. Святые – а в данном случае Иисус – общаются с нами посредством святынь. Не посредством слов, а...

– Хорош, Дисмас.

– Знаешь, а ты стал большим циником. Помнится, под Рокка-д'Араццо, когда тебе проткнули бок копьем, ты с превеликим благочестием наяривал «Отче наш». В общем, блаженны раненые, и все такое.

– А ты превратился в поганого святошу, – простонал Маркус. – Развел тут Нагорную проповедь... Может, тебе и правда был голос, только не Иисусов. Тебе лунный свет мозги застил.

– Что толку препираться, если ты не желаешь слушать мои доводы! – вздохнул Дисмас. – Что ж, живи и дальше со своим цинизмом! Милуйся в свое удовольствие.

Над Божскими горами занимался рассвет. Дисмас с Маркусом отволокли вусмерть пьяных ландскнехтов в арихидьяконские апартаменты, оставили их на попечение Магды и Дюрера, а сами отправились в городской сад. Дисмас хотел поговорить с Маркусом наедине и объяснить, в какой переплет ненароком угодил приятель.

– Ты и впрямь хочешь с нами? – спросил Дисмас.

– А что такого?

– Ну, скорее всего, нас ждет смерть.

– Лучше смерть среди друзей, чем среди испанских вонючек.

– Чего ты улыбаешься?

– Да так. Если тебя прикончат, а мы выживем, то Магде потребуется защитник.

– Ты настоящий друг, – рассмеялся Дисмас.

Маркус пожал плечами:

– На моем месте ты поступил бы точно так же.

Дюрер обмакнул перо в чернильницу. Дисмас диктовал:

– «Его благороднейшей милости графу Лотару фон Шрамбергу... Сим довожу до сведения вашей милости, что агентами его императорского высочества Карла Пятого, Божьей милостью Священного Римского императора, короля Кастилии и Леона...»

– погоди, – перебил Дюрер. – Нафига это все? Мы же сочиняем донесение, а не составляем генеалогическое древо вплоть до Карла Великого.

– Нарс, просто пиши, что говорю. «...Защитника веры и прочая, в Вюртемберге был перехвачен французский курьер с тайным шифрованным донесением, содержащим информацию о замысле самом гнусном и вероломном...»

Когда Дисмас закончил диктовать, Дюрер спросил:

– Как подписывать будем? Чмоки-чмоки, твой крестный папулька Карл?

– Это же не императорское послание, Нарс! Тебе бы все хиханьки да хаханьки. А нас, между прочим, вот-вот настигнут имперские ищейки. И все из-за того, что тебе взбрело в голову нарисовать могилы, а потом выбросить рисунок! Посмотрим, как ты будешь паясничать, когда тебя начнут рвать раскаленными клещами... По пути на колесование... Снизу вверх!

– Не надоело брюзжать?

– Подписывай... «Ворон». Подходящая кличка для начальника агентуры. Теперь дай посмотреть.

Дюрер протянул Дисмасу свиток пергамента.

– Нужна печать, – сказал Дисмас. – Магда, поищи в ящиках. Должна же у архидьякона быть печать. Архидьяконы вечно что-нибудь запечатывают.

– А ничего, что секретная депеша из Вюртемберга скреплена печатью шамберийского архидьякона? – ехидно осведомился Дюрер.

– Печать никто разглядывать не станет. Главное – чтобы она была. Ступай, переодевайся Лотаром. А ты, Маркус, перемажься сажей, будто неделю скакал без роздыха. И уксусу в глаза капни, чтоб опухли и покраснели.

Магда нашла печать архидьякона. Дисмас растопил сургуч и запечатал депешу.

– Готово. Идем!

– Дисмас, возьми перчатки, – напомнила Магда.

Дисмас вздохнул, коря свою забывчивость. Усталость и бессонная ночь брали свое. Он делал дурацкие промахи.

Магда подала ему перчатки и поцеловала.

Карл Добрый, герцог Савойский, ошеломленно слушал, как граф Лотар зачитывает донесение.

– «...Вот каких низостей не гнушается коварный и вероломный Франциск, король Франции, в своем стремлении посеять раздор между герцогством Савойским и Священной Римской империей! – Кашлянув, Дюрер продолжил: – Прошу вас незамедлительно поставить в известность его горячо любимое христианское высочество Карла, герцога Савойского, об этой гнусной галльской интриге и заверить его высочество в братской любви, которую его императорское высочество питают к нему и ко всем савоярам и которая крепче и сильнее любых злодейских поползновений мерзавца, занимающего французский трон».

Карл промокал глаза платочком. Ростанг сочувственно взирал на своего господина, а Дисмас терзался угрызениями совести за доставленное герцогу потрясение.

Дюрер закончил декламацию и прижал руку к сердцу, показывая, какое невероятное страдание доставило это известие ему самому. Он свернул депешу и с такой брезгливостью передал свиток Дисмасу, будто не желал даже прикасаться к подобной мерзости.

– Чем мне утешить ваше высочество?! – воскликнул Дюрер. – На сердце моем тяжесть великая, но я благодарю Господа, что до нас вовремя дошло известие об этом... я не нахожу слов... гнусном... нет – об этом поистине французском сговоре столкнуть Савойю и Империю!

– Молодчики, которые выдают себя за имперский отряд, – германские наемники, м-гм? – уточнил Ростанг.

Дюрер сокрушенно кивнул:

– Именно так. Сердце разрывается при мысли, что мои соотечественники способны продать душу за французскую подачку. Мерзавцы! Подонки! Но самый главный подонки восседает в Париже, на престоле зла. О вероломство, имя тебе – Франциск!

«Полегче, Нарс», – подумал Дисмас, а Дюрер продолжал:

– Несомненно, ваше высочество не станет отрицать, что этот

дьявольский план чрезвычайно хитроумен. В Шамбери под видом паломников засылают головорезов, именующих себя имперским отрядом, и они начинают устраивать беспорядки! Драки. Публичное святотатство. Оскорбление чести Савойи, оскорбление... вас, ваше высочество, и мало того... – Дюрер осенил себя крестным знаменем. – Оскорбление святой плащаницы! И все ради того, чтобы спровоцировать конфликт. Чтобы вынудить ваше высочество заявить о поправке чести и достоинства и разорвать дружеские отношения с императором. О, как Франциск этому возрадуется! Как много проще будет ему двинуть войска на юг, чтобы завоевать герцогство Савойское!

– Ростанг! – сказал герцог.

– Да, ваше высочество, м-гм?

– Известите Вильера. Утроить стражу у всех ворот. И как только эти демоны в человеческом обличье появятся... – Карл повернулся к Дюреру. – Мой любезный граф Лотар, в донесении, случайно, не говорится, сколько ожидается демонов?

– Позвольте? – Ростанг протянул руку к Дисмасу.

Дисмас смял депешу в кулаке, раскрошив печать. Каменный пол усыпали крошки красного сургуча.

– Простите, – сказал Дисмас. – Я вне себя от гнева.

Ростанг расправил свиток, перечитал его и сообщил:

– Количество тут не указано, м-гм.

Маркус, изображавший гонца, стоял поодаль.

– Позвольте, мой господин? – неуверенно произнес он.

Дюрер повернулся к нему:

– В чем дело?

– В Вюртемберге говорили, что будто пятнадцать.

– С вашего позволения, – сказал Дисмас.

– Да, мастер Руфус.

– Ваше высочество, в молодости мне довелось повоевать. Я сталкивался с такими наемниками. Их называют ландскнехтами. То еще отребье, как их только земля носит! Этим исчадиям ада самое место в преисподней...

– Ну знаете ли... – с ноткой обиды в голосе начал Карл. – Мои гвардейцы уж как-нибудь управятся с пятнадцатью головорезами.

– Я ни в коем случае не ставлю под сомнение боевые качества гвардейцев вашего высочества. Ваши доблестные бойцы безмерно преданы вам лично и савойской короне. Тем не менее, ваше высочество, при всем моем уважении, я призываю к осторожности. Ландскнехты – истинные псы

Люциферовы! Они не сдадутся без боя и погубят много честных савояров. Однако же больше всего я опасюсь их коварства. Они мастера по части обманных приемов, отродье каверзного Одиссея, создателя троянского коня. Я прихожу в ужас от одной мысли, что они могут проникнуть в Шамбери!

Карл нахмурился:

– И что же вы предлагаете предпринять, мастер Руфус?

– Ваше высочество, необходимо перехватить инициативу и нанести удар прежде, чем ударят по вам. Устройте засаду на дороге в Экс. Скорее всего, головорезы придут именно оттуда. Не помешает и засада у подножья Божских гор, если вдруг ландскнехты выберут этот путь. Пусть ваши войска встретят их артиллерийским огнем.

– Артиллерийским? Но их же всего пятнадцать!

– Зачем рисковать? Как только эти исчадия ада появятся, угостите их картечью. Пусть подождут хвосты, как побитые псы, и, скуля, убегут к своим хозяевам-лягушатникам! После этого французы будут обходить стороной савойские владения. Пусть король Франциск знает, что имеет дело не с Карлом Добрым, но с Карлом Необоримым!

Герцог Карл, ошеломленный этой тирадой, с запинкой произнес:

– Э-э-э... Благодарю вас за ваши советы, мастер Руфус...

Дисмас отвесил глубокий поклон.

– ...и предостережения о коварстве этих паскудников. Мы всецело полагаемся на наших гвардейцев. За такие злодеяния Франциска следует примерно наказать. Мы заставим наемников во всем признаться, а потом опубликуем их признания, чтобы весь мир узнал о вероломстве Франциска, и... – Он с улыбкой взглянул на Дюрера. – О нерушимой дружбе между Савойской короной и Империей. Мастер Ростанг, в наших подземельях найдется место для полутора десятка постояльцев?

– Найдется, ваше высочество, м-гм! Подземелья практически пусты – так, пара-тройка должников.

– Что ж, в таком случае мы познакомим самозванцев с савойским гостеприимством. Возможно, придется провести пристрастное дознание. А есть ли у нас... ну, вы понимаете... Есть ли у нас мастер-дознатель?

– М-гм! Нет, ваше высочество. Если возникает нужда, мы приглашаем палача из Лиона или из Милана.

– В таком случае немедленно пошлите за ним. И поставьте в известность Вильера. Как только мерзавцы появятся у ворот, их следует схватить, заковать в кандалы и препроводить в тюрьму. Пусть поразмыслят о своем греховном поведении. И вот еще что, Ростанг...

– М-гм?

– Устройте все без лишнего шума. Негоже, если по городу поползут слухи о готовящейся диверсии. А в пятницу, после явления святой плащаницы, начнем дознание.

– Слушаюсь, ваше высочество, м-гм.

– Мой любезный граф Лотар, даже не знаю, как благодарить вас за столь своевременное вмешательство! Вы не дали коварному замыслу увенчаться успехом и тем самым пресекли великое злодеяние.

– Ваше высочество слишком любезны. Какие могут быть счеты между друзьями?!

40. Репетиция

– Граф Лотар, как обычно, был выше всяческих похвал, – самодовольно объявил Дюрер.

Дисмасу было не до восхвалений. Он тревожился. Ему так и не удалось убедить герцога Карла в необходимости напасть на преследователей прежде, чем они явятся в Шамбери. А вдруг они придут к воротам Затворников с неопровержимыми доказательствами своих полномочий? Например, с верительной грамотой, носящей подлинную печать императора. Тогда замысел Дисмаса развалится, словно стены Трои. Раздастся стук в дверь, в апартаменты ворвутся савойские гвардейцы, арестуют Дисмаса, Дюрера и всех остальных и немедленно препроводят в пустующий застенок на сеанс *peine forte et dure*^[18] под руководством палача-шабашника из Лиона или Милана.

Впрочем, были и другие заботы. Что замышляет Карафа? Как он собирается похитить святой саван Господень? Вдобавок Дисмас пока еще не придумал, как именно подменить истинную плащаницу Дюреровой.

– О вероломство, имя тебе – Франциск? – язвительно повторил он. – Сильно сказано, что уж там. О тщеславие, имя тебе – Дюрер.

– Ты, безусловно, так же далек от сценического искусства, как и от всякого другого, – с насмешкой сказал Дюрер. – Для вас, швейцарцев, сход лавины – уже спектакль, а выгон скотины из хлева на летние пастбища – настоящая драма. Перед этими феериями меркнут все трагедии Софокла и Эсхила!

– Да уж, драмы сегодня у нас было предостаточно. Я все ждал, когда ты обнажишь меч и с криком «Смерть Франциску!» сиганешь в окно.

– А мне понравилось, – заявил Маркус.

– Спасибо. Отрадно слышать, что среди гельветских автохтонов хоть кто-то способен по достоинству оценить высокий артистизм, – сказал Дюрер и гордо прошествовал на кухню.

– Он всегда у вас такой обидчивый? – спросил Маркус.

Дисмас пожал плечами:

– Одно слово – художник.

Ближе к обеду действительно раздался стук в дверь. Дисмас похолодел. Оказалось, слуга принес послание от Ростанга, с извещением, что репетиция состоится в Святой капелле в четыре часа пополудни.

– Репетиция?

– Репетиция завтрашней живой картины, мастер Руфус. Тайная вечеря.

– Ах да...

За всеми прочими представлениями Дисмас совершенно позабыл о живой картине.

Он замолотил кулаком в запертую дверь опочивальни Дюрера. Нарс куксился, обидевшись на Дисмаса за то, что тот не сумел проявить должного восхищения очередным свидетельством гениальности друга. Наконец дверь приоткрылась. Дюрер одарил Дисмаса угрюмым взглядом.

– Вас вызывают на бис, – сообщил Дисмас и вручил ему записку от Ростанга.

В урочный час Дисмас, Дюрер и Магда пришли в капеллу. Подготовка была в разгаре. По столам раскладывали костюмы, а рабочие деловито устанавливали гигантский расписной задник с панорамой древнего Иерусалима в полнолуние.

– Чудовищно, – вполголоса пробормотал Дюрер.

Святую капеллу спешно преобразали в Сионскую горницу, где Иисус с учениками вкусил пасхальный ужин накануне своей гибели. Под высокими сводами капеллы натянули фальшивый потолок из шатерного холста, чтобы сделать горницу поуютней. Перед алтарем поставили большой деревянный стол с тринадцатью стульями – для Иисуса и дюжины апостолов. К окончанию банкета одно место будет пустовать: Иуда улизнет совершать свое предательское дело.

К ним подошел Ростанг – изможденный заботами, но, по обыкновению, кипуче деятельный – и поклонился графу Лотару:

– А вот и возлюбленный ученик Иисуса, м-гм!

– Довольно эффектно, – одобрил Дюрер сценическое оформление.

– Его высочество крайне придирчивы к мелочам. Тем более в инсценировке Тайной вечера!

Слуга повел Дюрера в ризницу – надеть костюм апостола Иоанна.

– А чем я могу помочь? – спросила Магда и, прежде чем Ростанг успел ответить, предложила: – Надо поглядеть, не найдется ли дел на кухне.

– Славная девушка, – сказал Ростанг. – Экая жалость, м-гм!

– Жалость?

– Что она монахиня, м-гм!

– А-а, это да, – улыбнулся Дисмас.

Понизив голос, Ростанг сказал:

– Есть новости, мастер Руфус.

– Слушаю.

– Я попрошу вас покамест держать их в тайне. Его высочество категорически не желает, чтобы что-либо помешало представлению живой картины и последующему явлению плащаницы. Донесение из Вюртемберга было верным, м-гм!

– Вот как? – взволнованно сказал Дисмас.

– М-гм! Час назад провокаторы попытались войти в город через ворота Затворников. Пятнадцать человек, как мы и предполагали. Слава богу, что, благодаря вашей предупредительности, Вильер организовал им достойную встречу.

– Они... сопротивлялись?

– Недолго, м-гм! Когда вас окружают лучшие бойцы савоярской гвардии с арбалетами наперевес, то положение быстро становится очевидным.

– И они отрицают свои намерения? – отважился уточнить Дисмас.

– О да, м-гм! Они предъявили какую-то бумагу, якобы официальное распоряжение об аресте. Подобные документы легко подделать, а, как известно, французы в этом великие мастера. Не беспокойтесь, мастер Руфус, мы непременно выведем их на чистую воду. После явления плащаницы. А пока что мерзавцев убрали с глаз долой, в глубокий и сырой подвал. Надеюсь, они не страдают ревматизмом. А вот и синьор Карафа! Как самочувствие его высочества герцога Урбинского?

– Он отдыхает, – сказал Карафа, – но просил меня передать свои самые сердечные приветствия вашему господину. Уверяю вас, он ни в коем случае не пропустит этого... – Карафа окинул взглядом капеллу, с трудом подбирая слово, – представления.

– Заверьте его высочество в нашей искренней надежде, что он сможет к нам присоединиться. А теперь, с вашего позволения, я вынужден вас оставить. Столько забот! Столько хлопот, м-гм! – Ростанг поспешил прочь, оставив Дисмаса и Карафу вдвоем.

– Какой занятный старичок, – дружелюбно сказал Карафа. – Да и вообще, все очень забавно, не правда ли?

– Согласен, очень эффектно.

– Герцог Карл предложил моему господину роль Рыбаря.

– Это большая честь. В конечном счете это вторая главная роль. Кстати, очень символично, что ваш господин приходится племянником преемнику святого Петра!

Карафа улыбнулся:

– Положим, Петр в тот вечер не блистал. Не он ли трижды отрекся от

знакомства с Иисусом?

В капеллу вошли какие-то местные вельможи. Слуги начали показывать им костюмы.

Карафа продолжал компанейским тоном завзятого сплетника:

– А герцог Карл неплохо зарабатывает на этих представлениях. Если верить Ростангу, за роли апостолов участники завтрашнего спектакля пожертвовали по двадцать пять дукатов каждый! Собранные деньги якобы предназначены для савойской бедноты. А вот роль усомнившегося апостола Фомы обошлась кому-то всего в пятнадцать дукатов.

– Практически даром.

– А еще Ростанг говорит, что очень тяжело найти исполнителя на роль Иуды.

– Ну, тут-то удивляться нечему.

– Интересно, кто будет играть Иуду? На эту роль, по уму, нужен жид.

– Они там все были жида, – заметил Дисмас. – Вообще-то, странно, что нас призывают презирать евреев. Ведь Иисус был одним из них.

– Дядюшка моего господина, папа римский, весьма снисходителен к жидам. Он даже разрешил им собственную типографию. Любопытно, что они там печатают? Как ни прискорбно, он задолжал им немало денег и не может позволить себе обращаться с жидами так, как они того заслуживают. Надеюсь, его преемник поправит это дело.

– Мне следует проведать моего господина.

– Прежде чем вы уйдете, мастер Руфус, позвольте вам кое-что сказать.

– Я слушаю.

– Я обходился с вами менее учтиво, чем следовало бы. И весьма об этом сожалею.

– Я не держу обиды, синьор.

– Меня чрезвычайно беспокоит здоровье его высочества. Нам с вами прекрасно известно, что его страдания вызваны отнюдь не горной болезнью... Сестра Хильдегарда оказала нам неоценимую помощь. Его высочество признательны.

– Она всего лишь исполнила свой долг.

– Положим, что так, однако его высочество желает выразить свою признательность.

– Это очень любезно, синьор, но, право же, совершенно излишне.

– Что ж, обсудим это позже. Не смею мешать вашим приготовлениям. –

Карафа отошел на пару шагов, обернулся и подмигнул Дисмасу. – Смотрите, как бы вас не определили на роль Иуды!

Расставшись с Карафой, Дисмас, якобы занятый подготовкой к

представлению, сновал по капелле, запоминая каждую мелочь.

Вскоре появилась Магда.

– Ну что?

– Завела дружбу с виночерпием.

– У меня тоже объявился новый друг – Карафа. Похоже, ты произвела хорошее впечатление на герцога Урбинского. Он хочет тебя наградить.

– Ты по-прежнему считаешь, что они намерены похитить плащаницу?

Подумав, Дисмас ответил:

– Да. С чего бы Карафе набиваться ко мне в приятели?

– Ой, смотри! Там...

Ростанг велел слугам установить по обоим концам стола две жаровни для благовоний.

– А на Тайной вечере были благовония? – удивилась Магда.

– Его высочество не выносит благоухания паломников.

Слуга внес серебряный ларец с благовониями и поставил рядом с одной из жаровень.

Магда подошла к столу и, словно из праздного любопытства, взяла из ларца небольшой окатыш и поднесла к носу.

– Знаешь, что это? – осведомился Ростанг.

– Смирна, – ответила Магда.

– Разумеется, м-гм! Все-то ты знаешь! Что ж, мы почти готовы к представлению. – Он улыбнулся и шепотом добавил: – Слава богу, мне удалось уговорить его высочество обойтись без омовения апостольских ног, м-гм!

– Мой господин почел бы за честь, если бы герцог Савойский омыл ему ноги, – с улыбкой заметил Дисмас.

Ростанг взял его за локоть и извиняющимся голосом произнес:

– Прошу прощения, мастер Руфус, но я вынужден просить вас об одной огромной услуге, м-гм!

– Чем могу быть полезен?

– Видите ли, у нас не хватает апостола...

– Уж не Иуды ли? – рассмеялся Дисмас.

– Каждый раз одно и то же, – сокрушенно вздохнул Ростанг. – Его высочество будут очень признательны, если...

– Почту за честь.

Старик с облегчением перевел дух и благодарно посмотрел на Дисмаса:

– Что ж, теперь вы – мой возлюбленный ученик, м-гм!

Судя по всему, Ростанг питал особую приязнь к Магде. Он повернулся к ней и сказал:

– Я бы и тебе с радостью предложил поучаствовать, но его высочество чрезвычайно взыскательны и требуют, чтобы в картине Тайной вечери все было соблюдено до мельчайших подробностей. Женщин там не было. Хотя некоторые и утверждают, что там присутствовала Магдалина.

– Понимаю, – сказала Магда. – Позвольте мне хотя бы помочь в приготовлениях. Говорят, на кухне нужны помощники. Как только представление начнется, я немедленно уйду. Чтобы его высочество наслаждался полной аутентичностью.

– Благослови тебя Господь, м-гм! Кстати, на Тайную вечерю допускаются только непосредственные участники.

– Неужели зрителей совсем не будет? – удивился Дисмас. – Ведь живая картина – это представление.

– Обычно так оно и есть, но только не в данном случае. Герцог считает, что это слишком сокровенная тема. В конце концов, на Тайной вечере не было зрителей.

– Хм, в общем, да... А плащаница там будет?

– Ковчег поставят в центре стола, но саван Господень являть не станут. Зато ковчег послужит великолепным украшением. М-гм!

– Да, украшение бесподобное, – улыбнулся Дисмас.

И тут его осенило. Он вспомнил недавно прочитанный евангельский пассаж.

– Мастер Ростанг, вам знакомо Евангелие от Иоанна?

– Полагаю, что имею о нем некоторое представление, м-гм! – с притворной обидой ответил Ростанг.

– Мой господин хотел бы внести свою лепту в завтрашнее действие, в знак благодарности герцогу. Кое-что из Евангелия от Иоанна.

– Что именно?

– Если помните, там говорится, что на третий день, когда Магдалина пришла к гробнице Иисуса, то заглянула внутрь и увидела... Ну, припоминаете?

– Двух ангелов! В белых одеждах, м-гм! – воскликнул Ростанг.

– Именно, – кивнул Дисмас. – Двух ангелов, сидящих по обе стороны плащаницы.

– М-гм!

41. Что у Иисуса на уме

– А у нас хватит этого дерьма? – спросил Кунрат.

– Не называй его так, – сказала Магда. – Думаю, что хватит. Должно хватить. Ну, по ходу дела выясним.

– Как-то стремно...

– Если не хватит, то я подам вам с Нуткером сигнал. – Дисмас дважды ущипнул кончик носа. – Вот такой. Он означает, что операция отменяется. Если увидите, что я так делаю, то просто войдете, поизображаете благодать и удалитесь. Ничего больше.

– А как это – благодать? – спросил Ункс.

– Будто ангелы, – пояснила Магда и кивком головы указала на Кунрата с Нуткером. – У этих двоих само собой получится. Чисто ангелы небесные.

– Это они-то? Ха!

– Неплохой план, Дисмас, – сказал Кунрат. – Может, это даже и хороший план, но его успех зависит от всяких мелочей, причем должна сработать каждая. Может, все-таки запалим капеллу? В дыму и суматохе легко проберемся к алтарю, подденем решетку ломом, и – фьють! – только нас и видели.

– Кунрат, ну сколько можно! Нет, мы не станем устраивать пожар в Святой капелле. Кстати, моли Господа, чтобы Он не услышал, как ты предлагаешь такую дикость. Еще раз напоминаю, мы осуществляем богоугодное деяние – способствуем перенесению плащаницы, чтобы уберечь ее от похищения герцогом Урбинским и Карафой!

– А что еще тебе сказал Иисус? – простонал Маркус. – Давно ты с Ним беседовал?

– Не святотатствуй, Маркус. Герцог Урбинский и Карафа замыслили выкрасть плащаницу. Я в этом совершенно уверен.

– А если не замыслили? – спросил Кунрат.

– Тогда они преспокойно отправятся в Париж, на крестины французского засранца. И если наш план сработает, мы успешно перенесем Шамберийскую плащаницу.

– И что потом?

– Как ты думаешь, Кунрат, что нам делать с плащаницей? – со вздохом спросил Дисмас.

– А ты знаешь, какой у нас приказ? Доставить плащаницу Альбрехту. Но сначала прикончить тебя.

Магда ахнула.

– Не волнуйся, сестренка, – сказал Кунрат. – Это у нас раньше был такой приказ. Теперь-то мы все – друзья.

Магда расцеловала Кунрата, а потом и Нуткера с Унксом:

– Какие вы все-таки молодцы!

Ландскнехты зарделись.

– Но раз мы друзья, то надо сообща решить, что делать с добычей, – продолжил Кунрат. – Как по мне, надо отвезти ее в Базель и продать на Дисмасовой ярмарке святынь. Сколько нам за нее дадут?

Дисмас прикинул в уме. Представил себе эту сцену. Шенк придет в восторг.

– Кучу денег, – сказал он. – Но сделку придется совершать втихаря. Не можем же мы заявиться в Базель и сказать, мол, тут у нас Шамберийская плащаница, свежевыкраденная у герцога Савойского... Надо будет потихоньку выйти на десяток основных маклеров и посмотреть, что скажет рынок.

– А что скажет рынок? Сколько дадут?

– Очень много, Кунрат. Столько, что каждому из нас до конца жизни можно будет не беспокоиться о деньгах.

Ункс радостно потер руки.

– Но прежде чем подсчитывать наши шекели, давайте подумаем, чего бы хотелось Иисусу, – продолжил Дисмас. – Хотелось бы Ему, чтобы мы выкрали Его саван у герцога Карла и продали покупателю, предложившему лучшую цену?

– Он же сам говорил, мол, блаженны нищие, – напомнил Кунрат. – А мы и есть нищие.

– Верно подмечено, – согласился Нуткер.

– Если вам хочется цитировать Писание, то в данном случае больше подходит другое, – сказал Дисмас. – «И делили одежды Его, бросая жребий».

– О чем это он? – спросил Нуткер у Кунрата.

– Как тебе не стыдно, Нуткер, – сказала Магда. – Это же из Евангелия! Неужели ты ни разу в жизни не был в церкви?

– Я просто...

– Ты просто подсчитываешь свои шекели, прежде чем их заполучить, Нуткер. Неужели ты не понимаешь, что Дисмас печется о спасении наших душ?

Ландскнехты недоуменно переглянулись: мол, каких еще душ?

– Если мы выкрадем саван Иисуса ради того, чтобы продать, – продолжала Магда, – то что мы скажем Господу в Судный день?

– Я так и скажу, мол, спасибо Тебе, Господи, за денежки, которые я выручил за Твой саван и с удовольствием потратил, – заявил Ункс.

– А я скажу, что благодаря этим денежкам я ушел из ландскнехтов и больше не зарабатывал на жизнь убийством, – добавил Нуткер.

– Точно, – подтвердил Кунрат. – Воистину Иисус наставляет нас на праведный путь! Плащаницу надо брать. Теперь и я сам воочию узрел этот... как там его...

– Промысел Божий.

– Да, вот это самое.

Дюрер удивленно покачал головой:

– Да вы, оказывается, искусные богословы!

– Погодите, – вмешался Дисмас, – по-моему, у Иисуса на уме совсем иное.

– Хватит! – взмолился Маркус. – У меня от вас башка трещит. Нет, это я не о тебе, Магда. Что у Иисуса на уме? Да Он сейчас хохочет над вами до усрачки! Плащаница поддельная! Они все поддельные. Дисмас сам утверждал, что она поддельная, пока эти суки в Майнце не превратили его мозги в кашу. И теперь он воображает, что простыня с ним разговаривает!

– погоди, Маркус, – начал Дисмас.

– Заткнись, Дисмас. Как друг тебя прошу. Ты не в себе. Сколько лет мы с тобой знакомы? Сколько раз мы вместе прошли через адское пламя? Тебе же никогда раньше не приходило в голову вести разговоры с холстиной!

– послушайте, – сказала Магда, – по-моему, Маркус имеет в виду...

– Что я тронулся умом, – вздохнул Дисмас.

– В общем, так, – заявил Маркус. – Я не знаю и знать не хочу, что у Иисуса на уме. Если мы собрались похитить плащаницу, то так и поступим. А завтра, если будем живы, решим, что с ней делать. Будем голосовать. И Иисусу тоже голос дадим.

Воцарилось всеобщее молчание.

– Не знаю, настоящая она или нет, – сказал наконец Дюрер, – но мне совершенно не хочется, чтобы этот кобель герцог Урбинский стащил ее у герцога Карла. Карл – милейший человек.

В конце концов все согласились поступить как задумано, а уж потом решать, что делать дальше.

Ландскнехты объявили, что им необходимо промочить глотки, пересохшие от разговоров. Дисмас отпустил всю троицу, предварительно взяв с них слово не напиваться вдрызг, поскольку в ответственный день всем необходимы ясные мозги.

Маркус отправился вместе с ландскнехтами – по просьбе Дисмаса, которому не хотелось оставлять их без присмотра. Магда ушла к себе и села за шитье. Дисмас с Дюрером остались вдвоем.

– Ну же, помогай, – сказал Дюрер.

Плащаница Дюрера лежала на столе архидьякона. Ее требовалось

сложить точно так, как ту, что хранилась в капелле: дважды вдоль, затем дважды поперек, потом снова вдоль, и так далее, в тридцать два слоя.

Потом приятели долго смотрели на сложенную плащаницу.

– Хорошо получилось, Нарс.

– Угу... Даже лучше, чем у Карла. Жалко отдавать ее этой свинье Альбрехту. Если у нас получится – что тогда?

– Похоже, нам предстоит голосование.

– А если большинством голосов потребуют вернуть плащаницу Карлу? Ты уверен, что ландскнехты согласятся с решением? У нас все-таки не городской совет старейшин.

– Поживем – увидим.

– Вообще-то, это глупо, конечно. Мы рискуем жизнью, чтобы похитить то, что потом придется возвращать.

– Да, не самый разумный поступок. Но разумно ли воображать, будто с тобой разговаривает кусок холста? И разумно ли верить, что полторы тысячи лет назад покойник через три дня восстал из гроба?

Магда сидела на кровати, прислонившись спиной к стене, и сшивала белые полотнища, ворохом лежавшие у нее в ногах. Дисмас сел на кровать, опустил голову Магде на колени и уснул.

Проснувшись наутро, он возрадовался, что плащаница не являлась ему в снах.

42. А вдруг они выпьют вино?

Представление Тайной вечери должно было начаться в шесть часов вечера.

– Не опаздывайте, пожалуйста, – предупредил Ростанг.

После полудня Дисмас с Магдой отправились в Святую капеллу, изображая усердных помощников. По счастью, в капелле было полным-полно слуг и мастеровых.

Магда ушла на кухню. Дисмас деловито расхаживал вокруг большого стола, двигал стулья, аккуратно складывал салфетки. Ларец с благовониями стоял рядом с одной из жаровень в конце стола. Дисмас склонился над ларцом, будто разглядывая филигранную работу ювелира, и приподнял крышку. Он вытащил комочек смирны, понюхал его с видом знатока и, украдкой потянув за потайной шнурок в рукаве, высыпал в ларец содержимое длинного мешочка, вшитого Магдой в подкладку дублета. Потом Дисмас закрыл ларец и снова принялся переставлять

стулья.

Он дождался возвращения Магды, и они вдвоем покинули капеллу.

На Парадном подворье загрохотали колеса. По вымощенному булыжником въезду катила карета. За ней последовала вторая, третья... Их набралось больше дюжины. На каждой красовался фамильный герб герцогов Медичи. Среди них Дисмас заметил небесно-голубой экипаж Карафы. Кареты описали круг по двору и остановились у входа в королевские апартаменты.

– Что бы это значило?

Лакеи выносили из апартаментов багаж и грузили по каретам.

– Герцог Урбинский уезжает!

– Слава богу, – вздохнула Магда.

Кареты продолжали прибывать. Из королевских апартаментов вышел Ростанг и направился в капеллу. Завидя Дисмаса с Магдой, он приветственно помахал им рукой.

– Что происходит? – спросил его Дисмас.

Не скрывая радости, Ростанг объявил:

– Наш досточтимый гость отбывает в Париж, на крестины. Мы будем по нему скучать, м-гм!

– Он лишает себя удовольствия лицезреть живую картину и явление плащаницы?

– Увы! Синьор Карафа уведомил меня, что его высочеству нездоровится. Путь до Парижа неблизкий, вот они и решили выдвинуться загодя. У этих итальянцев всегда столько поклажи! Они обожают наряжаться. Что ж, мастер Руфус, сестра Хильдегарда, ровно в шесть, хорошо? М-гм!

Ростанг торопливо удалился.

Дисмас возликовал вдвойне. Теперь можно было не опасаться ни за плащаницу, ни за Магду. Он чуть было не заключил Магду в объятия, но вовремя одумался: она была в монашеском облачении, а вокруг сновали люди.

– Идем скорей! – радостно торопил он ее.

Он чувствовал себя птицей, выпущенной из клетки на волю. Ноги несли его, едва касаясь булыжников мостовой. Дисмас с Магдой так быстро взбежали на третий этаж, в апартаменты архидьякона, что Магде пришлось задрать рясу, чтобы не запутаться в подоле. Дисмас вихрем пронесся по апартаментам, перепугав Дюрера и остальных.

– Чудесная новость! – объявил Дисмас, переведя дух. – Чудесная, великолепная новость! Итальянцы уезжают! Собирают вещички и

сваливают на хрен в Париж!

– И что? – спросил Нуткер.

– А ты не понимаешь? Это означает, что плащаница им не нужна. А значит, друзья мои, нам совершенно незачем устраивать ее перенесение! – Дисмас в изнеможении плюхнулся на стул. – О, счастливый день!

– По-моему, мы договорились сначала ее украсть, а потом уже решать, – напомнил Кунрат.

– И по-моему, тоже, – сказал Нуткер.

– Ребятюшки! – взмолился Дисмас. – Герцог Карл – милейший человек. Зачем нам похищать его реликвию?

Ландскнехты задумались.

– А как же твоя епитимья? – спросил Кунрат. – Ты же нам плешь проел своими бесконечными причитаниями, что, мол, гореть тебе в аду, коли не исполнишь епитимью!

– Кстати, моя епитимья... – кивнул Дисмас. – Видишь ли, Кунрат, я долго над этим размышлял. Какой священник дерзнет наложить такую кощунственную епитимью – выкрасть саван Иисуса Христа? Вот Лютер бы так поступил?

– Очень ловко у тебя выходит, – нахмурился Кунрат.

– Ах, Кунрат, – расхохотался Дисмас, – поверь, я глубоко тронут твоей заботой о моей бессмертной душе. Это действительно ловко вышло!

– Ты сам сказал, что мы сперва ее умыкнем, а потом проголосуем, продавать ее или как.

– Кунрат, да пойми же ты, итальянцы уезжают.

– И что с того? План есть план. По-моему, надо действовать, как уговорились. А потом проголосуем, что делать с ней дальше.

– А как быть с вином и благовониями? – вмешался Дюрер, напомнив о практической стороне дела.

Дисмас спохватился. О господи, его так обрадовал отъезд итальянцев, что все остальное вылетело из головы.

В дверь постучали. На пороге стоял слуга Карафы, тяжело переводя дух.

– Синьор Руфус! Сестра Хильдегарда!

– Что стряслось?

– С герцогом Урбинским случился удар! Его высочество при смерти. Зовет сестру Хильдегарду.

– Но он же уезжает?

– Приступ настиг его внезапно. Мы уже послали за исповедником. Умоляю вас, сестра! Скорее. Не забудьте вашу настойку.

Магда схватила аптекарскую сумку.

– Я пойду с тобой, – сказал Дисмас.

Она жестом попросила его притворить дверь, чтобы слуга не слышал их разговор.

– Подожди здесь, – велел Дисмас посыльному и захлопнул дверь.

– Ты должен пойти в капеллу, – сказала Магда.

– Но...

– Я не знаю, что делать с благовониями. Вино стоит в большом глиняном кувшине на кухне, у двери в капеллу. Кувшин накрыт салфеткой с красным крестиком.

– Не могу же я вот так, запросто, унести из кухни кувшин вина?

– Виночерпия зовут Бертран. Он такой толстяк, в красной шапочке с вышитым гербом Савойи. Он все время со мной заигрывал. Ты ему шепни, мол, сестра Хильдегарда будет ждать вас в замковом саду после представления. Он очень обрадуется! А как будешь выходить, опрокинь кувшин. Притворись, будто ненароком задел его на ходу.

– А вдруг кувшин куда-нибудь переставили? А вдруг вино подадут к столу?

– Тогда Иисус и его апостолы проведут незабываемую Тайную вечерю, – сказала Магда. – Не волнуйся, Дисмас. Кувшин на месте. Опрокинь его, пролей вино. Тебе же ничего за это не будет. Разве что обругают.

– А как быть с благовониями? С ними-то что делать? Еще и ларец опрокинуть? Ладно, что-нибудь придумаю. Не хочется отпускать тебя к герцогу Урбинскому...

– Не волнуйся, Дисмас. Герцог при смерти. Все скоро кончится. – Она улыбнулась и поцеловала его. – А теперь ступай и будь хорошим Иудой.

Магда ушла в сопровождении посыльного.

43. Не прогуляться ли нам?

В великом беспокойстве Дисмас устремился в Святую капеллу. В замковом дворе у входа в королевские апартаменты все еще стояла вереница карет. Лакеи продолжали грузить вещи. Странно. Ведь герцог Урбинский при смерти... Неожиданно Дисмаса окликнули.

Он обернулся. К нему через двор шел синьор Карафа. «Что он тут делает? Почему камердинер герцога покинул своего умирающего господина?» – подумал Дисмас.

– Так вот вы где! – с неподобающей радостью воскликнул Карафа.

– Синьор, я... Как его высочество?

– Упокоился.

Дисмас прижал руку к груди и поклонился:

– Примите мои самые искренние соболезнования в этот горестный час.

– Нет-нет, я хотел сказать, он отдыхает. Уснул.

– Уснул? Но ваш посыльный сказал, что... Сестра Хильдегарда ухаживает за его высочеством?

– Мастер Дисмас, сегодня такой чудесный день. А не прогуляться ли нам?

Дисмас не двинулся с места:

– Почему вы меня так называете?

– Потому что вас так зовут, – улыбнулся Карафа. – Как символично: Дисмас, Добрый Разбойник! А как там звали злого разбойника? Гестас! Все почему-то помнят лишь имя Доброго Разбойника. Забавно, правда? Ну, пойдете же.

– Где сестра Хильдегарда?

– Разве я сторож сестре вашей? Ха-ха, вот я и пошутил! Хотя обычно не шучу. Не мой стиль, понимаете? Идемте же.

Дисмас направился к королевским апартаментам.

– Там ее нет, мастер Дисмас, – сказал Карафа. – Не упирайтесь. Какая вам будет польза, если все узнают, кто вы такой на самом деле и с какой целью сюда прибыли?

Дисмас замедлил шаг.

– В ваших же интересах выслушать меня, мастер Дисмас.

Сердце Дисмаса бешено застучало. Он поравнялся с Карафой.

– В такой чудесный день лучше обойтись без отпирательств, – сказал Карафа. – Договорились? Вот и славно. Наконец-то мы сможем поговорить начистоту, без притворства. Ваш приятель, так называемый граф Лотар, – превосходный актер. По-моему, я его где-то встречал. Не во Флоренции ли? Меня очень позабавило его заявление о том, что его крестный – ярый заступник Савойского герцогства. А почему вы приуныли, Дисмас? Вам не хочется болтать о пустяках? Нет? Отлично. Я тоже не любитель праздной болтовни. Мы с вами занятые люди. Я – камердинер его высочества, вы – собиратель реликвий при дворе Фридриха Саксонского. И при дворе кардинала Майнцкого! Что ж, у слуги двух господ хлопот еще больше, чем у меня.

Их окружили телохранители Карафы.

– Пожалуй, нет нужды объяснять, что мне от вас требуется. Вы мне

кое-что добудете, а взамен вам кое-кого вернут. Ах, какие облака! Савойя – чудесный край. Ему самое место в составе Франции. Значит, встречаемся после Тайной вечери? Договорились. Как хорошо, что герцог Карл обожает свои дурацкие живые картины. Нам это очень на руку.

– А давайте похитим его и начнем кромсать по кусочку, пока он ее не вернет.

– Ничего не выйдет, Нуткер, – ответил Дисмас. – Нам к нему и на десять ярдов не подойти. С его телохранителями справится разве что конный эскадрон.

– А к нему и не нужно подходить, – заявил Маркус.

– И что? Ну пристрелишь ты его из арбалета... Это вернет Магду?

– Может, пожаловаться Ростангу? – предложил Дюрер.

– Да ты с ума сошел, Нарс! Если Ростанг узнает, кто мы такие, то вряд ли придет в восторг. В подземелье Шамберийского замка томятся пятнадцать имперских карателей с распоряжением о нашем аресте. Им нас и отдадут. Знаешь, как в Швабии наказывают за убийство благородных особ? Преступника заковывают в цепи и медленно опускают в яму с голодными псами. И собаки раздирают его в клочья. Таковую казнь называют «Цербер», по имени псины, что охраняет ворота ада. Хочешь попробовать? У нас нет выбора. Или мы отдаем Карафе плащаницу, или для Магды все закончится хуже некуда.

– Я только одного не понимаю, – сказал Дюрер. – Как этот гад пронюхал?

– Да какая разница, Нарс? Главное – он знает. Может быть, вот из-за этого. – Дисмас показал свои изувеченные ладони. – Недавно я сдуру забыл надеть перчатки, и Карафа заметил мои раны. Он наверняка осведомлен о всевозможных пытках, применяемых в разных городах, и знает о «малой марионетке». В общем, он догадался, что я просто притворяюсь слугой германского графа. Между прочим, он вспомнил, что встречал тебя во Флоренции. Но это не важно. Либо мы добываем ему плащаницу, либо Магду ждет мученическая смерть. – Он встал из-за стола. – Все это случилось по моей вине. Я не имею права рисковать вашими жизнями. Уезжайте из Шамбери. Немедленно. А я сдамся на милость герцога Карла, расскажу все начистоту, и он заставит Карафу отпустить Магду. Остальное не имеет значения.

Первым заговорил Ункс, простодушный и недалекий Ункс:

– Она наша сестренка.

Никаких иных слов не требовалось.

– Предположим, мы раздобудем плащаницу для этого гада, – сказал Кунрат. – Но вы уверены, что он отпустит Магду?

– У нас нет другого выхода.

– А надежда невелика, – вздохнул Дюрер.

Дисмас погрузился в размышления. Он расхаживал по апартаментам архидьякона и внезапно заметил миниатюру в рамочке под стеклом. Дисмас снял картинку со стены:

– Нарс, сколько времени тебе надо, чтобы такое нарисовать?

– Копию вот этого?!

– Нет, не копию, а другую миниатюру.

– Ну...

– Даю тебе час.

– Час?!

– Нарс, мне не нужен шедевр.

Дисмас объяснил приятелю свою задумку, и Дюрер ворча отправился к себе. Часом позже миниатюра была готова. Дисмас поместил ее в рамку и вставил стекло.

– Отлично, Нарс. Просто замечательно. А теперь возьми бумагу и записывай. Я буду диктовать.

Дюрер писал под диктовку, время от времени недоуменно изгибая бровь.

Когда с письмом было покончено, Дисмас сказал:

– Давай кольцо.

Послунявив палец, Дюрер стянул кольцо с фамильным гербом Лотара. В ящиках письменного стола архидьякона нашелся небольшой кожаный кисет, куда Дисмас спрятал миниатюру и кольцо.

– О, чуть не забыл, – спохватился он.

Он достал миниатюру и, накорябав на обороте три слова, вложил ее обратно в кисет.

– Меч.

Дюрер подал Дисмасу клинок Лотара с выгравированной дарственной надписью.

Дисмас вручил меч и кисет Маркусу и Унксу:

– Все кареты герцога Урбинского стоят у королевских апартаментов. Разыщите среди них небесно-голубую карету Карафы и спрячьте все это в ней. Если кто-то спросит, скажете, что Ростанг велел передать Карафе прощальные подарки от герцога Карла. Как управитесь, идите на конюшню и готовьте лошадей.

Маркус с Унксом кивнули и ушли.

- Думаешь, Ростанг на это поведется? – спросил Дюрер.
- Посмотрим. Если Карафа сдержит обещание, то нам все это не понадобится. А если нет, то это наш последний шанс.
- Господи, спаси и сохрани!
- Будем надеяться, Он сегодня в хорошем настроении.

44. Тайная вечеря

У подножья лестницы, ведущей в Святую капеллу, Дисмас с Дюрером остановились.

- Нарс, ты готов?
  - Нет... Да... Не знаю! Господи, Дис, во что мы ввязались!
- Дисмас протянул ему два комочка льняного волокна и напомнил:
- Вложи в ноздри и дыши только через нос.
  - Да сколько можно! Четвертый раз уже говоришь. А что в вино подмешали? Тоже опиум?

Заткнув ноздри комочками льна, Дисмас ответил:

- Экстракт каких-то грибов.
- Грибов? – встревожился Дюрер. – А вдруг мы всех отравим?
- Нет, Магда говорит, что это грезотворные грибы, они вызывают видения. Ты, главное, не пей вина и дыши через нос.

Ростанг, трепещущий от волнения, объяснил Дюреру с Дисмасом, где им следует переодеться. К шести часам вечера все приготовления завершились. Посторонние покинули капеллу, а участники представления остались.

– Дрожь так и пробирает, да? М-гм, – шепнул Дисмасу Ростанг. Ему пришлось взять на себя роль апостола Филиппа, потому что заполучивший ее вельможа свалился с коня по дороге в Шамбери. Во всяком случае, так он объяснял свое отсутствие.

Из-за занавеси выступил его высочество герцог Савойский. Двенадцать апостолов встретили его аплодисментами.

Костюм и грим его высочества были выполнены с великим тщанием. Герцог преобразился во вполне правдоподобного, хоть и несколько щеголеватого, галилейского плотника и держал себя чинно, но в то же время одухотворенно. Покраснев от смущения, он коротко поклонился:

- Любезные друзья, займем же свои места!

Дюреру грим был не нужен. Рыжие кудри и борода вкупе с тонкими чертами продолговатого лица делали его идеальным исполнителем роли

возлюбленного ученика Иисуса. Он занял свое место по правую руку от Спасителя.

Место Иуды находилось с краю стола, близ ларца с благовониями. Загримированному Дисмасу прилепили накладной нос, чтобы придать лицу преувеличенно семитские черты.

Остальные апостолы – сливки савойского общества, знатные вельможи и высокопоставленные чиновники – смотрели на Дисмаса с презрительным отвращением. На его приветливые улыбки отвечали холодными взглядами и поджатыми губами. Неудивительно, что Ростангу было трудно отыскать исполнителя на роль Иуды. «Да, не сладко быть иудеем среди христиан», – подумал про себя Дисмас.

На столе стоял большой глиняный кувшин, накрытый салфеткой, помеченной крохотным красным крестом. Дисмас взял кувшин и двинулся вокруг стола, наполняя вином чаши апостолов. Поблагодарил его только герцог Карл. «Интересно получается, – подумал Дисмас. – Иисус – единственный вежливый человек за столом».

Дюрер рассеянно поднес чашу к губам. Дисмас громко кашлянул. Дюрер, спохватившись, притворился, что сделал глоток.

В жаровнях для благовоний мерцали тлеющие угли. Дисмас подошел к ларцу, зачерпнул пригоршню смирны пополам с маковыми шариками Парацельса и высыпал на угли. К потолку поднялись клубы густого дыма.

– Ах, смирна! – воскликнул герцог. – Мой любимейший дар волхвов. Кому нужно золото, если есть смирна! – Он втянул носом воздух и поморщился. – Должно быть, из старых запасов. Итак, братие, начнем, пожалуй. – Герцог воздел чашу и возгласил: – За призвавшего нас в Сионскую горницу!

Все осушили чаши. Дисмас немедленно поднялся и, обойдя стол, еще раз наполнил чаши до краев и снова услышал благодарность только от Иисуса.

Вернувшись на свое место, Дисмас всыпал в жаровню еще горсть благовоний. Над столом зависла гряда кучевых опиумных облаков. Воздух в горнице словно бы сгустился.

Глаза присутствующих подернулись пеленой, а речь становилась все менее внятной. Дисмас, обнадеженный этими симптомами, с усердием подливал в чаши приправленное грибами вино и подсыпал опиум в жаровни.

Апостол Иаков Алфеев, очарованно глядя на горящую свечу, коптил в пламени кончик пальца. Иуда Фаддей замороженно поглаживал бороду апостола по соседству, приговаривая, что на ощупь она точь-в-точь как

причинное место его супруги. Варфоломей разорвал пресную лепешку на куски, скатал хлебные шарики и пытался ими жонглировать. Иаков Зеведеев постучал по столу ладонью, приложил ухо к столешнице и напряженно вслушивался, шикая на остальных.

– Вот, – сказал он Варфоломею, – слышишь?

Заинтригованный Варфоломей тоже начал колотить по столу.

Симон Зелот пытался ухватить себя за язык и, улюлюкая, вытянуть его изо рта как можно дальше.

Герцог Карл хлопнул в ладоши, призывая к тишине, но, вместо того чтобы произнести тост, с чрезвычайным любопытством принялся разглядывать свои пальцы.

– Па-а-а-а-слу-шай-те... – наконец протянул он. – Па-слу-у-у-у-у-у-шай-те все-е-е-е-е... – С трудом поднявшись на ноги, он воззвал к апостолам: – И-и-и-истин-но говорю-ю-ю-ю...

На него не обращали внимания. Каждый был занят своим делом: кто вытягивал язык, кто коптил палец, кто стучал по столу...

Карл обмяк, внезапно погрузился и завалился на возлюбленного ученика Иисуса.

Матфей стукнул чашей по столу и возопил:

– Боже!

– О господи! – вздрогнул Карл. – Что там еще?

– Не я ли тот мудака, что предаст тебя-я-я-я?..

– Понятия не имею, – вытаращился на него Карл. – А ты вообще кто?

– М-м-м-матфей!

Несколько апостолов организовали кружок любителей хорового пения и оглашали горницу звуками, отдаленно напоминая григорианский хорал, сопровождаемый завываниями своры гончих.

«Стража за дверями, наверное, только диву дается», – подумал Дисмас.

– М-м-минуточку внимания! Ммм... Ми-ну-то-чку! – потребовал апостол Фома. – Вот он, предатель!

Фома указал на Дисмаса и запустил в него чашей – метко, прямо в лоб. К Фоме присоединились остальные. Прикрыв руками голову, Дисмас едва успевал уворачиваться от града посуды, подсвечников и хлебных корок.

Карл захихикал:

– Мальчики, мальчики, не ссорьтесь...

Симон Зелот подхватил тяжелый серебряный ковчег с плащаницей и поднял его над головой, намереваясь размозжить Дисмасу череп.

– Сто-о-о-ой! – скомандовал Карл.

Симон с грохотом опустил ковчег на стол.

Дисмас огляделся. Под холщовым навесом, в клубах густого дыма, порхала летучая мышь, одурманенная опиумом.

Одни апостолы с визгом спрятались под стол, другие швыряли в мышь чем попало. Мышь заметалась.

Герцог Карл прильнул к Дюреру и, расплакавшись, пообещал сквозь всхлипы больше не устраивать Тайных вечереЙ.

Дюрер в смятении посмотрел на Дисмаса. Тот приложил салфетку к рассеченному лбу, чтобы остановить кровь.

– Надо что-то делать, – одними губами промолвил Дюрер.

Дисмас подошел к выходу и трижды стукнул в дверь. Дверь приоткрылась.

– Что тут у вас? – спросил стражник.

– Глоссолалия.

– Чего-чего?

– Говорение на ангельских языках. Готовы?

Дюрер тем временем утешал герцога, ласково поглаживая его по спине. Дисмас обернулся к приятелю и подал ему условленный знак.

– Узрите!! – громогласно выкрикнул Дюрер.

Тишина оползнем накрыла горницу.

– Ну, ребятки, ваш выход, – шепнул Дисмас Кунрату с Нуткером. – Вперед, плавно и воздушно.

В приотворенную дверь протиснулись Кунрат и Нуткер в белых ангельских облачениях.

Явление ангелов умиротворяюще подействовало на присутствующих. Карл оторвался от плеча Дюрера, омытого герцогскими слезами. Апостолы ахнули и вытаращились. Андрей Первозванный упал в обморок.

Кунрат и Нуткер двинулись к столу. Дисмас, скрытый их широкими спинами, возгласил нараспев:

– А на третий день Мария Магдалина пришла ко гробу, и, найдя его отворенным и пустым, заглянула внутрь, и узрела двух ангелов в белых одеждах...

Кунрат и Нуткер лебедушками подплыли к ковчегу.

Кунрат поднял крышку, достал Шамберийскую плащаницу и, не разворачивая полотно, картинным жестом вознес над головой, на всеобщее узренье.

Дисмас с беспокойством заметил, что Кунрат с Нуткером, забыв о предупреждениях, дышат через рот. Взгляд Кунрата понемногу стекленел. Нуткер суетливо шуршал складками ангельского балахона, нащупывая Дюреру копию плащаницы.

Дисмас надрывно закашлял. Истошное «кхе-кхе» вывело ангелов из наркотического транса. Нуткеру наконец удалось извлечь плащаницу из-под просторных ангельских одежд.

Он изготовился сунуть ее в ковчег. Кунрат, неловко повернувшись, зацепил ковчег локтем и смахнул на пол. Ковчег богато загромыхал и забряцал по каменным плитам. Дисмас зажмурился.

Кунрат благостно улыбнулся, словно низвержение ковчега было частью священного ритуала, издревле завещанного свыше. Ангелы на миг исчезли под столом, а потом появились снова.

Кунрат водрузил на стол ковчег с опущенной крышкой. Расправляя складки спутанного ангельского одеяния, Нуткер кивнул Дисмасу. Подмена осуществилась.

Ангелы чинно попятились к дверям и покинули горницу. Дело было сделано. *Consummatum est*. И слава Богу.

Герцог Карл с апостолами обомлели.

Дисмас сделал знак Дюреру, мол, я пошел. Иуда отправлялся вершить свое гнусное злодеяние.

Дюрер умоляюще вздохнул: «Не оставляй меня!» Герцог Карл, успокоившись, снова склонил голову на Дюрерово плечо и бессмысленным, осоловелым взглядом уставился в пустоту.

Дюреру предстояло держаться до победного конца.

Выскользнув из капеллы через балконную дверь, Дисмас сказал стражнику:

– Я Иуда. Иду предавать Его... Кстати, дверь лучше не закрывать – там душновато.

– Его высочество обожают благовония, – кивнул стражник. – Здесь нам бы тоже не помешало. – Он сморщил нос и кивнул на многотысячную толпу, что теснилась на площади под балконом. – Воньца от этих паломников...

45. С вами у меня разговор окончен

В апартаменты Дисмас возвращался едва ли не бегом. Он думал лишь о том, как бы побыстрее забрать плащаницу у Кунрата с Нуткером и отнести Карафе.

Дисмас стремительно взбежал по лестнице и застыл как вкопанный.

Карафа, стоя посреди комнаты, держал в руках сложенную плащаницу. Его окружали телохранители с обнаженными клинками.

Бездыханный Нуткер навзничь растянулся на полу, в луже крови. Кунрат сидел рядом, приподняв голову товарища. Раскрытые глаза Нуткера остекленели.

– Он не хотел отдавать плащаницу, – вздохнул Кунрат.

– Я же предупреждал, мастер Дисмас, что не люблю тратить время попусту, – заявил Карафа. – Тем более на препирательства со всякой мразью.

По его знаку телохранители схватили Дисмаса, связали ему руки за спиной и толкнули на пол.

– Вы получили что хотели, – сказал Дисмас. – Отпустите девушку. Мы же договорились...

– Верно. Но ваша сестра-монахиня пришлась по душе моему господину. А я – его преданный слуга. Так что наш с вами уговор утратил силу. Какая досада. – Карафа поглаживал плащаницу, словно любимую кошку. – Поздравляю, мастер Дисмас. Представляете, как завтра удивится герцог Карл? Откроет ковчег – а там пусто! Ах, я бы дорого дал, чтобы присутствовать при этом, но, увы, меня заждались в Париже...

Дисмас сообразил, что Карафа не подозревает о существовании Дюреровой копии.

– Вам знакомо понятие чести, синьор?

– Высшая честь – добиться победы. В этом я сегодня преуспел.

– Сучара макаронная, – сплюнул Кунрат.

Один из молодчиков Карафы пнул Кунрата между ног. Кунрат скорчился и застонал.

– Эти ландскнехты – такие невежи, – сказал Карафа. – Никакого представления о хороших манерах. Экая жалость. Впрочем, это не важно. – Поглаживая плащаницу, он продолжил: – Зато они отменные бойцы. Мне доводилось видеть их в деле. Неудивительно, что кардинал Альбрехт отправил их с вами.

Дисмас недоуменно посмотрел на него.

– Кстати, я очень привязался к сестре Хильдегарде, – заявил Карафа. – А как ее, вообще-то, зовут? К женщине, с которой предаешься утехам, из приличия следует обращаться по имени. Хотя забавно будет звать ее сестрой. Пожалуй, я займусь ей, прежде чем передам своему господину. Как-то не хочется подхватить его горную болезнь...

Дисмас невольно рванулся вперед, пытаясь сбить Карафу с ног. Бессмысленный поступок. Телохранители пинали Дисмаса до тех пор, пока Карафа жестом не остановил их. У Дисмаса не было сил сопротивляться.

– А вот и граф Лотар почтил нас присутствием!

Дюрера схватили, связали и швырнули на пол, рядом с остальными.

Дисмас приподнялся. Дюрер с ужасом глядел на него.

– Я только что поздравил мастера Дисмаса с успешным перенесением святыни, – пояснил Карафа. – Теперь ваша очередь принимать поздравления. Вы наверняка исполнили свою роль в Тайной вечере не хуже, чем в предыдущем спектакле.

Дюрер во все глаза смотрел на сложенную плащаницу.

– По-моему, мы с вами знакомы, – сказал Карафа. – Где-то я вас...

– Нет, – ответил Дюрер, покосившись на Дисмаса.

– У меня прекрасная память. Во Флоренции? Или в Венеции?

– Я бы, несомненно, запомнил такую яркую личность, как вы, – пробормотал Дюрер.

Карафа передал плащаницу телохранителю, присел перед художником на корточки, пристально взгляделся ему в лицо и намотал на палец рыжий локон.

– Очаровательные кудри... – Карафа выхватил кинжал из ножен и срезал прядь волос. – На память. Сувенир, – пояснил он и приставил острие клинка к щеке Дюрера. – Жаль уродовать такую милую мордашку... Еще раз спрашиваю: где мы встречались?

– Скажи ему, – выдохнул Дисмас.

– В Венеции.

Карафа, повернув клинок плашмя, с улыбкой шлепнул Дюрера, словно школьный учитель, журящий нерадивого ученика.

– Когда? – спросил он, вставая.

– Когда герцог Урбинский с дожем проверяли, как продвигается работа Тициана над «Успением Богородицы» в соборе Санта-Мария-Глорियोза-деи-Фрари.

– Как же, помню! А в какой роли вы тогда выступили?

– Тициан – мой друг.

– Надо же! А что вы делаете в Шамбери, изображая аристократа среди этого сброда?

– Они тоже мои друзья.

Карафа снова опустил на корточки и приблизил острие кинжала к правому глазу Дюрера.

– Что же мне с вами делать, граф Лотар? Выколоть глаз? Этот? Или этот? – Он поднес кинжал к другому глазу. – Даже не знаю. Как повашему, с какого глаза лучше начать?

– Это Альбрехт Дюрер, – не выдержал Дисмас. – Живописец. Из Нюрнберга. Вы намерены ослепить величайшего германского художника? Вас ославят на веки вечные.

Карафа встал, похлопывая клинком о ладонь:

– Дюрер? Да, я слышал о Дюрере... Величайший германский художник? Неужели среди германцев встречаются великие художники?

– Да, – сказал Дюрер. – Но очень редко. Почти так же редко, как порядочные люди среди итальянцев.

По булыжной мостовой загрохотали тяжелые колеса. Карафа выглянул в окно. Грохот и топот копыт нарастали. По улице одна за другой катили кареты.

– Его высочество отбывают, – сказал Карафа и обратился к телохранителю с плащаницей в руках: – Отнеси это его высочеству. Он заждался. Передай, что я нагоню его по дороге на Экс. Мне тут надо кое-что уладить.

Телохранитель отвесил поклон.

– Возьми с собой Розано и Гриффани, – продолжил Карафа. – И слушай, Фулко...

– Да, синьор?

– Эта вещь дороже всего на свете. Если ты не вручишь ее лично его высочеству, то заплатишься головой.

Фулко еще раз поклонился и ушел с двумя спутниками. В апартаментах остались пятеро телохранителей.

– А теперь устроим новую живую картину, – сказал Карафа. – Как бы нам ее назвать?

Он присел перед Кунратом и с улыбкой перерезал ему горло. Кунрат захрипел, голова бессильно свесилась на грудь.

– Например, «Ландскнехт с перерезанной глоткой». – Карафа встал и отер кровь с кинжала. – А далее по старшинству, от нижестоящих к вышестоящим. Итак... Гм... – Он наставил кинжал на Дисмаса, потом перевел на Дюрера, потом снова на Дисмаса. – Кто же следующий?

Добрый Разбойник или величайший из германских художников? – Присев перед Дисмасом, Карафа сказал шутовским тоном: – Вы следующий, мастер Дисмас. Сами понимаете, величайший художник выше разбойника.

– Вы отправили своему господину подделку, – внезапно сказал Дюрер.

– Вы о чем?

– О плащанице. Это копия. Я сам ее изготовил.

Карафа укоризненно зацокал языком:

– Негоже измышлять ложь, готовясь предстать перед Создателем.

– Это чистая правда.

Помрачнев, Карафа выпрямился:

– Что за чушь?

– Меня привели в Шамбери для того, чтобы я сделал копию плащаницы, – сказал Дюрер. – Настоящую должны были похитить, а вместо нее подсунуть фальшивку. Но плащаницу подменить не удалось. То, что вы передали своему господину, – моя работа.

Карафа помотал головой:

– Не верю.

– Как вам будет угодно. Оставайтесь в Шамбери, полюбуется, как завтра в полдень настоящую плащаницу вывешат с балкона капеллы.

Карафа молча уставился в окно.

– Интересно, что скажет твой господин, когда узнает, что ты его обманул? – спросил Дисмас.

Карафа присел и приставил кинжал к горлу Дисмаса.

– Твоему господину французка все мозги выела, – продолжал Дисмас. – Вот он и возомнил, что плащаница дарует ему исцеление. Но когда он узнает, что в Шамбери явили истинную плащаницу... когда услышит о чудесных исцелениях на площади у капеллы... Догадываешься, что он с тобой сделает?

– О каких еще исцелениях? – фыркнул Карафа.

– Чудеса и исцеления будут обязательно. Я сам слышал, как герцог обсуждал это с Ростангом. При явлении плащаницы народу непременно случаются чудеса. Без этого не обойтись. Так вот, что будет с тобой, когда твой герцог об этом узнает и решит, что ты его облапошил? Когда он поймет, что в надежде на чудесное исцеление прикладывает к своим гнойным язвам подделку, а не истинную святыню? Когда сообразит, что верный камергер его одурачил?

Карафа надавил клинком на горло Дисмаса, потом поднялся, подошел к окну и выглянул на улицу. Напротив, ярдах в тридцати от апартаментов, виднелся балкон капеллы.

– Что ж, допустим, все это правда. Допустим, плащаницу вывесят с балкона. Допустим даже, что будут чудеса. А когда мой господин об этом проведает, я объясню ему, что Карл, узнав о похищении плащаницы, велел вывесить с балкона копию, дабы избежать скандала и огласки кражи. Ведь паломники не в состоянии отличить настоящую плащаницу от поддельной.

– А твой господин поверит, что подделка творит чудеса?

– Еще одно слово, райзляуфер, и я вырежу тебе язык.

«Откуда ему все обо мне известно?» – удивился Дисмас.

– Ради своего же блага подумай, что скажет твой герцог, услышав об исцелении сифилитиков, дарованном Шамберийской плащаницей? А он услышит, не сомневайся. Вести о чудесах странствуют быстрее герцогской кареты.

Кинжал Карафы вонзился в щеку Дисмаса. Кровь хлынула в рот. Карафа снова посмотрел в окно и задумчиво произнес:

– Отличное расположение...

Дисмас сплюнул кровь и заскрипел зубами от боли.

– Да, – пробормотал Карафа, разглядывая балкон. – Отличное... – Он посмотрел на площадь, втянул носом воздух. – Столько паломников... Им нужны не чудеса, а хорошая баня. – Карафа повернулся и окинул взором комнату. – Апартаменты архидьякона. Ростанг упоминал, что их пришлось реквизировать для нежданного гостя. – Взгляд его скользнул по трупам Нуткера и Кунрата. – Надо же, как все загажено. Не архидьяконская резиденция, а настоящая живодерня. Впрочем, когда мы доведем дело до конца, крови здесь прибавится. – Он усмехнулся. – Кстати, архидьякон погибнет от арбалетного болта, выпущенного из окна его собственных апартаментов. Есть в этом что-то символичное.

Карафа приказал одному из телохранителей вызвать арбалетчиков Сильвио и Пелукко. Еще троим – Андино, Синцо и Паоло – было велено приготовить дюжину бомб.

Телохранитель вышел.

– Что ты задумал, Карафа? – спросил Дисмас.

– Улаживаю дела. Вы, мастер Дисмас, были весьма убедительны. – Он свесился из окна и еще раз осмотрел балкон капеллы. – Архидьякон и два епископа развернут плащаницу и, держа ее за верхний край, вывесят с балкона. Сильвио и Пелукко перестреляют их из окна. Они меткие стрелки. Соколов бьют влет. С двухсот футов. Я сам видел. Архидьякон обычно стоит посередине. Сильвио убьет архидьякона, а Пелукко – одного из епископов. Другой епископ схватит плащаницу в охапку и бросится в капеллу. Плащаница будет явлена лишь на миг, поэтому никаких чудесных

исцелений не произойдет. После этого Андино с товарищами забросает паломников бомбами. Бум! бум! бум! Начнется паника, толпа придет в смятение. По замыслу похитителей смятение толпы поспособствует бегству их сообщника, который должен был подобрать упавшую плащаницу... Но плащаница-то не упала... Как тебе мой план, райзляуфер? Заметь, я еще не рассказал самого главного.

– Убийства епископов и паломников? Вам с Сатаной будет о чем побеседовать в аду.

Карафа рассмеялся:

– И это говорит человек, замысливший похищение савана Господня! Не волнуйся, мы с Сатаной давно пришли к взаимопониманию. Гибель паломников – досадная необходимость. Главное заключается в другом. Бомбардировка площади – всего лишь удобный предлог для того, чтобы взорвать бомбу здесь. В этой самой комнате. Якобы по оплошности незадачливых заговорщиков, то есть вас. Именно ваши трупы и обнаружат впоследствии. Порох – непредсказуемая субстанция! Думаю, после такого конфуза герцог Карл надолго забудет о явлении плащаницы народу, а мой господин вскоре покинет земную юдоль. А теперь позвольте откланяться. Мне надо проверить, не задохнулась ли сестра Хильдегарда в сундуке.

– Погоди, – сказал Дисмас.

– Нет, мастер Дисмас, с вами у меня разговор окончен.

– Откуда ты обо всем узнал?

Карафа пожал плечами:

– Что ж, если вам угодно больших предсмертных мучений, то я вас уважу. Папа римский попросил своего племянника, то есть моего господина, заполучить Шамберийскую плащаницу для ватиканской коллекции. Дорога в Париж пролегает через Шамбери, так что удобный случай представился сам собой. Кардинал Альбрехт проведал о наших планах – Ватикан кишит шпионами! – однако, поскольку добрый дядюшка моего господина как-никак понтифик, наши соглядатаи перехитрили епископа Майнцкого. Альбрехт тоже вызвался достать плащаницу для Льва, а в обмен потребовал освобождения от обязательства выплачивать папской казне половину выручки от продажи индульгенций. Он пообещал отправить за плащаницей лучшего похитителя святынь в Европе и упомянул, что вора легко узнать по рукам. Папа не счел нужным принять предложение Альбрехта, поскольку не желал отказываться от весьма выгодной договоренности. Однако же сведения, предоставленные Альбрехтом, оказались очень ценными. Вот и вся история. Что ж, я пойду, иначе сестра Хильдегарда и впрямь задохнется.

46. По местам, господа

Дисмас и Дюрер сидели спиной к стене, рядом с коченеющими телами Нуткера и Кунрата.

Кровь из раны на щеке заливала рот, и Дисмас схаркивал на пол кровавые сгустки.

После ухода Карафы телохранители почти не обращали внимания на обездвиженных пленников. Один стражник нашел бутылку вина. Другой удалился на поиски закуски и вернулся с альбомом Дюрера.

– Это ты рисовал?

Портрет Магды произвел на телохранителей большое впечатление.

– А есть, где она голышом? Вот бы глянуть!

Хохот.

– Молчи, – прошептал Дисмас. – Они тебя нарочно подзуживают.

Солдаты листали альбом, с любопытством рассматривали рисунки: Божские горы, панорама Шамбери, герцог Карл на троне, герцог Урбинский на оттоманке, болезненно-бледный, в преддверии скорой кончины...

– Нравится? – спросил их Дюрер.

– Наши художники лучше.

– А с тебя писали портрет?

– Нафига?

– Чтобы помнить тебя после смерти.

– Девки, которых я трахал, меня и без портрета не забудут.

– А когда и они помрут? Кто тебя тогда вспомнит?

– Какая разница?

– Мои портреты даруют бессмертие.

– Только послушайте этого говнюка!

– А с чего бы иначе императорам и принцам платить мне хорошие деньги за портреты? Благородные особы хотят жить вечно.

– Ладно, давай рисуй меня.

– Я не работаю бесплатно.

Солдат взмахнул бутылкой:

– Стакан вина за мой портрет.

– Я беру за работу больше чем стакан вина.

– Хорошо. Тогда стакан вина, а вдобавок я не стану отрезать тебе яйца!

– Я не могу рисовать со связанными руками.

Стражники вполголоса посовещались. Телохранитель, жаждущий бессмертия, обнажил кинжал, присел перед Дюрером и фыркнул:

– Только попробуй выкинуть какой германский фокус – сдери шкуру, как с апельсина.

Он перерезал веревки на заведенных за спину руках Дюрера.

Дюрер, растирая онемевшие запястья, сказал:

– Принеси мне ящик. Деревянный. Из той же комнаты, где ты нашел альбом.

Телохранитель принес ящик.

– Нужно больше света. Садись сюда, ближе к зеркалу.

Дюрер медленно встал, со стоном покачнулся и незаметно сунул мастихин за спину Дисмаса.

Дисмас начал пилить веревки.

Дюрер усадил телохранителя у зеркала, потребовал свечей и принялся за работу. Он стал неспешно делать набросок углем, хорошо понимая, что мастерство художника обычно завораживает зрителей. Вскоре телохранители замерли у него за спиной, увлеченно наблюдая, как на листе возникают черты их товарища.

– Да чего ты его таким красавчиком малюешь?!

– Заткнись, – сказал натурщик. – Не слушай их, германец. Если мне понравится, дам тебе два стакана вина, перед тем как отрезать яйца!

Дисмас продолжал пилить веревку мастихином. Чуть поодаль валялся кинжал Нуткера, в ножнах.

Одному из телохранителей прискучило смотреть на работу художника. Он принес бутылку вина и встал чуть в стороне от остальных.

Наконец Дисмасу удалось перепилить веревку. Он сжал мастихин в левой руке, глубоко вздохнул и вскочил, правой рукой выхватив кинжал Нуткера из ножен.

Мастихин вонзился в шею солдата с бутылкой. Кинжал Нуткера по рукоять ушел между лопаток второго. Оба рухнули на пол. Дисмас остался без оружия.

Дюрер бросился на очередного противника, но получил кулаком в лицо. Два уцелевших телохранителя, выхватив мечи, угрожающе двинулись на Дисмаса.

Он знал, что все кончено. Ему не выстоять против двух вооруженных здоровяков. Он сделал шаг назад, споткнулся о труп стражника и упал навзничь, с силой ударившись об пол. Перед глазами мелькнули два занесенных клинка... Но не тут-то было.

Стены содрогнулись от дикого рева. Ункс с яростью накинулся на телохранителей, оттолкнул их через всю комнату и завалил на пол. Взмахом меча Ункс снес голову одному и принялся молотить второго

рукоятью. Взбешенный гибелью друзей, он проломил череп противника и превратил его физиономию в жуткое кровавое месиво. Маркус с трудом оттащил Унка прочь.

Тяжело дыша, ландскнехт уселся на пол, а потом, бормоча и всхлипывая, подполз к телам товарищей.

Кунрат был еще жив. Едва. Приподняв ему голову, Ункс прижал его к груди.

Веки Кунрата дрогнули. Он открыл глаза и, глядя на Дисмаса, шевельнул губами.

Дисмас склонился к нему.

– Холст... – выдохнул Кунрат.

– Мы вернем плащаницу, – сказал Дисмас. – Клянусь, мы ее вернем.

– Не то... Нутк... – мотнул головой Кунрат и испустил дух.

Ункс протяжно завыл, раскачиваясь и обнимая неподвижное тело.

На долгие прощания с погибшими не было времени. Дисмас торопливо поведал Маркусу и Унку о гнусном замысле Карафы: арбалеты, бомбы...

– Надо уходить, – сказал Дюрер, потирая разбитую скулу.

Дисмас посмотрел на друга:

– Ты держался молодцом, Нарс.

– Надо уходить, Дис! – повторил Дюрер.

– Нет, – ответил Дисмас.

– Сейчас сюда придут еще пятеро. С оружием. С бомбами!

– Совершенно верно. Их оружие нам пригодится. Маркус, Ункс, приготовьтесь. Нарс, иди к себе.

– Почему?

– Потому, что ты нужен мне живой. Если меня убьют, доставишь Ростангу депешу. Во что бы то ни стало. Ступай к себе и запри дверь.

– Но...

– Запри дверь на засов, кому говорят.

Дисмас повернулся к остальным.

– А вдруг все пятеро ввалятся разом? – спросил Маркус, заряжая арбалет.

– Они не ожидают нападения, – сказал Дисмас. – Это дает нам преимущество.

– С такого расстояния один болт прошьет двоих, а то и троих. Мне как-то довелось по счастливой случайности одним выстрелом снять четверых...

– Если меня убьют, проследи, чтобы Нарс вручил депешу Ростангу, – вздохнул Дисмас. – Это наша последняя надежда.

- А Ростанг поверит?
- Должен поверить... У Карафы тридцать солдат, а нас всего четверо. Поклянись, что выполнишь.
- Эх, и зачем только я остался в этом Шамбери! Гулял бы сейчас по золотой брусчатке...
- Ага. Сидел бы на необитаемом острове. Или ублевался бы вусмерть. Ну, обещаешь?
- Ладно, договорились.

47. Да уж, не помешает

По ступенькам лестницы затоптали сапоги.

Дисмас, вооружившись мечом и кинжалом, вжался спиной в стену с одной стороны дверного проема. Ункс встал по другую сторону. Маркус пригнулся за перевернутым столом у окна, прямо напротив двери.

– Главное, нас не подстрели, – шепнул ему Дисмас.

Шаги на лестнице приближались. Судя по звуку, шли пятеро.

Сердце Дисмаса тревожно забилось. Рана в щеке кровоточила.

Вот они уже и за дверью.

Дверь распахнулась. Солдаты Карафы застыли на пороге.

Дисмас и Ункс одновременно рванулись к ним, гуртуя противника. Маркус встал из укрытия и выстрелил. Арбалетный болт пронзил шею первого солдата, пробил насквозь грудную клетку следующего и, выйдя у него между лопаток, вонзился в стену. Ункс быстро прикончил еще двоих, а Дисмас позаботился о последнем. Все произошло в считанные секунды. Квартира архидьякона действительно превратилась в живодерню. Одиннадцать тел распластались на полу.

Маркус с Унксом собрали оружие убитых. Неплохой урожай: два арбалета и два ящика с бомбами – бутылками, начиненными порохом.

Каждая из двенадцати бутылок была плотно закупорена пробкой с фитилем. Самая большая бомба, очевидно, предназначалась для взрыва в апартаментах, чтобы убить похитителей плащаницы и сокрушить их богомерзкую каверзу.

– Поосторожнее с этим добром, – предупредил Дисмас.

– Вот эту я собственноручно запалю и запихну поганому макароннику в жопу, – заявил Ункс, указав на самую большую бутылку.

Дисмас подошел к дверям опочивальни Дюрера:

– Нарс, отпирай!

Дверь чуть приоткрылась. Дюрер, зажав в кулаке мастихин, выглянул в щелку:

– Что, уже?

– Да, дело сделано.

Дюрер с тяжелым вздохом распахнул дверь.

– Переодевайся, – велел ему Дисмас и вернулся к Маркусу с Унксом.

– А если Ростанг не поведется? – спросил Маркус.

– Тогда нам не жить.

У Дисмаса подкосились ноги. Маркус усадил его в кресло:

– Надо бы остановить тебе кровь.

Он ушел на кухню и вскоре вернулся с добела раскаленной кочергой.

– Держи его, – скомандовал он Ункусу.

Ункс обхватил голову Дисмаса. Маркус сунул в рану кончик кочерги.

Сознание Дисмаса помутилось от боли. В комнате запахло жареным мясом.

Маркус протянул Дисмасу маковый шарик Парацельса:

– Съешь, полегчает.

Дисмас помотал головой.

За окном раздался стук колес и топот копыт. Дисмас украдкой выглянул в окно. Карафа.

Вслед за каретой Карафы подъехала вторая, с большим сундуком на запятках. Дисмас пересчитал всадников. Тридцать. Личная гвардия Карафы.

Дисмас пошел к Дюреру. Мертвенно-бледный Нарс в графском наряде сидел за столом, уныло глядя на депешу.

– Пора, Нарс. Помнишь, что говорить?

– Помню, – вздохнул Дюрер. – А что говорить, когда Ростанг велит заточить меня в подземелье?

– Слушай, он же добродушный старикан. Да и Карла не просто так прозвали Добрым. Воззовешь к его христианскому милосердию, предложишь свои услуги живописца... Может, станешь величайшим савойским художником.

Дюрер взял депешу со стола. На этом послании тоже красовалась печать архидьякона.

Дюрер с Дисмасом молча смотрели друг на друга. Оба понимали, что вряд ли еще увидятся.

– Да пребудет с тобой Господь, Нарс.

– Да уж, не помешает.

В дверях Дюрер обернулся:

– Дис...

- Что?
- Верни ее.

48. Мост

Дисмас, Маркус и Ункс выехали из города через ворота Затворников и повернули на север, к Эксу.

Лошадей гнали галопом по Ру-де-Буа. Дорога шла лесом, параллельно главному тракту. Надо было любой ценой перехватить Карафу. Если он нагонит кортеж герцога Урбинского, то будет неуязвим под защитой сотен конных и пеших солдат. Во что бы то ни стало требовалось добраться до моста раньше Карафы.

Скакать ночью через лес, по дрянной дороге, было непросто. Единственное преимущество погони заключалось в том, что всадники двигались быстрее груженной кареты. Им предстояла стычка с Карафой и его гвардейцами.

До моста друзья добрались за два часа бешеной скачки, чудом не загнав лошадей. По прикидкам Дисмаса, Карафу удалось обогнать на полчаса пути, а то и меньше.

Ункс отправился обследовать мост, а Дисмас с Маркусом ушли на поиски подходящего укрытия для Маркуса с его арбалетами. В полусотне ярдов от моста обнаружилась россыпь крупных валунов, а за ними – старое русло реки, поросшее кустарником, где можно было спрятать лошадей.

– Не далекоато ли? – спросил Дисмас.

Маркус укоризненно посмотрел на него:

– Прости, я не думал тебя обидеть.

Они спрятали оружие среди валунов и пошли помогать Унксу на мосту.

Ункс обливался потом, пытаясь в одиночку сдвинуть тяжеленный брус настила. Мост был построен так же, как главный подъездной мост в Шамбери, – на итальянский манер, с разборным настилом, позволявшим задержать продвижение неприятеля.

Чтобы оттащить брусья с моста, их обвязали веревкой и воспользовались тягловой силой одного из коней. Если очень повезет, то солдаты Карафы, приблизившись к мосту на всем скаку, в темноте не заметят полуразобранный настил. Высвобожденные брусья сбросили в Лейс, и течение унесло их на песчаную отмель.

Приятельки вернулись к валунам. Маркус собрал три арбалета, вместе с Дисмасом и Унксом проверил краникены и зарядные механизмы, а потом

аккуратно разложил болты на расстеленной кожаной скатке.

– Главное, чтобы они не появились до рассвета, – хмыкнул Маркус. – Я, конечно, неплохой стрелок, но в темноте видеть не умею.

Ункс хотел спрятаться под мостом, чтобы забросить в карету Карафы парочку «гранатиков» – так он называл бомбы.

Дисмас помотал головой. В карете могла быть Магда.

– Ты же говорил, что она в сундуке, – напомнил Ункс.

– Ну, мало ли. А вдруг он... – Дисмас осекся. Об этом даже думать не хотелось.

– А я сперва загляну внутрь. Если ее там нет, то – бабах!

– Тебя немедленно изрубят на куски. Там тридцать солдат, Ункс.

– Да хоть пятьдесят!

– Нет, не будем рисковать. К тому же в темноте не разглядеть, кто сидит в карете. Вот если они прибудут засветло, тогда другое дело.

Ункс кивнул.

– Ты же знаешь, что сделает Карафа, как только поймет, что происходит? – сказал Дисмас, отчетливо представляя, как мерзавец хватает Магду и подносит кинжал ей к горлу. И что тогда? Уповать на Бога, что Маркус, будто возрожденный Вильгельм Телль, пронзит Карафу арбалетным болтом, не задев Магду?

– Если она в сундуке, – сказал Маркус, – то пусть только попробуют ее оттуда вытащить. Обещаю, им это дорого обойдется.

Дисмас воображал развитие событий. Темнота, непредсказуемые «гранатики»... А отборные гвардейцы Карафы не станут дожидаться, пока Маркус нашпигует их болтами. Вся надежда была на Дюрера. Единственная надежда...

Дисмас в изнеможении прислонился к валуну.

– Как начнем, они быстро смекнут, что к чему, – сказал Маркус. – Я уложу сколько сумею, но они пойдут в атаку. Жестко... – Он усмехнулся. – Помнишь, как было при Чериньоле? Когда д'Алегр приказал отступить, а эти хинеты, мать их в душу, испанские конники, все равно на нас поперли?

– Вот какого черта ты помянул Чериньолу?

– Да так, хотел тебя подбодрить. Мы ж тогда уцелели.

– Спасибо, обнадежил.

Все молчали. Говорить было не о чем. Дисмас замерз до дрожи. Нестерпимо болела рана на щеке. Он думал о Магде. О том, каково ей сейчас в сундуке... по ухабам... Или того хуже – в карете, переживая адские муки, которые лишь предвосхищали еще более ужасные мучения... Он забыл о своей боли.

Дисмас открыл глаза и посмотрел на небо, вознося молитву. Над Божскими горами занималась заря, предвещающая новый день. Последний рассвет? Не важно... Все решится задолго до того, как солнце, сейчас ласкающее вершины пологих холмов, опустится за Юрские предгорья. Глядя на светлеющее небо, Дисмас ощутил странное умиротворение. Хотелось спать. И тут с Эксской дороги донесся глухой стук копыт.

49. Какие будут предложения, господа?

Говорить шепотом не было нужды, однако старая солдатская привычка брала свое.

– Светает. Разобранный настил заметят.

– Заметят, – согласился Маркус. – Зато мне при свете сподручней. Только поспевайте перезаряжать.

Ункс поджег запальный шнур, оглядел разложенные в два ряда «гранатики».

Впереди кареты Карафы скакали две пары верховых. В утренних сумерках они слишком поздно заметили разобранный мост. Передние всадники осадили коней, но лошадиные копыта оскользнулись на влажных от росы брусьях, и кони провалились в проемы настила. Всадники полетели в воду.

Еще двое верховых остановились на краю, но следовавшая за ними упряжка столкнула их с моста. Теперь в реке барахтались уже четверо. Кучер с трудом успел остановить карету.

По давней привычке, Маркус бормотал себе под нос, обращаясь к своим мишеням:

– Давай-давай... Выгляни из кареты... Интересно же, что стряслось... Ну же, синьор...

Карафа так и не выглянул. Неразбериха в авангарде не смутила остальных всадников. Они немедленно выстроились в два ряда по обеим сторонам кареты, окружив ее живым щитом.

– Ловко сработано, – хмыкнул Маркус. – Это точно итальянцы? Ладно, ребяташки... Хотите порядку? Тогда давайте по порядку.

Он выстрелил. Всадник выпал из седла.

– И их осталось двадцать девять. Арбалет!

Дисмас вручил ему взведенный арбалет, а порожний передал Унксу, заряжать. Ункс споро и сноровисто покрутил ручку краникена. Тетива натянулась, вошла в прорезь ореха, и замок щелкнул.

Маркус выстрелил. Еще один всадник упал на землю.

– Двадцать восемь.

Гвардейцы Карафы завертели головами и указывали в разные стороны, пытаясь определить, откуда ведется стрельба.

– Ничего, скоро сообразят, – проворчал Маркус. – Не будем терять драгоценные секунды. – Он снова выстрелил. – Двадцать семь.

Солдаты уже показывали друг другу на валуны.

– Приготовься, – сказал Дисмас Унксу. – Только подпусти их поближе.

Шесть всадников ринулись к валунам. Маркус уложил двоих. Как только остальные приблизились на нужное расстояние, Ункс встал из-за камня и метнул свои «гранатики». Бутылки летели кометами, оставляя за собой дымный след от горящих фитилей. В пылу атаки всадники их не заметили.

Отгремели взрывы. Наступила жуткая тишина. От порохового дыма першило в горле. Затем послышались стоны раненых и пронзительные крики изувеченных лошадей. Непонятно почему, но мучения бессловесных тварей надрывали душу сильнее людских.

Маркус, пользуясь всеобщим замешательством, послал в гвардейцев у кареты еще два болта.

– Двадцать три.

Солдаты Карафы соскочили с коней и бросились врассыпную в поисках укрытия. Из кареты донесся озлобленный голос Карафы. Дисмас вслушался.

– Маркус! Сундук!

Прячась за каретами, к сундуку подбирались двое. Маркус выстрелил. Один солдат с криком схватился за пробитую голень. Изумительный выстрел.

Маркус снова прицелился. Болт вонзился в щиколотку второго.

– Двадцать один.

– Маркус, ты хоть раз в жизни промахнулся?

– Ты меня об этом на Рейне спрашивал. Забыл, что ли?

Карафа, не высовываясь из кареты, разъяренно выкрикивал приказы.

Шестеро солдат снова вскочили на коней и, прикрытые каретой, поскакали прочь от валунов.

– Вот ссыкло, – сказал Ункс. – Глянь, как драпают.

– Нет, – возразил Дисмас. – Они не драпают. Хотят ударить с флангов.

Оказавшись вне досягаемости арбалетного выстрела, шестерка всадников повернула под прямым углом направо. Еще шесть верховых помчались следом и, удалившись на безопасное расстояние, повернули

налево.

Дисмас поглядел на старое речное русло, где в кустах остались стреноженные лошади.

– Собираются подобраться сзади, – объявил он. – Какие будут предложения, господа?

Ункс сложил свои «гранатики» в мешок, осторожно перебросил его через плечо и зажал в кулаке горящий запальный фитиль.

– Подпустим их поближе, – сказал он. – Притворитесь, что сдаетесь, как тогда, на полянке. Ну, помните? Руки вверх! А потом сразу носом в землю.

Ункс убежал.

– Что ж, не будем терять время, – сказал Маркус и навел арбалет на карету, выбирая новую мишень. – Раз Магда в сундуке, а не в карете, заставим синьора Карафу наложить себе в кружевные портки.

Маркус выстрелил. Оконце в задней стенке кареты разлетелось вдребезги. Изнутри послышался вскрик. Кричали не от боли, а от испуга.

Маркус издал губами непристойный звук.

Дисмас оглянулся. Первая группа всадников, держась на безопасном расстоянии, приближалась по широкой дуге. Чуть погодя они пересекли старое русло и, выхватив мечи, галопом понеслись к валунам.

– Притворись испуганным, – сказал Дисмас Маркусу. – Брось арбалет и подними руки вверх.

Дисмас и Маркус задрали руки, изображая капитуляцию. При виде атакующих конников Дисмас с тоской вспомнил свою алебарду.

Маркус первым заметил маленький округлый предмет, который, крутясь и сверкая искрящимся хвостиком, взлетел к небу, а потом начал стремительно снижаться.

– Ложись!

Дисмас и Маркус распластались на земле.

Воздух дрогнул и всколыхнулся волной. По валунам звонко хлестнуло осколками стекла. Маркус с Дисмасом приподняли головы и оглядели дымящийся луг. Послышались душераздирающие крики и истошное ржание. Четверо убитых. Еще двое бились в корчах, ощупывая изувеченные лица.

– Семнадцать, – сказал Маркус.

Второй отряд остановился в сотне ярдов. Всадники обсуждали дальнейшие действия.

Заметили ли они Ункаса в кустах?

– Следи за сундуком, – сказал Дисмас Маркусу. – Карафа вне себя от

ярости. Он непременно захочет поизмываться над Магдой у нас на глазах.

Тем временем шесть конников разработали какой-то план. Они рассыпались веером, выдерживая дистанцию, пришпорили лошадей и понеслись на валуны. Теперь бомбой можно было уложить лишь двоих.

Ункс выступил из укрытия и метнул свой «гранатик» в ближайшего всадника, о котором теперь можно было не беспокоиться. Еще трое повернули лошадей и устремились к Унксу.

– Ложись!

Ухватив Маркуса за полу куртки, Дисмас повалил его наземь.

Всадника и лошадь взрывом разнесло в клочья. Оставалось пятеро. Двое понеслись на Дисмаса с Маркусом, а трое, окружив Ункса, принялись рубить мечами.

Маркус выстрелил с бедра, завалив первую лошадь. Всадник вылетел из седла головой вперед, но умело перекатился кубарем и вскочил с мечом наготове.

Дисмас подпустил второго противника к себе, отпрыгнул в сторону и нанес рубящий удар, но промахнулся. Всадник развернул лошадь и снова бросился в атаку. Клинок скользнул по плечу Дисмаса. Противник изготовился к решающей атаке, но Дисмас, взмахнув мечом, вышиб его из седла.

Гвардеец с мечом кружил над Маркусом, который отбивался арбалетом. Дисмас с воплем бросился к другу, отвлекая внимание противника на себя. Гвардеец повернулся к Дисмасу и в тот же миг рухнул наземь с болтом в виске.

Четырнадцать.

Дисмас всмотрелся в кусты, увидел двух лошадей с пустыми седлами. Уцелевший всадник, сжимая искалеченную руку, привалился к седельной луке.

Где Ункс?

– Не спускай глаз с сундука, – велел Дисмас и припустил к кустам.

Ункс недвижно растянулся на земле. Глубокие раны рассекали ему шею и грудь. «Не выживет», – подумал Дисмас и тронул его за плечо. Ункс кивнул.

Дисмас подхватил тлеющий запал и бегом вернулся к Маркусу:

– Как он?

Дисмас помотал головой.

– Глянь, как карета осела на бок, – сказал Маркус. – Это Карафа совещается со своими молодчиками через окно. Они вскарабкались на подножку, не хотят показывать свои голяшки. Ну оно и понятно. – Он

навел арбалет и выстрелил.

Болт со свистом влетел в окно кареты. С противоположной стороны на землю рухнуло тело. За каретой замелькали прыгающие ноги – солдаты кузнечиками бросились в укрытия за придорожными камнями. Карета качнулась и выправилась.

– Какой там счет? – спросил Маркус.

– Тринадцать.

Раненный Унксом всадник доскакал до кареты. Гвардейцы помогли ему спешиться.

– Плохо дело, – вздохнул Дисмас. – Он расскажет, что нас всего двое. Они устроят еще одну вылазку.

– А может, не станут?

– Карафа наверняка предложит им выбор: идти в атаку или искупаться в бассейне с голодными миногами. Ну, типа того. Не знаю, как в Урбино наказывают дезертиров и саботажников.

Маркус взвел два оставшихся арбалета. Дисмас уложил две бомбы в сгиб руки, поудобнее перехватил запал.

– А вот и они.

Шестеро всадников рассредоточились широкой дугой.

Маркус подстрелил одного.

Дисмас запалил фитили обеих бомб и метнул одну, потом другую. Под градом стеклянных осколков еще два всадника расстались с жизнью.

Десять.

Маркус выпустил последний оставшийся болт.

Девять.

Два уцелевших всадника подобрались к валунам. Удары мечей Маркус привычно отбивал арбалетом. Дисмас бросился под скачущую к нему лошадь, но, поднимаясь, не рассчитал и неудачно подсек ее задние ноги. Лошадь всей тушей повалилась на него.

Грудь сдавило. В легких не осталось ни капли воздуха. Глаза выпучились, едва не выскочив из орбит. Лошадь билась и лягалась. Сознание померкло.

50. Что еще за плотники?

Дисмас открыл глаза.

Над ним ярко синело безоблачное небо. Потом его заслонил Карафа. Внезапно Дисмаса саданули между ног. Он вскрикнул от боли и хотел

прикрыть пах руками. Руки не слушались.

Где-то стучали молотки. Что там еще за плотники?

Когда он снова открыл глаза, Карафы уже не было. Дисмас повернул голову. Рядом лежал Маркус, голый по пояс. Руки и ноги привязаны к кольям. Дисмас сообразил, почему сам не может двинуть рукой.

Послышался другой звук. Женский голос. Плач. Рыдания. Он приподнял голову.

Магда... Слава богу, живая. Привязана к колесу кареты.

– Магда!

– Дисмас!

Снова появился Карафа. Еще один болезненный удар между ног. Дисмас хватал ртом воздух.

Опять стук молотков. Гробы сколачивают, что ли?

Дисмас изогнул шею в ту сторону, откуда доносился стук. Два солдата. Он до предела вытянул шею. Солдаты забивали гвозди в брусья мостового настила. Чинят мост, что ли? Но ведь настил разборный, брусья можно просто уложить на место.

Мысли путались. Дисмас это понимал. Потом вспомнил, что его придавило лошадьё. Наверное, из-за этого вся кровь прилила к голове.

Он снова услышал голос Магды. Она молила. Молила за него.

Над ним снова возникло лицо Карафы. Он больше не глядел волком. Он улыбался. Не слишком приветливая, но все же улыбка.

– Вы очнулись, мастер Дисмас? Прекрасно. Постарайтесь не уснуть, ведь самое интересное еще впереди.

– Магда...

– Она тут, неподалеку. Через минутку вы ее увидите. Не угодно ли вам чего? Выпить не желаете? Могу предложить уксус с желчью.

Уксус с желчью. Что-то знакомое. Откуда? Дисмас не мог вспомнить.

Стук молотков прекратился. Один из солдат что-то сказал Карафе. Карафа присел на корточки, склонился к Дисмасу поближе:

– Для вас все готово. – Он потыкал в ладони Дисмаса, рассмеялся. – Надо же, ты заранее дырками обзавелся. И на руках, и на ногах. Как знал. Но мы новые проделаем. И будет у тебя своя собственная плащаница.

Дисмас почувствовал, как развязывают веревки на запястьях. Его подхватили под руки, поволокли по земле. Он выгнулся вперед, увидел, как отвязывают Маркуса.

Неподалеку лежали два креста, сколоченные из брусьев мостового настила.

– Я хотел поставить еще один, для сестры Хильдегарды, – пояснил

Карафа. – Чтобы было три, как на Голгофе. Но мой господин в ней души не чает. Его очень огорчит известие о том, что истинная плащаница осталась в Шамбери, негоже расстраивать его второй неприятной новостью. В общем, мой тяжкий крест – лишиться третьего креста. О! Я снова пошутил! Вы, мастер Дисмас, оказываете на меня любопытное влияние. Что ж, придется удовольствоваться двумя крестами. Один для Доброго Разбойника, а другой – для злого. – Он подался к Дисмасу и прошипел: – Но вряд ли вы нынче же окажетесь в раю.

Карафа отдал приказ. Дисмаса и Маркуса уложили на кресты. Маркус лягался и сыпал проклятьями.

Дисмас же был спокоен и молчал, хоть и сам не знал почему. Он прекрасно понимал, что сейчас произойдет.

Он поднял голову и посмотрел на Магду. Тетка ее, Магдалина, была на Голгофе. Утешала и свидетельствовала. А Магда, бедняжка, плакала. Он крикнул ей:

– Магда! Не смотри! Я буду ждать тебя на небесах!

Руки его приложили к поперечине, запястья плотно прижали к деревянному брусу. Ладонь что-то укололо.

– Заедешь мне этим чертовым молотком по руке – прибью, – сказал один солдат другому.

– Глянь, он лыбится! Чего ты лыбишься, сраный гермашка? Ты что, не понимаешь? Тебя сейчас распнут!

– Меня уже распинали, – сказал Дисмас. – Это не так уж и страшно. Со временем привыкаешь.

– Да? Ну, привыкай давай.

Дисмас закрыл глаза и приготовился встретить боль.

Внезапно раздались крики, поднялся переполох. Зазвенела сталь. Так вот как звучит смерть? Дисмас решил не открывать глаз. Так лучше.

51. Vois. Ci. Loth. [\[19\]](#)

Остался только он один.

Карафа.

Все гвардейцы погибли.

Его привязали к колесу кареты – так же, как он привязал Магду.

Он выл, кричал и сыпал проклятьями. Не без оснований, ибо не был виноват во вменяемых ему сумасбродствах: он якобы убил графа Лотара, он якобы тайный агент французского престола и провокатор, он якобы

организовал убийство крестника Священного Римского императора и подстроил все так, будто это дело рук савояров, чтобы посеять вражду между императором и герцогом Савойским и сделать Савойю легкой добычей для Франции. Чушь! Поклеп! Оскорбительная наглость! Не только по отношению к нему самому, но и по отношению к чести его высочества Лоренцо, герцога Урбинского! Когда герцог узнает об этом возмутительном надругательстве германских бандитов, они поплатятся головами! Он устроит им...

Увесистая затрещина заставила Карафу замолчать. Голова его безвольно повисла.

Командир сыскного отряда – устрашающего вида человек по имени Грюнер – разглядывал миниатюрный портрет графа Лотара и перстень с графским гербом. Боец, стоявший рядом, держал меч Лотара с дарственной надписью от августейшего крестного. Все эти улики извлекли из тайника в карете Карафы.

Грюнер разбирал надпись на обороте миниатюры: «Vois. Ci. Loth.» – «Вот это Лотар». По этому портрету убийцы опознали графа. А теперь их главарь привязан к каретному колесу. Как глупо с его стороны не избавиться от таких серьезных улик, а наоборот – хранить их, и не где-нибудь, а в собственном экипаже!

– Зачем ему было подвергать себя такому риску? – спросил Грюнер стоявшего перед ним человека.

Человек этот, рослый красавец с пышной рыжей шевелюрой, был тайным имперским агентом. Благодаря ему сыскной отряд Грюнера выпустили из шамберийских подземелий.

Имперский агент указал на нижнюю часть портрета с вензелем «AD».

Грюнер сказал, что ему это ни о чем не говорит.

Агент объяснил, что это подпись Альбрехта Дюрера, величайшего живописца во всех германских землях. А то и на целом свете. Таким образом, эта миниатюра – очень ценная вещь.

Грюнер пожал плечами и заявил, что убийца поступил глупо, оставив при себе портрет жертвы. А также меч и перстень Лотара. Но это не важно.

Он принялся совещаться со своими подчиненными. К этому времени Карафа очнулся и слушал их разговор. Зная язык германцев, он понимал каждое слово.

Бойцы сыскного отряда были настроены отнюдь не благодушно: в течение шести недель они преследовали убийц Лотара, но в Шамбери загадочным образом угодили в сырое подземелье.

Заместитель Грюнера требовал немедленной казни, благо

императорский ордер наделял их такими полномочиями. Он предложил и способ: тронуться восвояси, а пленника оставить привязанным к колесу на все время пути.

Карафа занервничал и возобновил свои протесты, гневно, в чрезвычайно непристойных выражениях обличая своих пленителей.

На этот раз Грюнер собственноручно наградил Карафу такой оплеухой, что у того пошла носом кровь и он снова потерял сознание.

Совещание возобновилось. Спустя некоторое время Грюнер объявил вердикт: доставить убийцу Лотара в Швабию, на суд германский, суд нелицемерный. Наказанием же за убийство императорского крестника, несомненно, будет «Цербер». На том и порешили.

Не теряя времени, бойцы сыскного отряда вскочили в седла. Им не терпелось убраться прочь из Савойи.

– Вы с нами? – спросил Грюнер имперского агента.

– Нет, капитан, – покачал головой агент. – У меня тут еще дела.

– Мы перед вами в долгу.

– Я всего лишь исполнил свой долг, капитан. И весьма признателен вам за помощь в спасении этих людей. – Он указал на Дисмаса, Маркуса и Магду.

– Боже, храни императора!

– Боже, храни императора. Позвольте дать вам совет: если поедете через Экс, заткните пленнику рот кляпом, а на голову наденьте мешок. У него там много приятелей-итальянцев.

– Нет, хватит с нас городов. Мы двинемся через Божские горы.

– Мудрое решение. Храни вас Господь.

Дюрер, Дисмас, Маркус и Магда провожали отряд взглядами. Когда всадники скрылись в лесу, друзья с облегчением перевели дух.

Во время обыска сыщики разбросали вещи Карафы у кареты. Маркус принялся ощупывать наряды.

– Ага! – воскликнул он и вспорол шов какого-то дублета.

Оттуда посыпались сверкающие камушки. Марта подставила ладони. Вскоре у нее в горсти переливалась груда бриллиантов, рубинов, изумрудов и жемчуга.

Ункаса похоронили там, где он встретил смерть. На могиле установили деревянный крест, и Магда положила к его подножию охапку луговых цветов. Потом прочитали заупокойную молитву. И еще одну – за Кунрата. И за Нуткера.

Друзья тоже не стали задерживаться в Савойе и отправились на запад, в

Юрские горы, стараясь не оставлять за собой следов.

На исходе дня разбили лагерь на прогалине у ручья. Ночь выдалась ясная. В вышине ярко мерцали звезды.

Все расселись у костра. Дюрер начал рассказывать, как поднял с постели беднягу Ростанга и доложил, что получил срочную депешу от императора с известием о прискорбной оплошности. Выяснилось, что заточенные в темницу узники все-таки не самозванцы, а действительно агенты имперского сыска, посланные для обеспечения безопасности графа Лотара после того, как был раскрыт план покушения на его жизнь. Предыдущая депеша была фальшивкой, гнусной фальшивкой, изготовленной ныне избалованным французским шпионом.

– И Ростанг всему этому поверил? – спросил Маркус.

– Трудно сказать, – ответил Дюрер. – Старикан отчаянно клевал носом, все еще пребывая в прострации от дурманного вина и благовоний. Он отдал приказ освободить узников, думая лишь о том, как бы поскорее вернуться в постель. У него даже на «м-гм» не было сил.

Все засмеялись.

– Я встретил отряд у ворот замка и представился имперским агентом, ответственным за их вызволение. Насидевшись в сыром подземелье, они были весьма мне признательны. Я сообщил, что личность убийцы Лотара установлена – итальянец, работающий на французов с целью нагадить императору. Вдобавок преступник похитил женщину – добродетельную германскую женщину! – которая прибыла в Шамбери на паломничество вместе с мужем, и что муж с приятелем бросились в погоню, – заключил Дюрер, безмерно довольный собой.

– Расскажи еще раз, – попросил Маркус.

– Да я уже два раза рассказывал!

– Знаю. Хочу еще раз послушать.

Дюрер повторил свой рассказ, выставляя себя в еще более героическом свете.

Дисмас с улыбкой выслушал приятеля и заметил:

– Значит, герцог Урбинский все-таки заполучил Шамберийскую плащаницу. Бедный герцог Карл! Одно утешение: взамен ему достался подлинник Дюрера.

– Не-а, – помотал головой Дюрер.

– В каком смысле?

– Плащаница, которую Карафа отобрал у нас в архидьяконских апартаментах, – это моя копия.

Дисмас недоуменно уставился на него:

– Погоди... Кунрат с Нуткером должны были положить ее в ковчег вместо истинной плащаницы!

– Помнишь, как Кунрат свалил ковчег со стола? И как они с Нуткером полезли под стол? Они надышались благовоний, не соображали, что делают, и вместо копии сунули в ковчег настоящую плащаницу.

– А откуда ты знаешь?

– Неужели ты думаешь, что я не в состоянии распознать свою работу? Карафа стоял от меня в двух шагах. Надо было как-то потянуть время, вот я и сказал Карафе, что он отправил герцогу Урбинскому подделку. Ведь это была суцая правда.

– О господи! – вздохнул Дисмас.

– Вот именно.

Они помолчали, глядя на пламя костра.

– Как ты думаешь, герцог Урбинский отдаст твою плащаницу папе римскому? – спросила Магда.

– Да, наверное, – ответил Дюрер. – Но сперва он ее хорошенько обмусолит.

– Но ведь папа не сможет публично явить плащаницу с балкона собора Святого Петра, – поразмыслив, сказал Дисмас. – Ему же придется объяснять, откуда он ее взял. А что ему говорить? Мол, вот она, Шамберийская плащаница, – ее для меня племяш украл... – Он улыбнулся и посмотрел на Дюрера. – Гляньте, как он сияет. Ну что, Нарс, доволен? Разумеется, доволен. Твоя плащаница попадет в Рим и займет почетное место в личной коллекции папы. Шедевр, созданный величайшим германским живописцем!

Утром они простились с Маркусом. Он направлялся в Испанию, а оттуда – к чудесным городам из чистого золота.

– Храни тебя Господь, Маркус. Привези мне золотой кирпичик.

Путь продолжали втроем. Десять дней шли по Юрским предгорьям, избегая встреч с савойскими дозорами. В Юрских горах подъем стал круче, а дорога – труднее. Затем повернули на северо-восток, к Женеве. В один прекрасный день далеко впереди засверкало огромное озеро. Здесь их пути разошлись.

Дюрер с Магдой обнялись. Художник с трудом сдерживал слезы.

– Прощай, сестренка. Ищи себя на моих картинах. Я дам тебе бессмертие.

– Прощай, художник. Храни тебя Господь.

Потом Дисмас и Нарс отошли в сторонку, попрощаться наедине.

Остановившись, они смущенно поглядели друг на друга. Ни тот ни другой не знал, что еще сказать.

– А что ты будешь делать, когда возжелаешь духовной пищи в Швейцарии? Наймешь какого-нибудь недоумка из местных, чтоб нарисовал тебе корову?

– Хватит с меня духовной пищи. Если захочется полюбоваться на коров, я найду настоящих.

Пора.

– Ну что ж, Нарс...

– Ну что ж, Дис...

Они обнялись и разошлись. И больше никогда не виделись.

Vale^[20]

Карл III Добрый, герцог Савойский всячески поддерживал союзнические отношения со Священной Римской империей и императором Карлом V Габсбургом, однако в 1536 г. герцогство стало жертвой интервентов, в основном французских. Карл бежал из Шамбери и остаток жизни провел приживальщиком у родни, скончавшись в изгнании в 1553 г. Его главное сокровище – **Шамберийская плащаница** – едва не погибло при пожаре в Святой капелле в 1532 г. Железную решетку, за которой хранился ковчег, взломал кузнец, потому что отмыкать запоры четырьмя ключами было некогда. От жара серебряный ковчег расплавился, однако странным (некоторые считают – чудесным) образом сама плащаница уцелела. Когда в 1535 г. французские войска вторглись в Савойю, плащаницу из предосторожности эвакуировали. В 1578 г. она была перенесена в новую столицу Савойи – Турин, где и находится по сей день, будучи теперь известна как Туринская плащаница.

Джованни ди Лоренцо де Медичи, впоследствии папа Лев X, скончался в 1521 г. от жестокой лихорадки после операции на анальной фистуле. Его непомерные траты обанкротили Ватикан, а неспособность решительным образом отреагировать на требования церковной реформы, распространявшиеся в германских землях, а также его совместное с Альбрехтом предприятие по продаже индульгенций привели к протесту Лютера с известными последствиями. Не будучи рукоположенным в священный сан на момент своего избрания папой, Лев X стал последним

мирянином, занявшим должность верховного понтифика Католической церкви.

Лоренцо ди Пьеро де Медичи, герцог Урбинский, правитель Флоренции и адресат посвящения трактата Никколо Макиавелли «Государь», скончался в 1519 г. от туберкулеза, обостренного сифилисом, три недели спустя после рождения дочери, Катерины де Медичи. По поводу смерти заносчивого и непопулярного Лоренцо не горевали. Дочь его вышла замуж за Генриха II и стала королевой Франции. Она произвела на свет десятерых детей, в числе которых были три будущих короля и две королевы. Саркофаг Лоренцо в капелле Медичи флорентийской церкви Сан-Лоренцо часто путают с находящимся поблизости надгробием его знаменитого деда и тезки – Лоренцо Великолепного.

Мартин Лютер был отлучен от церкви Львом X и объявлен еретиком в 1521 г., однако главный его покровитель, Фридрих Саксонский, продолжил защищать Лютера от Рима, равно как и от императора Карла. Парадоксальным образом сам Фридрих до скончания дней оставался истым приверженцем католицизма, несмотря на то что оказанная им протекция, без которой Лютер навряд ли бы уцелел, способствовала величайшему расколу в истории Католической церкви. Будучи недосыгаем для своих могущественных врагов, Лютер продолжал активно и целенаправленно распространять идеи Реформации. Скрываясь в Вартбургском замке Фридриха, Лютер перевел Новый Завет (а впоследствии и остальные книги Священного Писания) на язык, понятный широким народным массам. Лютеранская Библия отличается простым, прочувствованным изложением. По мнению многих исследователей, именно она заложила основу современного немецкого литературного языка. Виттенбергский придворный живописец Лукас Кранах в 1525 г. был дружкой Лютера на его венчании с бывшей монахиней. Лютер – толстый, женатый и счастливый – скончался в 1546 г. А потом наступила многовековая эпоха религиозных войн.

Фридрих III Мудрый, курфюрст Саксонский, забросил собирательство реликвий около 1520 г. Реформация, спровоцированная Мартином Лютером, профессором университета, основанного Фридрихом, подорвала массовую веру в чудотворные силы святынь. Из 19 103 предметов его коллекции до наших дней сохранился лишь один – бокал из граненого стекла, почитаемый не за связь с кем-то из святых, а за то, что

принадлежал Лютеру, получившему его в подарок от Фридрихова внука. Фридрих скончался в 1525 г. и похоронен в Виттенбергской замковой церкви, через дверь которой в мир вошла Реформация.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм по прозвищу Парацельс стал для медицины тем же, чем Лютер для религии, – иконоборцем и революционером. Он отверг едва ли не все устои современной ему медицинской науки, отдавая предпочтение природным средствам и народной медицине. По его словам, он получил больше знаний от палачей, цыган, старух, солдат и трактирщиков, чем от всех педантичных схоластов, которые преподавали ему в лучших университетах. Из своих путешествий по восточным странам Парацельс привез в Европу опиум, дистиллят которого назвал «лауданум» (от латинского *laudare* – восхвалять); лауданум Парацельса содержал среди прочих ингредиентов молотый жемчуг, мускус и янтарь. Таким образом, Парацельса можно считать основоположником современной западной анестезиологии. Помимо того, он назначал своим пациентам первое действенное лекарство против сифилиса (составленное на основе ртути), диагностировал силикоз у шахтеров, возникновение которого прежде приписывали козням злых горных духов, а также предвосхитил появление современной гомеопатии и психиатрии. Парацельс умер в Зальцбурге в 1541 г.

Альбрехт Бранденбургский, курфюрст Священной Римской империи, архиепископ Магдебургский и кардинал-архиепископ Майнцский, продолжал торговать индульгенциями и после того, как практика купли-продажи мирского прощения грехов подвигла Лютера на публикацию своих 95 тезисов и спровоцировала Реформацию. В результате реформ Лютера рынок индульгенций обвалился, чему сопутствовал и начавшийся закат католицизма в германских и североевропейских землях. Альбрехт скончался в 1545 г., будучи должным крупную сумму банкирскому дому Якоба Фуггера.

Иоганн Тецель, монах-доминиканец и верховный уполномоченный Альбрехта по продаже индульгенций в германских землях, был обвинен в хищениях и растратах, впал в немилость и удалился в монастырь в Лейпциге, где и умер духовно сломленным человеком в 1519 г. Незадолго до смерти он получил письмо от Мартина Лютера, в котором тот великодушно снимал с него ответственность за позорную торговлю

индульгенциями, ввиду того что она была учреждена и санкционирована высшестоящими церковными чинами.

Альбрехт Дюрер, величайший германский живописец, скончался в 1528 г. в Нюрнберге в возрасте 56 лет, возможно от малярийных осложнений. После смерти его состояние было оценено в значительную сумму – 6874 флорина. На его портрете архиепископа Майнцкого некоторые усматривают отчетливое сходство Альбрехта Бранденбургского с персонажем другой работы Дюрера – главой синедриона первосвященником Каиафой, осудившим на смерть Христа.

Не сохранилось никаких официальных свидетельств о человеке по имени Дисмас, бывшем поставщике святынь ко дворам Фридриха Саксонского и Альбрехта Майнцкого. Все доказательства его существования ограничиваются надписью на скромном надгробье, обнаруженном на лютеранском кладбище в горной швейцарской деревушке Мюррен:

DISMAS • MAGDA
MDXXXI • MDXXXII
heute wirst du mit mir im paradise

Последняя фраза надписи – цитата из Нового Завета в переводе Мартина Лютера, означающая: «Нынче же будешь со мною в раю».

Приложение. Выдержки из отчета Комиссии по исследованию плащаницы Льва Х

- Физические характеристики мужчины, изображенного на плащанице: рост – 177,8 см, приблизительный вес – 79,3 кг, приблизительный возраст – 45 лет. (Ср.: приблизительный возраст мужчины, изображенного на Туринской плащанице, – 33 года.)

- На плащанице обнаружены следы человеческой крови пяти различных групп (O+, O-, A+, A-, B+); отрицательное содержание билирубина указывает на ничтожно малую вероятность того, что кровь принадлежит человеку (или людям), испытавшему стресс или жестокие истязания (побои, бичевание, распятие и т. п.).

- На изображении раневых поверхностей (лоб, запястья, грудная клетка, стопы) обнаружен 21 микроэлемент, характерный для яичного желтка; также присутствуют следы укуса, белого вина и киновари.

- Выявленные в крови следы протеолитических ферментов ассоциируются с ядом гадюки обыкновенной (*Vipera berus*).

На изображении тела обнаружены следы натрия, калия, кальция и магния, характерные для выделений экзокринных потовых желез. Средний показатель pH 5,2–5,4.

- Отпечатки монет на глазницах, выявленные с помощью анализатора изображения VP-8, согласуются с внешним видом римских сестерциев I века н. э.

- Льняное полотно саржевого переплетения елочкой 3/1 соответствует типу драпировочной ткани, т. наз. *tunica inconsutilis* – бесшовной тунике. Примечание: полотно идентично полотну Туринской плащаницы; вероятное происхождение – Палестина (см. «Результаты палинологического анализа», разд. 14 (vii)).

- В ткани присутствует пылевой материал 47 видов растений, включая шесть галофитов, произрастающих в пустыне Негев. Примечание: на внешних поверхностях сложенной плащаницы наблюдаются следовые количества мака снотворного (*Papaver somniferum*), т. е. опиума.

- Результаты рентгеноскопического, отражательно-спектроскопического, термографического и микрофотографического анализов указывают на погребальный холст, пропитанный кровью и потом.

- Радиоуглеродный анализ ткани указывает на дату изготовления холста между 1100 и 1240 г. (Примечание: радиоуглеродный анализ Туринской

плащаницы установил дату ее изготовления между 1260 и 1390 г.) Таким образом, плащаница Льва появилась ранее Туринской плащаницы.

В процессе фотографирования плащаницы Льва исследовательской группой отмечено сходство изображенного на ней мужчины с автопортретом немецкого художника Альбрехта Дюрера, датируемым 1500 г.

Исследовательской группе не удалось установить местонахождение Дюрера в период с февраля по июнь 1519 г. Известно, что 4 мая 1519 г. Шамберийская (ныне Туринская) плащаница выставлялась на публичное обозрение в Шамбери. Указанные временные рамки не позволяют сделать конкретных выводов, однако же данное совпадение представляется небезынтересным.

Члены комиссии не имеют определенного мнения касательно данного аспекта плащаницы Льва. Несмотря на проведенный научный анализ и архивные изыскания, происхождение плащаницы остается загадкой, ответ на которую известен одному Господу.

Сильвестр Пранг
Общество Иисуса
AMDG^[21]

Список использованной литературы

Бэйнтон Р. Г. На сем стою. Жизнь Мартина Лютера. Заокский: Источник жизни, 1996.

Де Уэсселоу Т. Туринская плащаница. Тайна Воскресения. Екатеринбург: Гонзо, 2014.

Уилсон Я. Туринская плащаница. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Bugler C. Strange Beauty: German Paintings at the National Gallery. London, National Gallery, 2004.

Cahill T. Heretics and Heroes: How Renaissance Artists and Reformation Priests Created Our World. New York, Nan A. Talese / Doubleday, 2013.

Cohn N. Europe's Inner Demons: An Enquiry Inspired by the Great Witch-Hunt. London, Ghatto & Windus, 1975.

Craughwell T. J. Saints Preserved: An Encyclopedia of Relics. New York: Image Books, 2011.

Freeman C. Holy Bones, Holy Dust: How Relics Shaped the History of Medieval Europe. New Haven: Yale University Press, 2011.

Geary P. J. Furta Sacra: Thefts of Relics in the Central Middle Ages. Princeton NJ, Princeton University Press, 1978.

Guibert of Nogent. Monodies and On the Relics of Saints: The Autobiography and a Manifesto of a French Monk from the Time of the Crusades. Translated by Joseph McAlhany and Jay Rubenstein, New York: Penguin Books, 2011.

Hale J. R. Renaissance Europe, 1480–1520. Oxford: Blackwell, 2000.

Harrington J. F. The Faithful Executioner: Life and Death, Honor and Shame in the Turbulent Sixteenth Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013.

Hibbert C. The House of Medici: Its Rise and Fall. New York: Morrow, 1974.

MacCallouch D. Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700. London: Allen Lane, 2003.

McCrone W. Judgement Day for Shroud of Turin. Amherst, New York: Prometheus Books, 1999.

Ozment S. Magdalena and Balthasar: An Intimate Portrait of Life in 16th-Century Europe Revealed in Letters of a Nurnberg Husband and Wife. New York: Simon & Shuster, 1986.

Ozment S. The Serpent and the Lamb: Cranach, Luther, and the Making of the Reformation. New Haven: Yale University Press, 2011.

Strauss G. Nuremberg in the Sixteenth Century. New York: Wiley, 1966.

Vaughan H. The Medici Popes: Leo X and Clement VII. New York: G. P. Putnam's Sons, 1908.

Wellman S. Frederick the Wise: Seen and Unseen Lives of Martin Luther's Protector. North Newton: KS, Wild Centuries Press, 2011.

Winder S. Germania: A Wayward Pursuit of the Germans and Their History. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2010.

Zuffi S. Dürer. Munich: Prestel, 2012.

Благодарности

Джон Тиерни, равно как и Эдмунд и Сильвия Моррис, уделил этой книге намного большее количество времени, чем то, на которое я смел притязать, не говоря уже – рассчитывать. Каждый из них заслуживает абсолютной индульгенции.

Я признателен Энн Фэдимен, Каллену Мерфи и Кейтлин Бакли. Кроме того, благодарности причитаются Джонатану Карпу и Триш Годд из издательства «Simon & Schuster», а также Аманде Урбан из литературного агентства «ICM».

Моя жена Кэтрин Клоуз не только терпеливо и тщательно прочитала каждый черновик романа, но и возила автора из Виттенберга в Майнц на скорости 185 км/ч, а затем, уже на более благоразумных парах, в Базель и в Шамбери. Без нее эта книга осталась бы ненаписанной, да и ненужной. *Gratias tibi ago*^[22].

Примечания

С. 11. *О. И.* – Общество Иисуса, то есть орден иезуитов.

С. 15. *Великое гонение* – преследование христиан, начатое римским императором Диоклетианом в 303 г. и продолженное его наследниками до 313 г.

С. 32. *Но имел ли это в виду Господь, говоря «ступайте и множитесь»?* – Вошедший в поговорку парафраз библейского выражения «плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1: 12) в современном английском также служит эвфемизмом, своего рода приглашением «пойти куда подальше».

С. 39. *...обо всех твоих прегрешениях, багряных и пурпурных.* – Аллюзия на Ис. 1: 18: «Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю».

С. 40. *...слышал о человеке по имени Коперник?* – Авторское допущение; основополагающий труд Коперника «О вращении небесных сфер» был опубликован лишь в 1543 г., однако обсуждение гелиоцентрической модели мира началось гораздо раньше, примерно в 1503 г., и к описываемому времени (1517) слухи об этой теории уже распространились по Европе.

С. 79. *Лодка скопирована с мозаики Джотто.* – Имеется в виду так называемая «Навичелла» («Кораблик»), мозаичное панно итальянского художника Джотто ди Бондоне (1266–1337), созданное в 1300 г. для базилики Святого Петра; мозаика утрачена при перестройке собора в XVII в., сохранились лишь несколько фрагментов и поздняя копия маслом, сделанная в 1628 г. по заказу Ватикана.

С. 88. *Среди изобретений, прославивших город, был не только печатный станок.* – Майнц был родным городом европейского первопечатника Иоганна Гутенберга (ок. 1397–1468), изобретателя печатного станка с подвижными литерами.

С. 99. *Пентименто* («раскаяние») – дорисовка, изменение уже написанной картины.

С. 106. *...Esse homo* (Се человек) – слова Понтия Пилата при виде Иисуса, которого после бичевания вывели к народу. «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» (Ин. 19: 5). В христианском искусстве так называют канонический тип изображения

Христа из цикла Страстей Господних – страдающий лик в терновом венце.

С. 111. ...*отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу.* – Цитата из евангельской притчи о динарии кесаря, изложенной тремя апостолами (Мк. 12: 13–17; Лк. 20: 20–26; Мф. 22: 15–22).

С. 116. ...*Генляйном, часовых дел мастером.* – Имеется в виду Петер Генляйн (ок. 1479–1542), уроженец Нюрнберга, считающийся изобретателем карманных часов.

С. 116–117. *И познаете истину, и истина сделает вас свободными...* – Вошедшая в поговорку часть евангельского высказывания: «Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 31–32).

С. 157. *Меланхтон*, Филипп (1497–1560) – немецкий богослов, сподвижник Мартина Лютера, евангелический реформатор и систематизатор лютеранской теологии.

С. 158. ...*путешествие длиною в шестьсот миль...* – Расстояние от Виттенберга до Шамбери составляет 1104 км (686 американских миль) по современным дорогам. Здесь и далее в книге все расстояния оставлены как у автора, в современных американских милях, поскольку в описываемый период немецкие мили разнились от графства к графству и даже от города к городу в диапазоне от 1 до 11 км:

Анхальт – 7532 м

Бавария – 7415 м

Баден – 8889 м

Богемия – 7498 м

Брабант – 5000 м

Вена – 7586 м

Вестфалия – 11 100 м (но местами 9250 м)

Висбаден – 1000 м

Вюртемберг – 7449 м

Гессен-Кассель – 9206 м

Дрезден – 9062 м

Липпе-Детмольд – 9264 м

Ольденбург – 9894 м

Оснабрюк – 5160 м

Пфальц – 4630 м

Рейнланд – 4119 м

Саксония – 7500 м

Шлезвиг-Гольштейн – 8803 м

С. 165. *Святой Иосиф Аримафейский* – иудейский старейшина, который снял распятого Иисуса с креста и похоронил в гробнице, вырубленной в скале для самого Иосифа; об этом упоминают все четверо евангелистов в повествовании о погребении Иисуса (Мф. 27: 57; Мк. 15: 43; Лк. 23: 50; Ин. 19: 38).

С. 170. *Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует – все суета!* – Еккл. 1: 2.

С. 183. ...*Крамер и Шпренгер. Они лучше всех разбираются в ведьмах. Целую книгу об этом написали.* <...> ...*вы же наверняка читали «Молот ведьм»?* – «Молот ведьм» – опубликованный в 1487 г. трактат о надлежащих методах преследования ведьм, написанный теологами и инквизиторами Генрихом Крамером (ок. 1430 – ок. 1505) и Якобом Шпренгером (ок. 1435–1495). Использовался в уголовном судопроизводстве в отношении обвиняемых в колдовстве. Вскоре после публикации книга была официально заклеяена Католической церковью и святой инквизицией как идущая вразрез с церковной доктриной, однако пользовалась популярностью среди светских властей и в течение 200 лет выдержала около 40 переизданий на латыни. На русском опубликована в 1932 г. в переводе Н. Цветкова. Соавторство Шпренгера оспаривается рядом исследователей. Имя Шпренгера впервые было указано в издании 1519 г. Поскольку описанные в главе события происходят ранней весной того же года, слова Дисмаса следует считать авторским допущением.

С. 186. ...*вернулась с полным подолом грибов-лисичек.* – Авторское допущение: едва ли в описываемой местности лисички могли появиться раньше июля, притом что действие эпизода происходит в мае.

С. 188. *Новициат* – испытательный срок перед принесением обетов и вступлением в монашеский орден.

С. 190. *Парацельс* – псевдоним швейцарского медика, естествоиспытателя и философа Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма (1493–1541), составленный из греко-латинского префикса *para* (рядом, вокруг) и родового имени древнеримского энциклопедиста Авла Корнелия Цельса.

С. 207. – *Меня зовут Дисмас. / – А, Добрый Разбойник?* – Имя Дисмас (в православной традиции – Рах) носил один из преступников, распятый на Голгофе по правую руку от Иисуса Христа. В отличие от второго разбойника, Гестаса, Дисмас покался в грехах и уверовал в божественность Спасителя, за что получил прозвище Доброго (Благоразумного) Разбойника. Подробный рассказ о нем содержится в Евангелии от Луки (Лк. 23: 39–43). Причислен к лику мучеников.

С. 210. *Одна ночь на Венере, а потом всю жизнь на Меркурии.* – Меркурий – алхимическое название ртути, которую использовали для лечения сифилиса.

С. 218. *Стену крестового хода церкви Проповедника украшала фреска.* – Имеется в виду несохранившаяся настенная роспись неизвестного художника, называемая «Пляска Смерти». Фреска, предположительно созданная в 1435–1441 гг., была уничтожена 5 августа 1805 г.; к настоящему времени сохранилось лишь 19 фрагментов и поздняя акварельная копия.

С. 250–251. *...с шестого по девятый час – именно столько времени длились страдания Иисуса на кресте.* – Согласно Евангелию от Иоанна: «Тогда была пятница перед Пасхой, и час шестой...» (Ин. 19: 14), то есть с полудня; согласно Евангелию от Марка: «Был час третий, и распяли Его... В девятом же часу... Иисус, возгласив громко, испустил дух» (Мк. 15: 25–37), то есть с девяти часов утра и до трех часов пополудни.

С. 253. *Будто Иисус заповедал апостолам идти по свету и устраивать зверинцы!* – Евангельская аллюзия, ср.: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28: 19–20).

С. 254. *Макиавелли... написал трактат об управлении государством.* – Имеется в виду трактат «Государь», написанный Николо Макиавелли (1469–1527) в 1513 г. и опубликованный лишь в 1532 г., через 13 лет после описываемых событий.

С. 255. *На гербе красовались черный орел с алмазным перстнем в когтях, угнездившийся в герцогском венце на черном с золотом рыцарском шлеме, и золотой щит с шестью алыми шарами... герб Медичи.* – Ошибка автора; согласно геральдическому описанию, с 1465 г. на гербе Медичи «в золотом поле шесть шаров, верхний лазуревый шар обременен тремя золотыми лилиями, остальные шары червлёные».

...зачем там красные шары?.. Никто толком не знает, что именно они символизируют... то ли знак ростовщика... – На вывесках европейских ломбардов и контор ростовщиков традиционно изображаются три золотых шара, символизирующих три кошелька с золотом, которые, согласно преданию, Николай Чудотворец (покровитель ростовщиков и менял) дал в приданое трем бедным сестрам, избавив их от участи наложниц.

С. 259. *Там стоял плач и скрежет зубовой.* – Вошедшая в поговорку евангельская цитата (Мф. 8: 12 и 13: 42).

С. 266. *...и вдруг услышал голос с небес. Глядь – а там Иисус. И Он сказал мне: Лотар, Лотар! что ты шалишь? Прямо как святому Павлу,*

когда тот ехал в Дамаск поиздеваться над христианами. А потом грохнулся с лошади наземь... – Пародия на евангельский рассказ об обращении Савла: «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9: 3–5).

С. 268. ...«Господи, да минует меня чаша сия!» – парафраз слов Христа из Моления о чаше, изложенных в Евангелии (Мф. 26: 39; Мк. 14: 36; Лк. 22: 42).

С. 277. *Мы бы распорядились заколоть откормленного теленка!* – Вошедшее в поговорку выражение из евангельской притчи о блудном сыне: «...и приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться» (Лк. 15: 23).

С. 278. *Луиджи д'Арагона* (1474–1519) – кардинал Арагонский, внебрачный сын Фердинанда I, короля Неаполя. Данный исторический персонаж вряд ли мог присутствовать в Шамбери в мае 1519 г., так как в январе того же года скончался в Риме, где и похоронен в церкви Святой Марии над Минервой.

С. 279. *Quand à Paris* (когда в Париже) – парафраз афоризма «Когда находишься в Риме, поступай как римляне». Дюрер предвосхищает выражение, впервые зафиксированное в единственной сохранившейся пьесе английского драматурга Генри Портера (ум. 1599) «Две абингтонские злыдни» («Two Angry Women of Abington», 1598) и, возможно, являющееся отсылкой к письму святого Августина о соблюдении субботнего поста (396), где он цитирует Амвросия, епископа Миланского: «Когда я здесь [в Милане], я не пощусь по субботам, а когда в Риме – пощусь: в какой бы церкви ты ни очутился, соблюдай ее порядки, если хочешь ни причинить, ни понести обиды».

С. 285. ...блюдо, называемое «*тартифлет*»... – Авторский анахронизм. Тартифлет (от франкопровансальского слова *tartifla* – картофель) – традиционная савойская запеканка, впервые описанная в гастрономической литературе в начале XVIII в. и известная в России под названием «картофель по-савойски». Картофель завезли в Европу лишь во второй половине XVI в., то есть до его появления остается еще несколько десятилетий.

С. 294. *Визит трех царей в Вифлеем был описан евангелистом Матфеем.* – История о трех царях-мудрецах, пришедших с Востока поклониться младенцу Иисусу и принести ему дары, изложена в Мф. 2: 1–

11.

С. 295. *Перед такими извращениями меркнут все забавы древнеримских императоров. Светоний пришел бы в ужас.* – Имеется в виду Гай Светоний Транквилл (ок. 69 – после 122) – древнеримский историк, автор труда «Жизнь двенадцати цезарей».

С. 304. *Руссет-де-сава* – белое сухое вино из винограда сорта «руссет» (называемого также «альтес»), один из наиболее известных продуктов савойских виноделов.

Тестон – французская серебряная монета XVI–XVII вв.

С. 312. ...*фламандского ювелира Ливена ван Латема.* – Имеется в виду Ливен ван Латем-младший, сын придворного живописца и миниатюриста, фламандский ювелир, который вместе со своим младшим братом Якобом служил при дворе Маргариты Австрийской в 1506–1517 гг.

С. 313. *Пилат разгневался и велел прибить к кресту, над головой Иисуса, табличку с язвительной надписью: «Иисус Назорей, Царь Иудейский» – на трех языках: еврейском, греческом и латинском.* – Отсылка к евангельскому рассказу о распятии Христа: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски» (Ин. 19: 19–20).

Он попытался вспомнить, как звали жену Пилата. Клавдия? <...> В Евангелии от Матфея она просит передать Пилату, что, согласно откровению, бывшему ей во сне, Иисус ни в чем не виновен. – Ср.: «Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» (Мф. 27: 19).

С. 315. ...*в Евангелии от Иоанна прямо говорится о плате, оборачивающем голову погребенного Иисуса...* – Ср.: «Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте» (Ин. 20: 6–7).

С. 316. ...*«Mea culpa, tua maxima culpa...»* («Моя вина, моя величайшая вина...») – формула покаяния в католическом обряде.

С. 319. *«Ныне же будешь со мной в раю...»* – слова распятого Христа, обращенные к Доброму разбойнику Дисмасу (Лк. 23: 43, см. также примечание к с. 207).

С. 336. *Сестерции... ауреи и солиды были бы чрезмерным расточительством.* – Сестерции – древнеримские серебряные монеты,

ауреи и солиды – золотые.

С. 349. *Рокка-д'Араццо* – крепость в герцогстве Миланском, атакованная армией французского короля Людовика XII в августе 1499 г., в ходе Итальянских войн. В войске Лодовико Сфорца, герцога Миланского, служили швейцарские наемники.

С. 356. *Peine forte et dure* (мучение сильное и продолжительное) – способ дознания, при котором на грудь подозреваемого помещалась доска, а на нее укладывали постепенно возрастающий груз (обычно тяжелые камни); пытка продолжалась либо до получения показаний, либо до смерти допрашиваемого.

С. 367. ...*блаженны нищие...* – Отсылка к евангельским Заповедям Блаженства, произнесенным Христом во время Нагорной проповеди и изложенным в Евангелии от Матфея и в Евангелии от Луки. Первая заповедь гласит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 3), также: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6: 20).

«И делили одежды Его, бросая жребий». – Лк. 23: 34.

С. 377. *Разве я сторож сестре вашей?* – Библейская аллюзия, парафраз слов Каина: «Разве я сторож брату моему?» (Быт. 4: 9).

С. 432. *AMDG* («Ad maiorem Dei gloriam» – «К вящей славе Господней») – традиционное сокращение девиза Общества Иисуса (иезуитов).

В. Шумов

Примечания

1

Знаменательный год (*лат.*).

2

«Положение обязывает» (*фр.*).

3

Невероятно! (*лат.*)

4

Се человек (*лат.*).

5

Альбрехт, кардинал Майнцский (*лат.*).

6

Та самая вещь (*лат.*).

7

Отпускаю тебе грехи твои во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь
(*лат.*).

8

Отек (*лат.*).

9

Дерево жизни (*лат.*).

10

На свежем воздухе (*ит.*).

11

Никакой (*ит.*).

12

Здесь: каюсь (*лат.*); букв. моя вина.

13

О светлейший и великолепнейший герцог! (*ит.*)

14

Когда в Париже (*фр.*).

15

Се плащаница (*лат.*).

16

«Моя вина, моя великая вина...» (*лат.*)

17

Свершилось (*лат.*).

18

Мучение сильное и продолжительное (*фр.*).

19

Вот это Лот[ар] (*фр.*).

20

Здесь: прощание (*лат.*).

21

Ad maiorem Dei gloriam (*лат.*). – К вящей славе Господней.

22

Спасибо тебе (*лат.*).